

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES

2022. Том 8. № 1 (29)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Н. Н. Белозёрова, д. филол. н., проф.

Заместители главного редактора:

Н. В. Дрожжащих, д. ф. н., проф.; *А. А. Медведев*, к. ф. н., доц.; *А. Г. Еманов*, д. и. н., проф.

Контактная информация:

Главный редактор Белозёрова Н. Н.:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Ленина, 23, каб. 212
natnicbel@gmail.com

Издатель:

Центр научных периодических изданий

Адрес издателя и редакции:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Перекопская, 15а
☎ +7 (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Гуманитарные исследования. Humanitates, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белозёрова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вирдис Даниела Франческа	Ph.D., профессор, Университет Кальяри (Италия)
Гартон Сью	Ph.D., профессор, Университет Астон (Англия)
Дрожащих Наталия Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Лабунец Наталья Вадимовна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Марийо Пьер	хабилированный доктор лингвистики, профессор, Университет Тулузы имени Жана Жореса (Франция)
Хомутова Тамара Николаевна	доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет
Хшановска-Ключевска Эльжбета	хабилированный доктор наук (лингвистика), профессор, Ягеллонский университет (Польша)
Медведев Александр Александрович	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Арустамова Анна Альбертовна	доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный научно-исследовательский университет
Викторова Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, профессор, хабилированный доктор наук (HDR), Страсбургский государственный университет (Франция)
Зырянов Олег Васильевич	доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Комаров Сергей Анатольевич	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Кононова Алла Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, ответственный секретарь
Саббатини Марко	доктор филологических наук, хабилированный ординарный профессор по славистике, ассоциированный профессор, Пизанский университет (Италия)
Эртнер Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Еманов Александр Георгиевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вюнш Томас	доктор истории, профессор, Университет Пассау (Германия)
Кинг Рональд	Ph.D., профессор, Государственный университет Сан-Диего (США)
Нефёдкин Александр Константинович	доктор исторических наук, Белгородский национальный исследовательский университет
Парфентьев Николай Павлович	доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южно-Уральский национальный исследовательский университет
Пашин Сергей Станиславович	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Чая Роман	доктор истории, профессор, Торуньский университет имени Николая Коперника (Польша)

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

HUMANITIES RESEARCH. HUMANITATES

2022. Vol. 8. No. 1 (29)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72166 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60411 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.; *A. A. Medvedev*, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.;

A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

EDITORIAL BOARD

N. N. Belozero, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

D. F. Viridis, Ph. D., Prof. (Italy)

S. Garton, Ph. D., Prof. (UK)

N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

N. V. Labunets, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

P. Marillaud, Dr. of Ling., HDR (France)

T. N. Khomutova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

E. Chrzanowska-Kluczevska, Dr. Sci. (Ling.), Prof.
(Poland)

A. A. Medvedev, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

A. A. Arustamova, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

T. V. Viktorova, Dr. Sci. (Philol.), HDR (France)

O. V. Zyryanov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

S. A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

A. V. Kononova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. —
executive secretary

M. Sabbatini, Dr. Sci. (Philol.), Prof. Ordin. (Italy)

Ye. N. Ertner, Dr. Sci. (Philol.), Prof.

A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

T. Wünsch, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Germany)

R. King, Ph. D., Prof. (USA)

A. K. Nefedkin, Dr. Sci. (Hist.), Lead. Researcher

N. P. Parfentiev, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

S. S. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

R. Czaja, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Poland)

Contact information:

Editor-in-chief Natalia Belozero:

of. 212, 23 Lenina St., Tyumen, 625003, Russia
natnicbel@gmail.com

Publisher:

The Center for Research Periodicals

Publisher and editorial address:

15a Perekopskya St., Tyumen, 625003, Russia
vestnik-humanities-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32

Subscription to the printed edition of the journal:

No. IIA252 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges

For article submission or any requests contact:

vestnik-humanities-r@utmn.ru
<http://vestnik.utm.n.ru>

E-version of the journal can be accessed at:

<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utm.n.ru>

Founded by the University of Tyumen:

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitates, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Котюрова М. П.
К трактовке модели «качество эталонного научного текста»6

Тэтик К., Айдын О.
Особенности передачи функций русского тире при переводе на турецкий язык (на примере рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого) 19

Холтер Ю., Чепига В. П.
Смена языкового кода и креативный процесс. Пушкинские планы «Гости съезжались на дачу...», «Русский пелам» и «На кавказских водах»38

Белозёрова Н. Н.
Как далеко может зайти умерший автор?62

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шильцев В. Д.
О полифонии смыслов «Евгения Онегина»76

Едошина И. А., Осипова Е. А.
Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века108

Чижов Н. С.
Поэтика сновидения в лирике Ивана Жданова. Статья первая123

Марков А. В., Мыслина Ю. Н.
Развитие джойсовского принципа коллажно-монтажной техники в романе М. Шишкина «Венерин волос»145

Шипов С. О., Комаров С. А.
И. А. Крылов-баснописец в аспекте самосознания162

ИСТОРИЯ

Еманов А. Г.
Меняльные лавки Кафы XIII-XIV века 179

Сидоренко М. А.
Людовик XIV и банкир Бернар, или история одной прогулки206

Рязанов С. М.
Становление и развитие полиции в уездных городах Урала в 60-80-е годы XIX века224

Фризен Д. Я.
К проблеме развития скотоводства и земледелия среди казахского населения Западно-Казахстанского региона на рубеже XIX-XX веков241

Дашинамжилов О. Б.
Города Тюменской области в 1970-е гг.: сравнительный анализ тенденций рождаемости и смертности253

РЕЦЕНЗИИ

Маньшев С. С.
Современная русская поэзия глазами французов271

Содержание за 2021 год275

CONTENTS

LINGUISTICS

Kotyurova M. P.
**Interpretation of quality of model
scientific text**6

Tetik K., Aydin O.
**Transferring the functions of the Russian
dash in translation into Turkish
(on the example of the story “Caucasus
prisoner” by L. N. Tolstoy)**..... 19

Holter Ju., Chepiga V. P.
**Code-switching and Creative
Process: Pushkin’s Plans
“The Guests Were Arriving
at the Dacha”, “The Russian
Pelham” and “In the Waters
of the Caucasus”**.....38

Belozerova N. N.
How far can a dead author go?.....62

LITERATURE STUDIES

Shiltsev V. D.
**On the polyphony of meanings
in “Eugene Onegin”** 76

Edoshina I. A., Osipova E. A.
**Collection of essays as a form
of creative representation
in the culture of the Silver Age**.....108

Chizhov N. S.
**Dream poetics in the lyrics
of Ivan Zhdanov. Article one**.....123

Markov A. V., Myslina Ju. N.
**Development of the Joyce’s principle
of collage-editing technique
in M. Shishkin’s novel “Maidenhair”** ...145

Shipov S. O., Komarov S. A.
**I. A. Krylov — the fabulist
in the aspect of self-consciousness**162

HISTORY

Emanov A. G.
**Kafa’s money-changing hole
in the 13th — 14th centuries**179

Sidorenko M. A.
**Louis XIV and the banker
Bernard: a story of a walk**.....206

Ryazanov S. M.
**Formation and development
of the police in the country cities
of the Urals in the 60s and 80s
of the 19th century**.....224

Frizen D. Ya.
**On the problem of the development
of cattle breeding and agriculture
among the Kazakhs
in the Western Kazakhstan
at the turn of the XIX-XX centuries**....241

Dashinamzhilov O. B.
**Cities of the Tyumen region
in the 1970s: comparative analysis
of trends in fertility and mortality**.....253

REVIEWS

Manyshev S. S.
**Modern Russian poetry
through the eyes of the French**.....271

Contents for 2021279

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мария Павловна КОТЮРОВА¹

УДК 81.13

К ТРАКТОВКЕ МОДЕЛИ «КАЧЕСТВО ЭТАЛОННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА»

¹ доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5418-726X

Аннотация

Статья посвящена трактовке компонента модели «Качество эталонного научного текста». Рассматривается параметр «понятность — „мучительное непонимание“», входящий в состав комплекса качеств текста, в котором излагается *новое* знание. Объяснительный когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к решению проблемы базируется на единстве двух сторон текста — собственно лингвистической, представленной его смысловой структурой, и экстралингвистической основы, обуславливающей смысловую данность текста. Новое знание оказывает сопротивление процессу понимания, что обуславливает применение «мягкого» интерпретативного подхода к тексту с новым знанием. «Мягкий» подход к анализу текста объясняется наличием объективных и субъективных причин, обусловленных: 1) *антропоцентричностью* нового знания (наличием «человеческого фактора»); 2) субъектно-объектной *целостностью* (членимостью лишь в познавательных целях); 3) *открытостью* знания в соответствии с функционированием в пределах закона всеобщей относительности; 4) неизбежным воздействием *дискурсивных факторов*, благодаря которым знание квалифицируется именно как *новое*; 5) принципиально важной значимостью *методологической* составляющей нового знания.

Цитирование: Котюрова М. П. К трактовке модели «качество эталонного научного текста» / М. П. Котюрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 6-18.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Интерпретативный характер как бесспорно специфическая черта гуманитарного знания неизбежно предполагает понимание текста не только самим автором, но и со стороны адресата. **Новизна** научного знания требует акцентировать обоснование, аргументировать степень достоверности, определенность / неопределенность репрезентированной информации. Деятельностный характер научного знания актуализирует значимость качеств субъекта познавательной деятельности, в стилистике текста трактуемых как **дискурсивные факторы**. Для оценки качества современной научной статьи значимыми являются такие факторы, как субъект речевой деятельности, тип мышления субъекта, когнитивные свойства субъекта, индивидуальный речевой стиль ученого и др. Поскольку научное знание характеризуется открытостью, оно не только индивидуально, но и социально, поэтому предъявляет коммуникативные требования к форме его бытия. Открытость способствует доступному включению адресата в процесс получения нового научного знания. Учитывая воздействие этих экстралингвистических факторов, необходимо применять гибкий, мягкий подход — дискурсивно-функционально-стилистический.

Ключевые слова

Научный текст с новым знанием, модель «Качество эталонного научного текста», параметр модели «понятность — „мучительное непонимание“», сопротивление нового знания пониманию, «мягкий» интерпретативный анализ текста.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Введение

Научное знание XXI века пребывает в процессе активной интеграции национальных наук в единую мировую науку. Этот процесс охватывает прежде всего научные тексты, фиксирующие результат поиска нового научного знания. Какими параметрами должны обладать такие тексты?

Введем необходимые ограничения. Прежде всего методологические. **Цель** статьи — продолжить трактовку модели «Качество эталонного научного текста» [9-10]. Предполагается, что поставленная цель требует решения таких **задач**, как: 1) отбор материала, актуального для изучения данного вопроса, а именно текстов, фиксирующих результат поиска нового научного знания; 2) рассмотрение номинации понятность — «мучительное непонимание» применительно к неизбежному свойству восприятия научного знания как содержания научного текста; 3) трактовка данного свойства восприятия содержания научного текста в качестве параметра модели «Качество эталонного научного текста»; 4) обоснование «мягкого» интерпретативного анализа текста.

На наш взгляд, цели статьи может способствовать дискурсивно-стилистический анализ, поскольку именно он предполагает свободный выбор дискурсивных факторов, оказывающих воздействие (или не оказывающих) на порождение конкретного научного текста. В данном случае отдадим предпочтение таким факторам, как: 1 — субъект научно-познавательной деятельности как источник нового знания; 2 — субъект понимается как адресант либо как адресат текста, т. е. в качестве ком-

понента коммуникативной ситуации; 3 — учитывается лишь способность субъекта понимать содержание текста, т. е. видеть его в целостности, а также в окружающем его научном знании; 4 — рассматривается только один параметр модели.

Первый и второй факторы примем за очевидные, фоновые, поэтому обратим внимание на понимание содержания текста. Научное знание, полученное в гуманитарном дискурсе, представим в целостности и соотнесем с моделью «Качество эталонного научного текста» [9, с. 206], одним из параметров которой зафиксировано такое качество, как «понятность — „мучительное непонимание“». Здравый смысл подсказывает: можно предположить, что «мучительное непонимание» в качестве облигаторного свойства, известного из теории относительности А. Эйнштейна и характеризующего отвлеченное понятие «научное знание», вполне правомерно, в то время как отнести его к знанию, репрезентированному в тексте для читателя, т. е. в коммуникативном аспекте, неверно, даже недопустимо. Поэтому утверждение о включении этого свойства в состав «модели» представляется неожиданным, непредсказуемым. Отношение к этому парадоксу может быть неоднозначным в силу разных подходов к понятиям «научное знание» и «научный текст» в авторской стилистике (стилистике адресанта) и стилистике адресата. Обобщая такой «подступ», можно считать его соответствующим *мягкому* анализу текста в дискурсивном аспекте, заявленному ранее в отношении культуры письменной научной речи [6, с. 58-70].

Методы и основные понятия

Так, динамическая трактовка научно-познавательной деятельности субъекта акцентирует саму деятельность познающего субъекта в названии деятельностного подхода к знанию, полученному в условиях научного дискурса. Это аргумент в пользу дискурсивного характера знания. Действительно, онтологически даже закон (как высшая ступень знания) не освобожден от дискурса, поскольку «разлит» в реальной действительности в соответствии с его тотальностью, всеохватностью, а гносеологически принадлежит любому субъекту (понимаемому в качестве либо адресанта, либо адресата текста). Как представляется, и в методологическом отношении [1, 8] дискурсивность знания, именно его обусловленность множеством дискурсивных факторов, имеет особую значимость в научном тексте. При этом, как вполне обоснованно считает глубокий исследователь семантики естественно-научных терминов В. Д. Табанакова, «неоспоримой ценностью и основной характеристикой научного дискурса является его когнитивная составляющая» [17, с. 41], воздействующая прежде всего на научно-познавательную [18] и речевую индивидуальность его творца [6] ориентирует нас принять за основу *мягкий* подход к научному тексту.

Как соотнести *мягкий* подход с одним из параметров модели «Качество эталонного научного текста» «понятность — „мучительное непонимание“»? Какое отношение имеет этот параметр, отнюдь не принципиальный, явно спорный в применении к знанию, выраженному в опубликованном тексте с коммуникативной целью воспринять и понять текст?

И может ли быть достижима такая цель? Уточним: параметр двухкомпонентный, не жестко связанный, значит, градуальный. Мы имеем в виду понимание содержания научного текста в той или иной области знания, доступное специалисту.

Только в целом тексте можно дифференцировать понятийное содержание текста на совокупность исходных, основных и уточняющих понятий. Такая дифференциация целесообразна в связи с тем, что исходные (фоновые) и основные понятия входят в состав «ядра» терминосистемы текста, в то время как уточняющие находятся за ее пределами, значит, на периферии, в «зоне притяжения» научного знания, занимая в терминосистеме слабую, несущественную, позицию. Вместе с тем уточняющие понятия выполняют важную коммуникативную функцию — связующую в рамках познавательного процесса, актуализируя перспективный компонент наличного знания. Перспективный, значит, не жесткий, гипотетический, гибкий характер уточняющих понятий легко соотносится с индивидуальностью как порождающей, так и воспринимающей текст личности. Ясно, что авторская личность манипулирует терминованными понятиями в тексте «по своей воле», в соответствии со своим пониманием, так, как будто самому автору все понятно (хотя обычно это далеко не так, но это другой вопрос). Автор продвигается по пути в «незнакомое» в одних дискурсивных условиях, а его коммуникант — в совершенно других, в своем дискурсе, в своем сегменте эпистемического пространства. Совершенно уместно привести обобщение саратовского ученого К. Ф. Седова (безвременно ушедшего): «Понимание, как считают современные психолингвисты, — это не пассивное запоминание, а встречающая мыслительная активность, противопоставленная интенции собеседника. Это действие, на результат которого оказывает влияние весь предшествующий опыт человека, установка, определяющая стремление встать на точку зрения партнера коммуниканта» [15, с. 212]. Этот совершенно естественный информационный дисбаланс может привести читателя, если можно так сказать, к *недопониманию*. Предполагая возникновение такого «недопонимания», автор стремится помочь читателю, обеспечивая понимание *основного* содержания, зафиксированного определениями (а в них — четкими дефинициями) хотя бы главных терминов, благодаря метатекстовым дискурсивам, организующим мысль автора и читателя. Таких текстов немало. Но есть и другие: в них ясно кое-что, значит, многое неясно, нет определений (тем более — дефиниций!), хорошо, если есть представление о предмете знания, есть предчувствие его динамики. Такой текст «ищет выход», нуждается в поддержке, потому что он *может стать* источником, началом именно нового научного знания. Автор такого текста пребывает «в поиске». И неважно, в какой части эпистемического пространства оказался этот субъект познавательной деятельности — в эпицентре, развивая понятие, кажется, неплохо изученное предшественниками, либо на периферии, из несущественного создавая существенное.

Обобщая накопленный научно-познавательный опыт, следует заметить, что к оценке качества современной научной статьи необходимо применять не однозначный, жесткий, категоричный подход, а подход гибкий, можно сказать, мяг-

кий — дискурсивно-функционально-стилистический [3, с. 9-17; 6, с. 58-70]. Такая оценка подхода к тексту обусловлена тем, что, как мы убеждены, в научном тексте — в разной степени — проявляется индивидуальный опыт (что бесспорно), индивидуальный стиль мышления [18] и изложения научного содержания [6], обуславливающий именно «мягкий» интерпретативный анализ текста.

Не противопоставляя своего мнения, дополним мнение коллег, воспроизведя некоторые известные положения о понятиях «современный научный текст» и «научное знание». Данные понятия оказываются тесно связанными, если имеется в виду научное знание, репрезентированное как содержание научного текста.

Общеизвестно, что содержание всегда оформлено, так как, по определению, не существует в отрыве от формы. Обратимся к жанру научной статьи, воспользовавшись наблюдениями профессора О. Б. Сиротининой над статьей, прошедшей профессиональное редактирование. Так, «в статье соблюдены все современные требования: большая аннотация с параллельным размещением ее перевода на английском языке, как и ключевых слов, а также сведения об авторе, жесткая рубрикация всего содержания, внутренние ссылки в виде порядковых номеров в квадратных скобках и их полного списка в конце». Вместе с тем автор заключает: «К сожалению, часто... формальное соблюдение или, наоборот, несоблюдение современных требований к публикациям лишь затрудняет восприятие статьи читателем» [20, с. 79]. Все сказанное относится в целом к *форме* текста статьи. Мы выскажем свои соображения относительно типового содержания научной статьи.

Как известно из науковедения и эпистемологии, а также стилистики научного текста, научное знание многопланово, многомерно, многоступенчато, полифункционально, проще говоря, так разнообразно, что его целостность справедливо рассматривать как *относительное единство*. Обращаясь к тексту, создаваемому с целью выразить новое знание и передать его единомышленникам, нельзя не сказать, что будучи «свежим», «горячим» (в противном случае знание выступает в другой ипостаси), оно «оберегает» квалификацию нового, непознанного, непонятого, вместе с тем испытывая давление тенденции к пониманию.

Результаты исследования и их обсуждение

Сопротивление *нового знания* процессу понимания можно объяснить наличием объективных и субъективных причин, обусловленных:

- 1) *антропоцентричностью* нового знания (наличием «человеческого фактора»);
- 2) субъектно-объектной *целостностью* (членимостью лишь в познавательных целях), зафиксированной многокомпонентным понятием «эпистемическая ситуация»;
- 3) *открытостью* знания в соответствии с функционированием в пределах закона всеобщей относительности;
- 4) неизбежным воздействием *дискурсивных факторов*, благодаря которым знание квалифицируется именно как *новое*;
- 5) принципиально важной значимостью *методологической* составляющей нового знания.

1. Антропоцентричность пронизывает весь текст, хотя и не создает особого текстового уровня, поэтому от нее нельзя «избавиться», нельзя заменить ее коммуникативной «безличностью», сугубой объектностью. Так, приступая к созданию научного текста, автор информирует читателя о волевом выборе темы, ее актуальности, иногда эксплицитно обоснованной, т. е. с учетом контекста научного дискурса, иногда завуалированной, представленной имплицитно, лишь с точки зрения автора. Другое дело — *новизна* научного знания, с необходимостью требующая эксплицитного обоснования. Информирование о новизне детерминирует акцентное выделение таких характеристик излагаемого знания, как аргументированность — частичная или полная, отсюда степень его достоверности, определенность / неопределенность репрезентированной информации, основу (каркас) которой составляют понятия о реальных и идеальных предметах и их логических отношениях. Важно отметить, что антропоцентричность, проявляемая через определенность/неопределенность содержания, привлекает внимание исследователя в логико-семантическом, коммуникативно-психологическом и когнитивно-эпистемическом отношениях [14, с. 92-123].

2. Представим научное знание как объемное научно-познавательное целое, названное нами *эпистемической ситуацией*. Эта номинация фиксирует и статическое, и динамическое состояние знания в качестве продукта научно-познавательной деятельности субъекта — как индивидуального, так и коллективного. Новое научное знание имеет субъективированный характер, поскольку получено субъектом (преимущественно индивидуальным!) познавательной деятельности. Будучи удаленным от субъекта, автора знания, при условии освобождения от личностной «одежды», новое знание не может быть адекватно воспринято сообществом (что давно доказано!), значит, уходит в историю науки, так и не доходя до «ядра науки», оказываясь (хорошо, если до поры да времени!) бесполезным [16].

3. Акцент на деятельности, в процессе которой субъект получает научное знание, подчеркивает *относительность* результата этой деятельности. Вполне обоснованно об этом пишет Е. А. Баженова: «Типовое содержание текста в своем движении от незнания к знанию характеризуется относительностью, так как выдвинутая гипотеза не всегда развивается в высшую форму научного знания — теорию, способную выдержать «натиск» эмпирии и конкуренцию с другими теориями... «сюжеты» конкретных научных произведений представлены весьма разнообразно» [2, с. 107]. Закон всеобщей относительности распространяется на функционирование научного знания и потому служит основанием *открытости* продукта для прекращения/продолжения деятельности по его развитию и совершенствованию.

Примером продукта/результата научно-познавательной деятельности является определение развиваемого в тексте, значит, основного, понятия. В приведенном ниже определении акцентируем (посредством курсива и вопросительного знака) его открытость к продолжению «работы» над этим понятием, подчеркнутый призыв к читателю, можно сказать, «зазыв» последователей, скрытый диалог с ними.

См.: «Таким образом, функциональный стиль — это *своеобразный характер* (какой? — М. Котюрова) речи *той или иной* (?) социальной ее разновидности, соответствующей *определенной* сфере (?) общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый *особенностями* (?) функционирования в этой сфере языковых средств и *специфической* (?) речевой организацией, создающей *определенную* (?) общую ее стилистическую окраску (макроокраску)» [7].

В науковедении известен прецедент: одно направление физики — термодинамика — квалифицируется *закрытой* областью науки, поскольку в ней решены все проблемы и нет вопросов, на которые уже не было бы получено ответов. Этот единичный прецедент является свидетельством того, как, скажем, непросто наука достигает полноты, непротиворечивости, целостности, всеобщности (в своем онтологическом и гносеологическом отношениях). Ясно, что научное знание характеризуется открытостью, оно не только индивидуально, но и социально, поэтому предъявляет коммуникативные требования к форме его бытия и распространения. Именно открытость способствует доступному включению адресата в познавательную коммуникацию, а именно в процесс получения нового научного знания, дает возможность расширять и углублять новое знание.

4. Деятельностный характер научного знания актуализирует значимость качеств субъекта познавательной деятельности, в стилистике текста трактуемых как *дискурсивные факторы*. Обоснование научного текста экстралингвистически актуализирует воздействие прежде всего стилиобразующих факторов, таких как форма общественного сознания, вид деятельности, социально значимая сфера общения и тип мышления. Кроме того, установлено, что порождение научного текста неизбежно подвержено влиянию сильнодействующих дискурсивных факторов [12]. Подчеркнем значимость таких факторов, как субъект речевой деятельности, тип мышления субъекта, когнитивные свойства субъекта, индивидуальный речевой стиль ученого и др. Уместно процитировать слова бывшего министра образования РФ В. М. Филиппова: «Чем более жесткие требования будет выдвигать перед человечеством природа, тем большее значение будут приобретать человеческие способности, дарования и качества. В этом смысле XXI век призван стать веком человеческих качеств». Отсюда ясно, что изложение именно нового знания «обезличивать» недопустимо: «шлейф индивидуальности» неизбежен и необходим. К такому выводу пришли авторы коллективной монографии [6].

5. Особая значимость *методологической составляющей* научно-познавательной деятельности при получении знания имеет двусторонний характер. С одной стороны, методологическая составляющая обусловлена для автора как познающего субъекта важностью вопроса «как получить знание, причем именно новое, ранее неизвестное», с другой — важностью для адресата как человека, выявляющего, воспринимающего и формирующего новое для себя научное знание. Методологическая характеристика научного знания, выраженная в тексте, в смысловой единице знания — эпистемической ситуации — соотнесе-

на с наличием (наряду с онтологическим) методологического и аксиологического компонентов научного знания. На основании известных обобщений ведущих ученых подчеркнем, что современная наука в целом нуждается в *методологизации*, поэтому авторы стремятся четко определить методологический аспект исследования, не позволяя его нивелировать [19]. Вместе с тем незаменимую роль играет *аксиологическая, т. е. ценностная*, составляющая нового научного знания, в процессе его формирования выполняющая функцию двигателя мыслительной деятельности ученого [5]. Существенно, что с этой целью активизируются совершенно неслучайные языковые единицы коммуникативного уровня, которые «объединены ролью средств, используемых в помощь адресату» [4, с. 5] для адекватного восприятия и интерпретации текста в дискурсе. Внимание именно к вспомогательной системе дискурсивов обусловило утверждение о том, что «лингвистике свойственна постоянная борьба стремления к строгому изучению языка по образцу естественных наук и желания исследовать язык в антропоцентрическом ключе, с учетом интуиции и творческих способностей людей» [4, с. 7]. Посредством процитированного обобщения мы подчеркиваем значимость не «линейного» содержания, а содержания объемного, подверженного влиянию личностных когнитивных качеств автора и читателя. Кстати, нельзя не отметить того, что минимизация вспомогательных дискурсивов в научном тексте вполне возможна при изложении результатов эмпирических наблюдений, экспериментальных данных, обоснованных, бесспорных, а также обобщений, не предполагающих дискуссионного диалога.

В плане абстрактной экспертной оценки научных статей подчеркнем следующее. Оценка не может относиться только к внешней схеме, т. е. посвященной рассмотрению оформления статей по естественным и гуманитарным наукам относительно соответствия единым требованиям. Хотя следует признать, что это необходимо. Вместе с тем несомненно, что оценка — с опорой прежде всего на содержание конкретного текста — должна быть *гибкой*, учитывающей, можно сказать, градуальный характер нового знания. Крен в сторону формы текста, по определению, не дает возможности учитывать многое из наличного дискурса: либо хотя бы некоторые положения из общего фонда знания, полученного предшественниками, либо весьма важные открытия, сделанные современниками, либо недостаточное раскрытие терминированного понятия, существенного для авторской концепции, либо неясно репрезентирующие методологическую и аксиологическую составляющие знания, либо неосуществленное стремление к гармонии формы и содержания текста. Разумеется, все эти «нюансы» научной статьи необходимо представить в тексте. Однако возможно ли — именно в одной статье? Бесспорно, нет, причем именно из-за формальных (по объему) ограничений. И не только. Воспользуемся мнением Ю. М. Лотмана: «Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный» [13, с. 220]. Не поспоришь... Не случайны такие оценки, как неинтересный текст, скользящее внимание, затухающее внимание, отсутствие динамики мысли...

6. Понимание научного знания лишь в абстракции может быть осуществлено по общему алгоритму, причем построенному по законам не только формальной, но и диалектической логики. Понимание предполагает обобщение знания прежде всего на *одном этапе* его формирования. Но ведь и на одном этапе развития знание различно, оно является эмпирическим и теоретическим, общим и частным, полученным разными методами, способами, приемами и т. д. Оно является предварительным, «пилотажным», частично аргументированным, эксклюзивным или бесспорным. Для коммуникантов безразлично, каким языком выражено знание — родным или вторым для билингва-адресанта. Дело в том, что именно новое знание активно рождается на родном, материнском, языке.

Заключение

Гуманитарные науки носят *интерпретативный* характер (по Н. К. Рябцевой, «интерпретация — это субъективное мнение об объективной действительности»). Эта бесспорно специфическая черта гуманитарного знания неизбежно, по определению, проявляется в тексте по воле его создателя и предполагает понимание со стороны адресата, т. е. «мягко» воспринимающей и понимающей личности. Поэтому совершенно ясно, что в науке нельзя не учитывать человеческий фактор, соотносимый с субъектом познавательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. О принципах и методах лингвостилистического исследования / О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатюшенко. Под ред. О. С. Ахмановой. Москва: Издательство Московского университета, 1966. 184 с.
2. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.
3. Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический анализ текста / Е. А. Баженова // *Stylistyka* — XXIII. Opole, 2014. С. 9-17.
4. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: Монография / Е. Ю. Викторова. Саратов: Наука, 2015. 404 с.
5. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 360 с.
6. Идиостилика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. ГОУ ВПО «Пермского государственного университета», НОУ ВПО «Западно-Уральского института экономики и права». Пермь, 2011. 394 с.
7. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности №2101 / М. Н. Кожина // *Русский язык и литература*. 2-е издание, переработ. и доп. Москва: Просвещение, 1983. С. 49.
8. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З. И. Комарова. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. 818 с.

9. Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / М. П. Котюрова. 2-е изд., испр. Москва: Академия, 2012. 240 с.
10. Котюрова М. П. О модели «Качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность психологичность») / М. П. Котюрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2019. Том 5. № 1. С. 6-15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15
11. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2008. 280 с.
12. Котюрова М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография / М. П. Котюрова, Н. В. Соловьева. Москва: Флинта, 2019. 264 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
14. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII — XX вв. / Под ред. М. Н. Кожиной. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Издательство Пермского университета, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.
15. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 210-221.
16. Стёпин В. С. Становление научной теории (содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики) / В. С. Стёпин. Минск: Белорусский университет, 1976. 320 с.
17. Табанакова В. Д. Омнимичность естественно-научного термина в дискурсе и словаре: монография / В. Д. Табанакова, И. С. Трифонова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. 140 с.
18. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е издание / М. А. Холодная. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 384 с.
19. Шаймиев В. А. Дискурсивность и метадискурсивность текста научного произведения / В. А. Шаймиев // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения / Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2001. 541 с.
20. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения: монография / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Наука, 2021. 256 с.

Maria P. KOTYUROVA¹

UDC 81.13

INTERPRETATION OF QUALITY OF MODEL SCIENTIFIC TEXT

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and Stylistics,
Perm State National Research University
kotyurova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5418-726X

Abstract

The article represents the parameter “understandability — painful lack of understanding” which is a part of text qualities when new knowledge is being presented. The explanatory cognitive discourse stylistic approach is based on unity of two text features – the linguistic one being represented by its semantic structure and the extralinguistic one which determines semantic reality of a text. A new knowledge hinders the process of understanding which implies the use of a soft interpretative approach for a text with new knowledge. This approach to text analysis has the following objective and subjective causes: 1) anthropocentrism of new knowledge; 2) subject-object integrity; 3) openness of knowledge in the framework of theory of general relativity; 4) discourse factors which render knowledge as something new; 5) importance of methodology of new knowledge.

The interpretative character as a specific feature of humanitarian knowledge implies that a text is understandable to its author as well as to its reader. The newness of scientific knowledge requires proofs and definiteness of representative information. The activity of scientific knowledge emphasizes the role of a subject of cognitive activity, this role is represented by discourse factors. Evaluating the quality of a modern scientific article includes such factors as a subject of speech activity, type of subject’s mentality, subject’s cognitive features, individual speech style of a scientist etc. Newness of scientific knowledge implies that this knowledge is not just individual but also social which makes communicative requirements. This newness promotes inclusion of a reader to the process of getting new scientific knowledge. So these extralinguistic factors require the use of soft discourse functional and stylistic approach.

Citation: Kotyurova M. P. 2022. “Interpretation of quality of model scientific text”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 6-18.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Keywords

Scientific text with new knowledge, quality of model scientific text, model “understandability—painful lack of understanding”, hindering the process of understanding because of new knowledge, soft interpretative text analysis.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

REFERENCES

1. Akhmanova O. S., Natan L. N., Poltoratsky A. I., Fatyushenko V. I. 1966. On the Principles and Methods of Linguo-Stylistic Research. Edited by O. S. Akhmanova. Moscow: Moscow University Press. 184 p. [In Russian]
2. Bazhenova E. A. 2001. Scientific Text in the Aspect of Polytextuality. Perm: Perm University Press. [In Russian]
3. Bazhenova E. A. 2014. “Discursive-stylistic analysis of the text”. *Stylistyka* — XXIII. Opole. Pp. 9-17. [In Russian]
4. Viktorova E. Yu. 2015. Auxiliary System of Discourse: Monograph. Saratov: Nauka. 404 p. [In Russian]
5. Danilevskaya N. V. 2005. The Role of Evaluation in the Mechanism of Scientific Text Deployment. Perm: Perm University Press. 360 p. [In Russian]
6. Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solovieva N. V. (ed.). 2011. Idiostylistics of Scientific Speech: Our Ideas About the Speech Individuality of a Scientist: Monograph. GOU VPO “Perm State University”, NOU VPO “West Ural Institute of Economics and Law”. 394 p. [In Russian]
7. Kozhina M. N. 1983. “Textbook for students of pedagogical institutes in the specialty no. 2101”. Russian language and literature. 2^d edition. Moscow: Prosveschenie. P. 49. [In Russian]
8. Komarova Z. I. 2012. Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics: Study Guide. Yekaterinburg: Publishing House of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 818 p. [In Russian]
9. Kotyurova M. P. 2012. Stylistics of Scientific Speech: A Textbook for Students of Institutions of Higher Professional Education. 2nd edition. Moscow: Academy. 240 p. [In Russian]
10. Kotyurova M. P. 2019. “On the model ‘Quality of scientific text’ (to clarify the concept of ‘logical psychological’)”. Tyumen State University Herald. Humanitarian research. Humanitates, vol. 5, no. 1, pp. 6-15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15 [In Russian]
11. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. 2008. Culture of Scientific Speech: Text and Its Editing: Textbook. 2nd edition. Moscow: Flinta: Nauka. 280 p. [In Russian]
12. Kotyurova M. P., Solovieva N. V. 2019. Modern Scientific Text (Through the Prism of Discursive Changes): Monograph. Moscow: Flinta. 264 p. [In Russian]
13. Lotman Yu. M. 1996. Inside the Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. [In Russian]

14. Kozhina M. N. (ed.). 1998. Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language of the 18th — 20th Centuries. Vol. 2. Stylistics of a Scientific Text (General Parameters). Perm: Perm University Press. Part 2. Categories of Scientific Text: Functional and Stylistic Aspect. 396 p. [In Russian]
15. Sedov K. F. 2009. “Linguistics. Speech science. Henristics”. Genres of Speech. Saratov: Science. Issue. 6. Genre and Language. Pp. 210-221. [In Russian]
16. Stepin V. S. 1976. Formation of Scientific Theory (Substantive Aspects of the Structure and Genesis of Theoretical Knowledge of Physics). Minsk: Belarusian University. 320 p. [In Russian]
17. Tabanakova V. D., Trifonova I. S. 2018. Homonymy of a Natural Scientific Term in Discourse and Dictionary: Monograph. Tyumen: Tyumen State University Press. 140 p. [In Russian]
18. Kholodnaya M. A. 2004. Cognitive Styles. On the Nature of the Individual Mind. 2nd edition. Saint-Petersburg: Piter. 384 p. [In Russian]
19. Shaimiev V. A. 2001. “Discursivity and metadiscursivity of the text of a scientific work”. Speaking and Listening: Linguistic Personality, Text, Learning Problems. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saint-Petersburg. 541 p. [In Russian]
20. Sirotinina O. B. (ed.). 2021. Efficiency of Communication: Influence of Spheres of Communication on the Factors of its Achievement: Monograph. Saratov: Nauka. 256 p. [In Russian]

Кевсер ТЭТИК¹
Онур АЙДЫН²

УДК [811.161.1+811.512.161]:003

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ТИРЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» Л. Н. ТОЛСТОГО)

¹ доктор филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы, Анатолийский университет
kevser_tetik@anadolu.edu.tr; ORCID: 0000-0002-1611-8594

² доктор филологических наук, научный сотрудник
кафедры русского языка и литературы, Анатолийский университет
onur_aydin@anadolu.edu.tr; ORCID: 0000-0002-7981-5821

Аннотация

Целью данного исследования является сравнительное описание функций тире в рассказе Льва Николаевича Толстого «Кавказский пленник» и переводе рассказа на турецкий язык. В исследовании были использованы методы контекстологического и сопоставительно-стилистического анализа оригинального и переводного текстов рассказа. Предметом исследования являются значения и функции тире (—) в рассказе и тексте перевода. Тире в русском языке представляет собой один из достаточно часто используемых знаков препинания, в турецком же языке использование этого знака довольно ограничено. Сходство употребления этого знака заключается в том, что в обоих языках он используется при письменном оформлении прямой речи или диалога. Исследования, имеющие целью проведение сопоставительного анализа знаков препинания в художественных текстах на русском и турецком языках, отсутствуют. Сопоставительный анализ текста на двух языках показал, что тире используется в русском языке чаще, чем в турецком, к тому же правила употребления тире в обоих языках различаются.

Цитирование: Тэтик К. Особенности передачи функций русского тире при переводе на турецкий язык (на примере рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого) / К. Тэтик, О. Айдын // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 19-37.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-19-37

Отметим, что в тексте рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого на языке оригинала тире употребляется 332 раза, в турецком переводе этот знак не встретился ни разу. При этом в тексте-оригинале тире нередко использовалось писателем в качестве знака авторской пунктуации, в переводе же рассказа на турецкий язык в этих случаях вместо тире ставились запятая, точка с запятой, двоеточие, порой знаки препинания отсутствовали. Иногда в турецком переводе полностью утрачивался смысл, который в русском тексте передавался с помощью тире, иногда же удавалось передать смысловые нюансы с помощью иных знаков препинания, лексическим либо синтаксическим способом. На основании исследованного материала сделан вывод о том, что при переводе письменных текстов с русского языка на турецкий язык необходимо учитывать, какие функции выполняет тире в предложении, и какие средства турецкого языка могут быть использованы для их передачи. А также при обучении русскому языку как иностранному необходимо уделять пристальное внимание изучению правил русской пунктуации и функций знаков препинания в предложении.

Ключевые слова

Пунктуация, знак препинания, тире, функции тире, художественный перевод, рассказ «Кавказский пленник».

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-19-37

Введение

Цель исследования — описание функций тире в русском языке на примере рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, определение способов передачи этих функций в переводе рассказа на турецкий язык, выявление различий в употреблении тире в русском и турецком языках.

По определению лингвиста Р. В. Попова «*пунктуация определяется как система знаков препинания и правил оперирования ими*» [27, с. 5]. Как известно, система современной русской пунктуации включает десять основных знаков препинания (точка, запятая, восклицательный знак, вопросительный знак, точка с запятой, многоточие, двоеточие, тире, скобки, кавычки) и два факультативных знака (параграф, звездочка). Некоторые ученые к знакам препинания относят абзац, выполняющий функцию написания с «красной» строки [17, с. 10]. Знаки препинания в тюркских языках впервые были использованы в уйгурских текстах, которые являются памятниками древнетюркской письменности и относятся к пятому веку. В качестве единственного знака препинания в этих текстах встречается двоеточие (:), других знаков препинания тексты не содержат. В старых уйгурских тюркских текстах, считающихся продолжением древнетюркских рунических памятников, встречаются несистематические знаки препинания, используемые в основном для украшения. Подобные знаки препинания продолжают выполнять исключительно декоративную функцию и в исламской литературе, использующей арабскую письменность (например, *Divân u Lügati't-Türk*) [36, с. 14-15]. Знаки препинания в западном понимании были впервые

использованы в период Танзимата¹ Ибрахимом Шинаси (1826-1871). В этот период знаки препинания используются в основном при переводе в таких жанрах, как газетные статьи, пьесы, рассказы и романы, которые пришли в турецкую литературу с Запада, и, таким образом, знаки препинания появляются в турецком языке. Поэт Шинаси, один из первых представителей турецкой литературы, испытавших влияние западной литературной традиции, использовал несколько знаков препинания (скобка, тире, точка) в начале своей пьесы под названием «Женитьба поэта» [36, с. 13].

Большинство терминов, связанных с пунктуацией, пришло в турецкий язык из французского. Некоторые из обозначений знаков препинания (запятая, скобка, апостроф) были заимствованы из французского; позже названия многих знаков препинания, кроме запятых, были переведены на турецкий язык: «вопросительный знак, восклицательный знак, скобка, дефис, тире, цитата, апостроф» получили свои наименования в турецком языке. Недавно к ним были добавлены «круглые скобки». Слово «точка» арабского происхождения проникло в турецкий язык вместе с «двоеточием, многоточием» [36, с. 13-14].

Наконец, в турецком языке имеется шестнадцать знаков, таких как точка (.), запятая (,), точка с запятой (;), двоеточие (:), многоточие (...), вопросительный знак (?), восклицательный знак (!), дефис (-), тире (—), косая черта (дробь) (/), обратная косая черта (обратная дробь) (\), кавычки (“”), знак повтора ("), скобка (), квадратные скобки ([]), апостроф (') [34, с. 32-46].

В турецком языке тире начали использовать в эпоху Танзимата. По-османски оно называлось *farika* (букв. «отделяющая»). В справочниках этот знак также обозначается как *konuşma çizgisi* («черточка в речи»), *uzun çizgi*, *büyük çizgi* («длинная черта, большая черта»), *tire* («тире») [42, с. 1317]. Интересно, что в русском языке тире является «более поздним» пунктуационным знаком по сравнению другими знаками препинания. Считают, что оно было введено Н. М. Карамзиным. Однако существуют доказательства того, что этот знак в русской грамматике появился в 60-е гг. XVIII в., а Н. М. Карамзин лишь способствовал распространению тире и закреплению его функций [18, с. 562]. Впервые тире в русском языке было описано в 1797 г. в «Российской грамматике» А. А. Барсова под названием «молчанка» («черта») [29, с. 7].

Можно выделить несколько причин, обуславливающих развитость знаков препинания и их многообразие в русском языке. Во-первых, отсутствуют пра-

¹ Танзимат — название эпохи реформ и модернизации в Османской империи, которая началась в 1839 году с Гюльханейского Хатт-и шерифа (указа, изданного султаном Абдул-Меджидом при вступлении на престол). В европейских языках обычно именуется «Османскими реформами». Завершением эпохи Танзимата считается восхождение на престол Абдулхамида Второго и провозглашение конституционной монархии в 1876 году. Однако можно сказать, что в широком смысле Османские реформы длились вплоть до 1922 года — конца Османской Империи. В упомянутый период были предприняты реформы во многих сферах, таких как образование, право, имущество и индустриализация.

вила строгого порядка слов внутри предложений, т. е. уточняющие члены могут располагаться как до, так и после уточняемого компонента, что требует подробной пунктуации. Во-вторых, в синтаксисе преобладают сложные предложения с развитой системой придаточных предложений, а также с допущением употребления большого количества обособленных компонентов в виде причастных и деепричастных оборотов. Вследствие этого, отношения и иерархия членов внутри синтаксических комплексов требуют обязательного формального указания посредством знаков препинания, без которых, в большинстве случаев, непонятно, какой компонент является главным, а какой второстепенным. Кроме того, еще одной причиной развития и усложнения знаков препинания в русском языке послужило наличие длительной литературной традиции в России, так как постепенное усложнение и прозаического, и поэтического текста требовало от авторов усовершенствования, усложнения и пунктуационного его оформления с целью избежания непонимания или неверной интерпретации его читателем. Подобные процессы в Турции и турецкой литературе начались намного позже, чем и можно объяснить подобную неразвитость знаков препинания и нечеткость правил их употребления.

Первым официальным документом, регламентирующим использование знаков препинания в Турции являются веб-сайт или печатные публикации Турецкого лингвистического общества. Обычно правилам пунктуации посвящены отдельные главы в учебниках по грамматике. В их число входят учебники Мехмета Хенгирмена [37], “Noktalama İşaretlerinin Maceraları” (Приключения знаков препинания, 2017 г.) [38] и “Toraman ve Noktalama İşaretleri” (Тораман и знаки препинания, 2017) [39] Шебнем Гюлер Караджан и “Noktalama İşaretleri ile Tanışuyorum” (Знакомлюсь со знаками препинания, 2018 г.) [41] Мустафы Озтюрка. Анализ литературы по пунктуации, изданной в Турции за последние 20 лет, ставит перед любопытным фактом: основную массу литературы, затрагивающей проблематику пунктуации, составляют пособия для учащихся младшей и средней школы.

В России существует большое количество научных работ, посвященных вопросам пунктуации, например, об особенностях использования знаков препинания в текстах различных стилей. Отметим работы Ф. С. Андросовой [3-7], Л. М. Кольцовой [19-20]. Тире посвящены исследования Н. А. Тарасовой [30], Т. М. Ауэра [2], Н. И. Натаровой [23], Е. Н. Широковой [33], Л. Б. Селезневой [28], Л. А. Бурдаевой [10], Ю. В. Егоровой [16]. В 2007 г. особый интерес представляет научный труд Л. Ю. Дондик «Функционирование пунктуационных знаков в тексте: сопоставительное исследование на материале французского и русского языков» [15]. В 2009 г. М. В. Биянова выпустила статью «Из опыта сравнительно-типологического анализа пунктуационных систем английского и русского языков» [9], а в 2018 г. появилось исследование Н. Ч. Теблоевой «Развитие графем двоеточия и тире в системе пунктуационных знаков английского и русского языков» [31]. При этом, исследование правил пунктуации в турецкой письменной речи и сопоставление функций пунктуационных знаков в турецком

и русском языках никогда не попадали в сферу научных интересов советских, российских и турецких лингвистов.

Рассмотрим, когда и как используется тире в турецкой письменной речи:

1) Тире используется при оформлении включения в текст прямой речи, в частности диалогов. В таком случае этот знак называется «тире прямой речи»:

- *Eskiye devam ettirdikten sonra, yeni hayat şekli aramak ne için?*
- *Hayatımızın henüz şekli yok da onun için! Zaten hayat tanzim edilmeğe daima muhtaçtır. Hele asrımızda.*
- *O halde maziye tasfiye ediyoruz?..*
- *Elbette... Fakat icabeden yerlerde. Ölü kökleri atacağız; yeni bir istihale gireceğiz: Onun insanını yetiştireceğiz... [43, с. 89].*

Примечание: В турецком языке прямая речь может передаваться с помощью кавычек. В таком случае тире не используется [37, с. 42]:

- “*Demek sık sık Berlin’e gidip geliyorsunuz!*”
- “*Senede iki defa!*”
- “*Herr Döppke’nin işleri iyi gidiyor galiba!*” [35, с. 172].

- *И часто вы ездите в Берлин?*
- *Два раза в год.*
- *Отсюда можно заключить, что дела у герра Доттке идут неплохо [1, с. 112].*

2) В пьесах тире также используется при оформлении прямой речи и ставится после обозначения говорящего (действующего лица), непосредственно перед самой репликой персонажа:

- Sıtkı Bey — Kaleyi kurtarmak için daha güzel bir çare var. Gerçekten ölecek adam ister.*
- İslam Bey — Ben daha ölmedim.*
- Sıtkı Bey — Ölmedin, ama hastasın. [40, с. 44].*

В то время как в оригинале романа Сабахаттина Али «Мадонна в меховом манто» прямая речь была дана в кавычках, в русском переводе произведения, руководствуясь правилами оформления прямой речи и диалога, переводчик передал прямую речь через тире.

Методы

В статье поднимается довольно редкая для лингвистики тема, связанная с рассмотрением пунктуационных знаков в русском и турецком языках и того, как русское тире может передаваться при переводе на турецкий. Актуальность проблемы видится в отражении семантической значимости и разных функций русского тире при переводе, а также в том, что, во-первых, данная статья привлекает внимание лингвистов к довольно специализированной и узкой теме, посвя-

щенной анализу знаков препинания в целом и особенностей функционирования различных пунктуационных знаков в частности. Во-вторых, происходит исследование знаков препинания в турецком языке, в котором эти средства явно находятся на иной стадии развития, нежели в европейских языках и особенно в русском. В-третьих, данная статья позволяет проследить некоторые параллельные соответствия между тем, каким образом и с помощью каких средств происходит логический перенос значения знака препинания одного языка при переводе на другой. Благодаря улучшенным отношениям между Россией и Турцией, каждый день возрастает количество переводов произведений с русского на турецкий. Из-за того, что эти языки относятся к различным языковым семьям и группам, — как известно, русский язык является ярким представителем языков флективного типа, турецкий же — языков агглютинативного типа, — переводчикам следует уделять больше внимания знакам препинания и их функциям. Материаловедческая база исследования включает в себя рассказ «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого и его перевод на турецкий язык, переведенный Мазлумом Бейханом, а также произведения С. Али, А. Х. Танпынара, Н. Кемаля.

Предмет исследования — различия функций русского тире в русском и турецком языках, сопоставление семантических полей русского тире в оригинальном тексте «Кавказский пленник» с текстом, переведенным на турецкий язык. Целью работы является сравнительное описание функций тире в рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» и переводе рассказа на турецкий язык и, если есть, семантических неточностей при переводе.

В исследовании были использованы методы контекстологического и сопоставительно-стилистического анализа оригинального и переводного текстов рассказа. В анализ вошли рассказ «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, который был напечатан издательством «Художественная литература» в 1982 г. и его перевод на турецкий язык, который сделан Мазлумом Бейханом (издательство «Ишбанк», 2018 г). Теоретико-методологической основой исследования послужили труды российских и турецких филологов: В. Г. Гузева, Ф. С. Андросовой, Д. Э. Розенталя, А. С. Аврутиной, Е. А. Огановой, Л. С. Бархударова, Э. Гениша, Ш. Х. Акалына, П. И. Кузнецова, Ю. В. Щекой, Л. А. Бурдаевой, Ф. Т. Гришка, Л. Ю. Дондика, Л. М. Ившина, Ю. Н. Караулова, Л. М. Кольцовой, В. Н. Комиссарова, Е. И. Ларионовой, Р. В. Попова, Н. Н. Соловьевой, Ш. Сами, С. Дурукюглу, Б. Бюйюкэлчи.

Результаты исследования и их обсуждение

Функции тире в рассказе «Кавказский пленник» и его переводе на турецкий язык

Рассмотрим, как используется тире на примере рассказа «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого и особенности передачи его функций при переводе на турецкий язык.

1. Тире между членами предложения

1) *Тире ставится между главными членами предложения, если подлежащее и сказуемое выражены существительным в именительном падеже, инфинитивом,*

количественным числительным и др., а также между инфинитивом в роли подлежащего и предикативным наречием на -о в роли сказуемого [27, с. 128-132]:

«А Костылин — мужчина грузный, толстый» [32, с. 209]; “İriyari, bayağı şişman bir adamdı Kostilin...” [32, с. 138]. И в русском тексте, и в турецком переводе используется именное сказуемое. В русском тексте мы видим наиболее часто встречающийся способ оформления именного сказуемого, а именно оформление с помощью тире; в турецком же именные сказуемые часто оформляются средствами морфологии, такими как аффиксы сказуемости. Пример применения морфологических средств мы встречаем в турецком переводе рассказа (присоединение аффикса прошедшего времени -dı).

2) В предложении с уточняющими, пояснительными членами: слова и словосочетания, уточняющие, дополняющие смысл предшествующих слов (чаще определения, обстоятельства), отделяются тире [27, с. 192].

«Прибежала девочка — тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь» [32, с. 212]; “On üç yaşlarında, dal gibi bir kız koşup geldi; yüzü esmer Tatarı benziyordu, besbelli onun kızındı” [44, с. 143]. В турецком тексте определения *on üç yaşlarında, dal gibi* (лет тринадцати, тоненькая) стоят перед определяемым словом. А значение уточнения, пояснения передается точкой с запятой.

«А черноватый, — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит, — подошел прямо к Жилину...» [32, с. 212]; “Karayağız Tatar, sanki her yanına yaylar takılmış gibi hızlı, canlı hareketlerle Jilin’in yanına geldi...” [44, с. 143]. В турецком тексте после сочетания *karayağız Tatar* ставится запятая, которая подчеркивает функцию пояснения, уточнения, усиления смысла предыдущего выражения. Однако при переводе по воле переводчика уточнение перешло к характеристике действия, так как слова *hızlı, canlı hareketleriyle* описывают не самого татарина, а его движения.

3) Тире между однородными членами подчеркивает внезапность, неожиданность действия или противопоставление [27, с. 138-146].

«Увидали его, — пустились к нему» [32, с. 209]; “Onlar da onu görmüşler ve dörtnala üzerine sürmeye başlamışlardı atlarını” [44, с. 169]. В турецком тексте передается значение внезапного, неожиданного действия, с помощью наречия *dörtnala* (во весь опор, опрометью, стремительно).

«Татарин выхватил ружье, выпалил, — не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге» [32, с. 218]; “Tatar tüfeğini doğrultup ateş ettiyse de tutturamadı, haykıarak atını hızla sürüp gitti” [44, с. 162]. При переводе произошла грамматическая замена¹: глагол *выпалил* переведен *ateş ettiyse de* формой глагольной условной модальности в прошедшем времени, в связи с тем, что в турецкой письменной речи почти все обстоятельственные конструкции не требуют дополнительных знаков пунктуации. В том числе, дополнительные знаки пунктуации не требуются после глагольной условной модальности.

¹ Мы используем классификации видов трансформации при переводе, предложенные В. Н. Комиссаровым, Л. С. Бархударовым [8; 21].

«Ударилась лошадь оземь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу» [32, с. 210]; “...at boylu boyunca yere **kapaklandı**, Jilin’in de bir bacağı atın altında kaldı” [44, с. 140]. В турецком предложении вместо тире употреблена запятая. Очевидно, что последовательность действий передается с помощью двух простых предложений, которые разделены запятой. Но, таким образом, значения внезапности и неожиданности теряются.

«Так и **ахнул** Жилин, — **узнал** Костылина» [32, с. 215]; “*Bunun Kostilin olduğunu **anlayınca** Jilin’in **ağzı bir karış açık kaldı**” [44, с. 147]. Грамматическая замена: глагол *узнал* — деепричастие *anlayınca* («узнав»), при котором знаки препинания не ставятся. Переводчик использует фразеологизм *ağzı açık kaldı* («замер с открытым ртом») передавая, таким образом, значение неожиданности. Деепричастие на *-ınca* также может использоваться для передачи этого смысла.*

При переводе на турецкий язык предложений с однородными членами вместо тире ставится запятая или происходит грамматическая замена: глагол заменяется деепричастием или наречием, при котором знаки препинания не ставятся. В предложении с уточняющими, пояснительными членами в турецком переводе вместо тире ставится точка с запятой или запятая. В этих случаях значения, передаваемые тире, в переводе на турецкий язык сохраняются.

II. Тире в сложном предложении

1) В сложносочиненном предложении ставится тире, если вторая часть обозначает неожиданное присоединение, резкое противопоставление значению первой части [27, с. 248].

«Рванулся он, скинул с себя татар, — да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове» [32, с. 210]; “*Jilin silkinip Tatarları üzerinden attı, ancak üç Tatar daha koşup geldi, atlarından Jilin’in üzerine atladıkları gibi sopalarla başına vurmaya başladılar*” [44, с. 140].

«Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя» [32, с. 211]; “*Jilin, **gittikleri** yolu aklında tutmaya çalışıyordu, ama hem gözleri kan pıhtısıyla kapalıydı hem de iki yana doğru şuncacık olsun kımıldayabilmesi olanaksızdı*” [44, с. 141].

В переводе на турецкий язык вместо тире употребляется запятая, и союз *да* выступает в значении *однако*, что и отражает переводчик союзом *ama*. В этом заключается противопоставление, при котором переводчик использовал противительный союз.

2. В сложноподчиненном предложении интонационное тире отделяет главную часть от придаточной, подчеркивает значение внезапного действия, неожиданного вывода [27, с. 266-267].

«Лошадь подо мной добрая, **если и нападусь на татар — ускачу**. Или не ездить?..» [32, с. 209]; “*Atım çok iyi, **Tatarlarla karşılaşsam hızla kaçıp kurtulabilirim**. Yoksa doğru olmaz mı tek başıma gitmem?*” [44, с. 138]. Грамматическая замена: глагол *нападусь* — глагол в форме условной модальности *karşılaşırsam*, при котором знаки препинания не ставятся.

«До крепости мне не дойти, а как рассветет, — лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду» [32, с. 229]; “*Kaleye varmam zor. Ortalık aydınlandı mı, günü ormanda yatarak geçiririm, geceleyin yeniden başlarım yürümeğe*” [44, с. 168]. В турецком предложении вместо тире употреблена финитная лексико-морфологическая конструкция *-dı mı (idi)* со значением обстоятельства времени вместе с запятой, чтобы подчеркнуть значение внезапного действия, потому что в турецком языке запятая употребляется после элементов предложения, на которые ставится смысловое ударение.

«А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар — закатился что есть духу к крепости» [32, с. 210]; “*Ama Kostilin arkadaşını bekleyecek yerde Tatarları görmesiyle birlikte dörtnala kaleye doğru kaçmaya başlamıştı*” [44, с. 139]. В русском языке с помощью наречия «только» и тире передается быстрота смены действий, а в турецком для передачи этого значения используется сочетание глагольного имени на *-ta* с аффиксом принадлежности 3-го лица и служебного слова *birlikte* [25, с. 67-68].

3) В бессоюзном сложном предложении тире ставится, если между предикативными частями выражаются следующие значения [27, с. 293-297]:

а) Неожиданное присоединение, быстрая смена действий:

«Она все бьется, — он **вынул** кинжал, прорезал ей глотку» [32, с. 210]; “... *bacaklarıyla havayı tekmelemeyi sürdürüyordu at. Tatar hançerini çekip atın boğazına çaldı*” [44, с. 140]. Грамматическая замена: глагол *вынул* — деепричастие *çekip* (букв. «вынув»).

«Тронулись они — опять затопало. Они **остановятся** — и оно **остановится**» [32, с. 223]; “*Onlar yürüyünce o da yürüyor, durduklarında duruyordu*” [44, с. 160]. В бессоюзном и сложносочиненном предложениях глаголы *тронулись*, *остановятся* переведены деепричастиями *yürüyünce*, *durduklarında*.

б) Следствие, результат, вывод:

«А замок крепкий, — **никак не собьет**, да и неловко» [32, с. 228]; “*Ama kilit sağlamdı, kırılmıyordu bir türlü, üstelik ters durduğu için taşı kilide vurmak da pek kolay değildi*” [44, с. 166].

«Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, — **бело, светло совсем, как днем**» [32, с. 229]; “*Ama o da artık ortana yaklaşmak üzereydi. Derken ay dağın ardından çıktı, her yan gündüz gibi apak, aydınlık oldu*” [44, с. 167]. Для передачи причинно-следственной связи между предложениями «потом луна встала из-за горы» и «вокруг стало светло и ясно, как днём» в турецком используется запятая.

в) Время, условие:

«А **убьете**, — ничего не возьмете» [32, с. 215]; “*Öldürecek olursanız o da geçmez elinize, hiçbir şey alamazsınız!*” [44, с. 147]. Грамматическая замена: глагол *убьете* — формой глагольной условной модальности *öldürecek olursanız*, букв. «если будете убивать».

«А **не дойдем** — в лесу переночуем» [32, с. 222]; “*Varamazsak ormanda geceleriz*” [44, с. 157] (Грамматическая замена: глагол *не дойдем* — формой глагольной условной модальности *varamazsak*).

з) Причина, цель действия:

«Раза два он обрывался, — **колодка мешала**» [32, с. 228]; “**Prangası engel olduğu için iki kez düştü**” [44, с. 166]. В данном предложении используется развернутое обстоятельство причины, образованное глагольным именем на *-dik* с аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч. и послелогом *için* (для) [25, с. 122-124]. Если в турецком предложении присутствует подобное обстоятельство причины, то знаки препинания не ставятся.

«...мне траву нужно найти — [чтобы] **ваш народ лечит**». [32, с. 220]; “...**sizden bir hasta için bir ot gerekti de...**” [44, с. 154]. Синтаксическая замена: часть предложения *ваш народ лечит* заменена конструкцией *sizden bir hasta için* (букв. «для больного из ваших»), при которой знаки препинания не ставятся.

д) Дополнение:

«А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает — **хоть бы пришли проведать**» [32, с. 212]; “**Jilin’in boğazı kurumuştı, su içmek istiyordu. Keşke biri yoklamaya gelse diye geçirdi içinden**” [44, с. 143]. Грамматическая замена: глагол *пришли бы* — глагол *gelse* в желательном наклонении в сочетании со служебным словом *diye* [12, 14], при котором знаки препинания не ставятся.

«Слышит — **отпирают сарай**» [32, с. 212]. — “**O sırada anahtar sesi duydu...**” [44, с. 143]. Синтаксическая замена: вторая часть предложения *отпирают сарай* заменена одноаффиксным изафетом *anahtar sesi* (букв. «звук ключа»).

е) Присоединение (со словами *так, такой, таков, это, вот*):

«А то раз резал хозяин барана, — **так она ему кусок баранины принесла в рукаве**» [32, с. 217]; “**Bir gün efendi bir koyun kesti, Dina bir parça eti yenine gizledi...**” [44, с. 150]. Вместо тире употреблена запятая.

«А то делают татары из козьего молока **лепешки сырные и сушат их на крышах**, — **так она эти лепешки ему тайком принашивала**» [32, с. 217]; “**Keçi peynirinden yapıp damda kuruttukları böreklerden de getirdi gizlice**” [44, с. 150]. Синтаксическая замена: первая часть предложения заменена причастным оборотом *keçi peynirinden yapıp damda kuruttukları böreklerden* (букв. «сделанные из козьего молока и высушенные на крыше лепешки»), при котором знаки препинания не ставятся.

В переводе рассказа на турецкий язык в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях вместо тире употребляются запятая, глагол в условной модальности, деепричастие, наречие, послелог и обстоятельственная конструкция, состоящая из глагольного имени на *-dik* и послелога. В этих случаях значения, выражаемые в русском языке с помощью тире, полностью не передаются. При переводе бессоюзных сложных предложений иногда меняется их структура, вместо тире используются другие знаки препинания, либо знаки препинания не используются вовсе. Так, в предложениях со значением неожиданного присоединения, быстрой смены действий, противопоставления, дополнения, присоединения происходит грамматическая, синтаксическая замена, и знаки препинания не ставятся; в предложениях со значением следствия, результата, вывода, присоединения на месте тире ставится запятая; в предложе-

ниях со значением времени и условия употребляется глагол в условной модальности, при котором знаки препинания не используются. В результате в турецком тексте не передаются все значения, выражаемые через тире в русском языке.

III. В диалоге и при прямой речи

В диалоге и при прямой речи в переводе рассказа на турецкий язык используются кавычки:

— «Нет», — говорит, — «ты подожди внизу, а я только взгляну» [32, с. 209]; “*Hayır! Sen burada bekle, ben bir bakıp geleyim*” [44, с. 139].

«Эх», — думает Жилин, — «с ними, что робеть, то хуже» [32, с. 215]; “*Bu tehditlerinden korkarsam asıl bu kötü olur benim için’, diye düşündü Jilin*” [44, с. 146].

IV. Авторская пунктуация

Термин «авторская пунктуация» используется в двух значениях: 1) особенности пунктуационного оформления текстов, носящие индивидуальный характер, присущие писателю, в целом не противоречащие принятым правилам [11, с. 188]; 2) сознательное отступление от действующих норм пунктуации, особое применение знаков препинания в художественных текстах [13, с. 89-91].

В рассказе «Кавказский пленник» Л. Н. Толстой использует авторскую пунктуацию, оправданную стилем, жанром рассказа, замыслом писателя. Отметим, что описанные выше случаи употребления тире в рассказе во многих случаях представляют собой авторскую пунктуацию (в первом значении этого термина). Авторские знаки препинания в рассказе выполняют следующие функции:

1) «Интонационное тире» ставится на месте деления предложения на словесные группы с целью акцентирования внимания на смысловых отношениях между ними, часто для выражения значения неожиданного вывода [27, с. 135]:

«*Стали снеговые горы из белых — алые; в черных горах потемнело*» [32, с. 220]; “*...dağların başındaki karlar beyazdan al renge büründü. Kara dağlar iyice karardı...*” [44, с. 155]. При переводе вместо интонационного тире не ставятся никакие знаки препинания. Таким образом утерян тот смысл, который вкладывал Л. Н. Толстой.

«*На восход и на закат — все такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях*» [32, с. 220]; “*Gün batarken de, doğarken de bu dağlar hep böyle uzanır giderlerdi*” [44, с. 155]. В турецком тексте никакие знаки препинания не ставятся.

2) Усиление смысла высказывания:

«*Она [лошадь], сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, — до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, — на аршин кругом пыль смочила*» [32, с. 210]; “*...zavallı hayvancağız yana devrilmiş öylece yatıyor, toprağa değmeyen bacaklarıyla havayı dövüyordu. Başında açılan delikten fişkıran kara kan, çevresinde bir arşınlık yerdeki tozları ıslatmıştı*” [44, с. 140]. В турецком предложении вместо тире стоит запятая, которая передает значение усиления и которая ставится после подлежащего, требующего особого смыслового выделения в предложении (в устной речи функцию запятой выполняет пауза) [34, с. 33].

«*Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, — все думает, что он поймет*» [32, с. 214]; “*Abdül yerinden fırladı, elini kolunu sallayarak*

Jilin'e bir şeyler söyledi: Söylediklerini Jilin'in anladığını sanıyordu» [44, с. 146]. В турецком тексте стоит двоеточие, так как вторая часть имеет значение пояснения.

3) *Неожиданное присоединение, быстрая смена действий:*

«*Проехали версты три, — встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами*» [32, с. 225]; “*Üç versta kadar sonra yanında iki Tatarla efendileri Abdül çıktı karşılarına*” [44, с. 163]. После дословно «через версты три встретился...» в турецком тексте никакие знаки препинания не ставятся, поэтому смысл неожиданного присоединения не передается.

«*Услыхал Уляшин, — забрехал и кинулся, а за ним другие собаки*» [32, с. 222]; “*Gürültüyü duyan Ulyaşın havlayıp ileri atıldı, arkasından da köyün öbür köpekleri*” [44, с. 159]. Синтаксическая замена: глагол *услыхал* — причастный оборот *gürültüyü duyan*, букв. «услышавший шум...».

Авторские знаки препинания в турецком тексте передаются разными средствами. Вместо интонационного тире в переводе никакие знаки препинания не ставятся. В турецком языке усиление высказывания часто обеспечивается запятой и двоеточием; а неожиданное присоединение, быстрая смена действий иногда передается запятой, а иногда никакие знаки препинания не ставятся.

Заключение

Подводя итоги анализа контекстов употребления тире в русском и турецком языках, отметим, что в русском языке его функции в значительной мере шире. Все случаи употребления тире, отмеченные в рассказе «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, не соответствуют правилам турецкого языка. Сходство между русской и турецкой пунктуацией в сфере употребления тире заключается только в том, что в обоих языках этот знак используется в прямой речи, диалоге.

Анализ функций тире в рассказе «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого показал, что тире в большинстве случаев представляют собой авторские знаки препинания, они являются стилистически значимыми дополнительными средствами выражения позиции автора, образного описания ситуации, состояния героев. Как и следовало ожидать от языков, относящихся к разным языковым семьям, при переводе рассказа с русского на турецкий язык происходит трансформация структуры предложения и вместо авторских знаков препинания ставятся запятая, точка с запятой, двоеточие, иногда знаки препинания отсутствуют, если этого требуют правила турецкого языка.

В русском языке между однородными членами смыслы внезапности, неожиданности действия или противопоставления подчеркиваются тире. В этих случаях в переводе на турецкий могут использоваться разные языковые средства, как пунктуационные (запятая, двоеточие, точка с запятой), так и морфологические (аффиксы сказуемости и прошедшего времени) и синтаксические (изменение порядка слов). Таким образом, значение неожиданного действия при переводе может сохраняться, даже если знаки препинания отсутствуют. Также, хотя в переводе сложносочиненных предложений смысл противопоставления передается запятой (зачастую вместе с противительным союзом *ama*), а смысл

неожиданного присоединения теряется, в переводе бессоюзных сложных предложений значение неожиданного противопоставления не сохраняется, когда знаки препинания отсутствуют. Значение неожиданного присоединения, быстрой смены действий теряется в том случае, когда никакие знаки препинания не ставятся. В русском тире имеет множество смысловых функций. В переводном тексте для передачи смысловых функций русского тире использовались разные средства — запятая, точка с запятой, двоеточие, наречие, союз, послелог, деепричастие, глаголы в условной и желательной модальности.

Следует подчеркнуть, что передаваемые через тире значения при переводе рассказа на турецкий язык зачастую теряются. В этой связи переводчикам необходимо учитывать все многообразие функций русского тире, чтобы передать их в достаточной мере, можно использовать для этого другие средства их выражения. Иностранцы учащиеся также испытывают затруднения при освоении русской пунктуации и зачастую неточно понимают смысл предложения, в особенности предложений с тире. Поэтому при обучении русскому языку иностранцев необходимо уделять особое внимание изучению принципов русской пунктуации и функций знаков препинания в предложении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али С. Мадонна в меховом мантио / С. Али. Перевод А. С. Аврутиной и А. И. Пылева. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2010. 256 с.
2. Ауэр Т. М. Роль авторского тире в создании функциональной перспективы третьей главы «Повести непогашенной луны» Б. А. Пильняка / Т. М. Ауэр // Б. А. Пильняк: Исследования и материалы. Сборник научных трудов. Коломна, 2011. С. 89-92.
3. Андросова Ф. С. Функциональная предназначенность пунктуации / Ф. С. Андросова // Наука и современность. 2010. № 1-2. С. 194-198.
4. Андросова Ф. С. Роль пунктуации в формировании текстовых стратегий / Ф. С. Андросова // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2. С. 37-40.
5. Андросова Ф. С. Авторская пунктуация в художественном тексте (на примере произведений А. Будара и Ж. Дюмулена) / Ф. С. Андросова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 68. С. 482-492.
6. Андросова Ф. С. Функция авторского знака «Двоеточие» в романе Ж. Дюмулена «Monsieur Bel Canto» / Ф. С. Андросова // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 311-314.
7. Андросова Ф. С. Функционально-стратегический потенциал авторских пунктуационных знаков в художественном дискурсе: дис... канд. филол. наук / Ф. С. Андросова. Кемерово, 2015. 220 с.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. Москва: ЛКИ, 2014. 238 с.
9. Биянова М. В. Из опыта сравнительно-типологического анализа пунктуационных систем английского и русского языков / М. В. Биянова // Известия Российского

- государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 164-169.
10. Бурдаева Л. А. Функции тире в художественном тексте / Л. А. Бурдаева // Наука в мегаполисе. 2020. № 8 (24). С. 14.
 11. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. Москва: Высшая школа, 2004. 264 с.
 12. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания: Т. 3: Служебные слова, послелогои, союзы и частицы, междометия, аффиксы, предложение. Правила орфографии, знаки препинания / Э. Гениш. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
 13. Гришко Ф. Т. Авторские знаки препинания / Ф. Т. Гришко // Русский язык в школе. 1978. № 2. С. 89-91.
 14. Гузев В. Г. Функциональный синтаксис современного турецкого языка, учебное пособие по курсу / В. Г. Гузев, А. С. Аврутина. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 72 с.
 15. Дондик Л. Ю. Функционирование пунктуационных знаков в тексте: Сопоставительное исследование на материале французского и русского языков: дис...канд. филол. наук / Л. Ю. Дондик. Екатеринбург, 2007. 179 с.
 16. Егорова Ю. В. Тире vs. двоеточие — чувство против разума? / Ю. В. Егорова // Stephanos. 2017. № 5 (25). С. 134-140.
 17. Ившин Л. М. Об особенностях удмуртской пунктуации XVIII — первой половины XIX в. (по материалам письменных памятников) / Л. М. Ившин // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 4. С. 9-16.
 18. Ю. Н. Караулов (глав. ред.) Русский язык. Энциклопедия. 2-е издание, переработанное и дополненное / Глав. ред. Ю. Н. Караулов. Москва: Дрофа, 1997. 703 с.
 19. Кольцова Л. М. Текстовая пунктуация в условиях изменения лингвистической парадигмы / Л. М. Кольцова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Вып. 1. С. 8-13.
 20. Кольцова Л. М. Художественный текст в зеркале русской пунктуации / Л. М. Кольцова // Мир русского слова. 2007. № 4. С. 45-54.
 21. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Курс лекций / В. Н. Комиссаров. Москва: ЭТС, 1999. 192 с.
 22. Кузнецов П. И. Учебник турецкого языка. Начальный курс / П. И. Кузнецов, Ю. В. Щека. Москва: Восточная книга, 2010. 592 с.
 23. Натарова Н. И. Специфика употребления тире в рассказе «Уроки каллиграфии» М. Шишкина / Н. И. Натарова // Человек в информационном пространстве. Межвузовский сборник научных трудов в 2 томах, 2011. С. 101-103.
 24. Николаев А. А. Пунктуация стихотворений Тютчева / А. А. Николаев // Современная русская пунктуация. Москва: Наука, 1979. С. 202-222.
 25. Оганова Е. А. Современный турецкий язык. Практикум по грамматике в 3 ч. Часть 2 / Е. А. Оганова, Е. И. Ларионова. Москва: МБА, 2018. 184 с.
 26. Попов Р. В. Практикум по русскому языку. Пунктуация / Р. В. Попов. Архангельск: Поморский университет, 2006. 89 с.
 27. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь / Д. Э. Розенталь. Москва: Мир и образование, 2016. 736 с.

28. Селезнева Л. Б. Двоеточие и тире в современном русском языке / Л. Б. Селезнева // Русская словесность. 2009. № 6. С. 42-50.
29. Соловьева Н. Н. Трудные случаи синтаксиса и пунктуации: Особая постановка знаков препинания / Н. Н. Соловьева. Москва: Мир и образование, 2011. 80 с.
30. Тарасова Н. А. Знак тире в наборной рукописи «Дневника писателя» за 1877 г.: Особенности пунктуации Достоевского / Н. А. Тарасова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 89-95.
31. Теблоева Н. Ч. Развитие графем двоеточия и тире в системе пунктуационных знаков английского и русского языков / Н. Ч. Теблоева // Стилистический аспект англо-русских соответствий. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 2018. С. 178-186.
32. Толстой Л. Н. Кавказский пленник / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 тт. Т. 10. Москва: Художественная литература, 1982. С. 208-230.
33. Широкова Е. Н. Авторское тире как средство трансформации структуры и семантики синтаксических единиц / Е. Н. Широкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 9. С. 93-96.
34. Akalın Ş. H. vd. Türk Dil Kurumu Yazım Kılavuzu. 26. Baskı / Ş. H. Akalın vd. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. 228 s.
35. Ali S. Kürk Mantolu Madonna. 60. Baskı / S. Ali. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2013. 160 s.
36. Durukoğlu S. Türk Dilinde Noktalama İşaretlerinin Kullanımı ve Tarihi Gelişimi / S. Durukoğlu, B. Büyükelçi // Akra Kültür Sanat ve Edebiyat Dergisi, 2018. Cilt 6, sayı 14. Ss. 11-26.
37. Hengirmen M. Yazım Kılavuzu — Noktalama İşaretleri / M. Hengirmen. Ankara: Engin Yayınevi, 2006. 260 с.
38. Karacan Ş. G. Noktalama İşaretlerinin Maceraları / Ş. G. Karacan. İstanbul: Gülücük Yayınları, 2017.
39. Karacan Ş. G. Toraman ve Noktalama İşaretleri / Ş. G. Karacan. İstanbul: Gülücük Yayınları, 2017.
40. Kemal N. Vatan yahut Silistre / N. Kemal. Eskişehir: Anadolu Üniversitesi Yayınları, 2019. 70 s.
41. Öztürk M. Noktalama İşaretleri ile Tanışyorum / M. Öztürk. İzmir: Altın Nokta Yayınları, 2018. 64 s.
42. Sami Ş. Kâmûs-ı Türkî. (Dersââdet: İkdâm Matbaası, 1317/1901) / Ş. Sami. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1989. 1574 s.
43. Tanpınar A. H. Huzur / A. H. Tanpınar. İstanbul: YKY. 2003. 448 s.
44. Tolstoy L. N. Kafkas Tutsağı / L. N. Tolstoy. 5. Basım. Çev. Mazlum Beyhan. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları, 2018. 169 s.

Kevser TETIK¹

Onur AYDIN²

UDC [811.161.1+811.512.161]:003

**TRANSFERRING THE FUNCTIONS OF THE RUSSIAN DASH
IN TRANSLATION INTO TURKISH (ON THE EXAMPLE
OF THE STORY “CAUCASUS PRISONER” BY L. N. TOLSTOY)**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Assistant Professor,
Department of Russian Language and Literature, Anadolu University
kevser_tetik@anadolu.edu.tr; ORCID: 0000-0002-1611-8594

² Dr. Sci. (Philol.), Research Assistant,
Department of Russian Language and Literature, Anadolu University
onur_aydin@anadolu.edu.tr; ORCID: 0000-0002-7981-5821

Abstract

The aim of this study is a comparative description of the functions of the dash in the story by Lev Nikolayevich Tolstoy “The Prisoner of the Caucasus” and its translation into Turkish. In this study, analyzing original text and its translation contextual, comparative and stylistic science methods were utilized. The subject of the research is the meanings and functions of dash sign (—) in short story and translated text. While the use of dash is quite limited in the Turkish language, it is one of the most frequently used punctuation marks in Russian. The similarity of the use of this sign is that in both languages it is used in direct speech, dialogue. Studies related to the comparative analysis of punctuation marks in literary texts in Russian and Turkish are almost nonexistent. The comparison and analyses of texts show that dash has been used more commonly in the Russian language compared to Turkish and these areas of use do not match with the use of dash in Turkish. While in the 22-page Russian novel “Prisoner of the Caucasus” written by L. N. Tolstoy, dash was used 332 times in total, it was never used in the Turkish translation. It is noteworthy that dash was mostly used for author-specific purposes in the original Russian text. In the Turkish translation, comma, semicolon or colon were used instead of dash, and sometimes no punctuation was used. Consequently, in the translation of

Citation: Tetik K., Aydın O. 2022. “Transferring the functions of the Russian dash in translation into Turkish (on the example of the story ‘Caucasus prisoner’ by L. N. Tolstoy)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 19-37.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-19-37

the work into Turkish, Russian sentences containing the dash frequently lost their meaning. In this regard, the study draws attention to the fact that when translating texts from Russian into Turkish, it is necessary to take into account the functions of dashes in order to convey them accurately and adequately, for which other means of expressing these values can be used. And also, when teaching Russian as a foreign language, it is necessary to pay close attention to the study of the principles of Russian punctuation and the functions of punctuation in a sentence.

Keywords

Punctuation, punctuation marks, dash, functions of dash, literary translation, short story “The Prisoner of the Caucasus”.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-19-37

REFERENCES

1. Ali S. 2010. *Madonna in a Fur Coat*. Translated by A. S. Avrutina and A. I. Pyleva. Moscow: Ad Marginem Publishing House. 256 p. [In Russian]
2. Aufer T. M. 2011. “The role of the author’s dash in creating a functional perspective of the third chapter of ‘The Tale of the Unextinguished Moon’”. B. A. Pilnyak: Researches and Materials. Proceeding Book. Kolomna. Pp. 89-92. [In Russian]
3. Androsova F. S. 2010. “Functional purpose of punctuation”. *Science and Modernity*, no. 1-2, pp. 194-198. [In Russian]
4. Androsova F. S. 2011. “The role of punctuation in the formation of text strategies”. *World of Science, Culture, Education*, no. 6-2, pp. 37-40. [In Russian]
5. Androsova F. S. 2011. “Author’s punctuation in a literary text (on the example of the works of A. Budar and J. Dumoulin)”. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, no. 68, pp. 482-492. [In Russian]
6. Androsova F. S. 2011. “The function of the author’s sign ‘Colon’ in the novel by J. Dumoulin ‘Monsieur Bel Canto’”. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 311-314. [In Russian]
7. Androsova F. S. 2015. “Functional-strategic potential of author’s punctuation marks in artistic discourse”. *Cand. Sci. (Philol.) diss. Kemerovo*. 220 p. [In Russian]
8. Barhudarov L. S. 2014. *Language and Translation (Issues of General and Particular Theory of Translation)*. Moscow: LKI Publishing House. 238 p. [In Russian]
9. Bijanova M. V. 2009. “From the experience of comparative typological analysis of punctuation systems of English and Russian languages”. *Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, no. 111, pp. 164-169. [In Russian]
10. Burdaeva L. A. 2020. “Functions of a dash in a literary text”. *Science in the Megapolis*, no. 8 (24). P. 14. [In Russian]
11. Valgina N. S. 2004. *Actual Problems of Modern Russian Punctuation*. Moscow: Higher School Publishing House. 264 p. [In Russian]
12. Genish E. 2008. *Grammar of the Turkish Language. Phonetics, Morphology, Etymology, Semantics, Syntax, Spelling, Punctuation Marks: Vol. 3: Service Words, Postpositions, conjunctions and particles, interjections, affixes, sentences. Spelling rules, punctuation Marks*. Moscow: LKI Publishing House. 208 p. [In Russian]

13. Grishko F. T. 1978. "Author's punctuation marks". *Russian at School*, no. 2, pp. 89-91. [In Russian]
14. Guzev V. G., Avrutina A. S. 2013. *Functional Syntax of Modern Turkish, Course Book*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publishing House. 72 p. [In Russian]
15. Dondik L. Ju. 2007. "Functioning of punctuation marks in the text: a comparative study on the material of the French and Russian languages". *Cand. Sci. (Philol.) diss.* Ekaterinburg. 179 p. [In Russian]
16. Egorova Ju. V. 2017. "Dash vs. colon — feeling vs. reason". *Stephanos*, no. 5 (25), pp. 134-140. [In Russian]
17. Ivshin L. M. 2014. "On the peculiarities of the Udmurt punctuation of the 18th — the first half of the 19th centuries (on materials of written monuments)". *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, no. 4, pp. 9-16. [In Russian]
18. Karaulov Yu. N. (ed.). 1997. *Russian Language. Encyclopedia. 2nd Edition, revised and expanded*. Moscow: Drofa Publishing House. 703 p. [In Russian]
19. Koltsova L. M. 2006. "Text punctuation in the context of changing linguistic paradigm". *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and intercultural communication*, iss. 1, pp. 8-13. [In Russian]
20. Koltsova L. M. 2007. "Artistic text in the mirror of Russian punctuation". *The World of Russian Word*, no. 4, pp. 45-54. [In Russian]
21. Komissarov V. N. 1999. *Modern Translation Studies: A Course of Lectures*. Moscow: ETS Publishing House. 192 p. [In Russian]
22. Kuznecov P. I., Shheka Ju. V. 2010. *Turkish Language Course Book. Elementary Course*. Moscow: Eastern Book. 592 p. [In Russian]
23. Natarova N. I. 2011. "The specificity of the use of dashes in the story 'Calligraphy Lessons' by M. Shishkin". *A Person in the Information Space. Interuniversity Collection of Scientific Papers in 2 vol.* Pp. 101-103. [In Russian]
24. Nikolaev A. A. 1979. "Punctuation of Tyutchev's poems". *Contemporary Russian Punctuation*. Moscow: Science Publishing House. Pp. 202-222. [In Russian]
25. Oganova E. A., Larionova E. I. 2018. *Modern Turkish Language. Practicum on Grammar in 3 parts. Part 2*. Moscow: MBA Publishing House. 184 p. [In Russian]
26. Popov R. V. 2006. *Workshop on the Russian Language. Punctuation*. Arkhangelsk: Pomor State University. 89 p. [In Russian]
27. Rosenthal D. E. 2016. *Reference Book on the Russian Language. Spelling. Punctuation. Orthographic Dictionary*. Moscow: World and Education Publishing House. 736 p. [In Russian]
28. Selezneva L. B. 2009. "Colon and dash in modern Russian". *Russian Literature*, no. 6, pp. 42-50. [In Russian]
29. Solovieva N. N. 2011. *Difficult Cases of Syntax and Punctuation: Specific Usage of Punctuation Marks*. Moscow: World and Education Publishing House. 80 p. [In Russian]
30. Tarasova N. A. 2011. "Dash sign in the typesetting manuscript of the 'The Diary of a Writer' for 1877: Features of Dostoevsky's punctuation". *Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 1 (87), pp. 89-95. [In Russian]
31. Tebloeva N. Ch. 2018. "Development of colon and dash graphemes in the system of punctuation marks in English and Russian languages". *The Stylistic Aspect of the Anglo-Russian Correspondences. Interuniversity Proceeding Book*. Pyatigorsk. Pp. 178-186. [In Russian]

32. Tolstoy L. N. 1982. "The prisoner of the Caucasus". Collected Works in 22 vol. Vol. 10. Moscow: Artistic Literature Publishing House. Pp. 208-230. [In Russian]
33. Shirokova E. N. 2014. Author's Dash as a Means of Transforming the Structure and Semantics of Syntactic Units. Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology, vol. 13, no. 9, pp. 93-96. [In Russian]
34. Akalın Ş. H. et al. 2009. Türk Dil Kurumu Yazım Kılavuzu. 26. Baskı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları. 228 s.
35. Ali S. 2019. Kürk Mantolu Madonna. 60. Baskı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları. 191 s.
36. Durukoğlu S., Büyükelçi B. 2018. "Türk Dilinde Noktalama İşaretlerinin Kullanımı ve Tarihi Gelişimi". Akra Kültür Sanat ve Edebiyat Dergisi, cilt 6, sayı 14, ss. 11-26.
37. Hengirmen M. 2006. Yazım Kılavuzu — Noktalama İşaretleri. Ankara: Engin Yayınevi. 260 s.
38. Karacan Ş. G. 2017. Noktalama İşaretlerinin Maceraları. İstanbul: Gülücük Yayınları.
39. Karacan Ş. G. 2017. Toraman ve Noktalama İşaretleri. İstanbul: Gülücük Yayınları.
40. Kemal N. 2019. Vatan yahut Silistre. Eskişehir: Anadolu Üniversitesi Yayınları. 70 s.
41. Öztürk M. 2018. Noktalama İşaretleri ile Tanışıyorum. İzmir: Altın Nokta Yayınları. 64 s.
42. Sami Ş. 1989. Kâmûs-ı Türkî. (Dersââdet: İkdâm Matbaası, 1317/1901). İstanbul: Enderun Kitabevi. 1574 s.
43. Tanpınar A. H. 2003. Huzur. İstanbul: YKY. 448 s.
44. Tolstoy L. N. 2018. Kafkas Tutsağı. 5. Basım. Çev. Mazlum Beyhan. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 169 s.

Юлия ХОЛТЕР¹
Валентина Петровна ЧЕПИГА²

УДК 81.373.45

**СМЕНА ЯЗЫКОВОГО КОДА И КРЕАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС.
ПУШКИНСКИЕ ПЛАНЫ «ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ...»,
«РУССКИЙ ПЕЛАМ» И «НА КАВКАЗСКИХ ВОДАХ»**

¹ кандидат филологических наук, преподаватель английского языка,
Западный Католический Университет (г. Нант, Франция)
juliaaholter@gmail.com

² кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянских языков,
Страсбургский государственный университет (Франция)
valentina.chepiga@gmail.com

Аннотация

Переключения языкового кода А. С. Пушкина являются исключительно интересным, анахроническим или историческим примером использования французского и русского языков в литературном процессе. Установлено, что А. С. Пушкин использовал французский язык (аналитический и устоявшийся) для планирования, а русский язык (экспрессивный, но нуждающийся в обновлении и нормализации) в качестве языка текстуализации.

Предлагаемое здесь генетическое исследование нюансирует вышеупомянутое разделение, указывая на ограниченность разделения функционального. На данный момент нам известно, что писатели-билингвы в своем творческом процессе используют параллельно два языка, хотя их функции могут быть разными. Они также вдохновляются другими «голосами», являющимися иными векторами творчества (другие языки, музыка, рисунок...). Можно ли это продемонстрировать на примере рукописей А. С. Пушкина, если большинство сохранившихся его планов было оформлено на французском языке?

Цитирование: Холтер Ю. Смена языкового кода и креативный процесс. Пушкинские планы «Гости съезжались на дачу...», «Русский пелам» и «На кавказских водах» / Ю. Холтер, В. П. Чепига // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 38-61.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-38-61

Планы трех текстов — «Гости съезжались на дачу» (1828), «Русский Пелам» и «На Кавказских водах» (1831) — изобилуют примерами переключения между русским и французским языками, а также между письмом и рисунком.

Авторы статьи придерживаются кодовой теории Ю. М. Лотмана как «автокоммуникации» по различным каналам (языковым или иным), с помощью которой показывают, как идеи, проходящие *через* языковые единицы, а также возникающие благодаря мнемонической функции рисунков, создают творческое напряжение между различными каналами «автокоммуникации».

Ключевые слова

А. С. Пушкин, переключение кодов, автокоммуникация, творческий процесс, Лотман, билингвизм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-38-61

Введение

По подсчетам исследовательницы творчества А. С. Пушкина Н. Л. Дмитриевой, 17-20% дошедших до нас пушкинских рукописей двуязычны. Из них только 3% относятся исключительно к художественному творчеству. Такой сравнительно невысокий процент объясняется, безусловно, тем, что основной язык «взрослого» творчества писателя — русский. Уже состоявший писатель, А. С. Пушкин особенно ценил истинный русский язык, поскольку вырос в окружении по меньшей мере двух важных для него людей — бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, няни Арины Родионовны Яковлевой и Никиты Тимофеевича Козлова, слуги Пушкина, преданно служившего ему всю жизнь. «Прекрасным русским языком» Арины Родионовны восхищался юный А. Дельвиг [10, с. 212]. В доме отца поэта собирались литераторы, сознательно выбравшие русский язык литературного творчества, — Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, К. Н. Батюшков. Однако, как подчеркивает сотрудник сектора иностранной литературы Г. М. Ильина, французские словоупотребления в произведениях А. С. Пушкина составляют 200 тысяч единиц, русские — 544 777 тысяч [9]. Обратим внимание на то, что французских словоупотреблений едва в два с половиной раза меньше, чем русских, что для национального писателя далеко не мало. Дядя же поэта, Василий Львович, упрекал А. С. Пушкина перед его поступлением в Царскосельский лицей, что тот пишет исключительно по-французски.

Считается, что А. С. Пушкин не творил на двух языках ни одновременно, ни параллельно: безупречный билингв использовал французский язык в планировании и организации, а русский — в реализации творческого плана. В посвященных этому феномену работах часто цитируется данное самим А. С. Пушкиным объяснение использования французского языка: это и «замедленный ход» русской словесности, и привычка «охотнее выражаться на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны», и отсутствие в русском языке «метафизических», то есть научных терминов. На наш взгляд, реализацию творческого плана можно сравнить с рождением карандашного эскиза, рисунка,

наброска, который затем становится произведением в цвете. В данном случае для плана выбирается французский язык, аналитический, устоявшийся, нормированный, а значит, сухой, минималистический, относительно четкий. Русский же язык можно сравнить с буйством красок, выходом из контуров рисунка, со всем тем, что является атрибутами выполненной в цвете картины. Как бы мы ни рассматривали эскиз — отдельно от картины или как ее неотъемлемую часть — он в обоих случаях принадлежит этой картине и во многом определяет отправную точку ее создания. Всегда ли верна эта метафора?

В работе над типологией креативных многоязычных стратегий писателей французские исследователи Ольга Анохина и Эмилио Скарино выделили два независимых друг от друга принципа работы многоязычных авторов: «функциональное разделение языков» и переключение кода [11, с. 20]. Чтобы проиллюстрировать функциональное разделение языков в творчестве, О. Анохина и Э. Скарино приводят в качестве примеров Петрарку и А. С. Пушкина, использующих в метадискурсивных заметках язык, отличный от языка текстуализации. Но куда отнести явления интерференции и использования второго языка, объясняющиеся свойствами памяти генерировать «нелогичные» лексические единицы? Здесь, на наш взгляд, необходимо ввести термин, который мы считаем очень удачным, а именно «иноязычное вкрапление», детально рассмотренный в недавней конференции в университете Экс-Марсель «Полигlossия в практике перевода, или многоязычный текст в практике перевода» (2017). Именно таким образом можно охарактеризовать внезапное вторжение иноязыка в процесс создания смыслового текста на основном языке.

Нам кажется, что, несмотря на формальное разделение, в творческом процессе принимают участие оба языка, даже если в большинстве случаев у них разная функция. Оба языка участвуют в креативном процессе вопреки предписанным им волей писателя ролям. Так, выбрав один язык для записи плана, автор не может полностью «выключить» второй: «шум» последнего всегда рядом. И такое вторжение удовлетворяет автора — в противном случае в черновиках фигурировали бы зачеркивания и исправления (переносы, иноязычные повторы). Такие проявления двуязычия или «сплетения» языков являются, возможно, самой оригинальной и неотъемлемой частью креативного процесса [11, с. 23].

Методы

В статье используются несколько методов исследования. Прежде всего, это этнографический метод, необходимый при интерпретации изучаемых текстов для реконструкции особенностей культурных структур анализируемой эпохи. Вторым методом, включенным в анализ текстов, являются методы нарративной семиотики или структурной семантики, необходимые для анализа связей между различными стратами текстов, а также выявления особенностей использования этих страт автором. Также проводится лингвистический анализ текстов, а именно изучение их композиционных структур с учетом билингвистической составляющей анализируемых текстов. И, наконец, используются методы генетической критики, а именно изучение текста как «процесса», а не как «результата».

Двуязычие А. С. Пушкина

Несмотря на то, что тема двуязычия А. С. Пушкина исследована чрезвычайно широко, для любого специалиста по мультилингвизму остается нерешенным вопрос об этом промежуточном творческом этапе: каким образом происходит переход от замысла на французском языке к художественному произведению на русском, от эскиза к картине. Если в замысле и реализации используется один лингвистический код, то возникает вопрос исключительно о развертывании сюжета. Если же имеет место переход с одного кода на другой, то осуществляется некая трансляция (в смысле *translatio*, если не «перевод») сюжета, перемещение его в другую культурно-языковую реальность, а не только его расширение, усложнение и конкретизация. В данном случае контуры столь четкого разделения языковых ролей размываются, и появляется серая зона «междуязычия».

Наша современница, русско-французский переводчик-билингв Люба Юргенсон так описывает процесс перехода от одного языка к другому:

Si à ce moment-là on me soumettait à un examen aux rayons X, on verrait les mots bouger et se métamorphoser. De temps en temps, mon œil intérieur les saisit : un tel, dont les pattes de devant et le museau sont déjà français, traîne encore sa queue en russe [21, с. 79]¹.

Л. Юргенсон удался образ этой межязыковой зоны. В какой-то мере она отвечает на вопрос, *как* происходит смена языкового кода. Если вопрос *почему* не возникает при переводе, то с двуязычными планами А. С. Пушкина ситуация является иной: при создании плана художественного произведения нам интересно знать, *где* или *почему* происходит эта смена.

Вернемся к некоей аксиоме, заявленной в начале данной статьи, — о владении А. С. Пушкиным русским и французским языками. В. С. Баевский считает, что из двух языков, которыми А. С. Пушкин владел одинаково свободно, французский для него был первым [2, с. 15]. Вот что пишет по этому поводу брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич:

«Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски. На восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского: он слышал один французский язык. Пушкин был одарен памятью необыкновенной и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.» [1, с. 35]

¹ «Если бы в этот момент мне сделали флюорографию, то увидели бы, как двигаются и претерпевают метаморфозы все слова. Иногда я выхватываю их внутренним взором: вот у какого-то слова появились французские передние лапы и морда, а хвост еще остался в русском языке».

В доме Пушкиных — воспитатели-французы Монфор, Русло, Шедель, постоянно принимаются французы и читается французская литература: неудивительно, что первые работы пишутся на французском, первые стихи имитируют Вольтера и Лафонтена. А. С. Пушкин — «последовательный» билингв, так как с добавлением второго родного языка на французскую матрицу А. С. Пушкина накладывается новая языковая система — русская, причем с ее народными вариантами (исконно русские слова — древнерусизмы, диалектизмы, просторечие — вошли в его словарный запас рано и впоследствии стали активными стилистическими ресурсами).

Прикладным лингвистам, работающим со вторым языком, хорошо известно, что до семи лет языковые системы усваиваются легко, даже если их несколько. Так, две языковые структуры довольно быстро и успешно дифференцируются, изолируются посредством отождествления с носителями одного или другого языка, что не исключает спонтанного, креативного смешения обоих. Внутреннее переключение кодов юного билингва происходит быстро и естественно. Он не думает одновременно на двух языках, однако продумывая разговор, где требуется уже «выбирать выражения», билингв более полно мобилизует тот или иной языковой запас в зависимости от языка воображаемого собеседника.

Во взрослом возрасте двойная лингвистическая натура определяет его творческое мышление. В нейролингвистическом субстрате двуязычных писателей многое остается неизученным, но очевидно то, что нейролингвистические механизмы взрослого полиглота организованы по-другому, чем если бы тот же человек остался монолингвом¹. Например, в момент формализации идей и образов он знает, что любой феномен не является заложником какой-то одной лексемы: его можно назвать и так, и эдак. Можно без преувеличения сказать, что он изначально более креативен. Возможно, именно языковая полифония делает его противником фиксированных языковых формул, языкового норматива.

Сознание креативного билингва, продолжающего активно использовать оба языка не столько в обиходе, сколько в своей профессиональной деятельности (это условие важно, если мы хотим проследить двуязычие в творчестве того или иного писателя), часто функционирует как бы между языками, смешивая их произвольным образом, чтобы ускорить процесс мышления, особенно когда необходимо быстро оформить мысль в слова, например, сделать предназначенную для собственного пользования запись. Переходя с одного кода на другой, билингв работает в системе не перевода (занимающего много времени), а перескока с одного языка на другой. Это переключение может быть и бессознательным, и осознанным. Когда же используется обращенная к третьему лицу речь, билингв способен оформить свои мысли в рамках единого кода в тщательно отобранные слова.

¹ Более подробно см.: [12]. Мы же здесь, безусловно, говорим о двух крайних степенях владения языком — полилингвизме и чистом монолингвизме.

Таков и А. С. Пушкин, хотя и принято считать, что смешение языковых кодов поэт не приветствовал¹ и не практиковал *stricto sensu*, то есть использовал только в юмористических и прочих художественных целях, таких как передача аутентичного русско-французского дворянского языка, широко распространенного «в лучших обществах» со второй половины 18 века. Эффекты такой смены кода в литературных произведениях А. С. Пушкина достаточно изучены.

В других же контекстах склонный к точности А. С. Пушкин использует смену кода весьма осторожно, не желая уподобляться безжалостно смешивающей два языка «салонной» даме. Нюанс между переключением и смешиванием здесь особенно важен. Перемена или переключение кода совершается по находящимся под контролем говорящего социально-культурным причинам. Их типология известна [20]. Причина же смешивания — бедность языковых средств: недостаточное знание одного языка восполняется «вкраплениями» из другого².

Социально-экономический престиж иностранного языка

Вторая наиболее распространенная причина смешивания — это социально-экономический престиж иностранного языка, который настолько велик, что дает повод к частичной перекодировке носителями местной идиомы, так называемого тагирования или эмблематичного переключения (вставки определенных выражений).

Позиция А. С. Пушкина остается понятной любому образованному человеку: креативное и в любом случае контролируемое переключение с одного языка на другой, остроумное словотворчество не имеет ничего общего с посредственной салонной речью³.

Русско-французский язык дворянского салона, несмотря на его неизбежность (со второй половины 18 века письменный канцелярский русский сделался непригодным для европеизированного дворянства) не мог устраивать тонкого билингва. «Европействующий карамзинист», как называет А. С. Пушкина Б. В. Томашевский, берется реформировать русский язык, протестуя и против экспрессивной бедности салонного языка с ее «дамоподобной» литературой, и против таких как

¹ О его «борьбе» с языком дворянского салона и «языка светской дамы» см. работы В. В. Виноградова.

² Сейчас именно при данных лингвистических ситуациях употребляется термин «междуязычие», который мы используем в этой статье. Мы предлагаем уточнить терминологию — термин «междуязычие» более широк и может использоваться, с необходимым пояснением, если оно требуется, при билингвистической социокультурной ситуации, в которой носитель языка-источника и языка-цели пользуется в той или иной мере обоими языками, вне зависимости от социо-культурного или креативного компонента сообщения.

³ С точки зрения сегодняшних билингвов, коими являются многие из нас, заметим, что сегодня мы так же иронизируем над безграмотным «языкосмешением», «междуязычием», ограничивающимся неточной заменой определенных слов родного языка на слова иностранные без определенной надобности, исключительно с целью создания некоего «щегольского жаргона», как в пушкинские времена.

Шишков, оплакивающих упадок книжного и церковного русского языка. Последний даже становится предметом иронии в «Евгении Онегине»:

Она казалась верный снимок *Du comme il faut...*

(Шишков, прости: Не знаю, как перевести.)

Таким образом, в довольно однобокой полемике между уже зарождающимися будущими «славянофилами» и «западниками»¹ А. С. Пушкин занимает некую третью, нюансированную позицию «между языками» — позицию острой необходимости осознания становления нового литературного языка.

Избирая языком творчества язык, который для творчества не пригоден, но полностью открыт для заимствований и обогащения, А. С. Пушкин берется за его переосмысление через фильтр французского, языка своей собственной матрицы. Если салонная речь аккумулирует барбаризмы, поэт вводит авторские неологизмы, играет с интерференцией [3, с. 31], и, что особенно интересно, обращает внимание читателя на смену кода, беря его в сообщники, вовлекая его в рассуждения по поводу языка и стиля:

Люблю я дружеские враки.
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я...

Результаты исследования и их обсуждение

«Третий язык»

Столкновение двух языков, матричного и усвоенного (в англоязычной терминологии “embedded”), дает непредсказуемые результаты — возникает некий третий язык, который до этого не существовал.

Теоретик перевода Антуан Берман говорит в том, что литературное творчество предполагает тайное присутствие другого языка, часто реально существующего, но сильно идеализированного. Писатель и поэт стремятся услышать и зафиксировать с помощью барбаризмов и эвфонических эффектов некий иной язык «между» уже известными, язык, отражающий через свой шум «варварскую» природу вещей.

То, что А. Берман назвал «третьим языком» — это, по всей вероятности, не что иное, как вечная поэтическая задача, которую можно назвать «кратилизмом», то есть попыткой зафиксировать исходящий напрямую от самих вещей голос. Думается, что теория А. Бермана применима *a fortiori* и к А. С. Пушкину. Невозможный лингвистический идеал (язык, который отражал бы «все европейские

¹ Зарождение этого разделения, как мы знаем, происходит позднее, но о его языковой составляющей можно говорить и применительно к размышлениям о языке Пушкинской эпохи.

литературные формы», пишет В. В. Виноградов) становится под пером гениального билингва реальностью, а именно, реальностью поэтической.

Тот факт, что смена языкового кода является потенциально креативным ресурсом двуязычной речи¹, сегодня не оставляет сомнения. Поэтому не удивительно, что термин, используемый в практической лингвистике, оказался востребованным и в литературной критике. Каким образом он появился в литературоведении? Следы ведут, разумеется, к семиотике: к Р. Барту и Р. Якобсону с французской стороны и Ю. М. Лотману с московско-тартуской. Нам особенно интересна точка зрения Ю. М. Лотмана, посвятившего творчеству А. С. Пушкина несколько трудов. Само слово «код» — весьма лотмановское, несмотря на то, что семиолог со временем видоизменяет его смысл. Считается, что в 1980-х гг. Ю. М. Лотман даже отказался от этого термина ввиду со связанной с ним некоторой механической коннотации, в то же время, когда он отошел от самого структурализма и моделирования семиотических систем².

Нам же хочется подчеркнуть гибкий, поливалентный характер лотмановского «кода», что, на наш взгляд, гарантирует его актуальность. Лотмановский код — это некий комплекс моральных и культурных норм, привязанных — или нет — к языку. Такое широкое определение позволяет включить в поле кода музыку и рисунок.

В работе «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (1970) Ю. М. Лотман описывает два очень разных канала обмена информацией. Первый канал, «Я-ОН», то есть канал обмена информацией с собеседником, где используется один и тот же код. Второй канал, «Я-Я», является каналом автокоммуникации или посланий к самому себе, здесь используются разные коды. Согласно Ю. М. Лотману, «передача сообщения по каналу «Я-Я» не имеет имманентного характера, поскольку обусловлена вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних толчков, сдвигающих контекстную ситуацию» [8, с. 78]. Видимо, нужно понимать этот канал как внутренний диалог: некий голос оспаривает *статус кво*, своим вторжением перебивает его или интерпретирует. Здесь подразумевается любая культурная функция, при которой через трансляцию информации самому себе в другом коде (музыкой, рисунком, другим языком) переосмысливается материал первичного кода (тут может быть и естественный язык, т. е. русский или французский, или начальный план произведения, который претерпевает переформулировку, изменяясь, через «другой язык»). По Ю. М. Лотману, такой «диалог» между «собой и собой» составляет одну из существенных сторон «текстообразующего напряжения».

Определенное отсутствие исследовательского интереса к этой фазе работы у А. С. Пушкина объясняется, безусловно, тем фактом, что у исследователей в

¹ К такому выводу приходит, например, Шарлотта Хоффман, утверждая, что “code switching is potentially the most creative aspect of bilingual speech” («переключение кода является, вероятно, самый креативным аспектом двуязычной речи») [18, с. 109].

² Об эволюции термина у Ю. М. Лотмана см. [13].

наличии есть только письменные рукописные документы, а именно авантексты: ни заметок, ни объяснений, ни комментариев поэта или его современников на данную тему нет. Это, естественно, усложняет как процесс исследования, так и интерпретацию полученных результатов. Именно в рукописях, то есть в творческой мастерской *in vitro* писателя мы надеемся найти следы этой промежуточной креативной фазы, свидетельствующей о переходе от одного языка к другому. Рабочая гипотеза нашего анализа — присутствие промежуточного варианта, то есть варианта «между двух языков», в очень немногочисленных дошедших до нас черновиках, а именно, в пушкинских планах «Гости съезжались на дачу...», «На Кавказских водах» и «Русский Пелам», где переключение кодов происходит наиболее интенсивно и используется так называемое «внутреннее переключение», внутрифразовая смена языка. Данные планы представляют собой уникальный исторический пример языковых перекодировок. Мы объясним их особый интерес с точки зрения креативного процесса, движущим вектором которого является билингвизм.

Известно, что билингвы зачастую прибегают к переключению кодов в заметках для себя, когда им необходимо одновременно ускорить запись и лучше зафиксировать нюансы необходимой информации¹. В планах художественных произведений А. С. Пушкина используется как раз такой вид записи. В. В. Виноградов замечает, что «богатая смысловыми ассоциациями запись для себя» делается как правило на французском [6, с. 86]. Специалист пушкинского языка полагает, что для поэта «быстрым» языком был именно французский, язык аналитический, язык планирования, а русский был более выразительным средством выражения, языком творчества. Такое разделение не отражает интуитивность смены кода при скоростной записи, смены спонтанной, зачастую продиктованной свойствами памяти, о которых мы уже говорили [6, с. 87]². В то же время такое разделение находит свои текстовые подтверждения, и можно сказать, что одно не исключает другого: выразительное приходит на память быстрее, и это выразительное — индивидуально.

Так, при рассмотрении черновых планов недописанного романа «Гости съезжались на дачу...» (1828), мы видим, что некоторые русские выражения как будто вторгаются в организационную линию сюжета, зафиксированную по-французски: «*L'homme du monde marié en province à une aristocrate fait la cour à une femme à la mode <...> il la séduit et en épouse une autre* по расчёту» Задумываемая светский, изобилующий сложными романтическими треугольниками роман

¹ Это касается не только состоявшихся писателей, но и любых билингвов в ситуации письменного документирования. Так, в 2019 году были проведены анализ и сбор информации среди студентов-трилингвов Страсбургского университета, изучающих русский язык и владеющих еще минимум двумя языками на уровне активного двуязычия, еще раз подтвердившие это утверждение [14].

² Н. Л. Дмитриева приходит к подобному выводу относительно всего двуязычного корпуса произведений А. С. Пушкина: «(Е)сли в ряде случаев можно найти объяснения выбора языка, то в других предпочтение того или иного языка кажется абсолютно нелогичным».

нового типа на примере французских романов, но в русском контексте, автор отстраивается от сюжетных линий именно этих романов, держа в голове французский язык. Русский контекст вкрапляется в его планирование написанным слитно выражением «порасчету»:

Трудно утверждать, оказывается ли выражение «порасчету» выразительнее (согласно интуиции В. В. Виноградова) французского « mariage d'intérêt », или же оно просто находится «под рукой», является более близким в памяти, чем выражение « épouser par intérêt ».

Рис. 1. Черновой автограф плана «Гости съезжались на дачу...» (1828) — автограф Пушкинского Дома Академии Наук СССР, № 108 (ПД 108)

Fig. 1. Facsimile of the plan “The Guests Were Arriving at the Dacha” (1828) — autograph of the Pushkin House of the Academy of Sciences of the USSR, no. 108 (PD 108)

Так или иначе, мы можем наблюдать, что данное внезапное вторжение русского контекста в процесс планирования не вовлекает автора в использование русского кода и далее. У него возникают сомнения в необходимости усложнения сюжета появлением новой женщины: фраза «et en épouse une autre порасчету» зачеркнута, затем восстановлена: в этот момент автора полностью занимает организационное решение, и русский контекст отступает на второй план; далее автор продолжает планировать, используя французский язык.

Другой относящийся к плану этого же произведения отрывок с активным переключением кода интересен обратным примером: русский контекст вторгается в планирование «французского» романа и на какое-то время вовлекает автора в начало творчества, в написание произведения по-русски.

Обратим внимание на запись под арабской цифрой 1 (цифры 1-4, вероятно, относятся к будущим главам), со следующей расшифровкой:

1) « Une scène du grand monde » на даче у Графа L — комната полна, около стола чая — приезд Зелии — она отыскала глазами « l'homme du monde » и с ним проводит целый вечер.

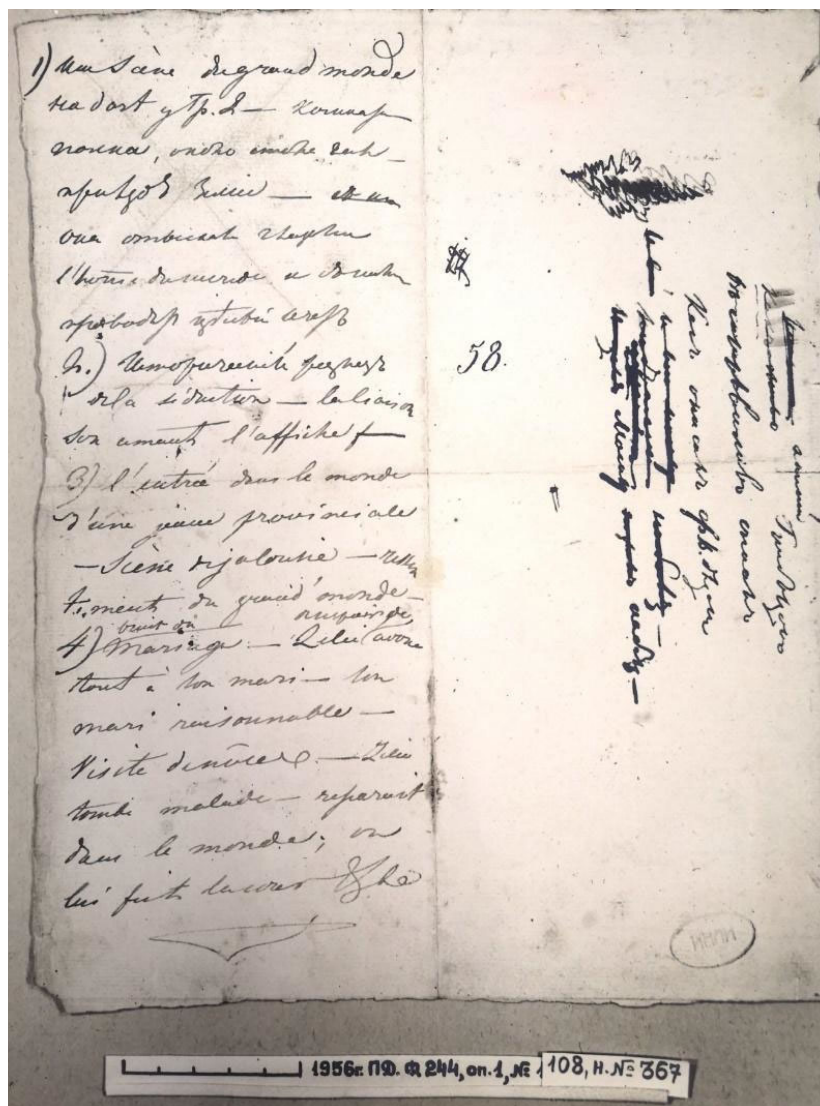
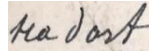

Рис. 2. Черновой автограф плана « Гости съезжались на дачу... » (1828) — автограф Пушкинского Дома Академии Наук СССР, № 108 (ПД 108)

Fig. 2. Facsimile of the plan “The Guests Were Arriving at the Dacha” (1828) — autograph of the Pushkin House of the Academy of Sciences of the USSR, no. 108 (PD 108)

Запись тороплива, небрежна, изобилует сокращениями, слитным написанием предлогов. « Une scène du grand monde » начала плана вдруг конкретизируется вторжением внимательно прописанного «на даче» в начале второй строки

(рукописная «ять» выглядит как латинское *t*) — где же еще как не на даче у графа L может развернуться сцена великосветской жизни?

Образ дачи графа потянул за собой конкретизацию сцены по-русски, появляются детали русского быта: заполненная гостями комната, стол, чай — то есть контекст, в котором Zélie становится Зелией (в тексте начатого произведения она превратится в Зинаиду Вольскую). А. С. Пушкин настолько ясно видит отдельные сцены, что уже на стадии плана начинает набрасывать их по-русски. Это не мешает « l'homme du monde » сохранять свою позицию-архетип на французском Онегинского типа¹. Речь идет о запланированной центральной оси-герое светского романа, вокруг которого крутится весь свет и с которым Zélie — Зелия — Зинаида «проводит целый вечер».

Надо заметить, что образ русской дачи, «русскость» этой языковой реалии представляет сложности при переключении языка не только в рукописях А. С. Пушкина. Данную форму мы можем не раз встретить в контексте междуязычия прописанной именно на русском языке. Приведем в пример рукописи, которые отделяют от «une scène du grand monde» столетия. Речь идет о рукописных материалах французской писательницы русского происхождения Ирен Немировски (1903-1942). В 1936 году писательница предложила Андре Сабатье перевести «Пушкина в жизни» В. В. Вересаева, затем же решила написать эссе о писателе сама. В подготовительных записях к неизданному произведению автор использует русский язык для передачи реалий, по-прежнему отсутствующих или входящих в неполный синонимичный ряд во французском языке. Приведем транскрипцию выделенного фрагмента:

[...] En 1812, également, Poushkine a écrit une poésie : « Измены », относящаяся к гр. Наталии Виктор. Кочубей, qui avait 11 ans à l'époque, qui vivait à Царское Село, у ея отца была тамь дача. [...]

Обратим внимание, что с синтаксической точки зрения русские элементы вписаны во французскую фразу и составляют синтаксическое и грамматическое единство речеформы. И в рукописях А. С. Пушкина, и в рукописных заметках к указанной работе И. Немировски имеет место лингвистическая француско-русская матрица².

¹ Интересен тот факт, что план набросан в 1828 г., параллельно с последними главами «Евгения Онегина».

² Указанный феномен исследуется в следующих работах: [5, с. 82-99; 6, с. 85-93; 15, с. 73-84].

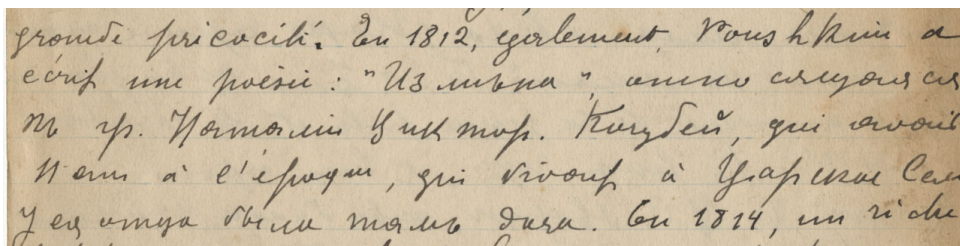

Рис. 3. Инвентарный номер NMR 7.3. IMEC

Fig. 3. Inventory number. NMR 7.3. IMEC

Вернемся к рукописям А. С. Пушкина. Далее следуют пункты 2-4 заметок, которые начинаются по-русски («Исторический рассказ») и продолжаются по-французски:

2) Исторический рассказ de la séduction — la liaison, son amant l'affiche —

Данное место стыка двух кодов особенно интересно. «Дачный эпизод» заканчивается, и А. С. Пушкин возвращается к планированию. Сочетание «исторический рассказ de la séduction» [4, с. 310]¹, представляющее собой русско-французскую лингвистическую матрицу, является результатом интерференции двух языков. Перед нами та самая фигура, о которой писала Л. Юргенсон: некий «зверь» с задними лапами еще в русском, а мордой уже в французском. Работая быстро, А. С. Пушкин — с большой долей вероятности подсознательно — остается в русском коде, чтобы записать сюжетную идею, и поправляется на полпути: то, что должно бы быть записано как «histoire de la séduction» записывается как «исторический рассказ de la séduction».

Дальнейшие заметки следуют уже по-французски без кодовых «сдвигов» (история соблазнения, появление в свете молодой провинциалки, сцена ревности, неодобрение большого света, слух о женитьбе — отчаяние Зелии. Она во всем признается мужу. Благоразумный муж. Свадебный визит. Зелия заболевает — возвращается в свет; за нею ухаживают в т. д., и т. п.):

3) L'entrée dans le monde d'une jeune provinciale. Scène de jalousie, ressentiment du grand monde

4) Bruit du mariage — désespoir de Zélie. Elle avoue tout à son mari. Son mari raisonnable. Visite de noces. Zélie tombe malade, répareit dans le monde; on lui fait la cour etc.

От начатого в сентябре 1831 г. «Романа на Кавказских водах» остались три варианта плана и несколько дополнений и вставок к этим вариантам. Два первых

¹ А. С. Пушкин работает здесь над романом, а не рассказом, и произведение обещает быть светским, а не историческим. Е. Гладкова дает этому совсем другое объяснение: А. С. Пушкин хотел вставить сюда «исторический рассказ» о Клеопатре. Именно в обстановке вечера на даче рассказан этот эпизод в другом наброске (от 1835 г.), в котором героиня также носит фамилию Вольской.

плана двуязычны, а третий, самый полный¹ и, вероятно, самый близкий к реализации, уже полностью написан на русском языке. Двуязычные планы «Романа на Кавказских водах» также показывают, насколько эвалютивно функциональное разделение кодов у А. С. Пушкина. Задумывается роман о русском светском обществе на Кавказских водах, и выразительность этого контекста позволяет сделать самые первые шаги в планировании по-русски: «~~Кавказские воды — Семья русская — Якубович приезжает~~ — Якубович — *impatronisé*» Французское слово «*impatronisé*», «сделался своим человеком», бывшее у всех на слуху в XIX в., сегодня забыто. Компактное и точное по смыслу, именно это слово приходит в голову А. С. Пушкину и вовлекает его на некоторое время в код французского светского романа: «*arrivée du véritable amant tout le monde les femmes enchantées de lui* ~~on Soirées dans~~ в Калмыцкой кибитке».

Ах, эти вечера в калмыцкой кибитке! Собственные воспоминания² и склонность к точности перебивают здесь планирование по-французски: «*jeux*», и далее следует снова по-русски — так как оба языка прекрасно подходят как для планирования, так и для любой другой записи:

«встреча изъяснение — поединок — Якуб. ~~ранен~~ не дерется — условие.
Он скрывается — толки, забавы, гуляния — ~~кунак enlèv.~~ нападение Черк.
enlèvement — Москва ~~приезд Якуб.~~ в Москву».

Можно ли представить, что, ведя запись очень быстро, А. С. Пушкин забыл русское слово «похищение», и лишь французское «*enlèvement*» пришло ему на память? Скорее, «*enlèvement*» более точно передает «варварский» кавказский обычай кражи невесты. А. С. Пушкин использует французское слово всякий раз, когда речь идет о краже девушки³, и настаивает именно на этом использовании. «Смыслослово» обогащается необходимым писателю оттенком, отсутствующим в русском языке. Французский словарь Larousse дает одним из определений словоформы *enlèvement* «*action d'enlever quelqu'un par la force ou dans une fugue amoureuse*». В определении русского слова «похищение» присутствует внутренний коннотационный компонент «тайно», но отсутствует «*une fugue amoureuse*», «любовный порыв»⁴.

Обратимся теперь к менее богатому с точки зрения перемены кода второму плану. Тема заявлена по-французски («*les eaux — une saison*»), но далее следует полностью русский план. Почему смена кода используется здесь так мало?

¹ Переработанный, дополненный именами второстепенных героев и очень конкретными сценами (например, «Гранев, Курилов и Хохленко сидят у кислосерного источника»).

² Ср. эпизод посещения калмыцкой кибитки (тип монгольской юрты) из «путевых записок», которые А. С. Пушкин вел во время поездки на Кавказ и Закавказье весной и летом 1829 года.

³ Интересно, что в третьем варианте, написанном полностью по-русски, речь об *enlèvement* / краже невесты уже не ведется.

⁴ Данное слово, надо заметить, отсутствует в толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля, вышедшего в 1863 году.

Сюжет переписывается и перестраивается заново, по горячим следам воспоминаний (реальный русский контекст в них очевиден) и уже в более выстроенной форме — то есть планирование здесь очень близко к самой реализации; некоторые сцены уже видятся А. С. Пушкиным в деталях, например вист, банкеты (так как Якубович игрок). Действие романа должно было развиваться в атмосфере опасностей и приключений, характерных черт жизни Кавказа 1810-х годов, которые значительно изменились к 1829 году, когда после девятилетнего отсутствия А. С. Пушкин снова возвращается на воды. Он вспоминает реальных лиц (пленных офицеров, врачей, кунаков, узденей...), что само по себе занимает воображение автора как некий внутренний язык образов, с которым диалогизирует язык записи, язык творчества — русский язык. Французский ждет своей очереди.

Далее следует расшифровка и изображение другой страницы второго плана:

«На другой день банка — все дамы на гуля-нье ждут Якуб(овича). Он является с братом который представляет его — его ловят он влюбляется в Марью — cavalcade Бешту. Якуб(ович) сватается через брата Pelham отказ — дуэль — у Якубовича секунданта поэт, у брата (Кур(исов) отказывается) любовник, раненный на Кавказе офицер; бывший влюбленный, знавший Якуб(овича) в горах и некогда им ограб(ленный).

[Вставка] Якубович ночью едет в аул к узденю во время переезда из Горячих на Холодные Якубович enlève — тот едет и спасает ее с одним Кунаком...».

Весьма интересно неожиданное появление кавалькады по-французски (cavalcade), верховой прогулки к пятиглавой горе Бешту, давшей название Пятигорску. Возможно, так же, как и « enlèvement », это слово ярче чувствуется автором по-французски, чем по-русски (заимствование слова «кавалькада» датируется концом 18 века). Кроме того, во французской словоформе «кавалькада» сохраняется внутренний компонент «помпезного, гротескного дефиле», практически «увеселительной прогулки», отсутствующий в русских «прогулках» или «поездах», что, безусловно, придает через использованное вкрапление некую театральность и романтичность данному действию.

Особенно интересно не столько появление имени похищенной красавицы (Марья), сколько появление ее портрета. Прототипом Марьи стала Александра Александровна Римская-Корсакова, чей портрет и рисует А. С. Пушкин на поле рукописного плана (доказательством может служить упоминание Александры в третьем плане¹). Автор размышляет о похищении Марьи в процессе написания плана на той же странице, где находится портрет. Перемена кода распространяется здесь на нелексический способ выражения — рисунок — с его ярко выраженной мнемонической функцией. Мнемоническая функция рисунков писателей стала исследоваться сравнительно недавно. Так, Ж. Годон в 1989 году, анализируя творчество А. Мюссе, Стендаля и П. Мериме,

¹ В плане, где Марья становится Алиной, а Якубович — Кубовичем.

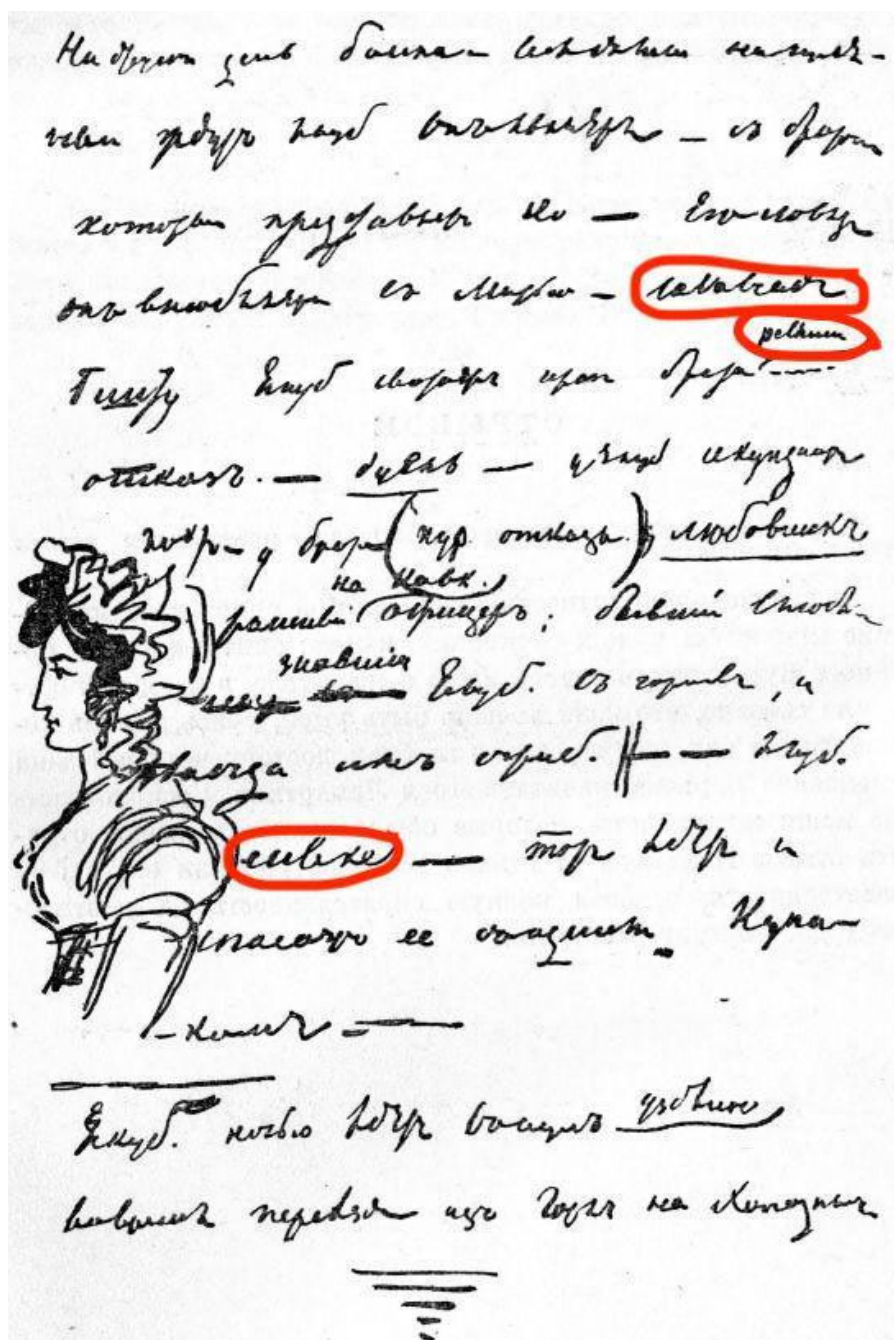
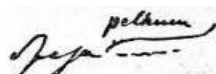

Fig. 4. Facsimile of the plan
“At the Waters of the Caucasus”
(1831) — autograph of the Pushkin
House of the Academy of Sciences
of the USSR, no. 270

разделяет креативные процессы — рисунок и письмо — не придавая генетического значения первому [17, с. 115]. Исследователь С. Серодес, анализируя историю рисунков писателей именно применительно к рукописным материалам, подтверждает, что в своей массе исследователи-текстологи до недавнего времени разделяли эти процессы [22, с. 95-109]. Мы же встаем на ту точку зрения, что рисунок является равноправным выражением авторского креативного жеста, « geste autoctorial », наряду с движением мысли, руки. Л. Арагон замечал, что « écrire et peindre, un seul mot signifiait l'un et l'autre dans l'ancienne Égypte » [21, с. 99] — «писать и рисовать — и то, и другое в Древнем Египте обозначалось одним словом». Нам кажется, что именно в рукописном наследии писателей, использующих в креативном процессе рисунок, это замечание Л. Арагона находит свое истинное выражение.

Пушкинисты второй половины XIX в. относились к рисункам поэта как к «машинальному рисованию». Новый взгляд на рисунки поэта предложил в 1930-х гг. А. Эфрос, интерпретировавший их как графический дневник. Петербургский исследователь А. Ю. Чернов деликатно говорит, что А. С. Пушкин ««будил мечту сердечной силой», вызывая для немой беседы или тени прошлого, или образы живых своих друзей и врагов. Он разговаривал с ними. А чтобы те ему отвечали, надо было передать не просто сходство обличья, но угадать и тем вызвать графическую формулу индивидуальной природы, формулу души твоего собеседника» [10, с. 210]. Идея «графической формулы индивидуальной природы» как нельзя лучше характеризует мнемоническую функцию, которую выполняет рисунок.

И, наконец, последняя смена кода в этой части плана: слово « Pelham », вписанное А. С. Пушкиным как дополнительная характеристика персонажа брата Марьи.

Как и « l'homme du monde », Pelham является архетипом. Персонаж одноименного романа английского писателя Бульвер-Литтона, Pelham — аристократ и денди, вращающийся одновременно в кругу высшего света Лондона и в его чреве, притонах и прочих сомнительных заведениях. А. С. Пушкина в целом интересуют такие фигуры, несущие в себе кодовую коллизию: Якубович днем русский офицер на Кавказских водах, а ночью черкес; Дубровский днем француз Дефорж, а ночью разбойник и защитник народа. Ю. М. Лотман пишет в своей книге о Пушкине [7, с. 271-272] о «перемещении сюжета из одного пласта в другой: светский, разбойничий, декабристский».

Смена, пересечение или столкновение разных кодов необыкновенно интересны для сюжета, потому что позволяют сосуществовать в тексте двум противоположным стилям: благородному, джентльменскому и простому, балаганно-карнавальному. Поэтому архетип «джентльмен-разбойник» особенно дорог А. С. Пушкину. Когда он читает английский роман « Pelham »

[16, с. 147]¹, дорогой ему архетипический сюжет не может оставить его равнодушным. Чтение по-английски (перевод на французский появился только в 1831 году, а на русский — значительно позже) вызывает параллельные образы русских эквивалентов, которых в окружении поэта хватало, и для которых законы были так же не писаны²; возникает желание создать подобный роман на русской почве.

Якубович, русский Пелам, по праву занимает свое место в галерее пушкинских антитетических образов. Незаконченный «Роман на Кавказских водах» станет подспорьем к «Русскому Пеламу» (также оставшемуся незаконченным), своеобразному «Евгению Онегину» в прозе. Процесс создания такого романа станет диалогом между жанровым прототипом и русским контекстом.

Приведем лишь небольшой пример из «Русского Пелама» (расшифровка): «История Федора Орлова. Un élégant, un Zavadovski, mauvais sujet, des maîtresses, des dettes. Он влюбляется в бедную светскую девушку, увозит ее; первые года роскошные, впадает в бедность, cherche des distractions chez ses premières maîtresses, devient escroc et duelliste. Доходит до разбойничества, зарезывает Щепочкина; застреливается (или исчезает).

История Пельмова. Он знакомится с Ф. Орловым dans la mauvaise société, помогает ему увезти девушку, отказывается от фальшивой игры, на дуэли секундантом у него. Узнает от него о убийстве Щепочкина, devient l'exécuteur testamentaire de Фед. Орлов, попадает в подозрение (он дает ломбардный билет). Обращается к Ал. Орлову из крепости».

Мы уже видели выше «историю соблазнения» такого-то персонажа, которую автор выразил словосочетанием «исторический рассказ de la séduction». В данном плане русский контекст первичен. Именно реальные персонажи задают тон. Французский язык используется для жанровых стандартов, а чаще всего просто потому, что выражения на этом языке приходят на ум быстрее. При этом такие нейтральные слова как «дуэль» могут практически сосуществовать в двух языках. Русский контекст естественным образом предлагает свою лексику в развитии сюжета. Интересно, что фразы типа « Vie splendide de Zavadovski » сформулированы как готовый стандарт романа французского, как будто уже опережая рецепцию романа на французском языке, пример-тип светского романа. Становится ясно, что диалог между языками ведется как бы по кругу: автор-билингв берет что-то из одного языка, вкладывает в другой, и перекладывает в первый, прислушиваясь к полученному эффекту.

¹ Неизвестно, была ли у А. С. Пушкина информация о самом авторе, Эдварде Бульвер-Литтоне, фигуре противоречивой. Одновременно блестящий беллетрист, видный британский политик и домашний тиран, он основал в 1962 году Британскую Колумбию (во время золотой лихорадки каньона Фрейзер, неподалеку от г. Сиэтл), а в 1858 году отказался от греческой короны. Роман « Pelham » утвердил его репутацию денди и остряка.)

² Ср. выше в тексте плана «Романа на Кавказских водах» похищение девушки, дуэли, карточные игры.

Еще раз обратим внимание на тот факт, что лингвистическая русско-французская матрица не имеет отклонений и в этом примере — по-прежнему полностью сохраняются междуязычные синтаксис и грамматика. «Впадает в бедность», «cherche des distractions» и «devient escroc et duelliste», «узнает от него о убийстве Щепочкина, devient l'exécuteur testamentaire» согласованы по числу с личным местоимением третьего лица единственного числа; в «знакомится с Ф. Орловым dans la mauvaise société» обстоятельство места вводится предлогом «dans», полностью соответствующим предлогу «в».

Внутренний диалог и смена кода на канале «Я-Я»: промежуточные выводы

Думается, что тот процесс, который мы наблюдали в планах «Гости съезжались на дачу...», «На Кавказских водах» и «Русский Пелам», где автор как будто переключается с одного языка на другой, является существенным доказательством лотмановского внутреннего диалога на канале «Я-Я». Смена кода на этом канале играет ключевую роль в организации различных образов и идей [8, с. 83]¹. В данном случае, жанровая специфика (светский роман) часто (но не всегда) объясняет отправные точки замысла А. С. Пушкина, его матричную сетку: идиоматические выражения на французском («l'homme du monde», «les eaux», «l'entrée dans le monde», «scène de jalousie»), архетипы («Pelham») тому свидетели. Русские реалии — хорошо знакомые автору образы реальных персонажей (декабрист Якубович, Римская-Корсакова), прожитых сцен («на даче у графа L»), реальных мест (Кавказ) — ткут материю текста (топонимию, культурную среду), но также диктуют свою логику, свое, аутентичное, развитие сюжета. В результате французские или английские архетипы переделываются на русский лад («Русский Пелам»), задумывается светский роман не французского, а нового типа².

Мы уже говорили о свидетельствах несоблюдения разделения языковых функций. Например, одновременное присутствие в планах слов «черкес» и «tcherkès», «Зелия» и «Zélie», «дуэль» и «duel», говорят о том, что языковые роли могут спокойно меняться местами без каких-либо видимых последствий (например, исправлений). Можно ли рассматривать их как простую «оплошность» или же важную рокировку, которая возводит черкеса или Зелию в разряд героев «над-вне» какого-то одного языка?

Заключение

Гибридные, двуязычные словосочетания («soirées dans в калмыцкой кибитке», «исторический рассказ de la séduction») — позволяют увидеть место стыка в процессе перескока с одного кода на другой. Кодовая теория Ю. М. Лотмана позволяет увидеть в таком слитном планировании на двух языках — а вернее, между двух

¹ По Ю. М. Лотману, «текст в канале Я-Я имеет тенденцию обрастать индивидуальными значениями и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций».

² Е. Гладкова показала, что светские романы Бегичева, Булгарина, Бестужева-Марлинского (Одоевский является исключением) не удовлетворяли Пушкина своей излишней простотой.

языков — нечто невидимое, то есть работу катализатора креативного процесса, который набирает силу, отталкиваясь от одного кода, чтобы перейти к другому.

Неудивительно, что время от времени к языковым кодам А. С. Пушкин добавляет рисунок. Смена кода приобретает тогда характер психологический: вызывая образ прототипа (как мы видели в случае «Кавказских вод») автор надеется получить эмоциональный заряд «текстообразующему напряжению», «сдвиг контекста» [8, с. 78], новый виток сюжета, деталь плана, или же, как предлагает А. Ю. Чернов, индивидуальную «графическую формулу».

Ю. М. Лотман показывает в своем раннем, пре-семиотическом анализе «Капитанской дочки», что Пушкинский код эволютивен, гибок. Код, комплекс моральных и культурных норм, отвечает требованиям ситуации, не отрываясь при этом от фундамента (такова, например, по словам Ю. М. Лотмана, фигура Гринева). Тут нужно пояснить, что как и у Лукача, у Ю. М. Лотмана прослеживается двойная идеологическая структура: дворяне и государственные служащие (говорящие по-французски) и остальные (простонародье, говорящие по-русски)¹. Два кода сталкиваются в калмыцкой сказке; два кода сталкиваются, когда Гринев встречается с Пугачевым. Из этой романтической кодовой коллизии Гринев выходит более сильным и опытным человеком. А Пугачев? Он спасает жизнь Гринеvu. Значит, что-то изменилось и в нем после встречи.

Напомним, что Ю. М. Лотман выделяет три типа смены кода: идеологический, психологический и духовный. Такая типология позволяет значительно расширить значение лингвистического термина, ведь язык неотделим от своего культурно-идеологического пласта. Почему же тогда не увидеть в кодовой смене А. С. Пушкина и духовную функцию? Плохо и хорошо говорящие по-французски дворяне и интеллигенция пушкинского времени, оторвавшиеся от своих корней, перестали идентифицировать себя с русским языком и культурой. Миссия поэта состояла и в том, чтобы заново привить этому классу любовь к своим земле и языку, не принижая при этом роли Европы как носительницы идей и духа просвещения². Для А. С. Пушкина Россия должна была подтвердить свою принадлежность к Европе и к мировой литературе «мировым» русским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, В. Н. Орлова. Москва, 1974. Т. 1. 563 с.
2. Баевский В. С. Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина / В. С. Баевский // Филологические науки. 1997. № 2.

¹ Представители светского общества и «маленькие люди», по выражению советских критиков.

² Смена кода безусловно является частью диалога культур и стимулятором творчества. Восхищенный выставленным в Милане полотном К. Брюллова «Последний день Помпеи» (1833), Э. Бульвер-Литтон пишет роман «Последние дни Помпеи» (1834). А. С. Пушкин, любя в литтоновском Пеламе тип «дворянина-разбойника», задумывает светский роман на русский лад («Кавказские воды» и «Новый Пелам»).

3. Васильев Н. Л. О Пушкине / Н. Л. Васильев. Саранск, 2013. 388 с.
4. Гладкова Е. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света» / Е. Гладкова // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941.
5. Дмитриева Н. Л. Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина / Н. Л. Дмитриева // Россия и Франция: диалог культур. Тверь, 2015.
6. Дмитриева Н. Л. О билингвизме в рукописях Пушкина / Н. Л. Дмитриева. Санкт-Петербург, 2000.
7. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство, 1995.
8. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. 1.
9. Пушкин и французский язык. 1998. URL: www.kaverin.ru (дата выхода 20.09.2019).
10. Чернов А. Ю. Невербальный Пушкин / А. Ю. Чернов // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / Сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. Санкт-Петербург, 2017.
11. Anokhina O. Plurilinguisme littéraire: de la théorie à la genèse / O. Anokhina, E. Sciarrino // Genesis. n°46. Entre les langues. PUPS, 2018.
12. Beaujour E. Alien tongues: bilingual Russian writers of the “first” emigration / E. Beaujour. Cornell University Press, 1989.
13. Bethea D. Bakhtinian Prosaics versus Lotmanian “Poetic Thinking”: The Code and Its Relation to Literary Biography / D. Beathea // The Slavic and East European Journal. Sept, 1998.
14. Chepiga V. Langue maternelle vs langue d’adoption: écrivains bilingues et leurs manuscrits / V. Chepiga. Conférence plénière. Université de Strasbourg, 16 janvier 2019.
15. Dmitrieva E. Correspondance française de Pouchkine. Ruptures mentales, ruptures nationales / E. Dmitrieva. M. Espagne et M. Werner (dir.). Philologiques 3. Paris, 1994.
16. Drabble M. The Oxford Companion to English Literature (sixth edition) / M. Drabble. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000.
17. Gaudon J. Croquis, dessins, griffonages, portraits, les notations graphiques de Victor Hugo / J. Gaudon // De la lettre au livre. Sémiologie des manuscrits littéraires / Collection Textes et Manuscrits publiée par L. Hay. Editions du CNRS, 1989.
18. Hoffman C. An Introduction to Bilingualism / C. Hoffman. New York: Longman, 1991.
19. Jurgenson L. Au lieu du péril / L. Jurgenson. Éditions Verdier. Lagrasse, 2014.
20. Muysken P. Language contact and bilingualism / P. Muysken, R. Appel. London and Baltimore, MD: Edward Arnold, 1987.
21. Piot C. Séminaire international sur les dessins d’écrivains, intitulée Poèmes et dessins de Picasso / C. Piot // Sérodes S. Les dessins d’écrivains. Prélude à une approche sémiotique / Genesis. n°10. Editions du CNRS, 1996.
22. Sérodes S. Les dessins d’écrivains. Prélude à une approche sémiotique / S. Sérodes // Genesis. n°10, Editions du CNRS. 1996.

Julia HOLTER¹
Valentina P. CHEPIGA²

UDC 81.373.45

**CODE-SWITCHING AND CREATIVE PROCESS:
PUSHKIN'S PLANS "THE GUESTS WERE ARRIVING
AT THE DACHA", "THE RUSSIAN PELHAM"
AND "IN THE WATERS OF THE CAUCASUS"**

¹ Dr. Sci. (Phylol.), Professor of English language,
Catholic University of the West (Nantes, France)
juliaaholter@gmail.com

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Departement of Slavistic Studies, Strasbourg University (France)
valentina.chepiga@gmail.com

Abstract

Alexander Pushkin's code-switching is a particularly interesting, anachronic or historic example from the early modern period. It is established that he used French language (analytical and well-established) for planning, and the Russian language (expressive but in need for renewal and normalization) as language of textualization.

The genetic exercise proposed here will nuance the above division, pointing at the limitations of functional separations. Today, we know that bilingual writers are guided parallelly by *both* languages in their creative process, though their functions may be different. They are also inspired by other "voices" that constitute other creative vectors (other languages, music, images...). But can this be demonstrated for Pushkin if the majority of his survived plans were formalized in French?

The plans for three texts, "The Guests Were Arriving at the Dacha" (1828), "The Russian Pelham" and "In the Waters of the Caucasus" (1831), display abundant cases of code-switching

Citation: Holter Ju., Chepiga V. P. 2022. "Code-switching and Creative Process: Pushkin's Plans 'The Guests Were Arriving at the Dacha', 'The Russian Pelham' and 'In the Waters of the Caucasus'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 38-61.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-38-61

between Russian and French, as well as between writing and drawing. We will endorse Youri Lotman's vision of code-switching as "auto-communication" on different channels (linguistic or not) to show how the ideas bouncing off the linguistic units, but also sparking thanks to the mnemonic function of drawings, establish a current, and a creative tension between different channels of auto-communication.

Keywords

A. S. Pushkin, code-switching, auto-communication, creative process, Lotman, bilingualism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-38-61

REFERENCES

1. V. V. Grigorenko, Makashina S. A., Mashinsky S. I., Orlov V. N. (ed.). 1974. A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries. Moscow. Vol. 1. 563 p. [In Russian]
2. Baevsky V. S. 1997. "Russian and French languages in the poetic consciousness of Pushkin". *Philological Sciences*, no. 2. [In Russian]
3. Vasiliev N. L. 2013. *About Pushkin*. Saransk. 388 p. [In Russian]
4. Gladkova E. 1941. "Pushkin's prosaic sketches from the life of the 'light'". Pushkin: Provisional of the Pushkin Commission. Institute of Literature. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. [In Russian]
5. Dmitrieva N. L. 2015. "Features of French-Russian bilingualism on the example of Pushkin's letters". *Russia and France: a dialogue of cultures*. Tver. [In Russian]
6. Dmitrieva N. L. 2000. *About bilingualism in Pushkin's manuscripts*. Saint-Petersburg. [In Russian]
7. Lotman Yu. M. 1995. *Pushkin*. Saint-Petersburg: Art. [In Russian]
8. Lotman Yu. M. 1992. "About two models of communication in the system of culture". *Articles on semiotics and topology of culture*. Tallinn: Alexandra. Vol. 1. [In Russian]
9. *Pushkin and the French language*. Accessed on 20 September 2019. www.kaverin.ru [In Russian]
10. Chernov A. Yu. 2017. "Non-verbal Pushkin". *Pushkin and others (twenty years later): a collection of articles on the 80th anniversary of Sergei Aleksandrovich Fomichev / Completed by S. Denisenko, N. Dmitrieva*. Saint-Petersburg. [In Russian]
11. Anokhina O., Sciarrino E. 2018. "Plurilinguisme littéraire: de la théorie à la genèse". *Genesis*. n°46. Entre les langues. PUPS.
12. Beaujour E. 1989. *Alien tongues: bilingual Russian writers of the "first" emigration*. Cornell University Press.
13. Bethea D. 1998. "Bakhtinian Prosaics versus Lotmanian 'Poetic Thinking': The Code and Its Relation to Literary Biography". *The Slavic and East European Journal*.
14. Chepiga V. 2019. "Langue maternelle vs langue d'adoption: écrivains bilingues et leurs manuscrits". *Conférence plénière*. Université de Strasbourg.
15. Dmitrieva E. 1994. *Correspondance française de Pouchkine. Ruptures mentales, ruptures nationales*. M. Espagne et M. Werner (dir.). *Philologiques* 3. Paris.

16. Drabble M. 2000. *The Oxford Companion to English Literature* (sixth edition). Oxford, New York: Oxford University Press.
17. Gaudon J. 1989. "Croquis, dessins, griffonages, portraits, les notations graphiques de Victor Hugo". *De la lettre au livre. Sémiologie des manuscrits littéraires*. Collection Textes et Manuscrits publiée par L. Hay. Editions du CNRS.
18. Hoffman C. 1991. *An Introduction to Bilingualism*. New York: Longman.
19. Jurgenson L. 2014. *Au lieu du péril*. Éditions Verdier. Lagrasse.
20. Muysken P., Appel R. 1987. *Language contact and bilingualism*. London and Baltimore, MD: Edward Arnold.
21. Piot C. 1996. "Séminaire international sur les dessins d'écrivains, intitulée Poèmes et dessins de Picasso". Sérodes S. *Les dessins d'écrivains. Prélude à une approche sémiotique*. Genesis. n°10. Editions du CNRS.
22. Sérodes S. 1996. *Les dessins d'écrivains. Prélude à une approche sémiotique*. Genesis. n°10, Editions du CNRS.

Natalia N. BELOZEROVA¹

UDC 81:004.9(079.8)

HOW FAR CAN A DEAD AUTHOR GO?

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of the English Language,
University of Tyumen
natnicbel@gmail.com

Abstract

This article centers around the issue of “the death of the author” proposed by Roland Barthes, a French semiologist, in one of his essays. Three novels to a great extent “probabilistic” by two contemporary French novelists are chosen to verify the possibility of the “resurrection” of the author in the blended narratives overloaded with intertextual units both structural and semantic. These novels are: a detective story « La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts » by Romaun Puertolas, a “semiotic” detective novel « Qui a tué Roland Barthes ? La septième fonction du langage » by Laurent Binet and his “would-have-been” « Civilization ».

The methodology rests upon Derridean deconstruction including « diffrance » principle, based upon two ideas: all things *defer* to the same field and *differ* at the same time. Several other approaches used concern the interrelation of the categories of the author, text and the reader. These approaches include theories by M. Bakhtin, R. Jakobson, D. Lodge etc.

The analysis reveals that a vectoral outline of probable regressive or progressive development shapes the narrative chain. Another property is to be found in the fusion of genre forms, each evolving according to its rules. Communication practices in these novels obtain greater importance than physical events... That tendency in its turn has caused the revival of the Syncretic truth.

Keywords

Fusion, regressive, revival, syncretic truth, communication.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-62-75

Citation: Belozerova N. N. 2022. “How far can a dead author go?”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 62-75.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-62-75

Introduction

The origin of our title is twofold — on the one hand, it presents a paraphrase of the title “How Far Can You Go” from one of the novels by David Lodge [14], on the other, it alludes to Roland Barthes’ essay “The Death of the Author” [3, pp. 142-148].

Roland Barthes insisting that for a reader the author dies at the moment of entering the first word upon a paper [3] had no idea of the narrative twists that contemporary, 21st century novelists enjoy. The Intrusive authors of the 18th and 19th centuries like Henry Fielding in “Tom Johnson the Foundling” or Alexander Pushkin in “Evgeny Onegin” limited their intrusion only to comments. They did not place the action in the sphere of the human subconsciousness like James Joyce, they did not narrate their stories on the part of simpletons the way William Faulkner did, they did not rearrange time sequence modeling their novels after musical genres, as we find in Richard Aldington’s “Death of a Hero” or in the “time plays” of J. B. Priestley. These Men of Letters being highly intrusive by their purpose of writing hid behind their personages. All of them, like Russian Futurists and European surrealists were involved in linguistic and scientific experiments that resulted in the way they presented their « *ouvres* ». The experiment of 21st century novelists is to a great extent “probabilistic”.

To explain these “probabilistic” tendencies, three novels of two French authors overloaded with intertextual units (to fit Barthes’ discoveries), either structural or functional or semantic, are propitious. These books are:

- 1) a detective story « *La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts* » by Romain Puertolas [17],
- 2) a “semiotic” detective novel « *Qui a tué Roland Barthes ? La septième fonction du langage* » by Laurent Binet [5],
- 3) and his “would-have-been” « *Civilization* » [6].

Methodology

To analyze these novels, we choose Derridean deconstruction including « *différance* » principle, based upon the two ideas: all things *defer* to the same field and *differ* at the same time [9]. Several other approaches concerning the interrelation of the categories of the author, text and the reader, (explored in our doctoral theses [4]) are called for.

In this regard, three points seem to be relevant to the purpose of this article:

1. *The relation between the author and the text.* Is the text entirely the product of the author (or by a trinity of authors — M. Bakhtin [1, pp. 227-244; 2, pp. 148-160]) or the fruit of the interaction of the author’s psychology, culture, previously created texts, the episteme and aesthetic codes of the period, that the author only conveys without adding anything new, as Roland Barthes viewed it in his famous essay?
2. *The relation between the text and the reader.* Whether it is the text that creates the reader or it is the reader who creates the text. Can any text exist without a reader? To what extent the reader recreates the author’s text. How many texts are recreated from one [10];

3. *Semantic value of the text.* Whether the semantic levels of production and perception coincide. Whether the textual meaning predominantly rests upon the linguistic means of expression. Whether the text is just a *letter-filled* space between the margins and the extraction of meaning depends therefore on the cultural background of the reader [10].

A different point is made by from David Lodge, a professor at Birmingham university and the author of “an academic novel” who in his book “The Art of Fiction” [13] analyzes fifty-one textual categories that are completely dependent on the choice (conscious or subconscious) of the author [13, pp. 52-56] examining the extent to which the author can appear in the text. For instance, in the chapter “The Reader in the Text”, analyzing an excerpt from “A Sentimental Journey” by Laurence Sterne, David Lodge shows that a writer can not only target a particular reader, but create one. The category of intertextuality, (the cause of the death of the author) [15, pp. 98-104] can manifest itself in texts both regardless of the author’s conscious purpose (Richardson, Fielding), and due to their conscious intention (J. Joyce, V. V. Nabokov, J. T. Conrad, T. S. Eliot). Such were the approaches I used to construct the model of “Intertext Functioning” [4] and I believe they will serve here to analyze the advances of contemporary novelists who die at the moment they start to interweave their texts with earlier artistic produce.

Research results and discussion

Part one: Blended Genre Forms Going Awry

We start with « La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts » by Romain Puertolas [17].

From the semiotic point of view it is a “*text within a text*” (Lotman) with a motive of a *discovered box containing documents* as a trigger for the appearance of a “Bakhtinian” *secondary* author [2, pp. 148-160] to start a story.

« C’est l’histoire d’un homme, un policier donc, l’un des plus brillants de la grand ville. À sa mort, on retrouva sous son lit une boîte à biscuits en fer contenant neuf bandes magnétiques d’enregistrement, une liasse de lettres et quelques feuilles volantes, le tout reuni sous le nom de Affaire Joël » [17, p.14].

Moreover, this motive together with the dialogical form of the prologue that serves as a setting provides not only a “secondary” author, but a reader or listener, ready to comprehend a strange detective story « *sans meurtre, sans suspects et sans policier qui cherche le coupable* » [17, p. 13]. Thus, upon the three pages of an introductory dialogue between anonymous interlocutors, the reader (listener) and the “secondary” author surface. It is evident that the functions of the secondary author are to create a reader, to introduce a strange case, an intrigue « un coup de theatre final epoustouflant qui remet tout le recit en cause » [17, p. 14] and pretend to be a narrator.

The *primary* Bakhtinian author arrives (making a secondary one step aside) with an intertextual blend of genre forms: a detective narrative is fused with an epistolary novel, consisting of a set of semiofficial report letters to « *Madame la procureur de la République de M.* », each with attached annexes, comprised of magnetic tape tran-

scriptions, performed by a young inspector during a week in a hot summer of 1961 in a remote French village (« *France profonde* ») where the thunderstorm (among other things) cut off all possible connections with the rest of the world. Responsible persons of the village also send letters to « *Madame la procureur* » explaining their own actions and the development of events.

The epistolary exchange is bi-lateral, « *Madame la procureur* » reveals herself in the “reported” instructions within the letters of « *l’officier de police* » whose surname is never mentioned and first name comes only in the love letter and in the final tape « *et vivants, me direz-vous* » [17, p. 45]. Another set of letters forms an additional “story within a story” of true love. The Bakhtinian *biographical author* reveals himself explicitly by his name, as well as in the dedication lines, epigraphs from Heidegger and Jean Teule, and Remerciements (acknowledgements), and of course implicitly in the design of the story.

Thus the category of the author has a clear-cut classical Bakhtinian ‘trinity’ shape: (1) a *biographical author* who seems to be not intrusive and manifests his presence in “quasi” textual markers; (2) a *primary author*, the main character of the story, a police officer aged 25 in 1961, whose name remains unknown up to the end of the story, who manifests his discoveries in report letters to his boss and in the attached tape-transcripts with his commentaries in the mode of first person narrative and who is physically dead at the moment of the story narrating; (3) and a *secondary author* from the introductory conversation between two anonymous interlocutors, who pretends to be an intrusive narrator with his comments but is given by the biographical author only three pages to create a listener and a reader and to provide a setting to his narrative.

The *category of the reader* obtains a two- (even three)-folded representation: on the one hand, a *listener*, one of the anonymous interlocutors from the prologue who is being persuaded to listen to the case of « Joël » (« *Affaire Joël* »). This listener has a definite doubting voice and a definite part in the preliminary discourse. Perhaps, he is in his teens for he agrees to listen to the story only when it is defined as a sort of a game and a riddle. Concerning the revelation of the reader, we confirm the presence of the textual reader of letters (« *Madame la procureur* »), whose voice is presented reportedly and in her reply letters, and a multifaceted reader of the whole novel, who, though accurately created in the prologue, has no voice, nor other definite markers in the main body of the novel.

The present blend of genre forms inherits core features of parent genres: the epistolary novel was to a great extent a sentimental novel (S. Richardson, L. Stern, N. Karamzin) where sentiments, modalities of perception and the emotive function prevailed; a detective story demands strict “Proppian” [16] functional structure, both at the level of characters (sender, detective, helpers, antagonist (s), a victim) and actions (arrival, search, love affairs, fake discoveries, true discoveries, shock of a hero, departure). Somehow such a blend results in the distortion of each stereotype component. To illustrate this point, we selected a few extracts from the official report letters to « *Madame la procureur* » and attachments that reflect the sensual behavioral dominance of the inspector. Every modality of sense perception is verbalized in the report letters:

(1) Modality of taste rendering his impression of the lunch served in his hotel:

« *Si vous passez un jour par P., je vous recommande **la mousse au chocolat**, qui était **particulièrement délicate*** » [17, p. 36];

(2) Auditory modality in the presentation of the rural sounds:

« *Il est incorrect de penser que le silence règne en maître ici. **Les cigales qui font un bruit de clôture électrifiée, le meuglement des vaches, les chiens qui aboient, les clochettes des brebis** qui tentent au loin comme cent églises forment un paysage sonore....Non, madame, il n'y a pas moins de bruit à la campagne qu'à la ville, il est juste différent* » [17, p. 75];

(3) Olfactory modality in the description of the disgusting reek of the pigs' manure:

« *Alors que j'attends le bus depuis un bon quart d'heure un mouchoir appliqué sur le nez afin de **ne pas respirer cette horrible odeur qui flotte dans l'air**,....
...merde? Eh bien de la merde, inspecteur, **de la merde de porc**... Depuis ce matin, ils balancent **du purin** dans les champs pour préparer le semences* » [17, p. 80];

(4) Modality of vision in the description of the starry sky:

« *Il faisait encore nuit. Les étoiles emplissent le ciel et c'était un **spectacle merveilleux**. J'adore ce moment où l'on en vient à croire que l'on est seul sur Terre. Les étoiles **brillent pour nous, les arbres vibrent d'une émotion**. ..* » [17, p. 170];

(5) Modality of sense perception that render the invitation to senses after visiting the cemetery:

« *En sortant du cimetière. ..
J'aime l'atmosphère qui règne dans ces lieux de culte. Une invitation aux sens, même pour les plus athés des hommes* » [17, p. 133].

Such infusion of the epistolary form into the detective story results in the alteration of the structure of the main character [11, p. 89-149] (the inspector), whom the author made act as a sentimental romantic hero, though he enters the location of crime as an ambitious practical-minded officer fresh from police school [17, p. 28]. These structural changes are reinforced by the inclusion of his dream (nightmare) in the narration [17, pp. 145-130]. The sudden passion of the inspector for the florist shop assistant also adds to the sensual focus. Even a typical Gothic detail: a tunnel that connected two distant houses, serving as hiding place for jews, whom the suspect saved during the war, dating place for lovers and as a simple passage that allowed the young inspector to find a true murderer, as well as his own death and delivery of it by a not-so-bright policemen of "flowers, trees and forests" fit into the functional value of the narrative. The "loci clash", the conflict of urban and rural ways of thinking and acting (« *Ici,*

*c'est la campagne. ... Les choses sont un peu différentes de la grande ville...rural » [17, p. 30]), is not a novelty, it reflects the divergence of natural and cultural human behavior, fixed as early as in Renaissance literature and further on. Nevertheless, in the novel it results in communication dissonance, that has a frame structure and rests upon misinterpretation. The age of the dismembered victim, who was 16 years old, but not young, the absence of his surname, the impossibility to school him, his wild ways, his autopsy performed by the veterinarian, his premature burial in the church yard as well as the main piece of evidence being red flowers with yellow points on the petals perplex the inspector and make the investigation go awry causing the suicide of the innocent suspect who was a man of great heart. To regard this communication dissonance in the terms of the communicative model developed by Roman Jakobson [12], it is possible to observe the defilement of the conative function (« *Ils ont dû me trouver bizarre, oui, je le conçois* » ... « *La rumeur courait que vous posiez de drôles de questions sur Joël* » [17, p. 331] and the metalingual function (« ... *Tout en parlant la même langue, nous ne parlions pas le même langage, eux et moi* » [17, p. 331]). The villagers treat the inspector's questions as be funny, even droll. The oddest questions come during the interrogation of the suspect [17, pp. 47-58] when the inspector arrogantly ignores the very mention of the species of the victim:*

« - *Est-ce que Joël allait à l'école ?*
Le vieil exploitant lâche un petit rire moqueur.
 - *À l'école? C'était un âne, inspecteur !*
 -*Sans vouloir vous vexer, monsieur Nazarian, j'ai connu des gamins tout à fait stupides qui allaient à l'école* » [17, p. 57].

Thus misunderstanding and ill performance of the conative and metalingual functions arise as a result of the discursive discrepancies in the mental context [20] of villagers and a city-dweller:

« ...*ma folie n'ait été de ne pas avoir vu les signes lorsqu'ils se présentaient à moi,oui, ma seule folie à été de l'entête à voir Joël comme ce garçon de seize ans solitaire et sauvage que tout le monde aimait à P* » [17, p. 331].

To create the situation of communicative dissonance in the context of a detective story it was necessary for the biographical author to introduce the figure of a *hoaxer* keen on verbal and other types of mystification. This purely functional personage, a trickster, is presented by the figure of the mayor, a jam factory owner, who asks « *Madame la procureur* » to send the police officer to investigate the murder, invites workers to erect a statue of « *Joël* » and later after the tempest orders not to restore the connection thus causing letters to be sent by post and the epistolary form of the detective story.

Concluding the analysis of this novel let us consider how far Romain Puertolas managed to go: (1) The story within a story is not a novelty, (2) a set of different authors is a Bakhtinian narrative rule; (3) the contrast of rural and urban ways of life and men-

tality has its roots in the Enlightenment philosophy of natural law; (4) the blend of genre forms is a conscious act of the author, yet each form starts developing according to its rules, in a certain way going awry; (5) a donkey taken for a human only seems to be a novelty — it is possible to think of Apuleius' "Metamorphoses" (6) What can be treated as a partial novelty, a contemporary phenomenon is the communicative dissonance, based upon the distortion in the conative and metalingual functions.

Part 2: Laurent Binet as a naughty author

Laurent Binet has made true the major principle of the Abbey of Thelema: *Do What Thou Wilt*. Communicative functions form the major focus in the novel « *Qui a tué Roland Barthes ? La septième fonction du langage* » by Laurent Binet [5].

The genre of the novel can be defined as political and semiolinguistic detective. The starting point of the plot is a real car accident that took place on the 25th of February 1980, at which Roland Barthes was seriously injured and died a month later. Locations where the action develops include Paris, Bologna, Ithaca (USA), Venice, Naples. The political context of the plot is the presidential campaign in France, Valéry Giscard d'Estaing and Francois Mitterrand being the main rivals. The set of characters syncretic and comprises:

1. Men of Politics: Valéry Giscard d'Estaing, Francois Mitterrand, Michel Poniatowski, KGB people (Yuri Andropov, Ivan Kristeff (fictional), father of Julia Kristeva);
2. Semiologists both continental and American: J. Derrida, U. Eco, M. Foucault, R. Jakobson, J. Searle, Julia Kristeva etc.;
3. Fictional personages: the inspector (le commissaire) and his assistant: The functions of le commissaire Bayard are to trace, to solve, to catch. The functions of Simon Herzog (young Sorbonne linguist, snatched from the lecture to assist the inspector) are to explain linguistic, philosophical and semiotic theories — he eventually becomes the central character because of the dangers that he faces;
4. Bulgarian KGB people whose functions were to eliminate Barthes, to get hold of the document;
5. Foucault Arabian gigolos whose functions are: to hide the document, to preserve the contents by learning it by heart;
6. The two Japanese: guardian angels;
7. Female assistants: Anastasia — Russian-born KGB nurse whose function is to help Barthes to die, to destroy adversaries; Bianca — in Italian Intelligence whose function is to guide to the Logos Club; the photocopy assistant in Ithaca library who is the feminist priestess of love;
8. Morris Zapp — David Lodge's invention. A borrowed character. Postmodernist "conferee" of the campus trilogy. His function is to explain the difference between real life (made of things) and literature (made of words).

This novel is remarkable for a phenomenon, that could be defined as the resurrection of the author: performing the narrative functions in Laurent Binet's novel, these characters are completely subjected to the will of the author who seems to have chosen

the mode of his narrative to reject the theory of Roland Barthes about the Death of the Author. All thinkable and unthinkable actions are deeply rooted in the real events of the 1980s. For instance, Umberto Eco explains the possible worlds theory to inspector Bayard before the bomb explosion in Bologna. John Searle makes his dogs kill Derrida and leaps into the river, committing suicide (in 1980¹) and Foucault speaks at the funeral of Jacques Derrida². Actually the reader is immersed in the possibility of the impossible, finding the scenes in the secret logos club where speakers who lose a debate are subjected to getting their fingers (or testicles) cut off, or how Louis Althusser, the Marxist philosopher, smothers his wife Hélène Rytman suspecting her of having stolen the fragment with the 7th function, or watching a feminist sex ritual in the cemetery to celebrate the end of the conference on the linguistic turn.

The plot develops around the two intervened vectors connected with communication (1) At the presidential election F. Mitterand aims to win the debate (and wins!). He replaces the correct piece of the text by a fake one; in search of scholarly assistance he invites J. Derrida to re-write Jakobson's text; (2) F. Sollers (the husband of Julia Kristeva) wants to take the Grand Protagoras' (Eco's) place in the logos club. To achieve this, assisted by the KGB, he organizes the car accident to kill Barthes to obtain the (fake!) text; he loses the debate with Umberto Eco and his testicles are chopped off.

This novel is designed not for a naïve lover of detective stories, as it is the case with « La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts » by Romain Puertolas. The readers, both in the text and of the text, obliged to know at least the names of politicians and scholars, should belong to a narrow academic sphere. In a certain way the novel presents a narrative to explain the following linguistic and semiotic theories: (1) The theory of the linguistic sign by Ferdinand de Saussure; (2) Roman Jakobson's communicative model of six functions; (3) Jacques Derrida's deconstruction theory; (4) J. L. Austin's Speech Acts Theory (*How to Do Things with Words*, Illocution and Perlocution); (5) J. Searle and J. Derrida's controversy over J. L. Austin's theory; (6) Postmodernist text encoding theory (The difference between real life and Literature); (7) Possible World ontology in philosophy / Possible Worlds in Literary texts. The last in the list turns to be an implemented theory: Laurent Binet shows how his fictional personage Simon Herzog (inspector Bayard's assistant) eventually acquires a strong feeling that he is in the novel. Thus, the category of the reader turns the detective story into the academic novel, with the textual parameters characteristic of its development, such as travesty [15], evident at every level, especially in the episode of the conference in American Ithaca, entitled "*Shift into overdrive in the linguistic turn*"³ [7, p. 333]. If travesty academic activity goes back to Shakespeare, Swift, Rabelais, Moliere and of course, to a greater extent, to David Lodge, simultaneous

¹ J. Derrida died in 2004, and John Searle is still alive

² M. Foucault died in 1984

³ The titles of the papers include: "Degenerative Grammar" (N. Chomsky's talk), "Stayin' Alive, structurally speaking" (R. Jakobson's talk), « Le langage, cette inconnue » (Julia Kristeva's talk), "Fake or feint: performing the F words in fictional works" (John Searle's talk), "Fishing for supplement in a deconstructive world" (Morris Zapp's talk).

action is a device borrowed from James Joyce's "Ulysses" (see the Wandering Rocks episode). For instance, TV news on 26/03/1980 on the death of Roland Barthes coincides with the following actions of characters: (1) Bayard and Deleuze wait for the football match; (2) Kristeva cooks dinner; (3) Valéry Giscard d'Estaing sorts out documents etc [15, p. 428].

Another parameter, the shift into the modality of the visible and back into the narrative owes a lot to the profession of the Laurent Binet (television). The novel is a visible story where categories of space and action are dominant, marked by concrete real-life locatives and interdependence of verbal and physical actions. Yet, the necessity to achieve perfection in the verbal action makes the core of the story. The seventh function of the language rests upon the magic power of impact based upon preliminary semiotic analyses of the interlocutor but not upon the usage of rhetorical figures.

Considering how far Laurent Binet has managed to go with the novelty in the "Seventh function of the language", a kind of paradox becomes evident. Though the novel is remarkable for the "resurrection" of the category of the author (highly intrusive in the narrative moves), all the techniques that seem inventions of Laurent Binet, are far from being new. (1) To start with the phenomenon of syncretic truth, as the fusion of fact and fiction, it should be noted that this phenomenon, as M. I. Steblin-Kamensky stated, is a general feature of the transition from myth to literature [19] in every culture; (2) Then regarding the tendency of making fictional characters of real-life persons, politicians or scholars, we should consider it as a well developed trend in European literature; Alexander Dumas' "The Three Musketeers" and its sequel can serve as a good example. What turns this technique into a novelty is the fact that all these real-life persons are practically contemporaries or authors of the theories under scholarly scrutiny to most readers who enjoy this blend of a detective story and an academic novel.

Yet, the most vivid revelation of the "intrusive author" could be found in Laurent Binet's "Civilization" [6], that is remarkable for probable reverse vectors of history's turns: a Viking Queen becomes a spouse of the Inca chief, Columbus does not discover the Americas (1492), The Incas invade Europe (1531) and erect their Temples of the Sun in Wittenberg and Bordeaux. The Europe of the 16th century seems to be familiar to the reader with its inquisition, religious reforms and massacres, the flourishing of printing and the black plague. The favorite device of Laurent Binet — to take a fact from the life of the famous person and twist it is most vividly observed at the end of the novel where one could read how Miguel de Cervantes was saved by El Greco, they both escaped the ritual death of being thrown from the top of a Mexican temple in the center of Bordeaux, then survived the Black Plague, then found themselves practically betrayed by Michel de Montaigne who turned out to be in the service of Mexican rulers, and eventually they fled happily to Cuba, leaving ruined Europe. Being a typical product of postmodern literature, the novel presents a blend of genre forms, including a saga, a captain's journal, and first and third person narratives. That is the novel of the probable vector of development that Europeans escaped.

In this novel Swiftian irony reveals itself with its function to intimidate the reader [18]. If the academic reader of the "Seventh Function" was somehow perplexed

by the narrative moves through which familiar politicians and scholars were made involved by the intrusive author, the reader of the “Civilization”, a rather bloody story, remains shocked by a “would-have-been” perspective of history’s turns.

Conclusion

In search for an answer to the question “How far can a dead author go?”, three novels by two contemporary French novelists were chosen and all conclusions concern predominantly these two Men of Letters. To generalize it will be necessary to consider other works by different authors. Nevertheless, the narrative properties discovered in the « *ouvrés* » under scrutiny conform to the insights of Henri van Lier [21], the Belgian philosopher, who in his theory of the Three Worlds wrote of the vectoral dominance of plot development in the era of high technology. As we have observed in the analysis of the chosen novels, a vectoral outline of probable regressive or progressive development shapes the narrative chain. Another property is to be found in the fusion of genre forms, each evolving according to its rules. Communication practices in these novels obtain greater importance than physical events. Any discursive failure in these novels causes a loss, either in the detection, or of a body part, or in the move of history. This property reflects contemporary media tendency: discursive redundancy, which means that discourse overshadows action, that words (true or false) uttered by different Very Important Persons and not so important ones are tackled as sheer facts. That tendency in its turn has caused the revival of the syncretic truth, a feature typical of early epic forms of literature. Fusing facts with fiction seems to be also a general recent media tendency so when the author carefully creates a suitable reader, this reader seems to be accustomed to this sort of syncretism. Thus the question seems to be aporic — the author may be multi-faced in the Bakhtinian sense or highly intrusive, amusing and intimidating curious and perplexed readers, and yet most techniques used in the texts are far from being novelties.

Acknowledgements

I express my gratitude to Dr. David Cocksey for proofreading this article.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. 1977. “The problem of text in linguistics, philology and other humanities: an experience of philosophical analysis”. *Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text: Anthology*. Moscow. Pp. 227-244. [In Russian]
2. Bakhtin M. M. 1977. “The problem of the author”. *Questions of Philosophy*, no. 7, pp. 148-160. [In Russian]
3. Barthes R. 1977. *The Death of the Author*. Translated by S. Heath. New York: Hill and Wang. Pp. 142-148.
<https://sites.tufts.edu/english292b/files/2012/01/Barthes-The-Death-of-the-Author.pdf>
4. Belozerova N. N. 2001. “Semiolinguistic aspects of intergrative poetics (on the material of Russian, English and Irish artistic texts)”. *Dr. Sci. (Philol.) diss.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 352 p. [In Russian]

5. Binet L. 2015. « Qui a tué Roland Barthes ? ». La septième fonction du langage. Roman. Paris : Grasset. 495 p.
6. Binet L. 2019. Civilizations. Roman. Paris : Grasset. 320 p.
7. Chamberlain L. 2017. The Seventh Function of Language. <https://lesleychamberlain.wordpress.com/2017/08/21/the-seventh-function-of-language>
8. Derrida J. 1978. Writing and Difference. Translated by A. Bass. The University of Chicago Press. 362 p.
https://monoskop.org/images/8/84/Derrida_Jacques_Writing_and_Difference_1978.pdf
9. Derrida J. 1998. Of Grammatology. Translated by G. Ch. Spivak. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press. 444 p.
https://monoskop.org/images/8/8e/Derrida_Jacques_Of_Grammatology_1998.pdf
10. Eco U. 1979. The Role of the Reader: Exploration in the Semiotics of the Text. Bloomington: Indiana University Press. 192 p.
11. Ginzburg L. 1979. "The structure of a literary hero". About a Literary Hero. Leningrad: Soviet writer. Pp. 89-149. [In Russian]
12. Jakobson R. 1975. "Linguistics and poetics". Structuralism: "For" and "Against". Moscow: Progress. 468 p. [In Russian]
13. Lodge D. 1992. The Art of Fiction. London: Penguin Books Ltd. 325 p.
14. Lodge D. 2011. How Far Can You Go? Vintage Books. 256 p.
15. Mulvey M. 2021. A Buddy-Detective Romp through Semiology: The Seventh Function of Language. Vol. 11, iss. 3. <https://h-france.net/ffh/the-buzz/a-buddy-detective-romp-through-semiology-the-seventh-function-of-language>
16. Propp V. Ya. 1928. Morphology of a Fairy Tale. L. Academia. 624 p. [In Russian]
17. Puertolas R. 2019. La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts. Edition Albin Michel. 347 p.
18. Scott A. F., M. A. 1965. Current Literary Terms: A Concise Dictionary of Their Origin and Use. Revised edition. Palgrave Macmillan. 331 p.
19. Steblin-Kamensky M. I. 1984. The World of the Saga. The Formation of Literature. Leningrad: Nauka. 246 p. [In Russian]
20. Van Dijk T. 2009. Teun Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p.
21. Van Lier H. 2010. Anthropogenie. Paris-Bruxelles: Les impressions nouvelles. Pp. 703-716.

Наталья Николаевна БЕЛОЗЁРОВА¹

УДК 81:004.9(079.8)

КАК ДАЛЕКО МОЖЕТ ЗАЙТИ УМЕРШИЙ АВТОР?

¹ доктор филологических наук, профессор,
кафедра английского языка,
Тюменский государственный университет
natnicbel@gmail.com

Аннотация

Эта статья посвящена проблеме «смерти автора», предложенной французским семиологом Роланом Бартом в одном из его эссе. Три романа двух современных французских романистов, в значительной степени «вероятностные», выбраны для проверки возможности «воскрешения» автора в смешанных нарративах, перегруженных интертекстуальными единицами как структурными, так и семантическими. Этими романами являются: детектив «La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts» Ромона Пуэртоласа, «семиотический» детектив Лорана Бине «Qui a tué Roland Barthes? La septième fonction du langage» Лорана Бине и его «вероятностная» «Цивилизация».

Методология основывается на дерридовской деконструкции, включая принцип «различия», основанный на двух идеях: все вещи относятся к одному и тому же полю и различаются в одно и то же время. Привлечены также несколько других подходов, касающихся взаимосвязи категорий автора, текста и читателя. К таким подходам относятся теории М. Бахтина, Р. Якобсона, Д. Лоджа и др.

Анализ показал, что векторный контур вероятного регрессивного или прогрессивного развития формирует нарративную цепочку. Другое свойство заключается в слиянии жанровых форм, каждая из которых развивается по своим правилам. Коммуникативные практики в этих романах приобретают большее значение, чем физические события. Эта тенденция, в свою очередь, вызвала возрождение синкретической правды.

Цитирование: Белозёрова Н. Н. Как далеко может зайти умерший автор? / Н. Н. Белозёрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 62-75.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-62-75

Ключевые слова

Смешение, регресс, возрождение, синкретическая истина, коммуникация.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-62-75

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. Москва, 1977. С. 227-244.
2. Бахтин М. М. Проблема автора / М. М. Бахтин // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 148-160.
3. Barthes R. The Death of the Author / R. Barthes. Translated by S. Heath. New York: Hill and Wang, 1977. Pp. 142-148. URL : <https://sites.tufts.edu/english292b/files/2012/01/Barthes-The-Death-of-the-Author.pdf>
4. Белозерова Н. Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дисс. ... доктор филол. наук / Н. Н. Белозерова. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2001
5. Binet L. Qui a tué Roland Barthes ? / L. Binet // La septième fonction du langage. Roman. Paris : Grasset, 2015. 495 p.
6. Binet L. Civilizations. Roman / L. Binet. Paris : Grasset, 2019. 320 p.
7. Chamberlain L. The Seventh Function of Language / L. Chamberlain. 2017. URL: <https://lesleychamberlain.wordpress.com/2017/08/21/the-seventh-function-of-language>
8. Derrida J. Writing and Difference / J. Derrida. Translated by A. Bass. The University of Chicago Press, 1978. 362 p. URL: https://monoskop.org/images/8/84/Derrida_Jacques_Writing_and_Difference_1978.pdf
9. Derrida J. Of Grammatology / J. Derrida. Translated by G. Ch. Spivak. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1998. 444 p. URL: https://monoskop.org/images/8/8e/Derrida_Jacques_Of_Grammatology_1998.pdf
10. Eco U. The Role of the Reader: Exploration in the Semiotics of the Text / U. Eco. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 192 p.
11. Гинзбург Л. Структура литературного героя / Л. Гинзбург // О литературном герое. Ленинград: Советский писатель, 1979. С. 89-149.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. 468 с.
13. Lodge D. The Art of Fiction / D. Lodge. London: Penguin Books Ltd, 1992. 325 p.
14. Lodge D. How Far Can You Go? / D. Lodge. Vintage Books, 2011. 256 p.
15. Mulvey M. A Buddy-Detective Romp through Semiology: The Seventh Function of Language / M. Mulvey. 2021. Vol. 11, iss. 3. URL: <https://h-france.net/fffh/the-buzz/a-buddy-detective-romp-through-semiology-the-seventh-function-of-language>
16. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. Л. Academia, 1928. 624 с.
17. Puertolas R. La Police des Fleurs, des Arbres et des Forêts / R. Puertolas. Edition Albin Michel. 2019. 347 p.

18. Scott A. F., M. A. Current Literary Terms: A Concise Dictionary of Their Origin and Use / A. F. Scott, M. A. Revised edition. Palgrave Macmillan, 1965. 331 p.
19. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы / М. И. Стеблин-Каменский. Ленинград: Наука, 1984. 246 с.
20. Van Dejk T. Teun Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk / T. Van Dejk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 298 p.
21. Van Lier H. Anthropogenie / H. Van Lier. Paris-Bruxelles: Les impressions nouvelles, 2010. Pp. 703-716.

ПИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Дмитриевич ШИЛЬЦЕВ¹

УДК 821.161.1

О ПОЛИФОНИИ СМЫСЛОВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

¹ доктор физико-математических наук,
член-корреспондент Болонской Академии наук (Болонья, Италия)
vladimir.shiltsev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3282-4701

Аннотация

Вопросы высшей герменевтики «Евгения Онегина» неоднократно рассматривались литературоведами и философами, оставляя широкий спектр по большей части субъективных мнений о смысле романа. Мы предлагаем новый подход к вычленению основных смысловых рядов и анализ их развития и переплетения в тексте. Нами вычленены ряд основных категорий смыслов и для каждой строфы романа отмечены одна или несколько наиболее подходящих категорий. Получившиеся графические структуры позволили проследить развитие и переплетения смыслов в тексте. Обнаружено, что три четверти строф «Евгения Онегина» относятся к полифоничным, в которых помимо одной смысловой доминанты явственно присутствует и другая, а зачастую и третья и даже четвертая. Проанализированы также наиболее часто встречающиеся связи смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от одной строфы к последующей строфе. Наш подход позволил также предположить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф, отмеченных в тексте отточиями, и проследить многочисленные эпизоды романа, когда происходящее выходит за рамки литературного произведения и выходит в реальный мир, например, посредством вовлечения читателя. Сравнение «Евгения Онегина» с произведениями других современных ему писателей и с другими шедеврами самого Пушкина выказывает кардинальное отличие в широте и превосход-

Цитирование: Шильцев В. Д. О полифонии смыслов «Евгения Онегина» / В. Д. Шильцев // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 76-107.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

ное совершенство пушкинского творения в аспекте смысловой полифонии. Хотя само наличие или отсутствие смысловой полифонии, конечно же, не является достаточным условием гениальности произведения — это более зависит от «исполнения»: комбинации отточенности стиля, чистоты и ясности языка, способности вызвать душевный отклик читателя, и т. д., но обнаруженная полифония смыслов «Евгения Онегина» помогает понять высший смысл и необыкновенную, «жизненную» гармоничность произведения, делающие его уникальным явлением мировой литературы.

Ключевые слова

Пушкин, Евгений Онегин, герменевтика, категории смыслов, полифония, пушкинистика, Бахтин.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

Введение

В то время, как большинство читателей «Евгения Онегина» (далее — *Е. О.*) отмечают видимую легкость и простоту этого романа в стихах, а русскоязычные читатели без труда могут еще и наслаждаться его удивительным поэтическим языком, все вдумчивые критики единодушно соглашаются, что это очень проблемный роман и труднейшее произведение Пушкина. Вопрос «*О чем, в сущности, Евгений Онегин?*» [2] обсуждается до сих пор, вызывая иногда либо совсем раздраженные отклики типа «...*Какая общая мысль остается душе после чтения Онегина? — Никакой... при создании «Онегина» поэт не имел никакой мысли...*» [29] или восхищенно-парадоксальное «...*роман утекает у нас сквозь пальцы... он неуловим, как воздух, грозя истаять в сплошной подмалевок и, расплывшись, сойти на нет — в ясную чистопись бумаги*» и, как результат — обобщение: «...*пустота — содержимое Пушкина*» [36].

Понимание смысла, кроме желания, требует еще и анализа, разъяснений и пояснений. Ю. М. Лотман выделял текстуальные пояснения, «объясняющие текст, как таковой», и концепционные, «разного рода интерпретации» [21]. Следует отметить, что иерархия смыслов, требующих анализа, несколько сложнее: во-первых, это «микро-смыслы» нуждающихся в понимании отдельных слов и выражений, например, Лель, Веспер, «недремлющий Брегет», «пучок зари», даже отдельные знаки препинания [26], и прочее. Долгое время этот уровень смыслов не считался важным и подразумевалось, что образованный читатель и так все знает. Однако это было не так, особенно для поколений далеко не современных времени создания романа. Этот важный пробел восполнялся по мере накопления необходимости и в середине-конце прошлого века был в значительной степени закрыт комментариями В. В. Набокова [45] и Ю. М. Лотмана [21].

Следующий уровень — «мезо-смыслы» фраз, действий и явлений, определяющие понимание отдельных сцен или целых строф, например «*мой брат двоюродный, Буянов*», «*гусь тяжелый*», или «*роман во вкусе Лафонтена*». Сюда

же относятся стилистические заметки, реминисценции, галлинизмы и некоторые бытовые комментарии, эпитафьи и эпиграмматические цитаты [11, 16, 22], хронология событий, анализ ритма и темпа строф [3, 15], географические разъяснения [20], и прочее. Надо сказать, что первым комментатором такого рода был сам Пушкин, включивший 44 своих собственных примечания уже в первое полное издание *Е. О.* 1833 года. С тех пор появился широкий спектр соответствующих материалов, включая, в частности, объяснительные статьи сопровождающие издания *Е. О.* такие как [12, 18, 30] или относительно недавние публикации [34-35]. Уже на этом пути стало понятно, что сложность *Е. О.* требует «вдумчивого чтения» и «тотального комментария» [40].

Если первые два уровня смыслов («микро-» и «мезо-») в основном относятся к тому «что происходит» в каждой локальной точке романа, то «макро-смысл» не только включает в себя развитие сюжетных линий по главам, но и проникновение в их суть — «почему или зачем это происходит». Например, В. В. Набоков во введении к своему переводу *Е. О.* (“The Structure of ‘Eugene Onegin’”, [46]) выделил основные темы (Петербург, дендизм, деревня, Москва, чувства, зима, поэт, высший свет, предчувствия, деревня, и прочее) и попытался проследить их взаимосвязь и переключку по главам, но в результате получился более пересказ сюжета для англоязычного читателя, нежели проникновение в суть происходящего. В. С. Непомнящий в [27] обозначил и рассмотрел «проблемы» романа, такие как хандра, потребительская философия, мотивы поступков героев, любовь, эпическая муза, жертва, динамика и суть развязки и прочее. Сюда же следует отнести и такие вопросы как нарушения кодекса в произошедшей дуэли, умел ли Онегин любить, каковы связующие элементы четырех встреч Онегина и Татьяны, композиция и структура глав, литературные переключки с поэтами-современниками Пушкина, смысл сна Татьяны, и т. д. И конечно же, поднятые в романе духовные проблемы, связанные с переживаниями состояний безверия и одиночества, безнадежности и бессмысленности бытия, и экзистенциальные вопросы счастья, судьбы и несовершенства мира ставят вопрос о высшем смысле *Е. О.*, о глубинной сути произведения — «что же это?».

Помимо филологов, литературоведов, историков и пушкинистов, изучавших *Е. О.* — см. обширный список значимой литературы в «Пушкинской энциклопедии» [41], широкий спектр зачастую противоречивых интерпретаций «макро» и особенно высшего («мега-») смысла романа предлагается как литературными критиками, начиная с В. Г. Белинского [9, 13, 23], так и писателями (Ф. М. Достоевским [17], А. А. Ахматовой [4], А. Д. Синявским [36] и др.), философами [38] и богословами [19] — см. также недавний обзор в [33].

Методы

В данной работе, мы проводим структурный анализ «макро-смыслов» *Е. О.* Как известно, внимание на многогранность и многоуровневость романа сразу же обратили внимание не только критики — «*Онегина*» можно назвать энцикло-

педией русской жизни и в высшей степени народным произведением» писал В. Г. Белинский [9], но и собратья Пушкина по перу — «Фабула Онегина проста... для длинной поэмы; но, изображая домашнюю жизнь и рисуя картины русской природы, Пушкин неистощим по богатству комических, трагических или романтических мотивов. Его слог — чудная проза, которая незаметным образом меняет колорит и форму. От оды он переходит к эпиграмме, и вдруг вас поражают сцены, дышащие почти эпическим величием» [25, с. 163]. Сам автор в посвящении тоже прямо указывал на это:

...Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

(Вступление к первой главе)

Здесь и далее — цитирование по [31], главы обозначаются арабскими цифрами, а строфы — римскими.

Следуя этой логике, мы полагаем рациональным выделить и проследить в романе семь крупных смысловых категорий, отличающихся по сути и уровню абстракции, а именно:

- «Автор» — рассказчик, Александр Сергеевич Пушкин, о нем, его отношение, прямая речь;
- «Герои» — фабула, канва и развитие событий;
- «Мысли» — рассуждения, заметки, описания;
- «Поэзия» — лирика, высокие поэтические чувства, природа;
- «Энциклопедия» — описания и приметы русской жизни;
- «История» — исторические реминисценции, государство и жизнь все-народная;
- «Божественное» — высший смысл, правда, вечное, катарсис.

Для каждой строфы романа мы выделим одну или, если потребуется, несколько из вышеприведенного списка смысловых доминант, названия которых, конечно же, условны ввиду того, что, как мы увидим ниже, их границы зачастую довольно размыты. Надо сразу же признать, что присвоение смыслов субъективно и отражает понимание конкретного читателя, но тем не менее, во-первых, подобный анализ легко воспроизводится и отклонения могут быть отслежены каждым и, во-вторых, мы смеем надеяться, что наиболее общие выводы нашего анализа не будут зависеть от небольших деталей и разночтений. Приведем чуть более развернутое описание используемых категорий.

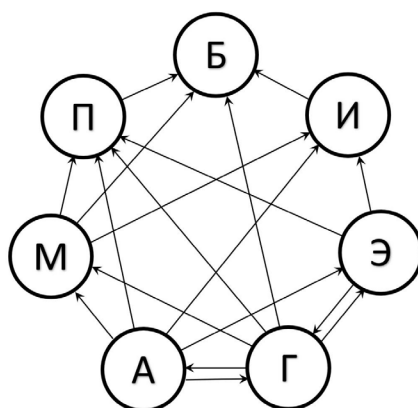

Рис. 1. Основные смыслы «Евгения Онегина»: схематика анализа и отношений. Условные сокращения категорий смыслов: Г — «Герои», А — «Автор», М — «Мысли», П — «Поэзия», Э — «Энциклопедия», И — «История», Б — «Божественное»

Fig. 1. The main meanings of “Eugene Onegin”: schematic analysis and relationships. Conventional abbreviations of the categories of meanings: H — “Heroes”, A — “Author”, T — “Thoughts”, P — “Poetry”, E — “Encyclopedia”, H — “History”, D — “Divine”

«Автор»: как отмечается всеми исследователями, автор и его Муза являются активнейшими героями романа. Прямая речь Пушкина, биографические факты о нем, его сложный внутренний мир и отношение к героям и происходящему с ними занимают определяющее место в *Е. О.* Он и повествователь, и участник событий, и комментатор, активно вовлекающий читателя (внешний мир романа) во внутренний мир *Е. О.*, и его присутствие ощутимо с первых строк посвящения и первых глав — например, строфа:

*Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума...*

(1, XXIX)

и до самой последней строчки самой последней страницы:

Итак, я жил тогда в Одессе...

(Путешествие Онегина)

«Герои»: Сюжет романа от самого начала до самого конца ведут четыре главные героя — Онегин, Татьяна, Ольга и Ленский — от:

*Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут...*

(1, XV)

или

*Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,...*

(6, XIII)

до

*Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен...*

(8, XLVIII)

Помимо них сюжетные линии романа поддерживаются еще одиннадцатью действующими лицами: отец и дядя Онегина, Прасковья Ларина, Дмитрий Ларин, Филиппевна, Трике, Анисья-ключница, слуга Гильо, Зарецкий, княжна Алина, генерал князь N (если учитывать «Отрывки из путешествия Онегина», то надо сюда добавить еще и поэта Туманского и одесского купца) и 80-ю неактивными, эпизодическими персонажами — от *Madame* и *Monsieur l'Abbe* (1, III) до храпящего мужа негодяйки молодой («Отрывки из путешествия Онегина»). Интересно, что автором *Е. О.* задействованы три реальных человека: сам Пушкин — «...*Онегин был готов со мною увидеть чуждые страны*» (1, LI); П. П. Каверин «*К Талон помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин*» (1, XVI); П. А. Вяземский «*У скучной тетки Таню встретив, к ней как-то Вяземский подсел и душу ей занять успел*» (7, XLIX).

«Мысли»: как автор, так зачастую и главные герои, постоянно отвлекаются на всевозможные рассуждения и заметки, излагают свои и чужие мысли, афоризмы и максимы — в качестве примером можно привести целые строфы или отдельные строки:

*А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен — и в романе,
И там уж торжествует он.*

(3, XII)

*...Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян*

(5, XLII)

*...Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.*

(8, XXIV)

«Поэзия»: будучи не просто романом, «...а роман[ом] в стихах — дьявольская разни́ца» (из письма Пушкина П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 года), Е. О. весь переплетен лиризмом и высокой поэзией. От хрестоматийного

*... Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,...*

(4, XL)

до множества прекраснейших стрóf —

*Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невоею,...*

(1, XLVII)

*Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга....*

(7, I)

*Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,...*

(8, XXIX)

и др. Хотя многие из этих стрóf зачастую могут рассматриваться как независимые стихотворения, они органически вплетены в общую канву романа, отражают состояние внутреннего мира героев и автора [43]. Выдающимися лирическими вставками являются песня девушек и сон Татьяны. Этот «чудный сон» является не только проблемным и композиционным центром Е. О., но и потрясающе стилистически выверенной лирической новеллой в романе. В определенном смысле, удивительная поэтичность Е. О. зачастую отвлекает и затрудняет понимание всей глубины романа, поскольку все произведение, все смысловые аспекты его пронизаны поэзией — «...Лирика пушкинского романа, не в „лирических отступлениях“ (во всяком случае, не главным образом в них), не на периферии или в отдельных участках, но прежде всего в основании целого» [10].

«Энциклопедия»: Е. О. приводит широкую картину быта и жизни всех слоев русского общества начала XIX века и эту черту романа отмечали, как современники («...Прежде всего в „Онегине“ мы видим поэтически воспроизведенную

картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития» [9]), так и особенно в советской пушкинистике [23]:

...Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,...

(1, XXXV)

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь...

(3, XVIII)

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;...

(7, XXXIV)

Глядишь — и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,...

(Путешествие Онегина)

Этой же цели служат более 100 исторических или литературных персонажей, упомянутых в романе, и приведены около 50 отсылок на различные географические места или регионы (т. е., много шире, чем основные места действия — Петербург, треугольник деревень Онегина, Лариных и Красногорья, и Москва — по словам Пушкина: «Петербург — прихожая, Москва — гостиная, деревня есть наш кабинет»).

«История»: Как писал И. М. Тойнбин «Одна из наиболее примечательных особенностей пушкинского „романа в стихах“ „Евгений Онегин“ — его глубокий, всепроникающий историзм... В „Евгении Онегине“ в перспективе истории была эстетически освоена современная поэту действительность, запечатлены самый процесс взаимосвязей прошлого и настоящего, переходы одного в другое, смена ритмов и состояний духовной жизни общества. В романе изображена современность, становившаяся уже историей, и история, продолжающая оставаться остро злободневной и современной. Никогда прежде в русской поэзии не передавались еще столь осязаемо, как в «Евгении Онегине», динамика истории, самое протекание исторического времени, не воссоздавалась движущаяся панорама эпохи» [37]. Помимо «всепроникающего историзма», в романе есть и ряд четких, однозначных ссылок на вполне конкретные исторические события из жизни Российского государства, повлиявшие на народную жизнь, например:

*Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел!...*

(7, XXXVII)

*...Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!*

(6, V)

или

*«Poor Yorick! - молвил он уныло, -
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!...*

(2, XXXVII)

Отметим, что события войны с Наполеоном и восстания декабристов весьма ярко представлены в начальных четверостишиях тщательно зашифрованных Пушкиным первых шестнадцати строф неопубликованной при жизни Пушкина 10-й главы.

«Божественное»: Роман поднимает многочисленные вопросы высшего уровня о смысле жизни и совести, о судьбе и личной воле, о долге и правде, о добре и зле [27]:

*И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир.*

(3, XXXVI)

*...Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

(8, XLVII)

*Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.*

(6, XXXII)

«Иррациональность реализма романа» [28] проявляется в том числе и в изображении любви, как кульминации нравственной жизни героев, их шагу к высшей и вечной правде и как последней надежде воскреснуть.

Интересной особенностью *Е. О.* является то, что все вышеперечисленные категории смыслов предстают не в иерархичном формате (высшее находится внутри предыдущего, «слоями»), а как бы параллельно и во взаимодействии. Рис. 1 в схематической форме изображает эту конструкцию смыслов романа и наиболее очевидные их связи, и наиболее часто встречающиеся переходы от одного к другому.

Если взять в качестве примера «Отрывки из путешествия Онегина» и разложить их по предложенным семи смыслам, то получится нечто вроде нотного стана, в котором каждой части (строфе) соответствует одна или несколько наиболее очевидных доминантных нот (рис. 2). Если самое начало «Путешествия...» (первое прозаическое объяснение) и его конец полностью принадлежат автору (авторская речь; отмечены, как **А**), то большинство из остальных строк многозначны и содержат как главную «ноту», обозначенную большим плотным **О**, так и явственно заметные другие смыслы, отмеченные малым **о**. Одна из самых сложно-составных — восьмая по счету строка (строфы «Путешествия...» не нумерованы автором):

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.

В ней совершенно очевидны три ноты **А**, **П** и **Б**, отмечающие присутствие автора (вся эта строка о нем: «...нужны мне картины», «...мои желанья»), так и потрясающей поэтической высоты строки «...перед избушкой две рябины, // Калитку, сломанный забор, // На небе серенькие тучи, ...» и далее, рисующие томящую картину средней России, плавно переходящие к коде, выводящей читателя на мысли о смысле жизни вообще, о счастье, о нашем Божественном предназначении. Подобная полифоничность смыслов *Е. О.* — скорее правило, чем исключения и для основного текста *Е. О.*, рассмотренного ниже.

Полифония смыслов «Евгения Онегина»

На рис. 3 I-VIII представлены результаты смыслового анализ 389 строф (включая пропущенные, отмеченные в тексте отточиями) основных глав «Евгения Онегина» с первой по восьмую. Фабула, конечно же доминирует во всех главах, но наибольшее место — почти половина — героям и сюжету отведено во второй главе («Поэт» — по классификации, составленной Пушкиным в Болдине осенью 1830 года) и в шестой главе («Поодинок»). Описания и приметы современной автору русской жизни являются лейтмотивом «Отрывков из путешествия Онегина» и первой главы («Хандра»). Поэтические сцены ярче всего представлены в пятой («Про именины») и третьей («Барышня») главах, а отвлеченные рассуждения и мысли — в четвертой («Деревня») и последней («Большой свет»). В первой главе («Хандра») автор очень подробно представляет себя и продолжает значимо присутствовать во всех последующих главах, за исключением седьмой («Москва»). Интересно, что в этой же главе наиболее сильно проявлены исторические события. Духовный катарсис и религиозное чувство наиболее сильно проявлены в дуэльном эпизоде шестой главы и заключительных сценах восьмой. Таблица 1 кратко суммирует эти выводы.

Надо отметить, что три четверти строф *Е. О.* можно отнести к «многозначным» или полифоничным, т. е. таким, в которых помимо одной смысловой доминанты явно присутствует и другая. Наиболее часто встречающиеся связки смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от строфе к последующей строфе это А-П («Автор» — «Поэзия»), Г-П («Герои», чаще всего Татьяна и Ленский — «Поэзия»), А-М («Автор» — «Мысли»), Г-М («Герои» — «Мысли»), Г-Э («Герои» — «Энциклопедия»), Г-А («Герои» — «Автор»), и Г-Б («Герои», чаще всего Татьяна — «Божественное»). Примерно каждая шестая строфа *Е. О.* выделяется по еще более сложной полифонии и позволяет идентифицировать в ней три и более смысловых категории (Таблица 2). Наиболее многозначными являются несколько строф третьей главы (3, XXIV), (3, XXVI), и особенно пять строф последней главы (8, V), (8, XLIV), (8, XLVI), (8, XLVII), и (8, L). Графическое представление смыслов на рис. 3 позволяет увидеть плавные, долговременные циклы переходов по всему спектру категорий смыслов, выглядящие как переливы высоты нот снизу доверху и обратно и длящиеся несколько, иногда более десятка строф. Наиболее явно они прослеживаются в главах 1-4 и 7.

Интересно проследить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф *Е. О.*, отмеченных в тексте отточиями. Если некоторые из них находятся в спокойном течении романа, при котором смысловые доминанты предыдущих и последующих строф одинаковы (строфы IX, XIII-XIV, XXXIX-XLI первой главы, строфы XV-XVI, XXXVIII шестой главы (см. рис. 3), то другие размещены в местах значительных смысловых переходов (строфы XXXVII-XXXVIII, XLIII пятой главы, строфы VIII-IX, XXXIX седьмой главы и, особенно строфы I-VI, XXXVI четвертой).

Как уже упоминалось выше, происходящее в *Е. О.* часто выходит за рамки произведения и выходит в реальный мир. В качестве иллюстрации, на рис. 3. I-VIII светло-серым фоном выделены элементы 56 строф, содержащие обращение к читателю, призывающее его участие, домысливание или оценку происходящего.

Глава Первая

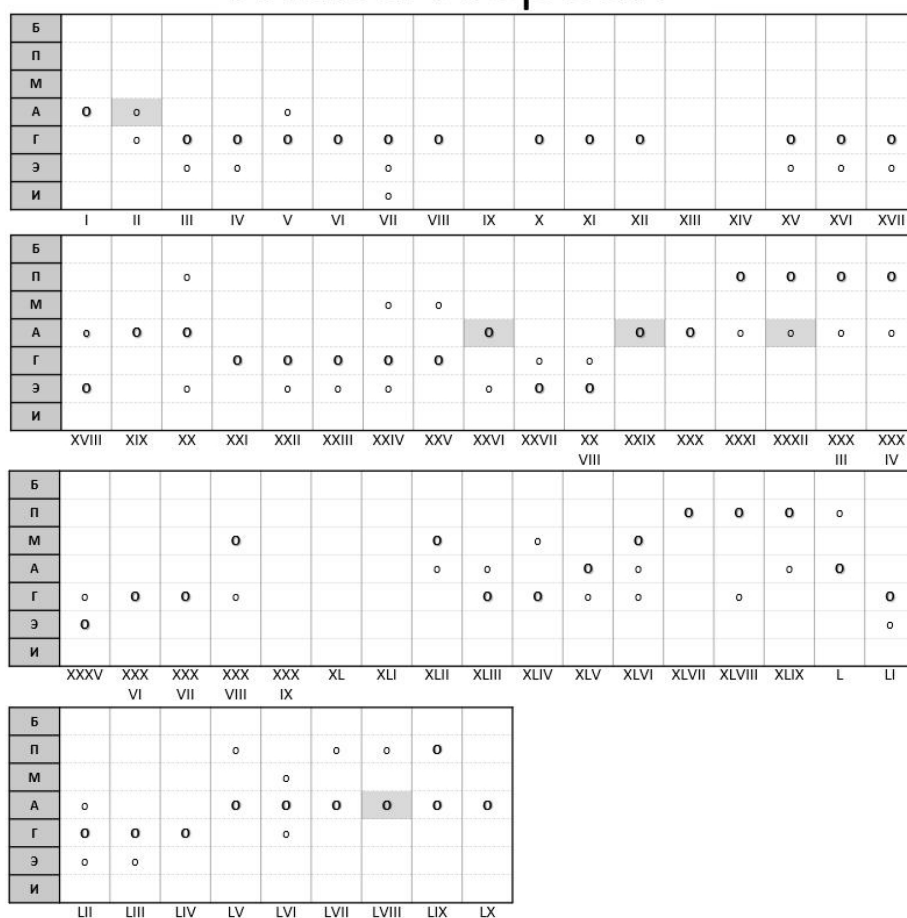

Рис. 3. I-VIII: Смысловый анализ глав «Евгения Онегина». Условные сокращения категорий смыслов: Г — «Герои», А — «Автор», М — «Мысли», П — «Поэзия», Э — «Энциклопедия», И — «История», Б — «Божественное». Смысловая доминанта каждой строфы обозначена большим плотным О, проявляющиеся дополнительные смыслы отмечены малым о. В строке Г — «Герои» буквами О, Т, Л, О обозначены сюжетные появления соответственно Онегина, Татьяны, Ленского и остальных персонажей. Светло-серым фоном выделены места текста, содержащие обращение к читателю

Fig. 3. I-VIII: Semantic analysis of the chapters of "Eugene Onegin". Conventional abbreviations of the categories of meanings: H — "Heroes", A — "Author", T — "Thoughts", P — "Poetry", E — "Encyclopedia", H — "History", D — "Divine". The semantic dominant of each stanza is indicated by a large dense O, additional meanings that appear are marked by a small o. In the line H — "Heroes" the letters O, T, L, O indicate the plot appearances of Onegin, respectively. Tatyana, Lensky and other characters. The light gray background highlights the places of the text containing an appeal to the reader

Глава Вторая

Б																	
П	о							о	о	о							
М						о	о				о		о	о	о	о	о
А		о										о		о			
Г	о	о	о	о	о	л	л	л	л	л	ло	л	ло	о	о	ол	о
Э		о	о	о	о	о						о					
И				о													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П			о	о	о					о	о						
М	о	о					о		о				о				
А						о	о										
Г		ол	л	о	ол	о	т	т	т	т	т	т	т	м	м	м	м
Э									о	о		о	о	о	о	о	о
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXX III	XXX IV

Б		о		о													
П																	
М				о	о	о											
А					о	о											
Г	м	м	л	л													
Э	о	о															
И			о														
	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	LI											

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Третья

Б																	
П					о		о	о	о	о		о			о	о	о
М							о			о	о	о	о	о			
А												о	о				
Г	ол	ол	ол	ол	ол	т	т	т	т	т					т	т	т
Э	о		о			о											
И																	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б															о		
П		о	о	о	о	о	о						о	о	о	о	о
М					о	о	о	о	о	о	о	о					
А					о	о	о		о	о	о	о	о	о			
Г		т	т	т			т	т	т			т				т	т
Э	о								о	о							о
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	II	XXX II	XXX III

Б																	
П				о	о	о	о	о	о								
М																	
А																о	
Г	т	т	тл	т	т	т		т	то								
Э						о	о										
И																	
	XXX IV	XXX V	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	II	XL	XLI								

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Четвертая

Б																		
П							о				о	о					о	о
М							о	о	о	о			о	о	о	о		
А																		
Г									о	о	о	от	от	от	от	от	от	от
Э																		
И																		
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	

Б																		
П							о	о	о	о	о				о			о
М	о	о	о	о	о						о	о	о	о	о	о	о	о
А	о	о	о	о	о		о				о	о	о		о	о	о	о
Г	о						т	т	л	л	л				л			л
Э																		
И																	о	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV

Б																		
П							о	о	о	о		о	о	о				о
М			о		о													о
А	о											о	о	о				о
Г			о		о						ол				ол	ол	л	л
Э																		
И																		
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	LI	

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Пятая

Б																	
П	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	
М							О										
А			О							О							
Г				Т	Т	Т	Т	Т	О	Т	О	О	О	О	О	ОТ	
Э								О	О								
И				О													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П	О	О	О	О				О	О				О	О	О		О
М					О	О											
А															О		
Г	ОТ	ОТ	ОТ	ОТ	Т	Т	Т			Т	Т	ТЛО	Т	ОТ		Т	ТО
Э								О	О	О	О	О					
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV

Б																
П																
М		О								О						
А		О				О										
Г							ОЛ					ОЛ	ОЛ			
Э	О				О											
И																
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV					

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Шестая

Б			о														
П			о										о				о
М						о	о		о	о	о						
А							о										
Г	о	т	т	о	о	о	о	о	о	о	о	л	л	л			л
Э		о		о	о						о	о					
И					о												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б				о									о		о		
П	о	о	о	о	о								о	о	о		
М						о					о					о	о
А						о											
Г	т	л	л	л	л	л	о	о	ол	ол		ол	ол	ол			
Э								о									
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXX II	XXX III	XXX IV

Б																	
П		о	о			о	о	о									о
М		о	о		о			о	о	о	о	о	о	о			
А		о						о	о	о	о	о	о	о			
Г	о																
Э																	
И																	
	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI					

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Седьмая

Б																	
П	о	о	о	о	о	о					о	о	о	о	о	о	
М				о						о	о						
А																	
Г				от		т				л	л	т	т	т	т	т	
Э																	
И																	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П		о	о	о							о	о	о		о		
М	о				о	о	о								о	о	
А																	
Г	от	т	т	т	о	о	от	т	т	т	т	т	т	т	т	т	
Э								о	о	о				о	о		
И																о	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV

Б																	
П																	
М								о			о	о	о	о	о		
А		о															
Г	т					о	о	о	т	т	т	т	т	т	т	т	
Э	о			о		о								о	о	о	
И		о	о	о													
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	LI

Б				
П	о			
М	о			
А	о			о
Г		т	т	т
Э		о		
И				
	LII	LIII	LIV	LV

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Восьмая

Б																	
П			о	о	о												
М								о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
А	о	о	о	о	о								о	о	о		
Г					т	т	то	о	о			о	о	т	т		о
Э					о	о											
И																	о
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б										о							
П			о	о	о							о	о		о	о	о
М						о	о	о	о	о	о			о			
А																	
Г	о	от	о	о	о	о				о	т		о	о	о		о
Э																	
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	II	XXX III

Б													о	о			
П	о		о	о	о		о	о	о	о	о	о	о	о			о
М		о										о	о	о	о	о	о
А		о			о	о									о	о	о
Г	о	о	о	о	о	о	от	то	то	то	то	то	то	то	о		
Э						о						о					
И																	
	XXX IV	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L

Б	о
П	о
М	о
А	о
Г	
Э	
И	

LI

Окончание рис. 3

Fig. 3. (end)

Таблица 1

Частотность смыслов “Евгения Онегина” (основные главы с первой по восьмую) на основании анализа, приведенного на рис. 3

Условное сокращение	Категория смыслов	Процентное соотношение проявлений	Полное число проявлений
Б	Божественное, высшее, правда, вечное, катарсис	1%	5,5
И	История, государство, жизнь всеобщая	1.4%	7
Э	Энциклопедия русской жизни	8%	44,5
А	Автор, А. С. Пушкин, о нем, его отношение, прямая речь	12%	67
М	Мысли, рассуждения, заметки, описания	17%	94
П	Поэзия, высокие чувства, природа, лирика	22.6%	125
Г	Герои, фабула, канва и развитие событий	38%	208,5

Примечание: при вычислениях числа проявлений смыслов для полифоничных строф использовались единичный вес для основной категории смысла, обозначенной большим знаком **О**, и половинный вес для вторичной категории, отмеченной малым **о**. Соответствующие процентные соотношения вычислены делением числа проявлений определенной категории смысла на полное число проявлений для всех категорий (сумму чисел в последней колонке, равную 551,5).

Table 1

The frequency of meanings of “Eugene Onegin” (the main chapters from the first to the eighth) based on the analysis given in fig. 3

Note: when calculating the number of manifestations of meanings for polyphonic stanzas, a unit weight was used for the main category of meaning, indicated by a large **O**, and half weight for a secondary category, marked by a small **o**. The corresponding percentages are calculated by dividing the number of manifestations of a certain category of meaning by the total number of manifestations for all categories (the sum of the numbers in the last column, equal to 551.5).

Таблица 2

Объем и частотность смыслов по главам «Евгения Онегина»

Table 2

The volume and frequency of meanings according to the chapters of “Eugene Onegin”

		ПП	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	ПО	Итого
	Число строк	17	756	560	661	630	588	602	728	758	264	5564
	Число строф	1*	60	40	41	51	45	46	55	51	21	411
	вкл. полифон.		39	38	36	34	31	30	43	40	13	304
	полифон. > 3		5	10	12	7	5	9	3	14	3	68
Б	Божественное		0	1.5%	1%	0	0	2.5%	0	3%	2%	
И	История		0.6%	1.5%	0	0.7%	1%	1%	6%	0	4%	
Э	Энциклопедия		18%	14%	7%	0	12%	5%	7%	2%	34%	
А	Автор		25%	8%	15%	17.3%	7%	10%	3%	13%	25%	
М	Мысли		6.4%	17%	12%	29%	5%	18.5%	22%	26%	14%	
П	Поэзия		14%	11%	32%	20%	37%	20%	26%	21%	14%	
Г	Герои		36%	47%	33%	33%	38%	43%	36%	35%	7%	

Примечание: **ПП** обозначает посвящение (написанное нестандартной строфой; впервые — в первом отдельном издании четвертой и пятой глав 1828 года — П. А. Плетневу, указание имени впоследствии снято);

ПО — «Отрывки из путешествия Онегина», напечатанные во втором, последнем прижизненном полном издании 1837 года. Письмо Татьяны к Онегину и песня девушек учтены в главе третьей, письмо Онегина к Татьяне — в восьмой главе; пропущенные строфы включены в статистику. При вычислениях частотности для полифоничных строф использовались единичный вес для основной категории смысла, обозначенной большим знаком **O**, и половинный вес для вторичной категории, отмеченной малым **o**.

Note: **ПП** denotes a dedication (written in a non-standard stanza; for the first time — in the first separate edition of the fourth and fifth chapters of 1828 — to P. A. Pletnev, the indication of the name was subsequently removed); **PO** — “Excerpts from Onegin’s Journey”, published in the second, last lifetime full edition of 1837. Tatyana’s letter to Onegin and the song of the girls are taken into account in chapter three, Onegin’s letter to Tatyana — in the eighth chapter; the missing stanzas are included in the statistics.

When calculating the frequency for polyphonic stanzas, a unit weight was used for the main category of meaning, marked with a large **O**, and half weight for the secondary category, marked with a small **o**.

Результаты исследования и их обсуждение

Наш анализ однозначно выявляет полифонию «мега»-смыслов «Евгения Онегина», позволяет проследить динамику смысловых переходов и математически оценить прекрасную гармонию этого уникального произведения. Многозвучность и многозначность романа и ранее отмечалась пушкинистами. Например, Ю. Н. Чумаков, анализируя *Е. О.*, отмечал «... мы видим в нем нерасторжимое сплетение явлений внешней действительности, предметности с предметной символикой, человеческими поступками и переживаниями — и все это выступает в аранжировке стиха, что и дает право говорить о сюжетной полифонии» [41], понимаемой и как «многоголосие» в бахтинском смысле [8, 44] и как гармоническую под-структуру в наших категориях «Герои» и «Автор» (например, линия Татьяна-Ленский отдельно рассмотрена в [5]), М. М. Бахтин называл *Е. О.* энциклопедией стилей и языков эпохи [6], статья о *Е. О.* в «Пушкинской энциклопедии» [41] обращает внимание не только на сюжетную и стилистическую, но и на жанровую полифонию романа.

С точки зрения полифонии смыслов, *Е. О.* кардинально отличается широтой от других шедевров Пушкина. Малые формы (лирические стихотворения, элегии, послания, оды, сказки и др.) зачастую гениально представляют автора и его мысли (категории **A** и **M**), но ограничены обычно одной или двумя смысловыми категориями — например, поэзией или историческими событиями, или, как в произведениях Каменноостровского цикла, отражают наполнение религиозного символизма, христианских идей и образов личным содержанием (категории **A** и **B** нашей схемы). Даже наиболее значительные, большие по формату произведения не предполагают полного спектра смыслов *Е. О.* Например, жизненные обстоятельства разных слоев общества (**Э**) не находят места в замысле «Полтавы» и «Маленьких трагедий», последние также не содержат изложения исторического контекста (**И**), лирическая составляющая (**П**) слаба в «Борисе Годунове» равно как и в «Капитанской дочке», написанной прозой, и во всех них или отсутствует или почти не слышен голос автора (**A**), столь живой и важный в *Е. О.*

Сравнение *Е. О.* с другими современными ему писателями тоже выказывает превосходное совершенство пушкинского творения, в том числе и аспекте полифонии смыслов. Например, «Горе от ума», будучи в целом гениальной сатирой на московское аристократическое общество, прекрасно в смысле афористичной поэтики, сюжета и полно интереснейших замечаний и рассуждений (категории **Г**, **П** и **M** нашей схемы), но отсутствуют как автор с его прямой речью и мыслями (**A**), так и категории смыслов **И**, **Э** и **B** — история, широта среза в изображении общества и поиски высшего, Божественного смысла.

Смысловой разбор первой главы «Фауста» И. В. Гете, опубликованной в 1808 году [14], приведен на рис. 4. Эта философская драма имеет свою сверхзадачу и выстроена в совершенно другом ключе, нежели *Е. О.*, и является по общему признанию вершиной немецкой поэзии. Пушкин, к примеру, писал «... *Фауст*» есть величайшее создание поэтического духа: он служит представи-

Само наличие или отсутствие смысловой полифонии, конечно же, не является достаточным условием гениальности произведения — это более зависит от «исполнения»: комбинации отточенности стиля, чистоты и ясности языка, способности вызвать душевный отклик читателя, и т. д. — всего, что составляет «волшебную силу искусства». К примеру, прекрасные поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Дон-Жуан» формально содержат все те категории смыслов, что и *Е. О.* — *Г, П, М, А, И, Э и Б* — но вызывают совершенно другое впечатление. Д. С. Мережковский так описал это: «...*Некоторые критики считали величайший из русских романов подражанием Байронову Дон Жуану. Несмотря на внешнее сходство формы, я не знаю произведений более отличных друг от друга по духу. Веселая мудрость Пушкина не имеет ничего общего с едкой иронией Байрона. Веселость Пушкина — лучезарная, играющая, как пена волн, из которых вышла Афродита. В сравнении с ним, все другие поэты кажутся тяжкими и мрачными — он один, светлый и легкий, почти не касаясь земли, скользит по ней, как эллинский бог*» [24, с. 105]. Пушкин, сам переживший увлечение Байроном, выразился на этот счет еще более точно и жестко:

...Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

(3, XII)

Заключение

В этой статье мы разработали новый подход к анализу смыслов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Нами вычленены семь основных категорий смыслов — условно, см. выше, «Герои», «Автор», «Мысли», «Поэзия», «Энциклопедия», «История» и «Божественное» — и для каждой строфы романа отмечены одна или несколько наиболее подходящих категорий. Получившиеся графические структуры наподобие нотного стана с нотами (рис. 2 и 3) позволяют проследить развитие и переплетения смыслов в тексте. Обнаружено, что три четверти строф «Евгения Онегина» относятся к многосмысловым или полифоничным, т. е. таким, в которых помимо одной смысловой доминанты явственно присутствует и другая, а зачастую и третья и даже четвертая, как, например, некоторые строфы в конце последней главы. Прослежены наиболее часто встречающиеся связки смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от одной строфы к последующей строфе, такие как «Автор» — «Поэзия», «Герои» — «Поэзия», «Герои» — «Автор», «Герои» — «Божественное» и др. Наш подход позволил также предположить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф (отмеченных в тексте отточиями) и проследить многочисленные эпизоды романа, когда происходящее выходит за рамки литературного произведения и выходит в реальных мир, например, посредством вовлечения читателя.

Обнаруженная полифония смыслов помогает понять суть и необыкновенную, «жизненную» гармоничность «Евгений Онегин», делающие его уникальным

явлением мировой литературы. Среди основных аспектов высшего («мега»-) смысла романа, проявившихся в результате проведенного исследования, можно отметить:

- 1) Пушкин чудесным образом явился как демиург, «творец и отец» не только высокохудожественного мира романа, но и живой расширенной реальности, частью которой являемся мы сами, автор, герои, страна и мир;
- 2) соответственно, вопрос о высшем смысле романа некорректен, поскольку «*Quod vitae tst vita*», т. е., «смысл жизни — жизнь» — ср. с развернутым «...*Благо, совершенная жизнь, полнота и покой удовлетворенности и свет истины есть одно и то же, и в нем и состоит смысл жизни*» (С. Л. Франк, [39]);
- 3) в этой парадигме естественным образом снимается проблема отсутствия концовки или завершенности романа — мир «Евгения Онегина» является цельным (полным) и открытым в бахтинском понимании «открытой событийности бытия» [7], см. также [1].

Благодарности

Автор признателен Н. И. Мальцевой за плодотворные дискуссии и критические замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов С. С. Событие у М. М. Бахтина как происхождение сущего / С. С. Аванесов // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 1 (31). С. 23-30.
2. Аранс О. Р. Тайный миф Онегина / О. Р. Аранс // Славянский альманах: 2004. Москва: Издательство Индрик, 2005. С. 381-404.
3. Артамонов М. Д. Еще раз о X главе «Евгения Онегина» / М. Д. Артамонов // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / Российская Академия Наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Пушкинская комиссия. Москва: Наследие, 1995. Вып. II. С. 292-304.
4. Ахматова А. А. Пушкинские студии / А. А. Ахматова // Собрание сочинений. Москва: Эллис Лак 2000, 2002. Т. 6. С. 56-157.
5. Барский О. В. Сюжетная полифония «Евгения Онегина»: Ленский и Татьяна / О. В. Барский // Омский Научный Вестник. 2013. № 4 (121). С.113-117.
6. Бахтин М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. С. 72-233.
7. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984-1985 / публ., вступ. ст. С. Г. Бочарова; примечания С. С. Аверинцева. Москва: Наука, 1986. С. 80-160.
8. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. Ленинград: Прибой, 1929. 103 с.
9. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина... Статьи восьмая и девятая / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч.: В 13 т. Москва, 1955. Т. 7. С.431-504.

10. Бочаров С. Г. «Форма плана»: Некоторые вопросы поэтики Пушкина / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. 1967. № 12. С.119.
11. Бочаров С. Г. Французский эпиграф к Евгению Онегину / С. Г. Бочаров // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32, no. 2, pp.173-188.
12. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н. Л. Бродский. Москва: Мир, 1932. 246 с.
13. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина / М. О. Гершензон // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. С. 207-243.
14. Гёте И. В. Фауст / И. В. Гёте. Перевод Б. Л. Пастернака. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 619 с.
15. Гринбаум О. Н. Изначальный Онегин: ритм, смысл, интерпретации / О. Н. Гринбаум // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 9. Вып. 3 (ч. 1). С. 3-12.
16. Добрицын А. А. Эпиграмматические цитаты в «Евгении Онегине» / А. А. Добрицын // Philologica. 2005. Т. 8. № 19-20. С. 175-186.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26 / Ф. М. Достоевский. Ленинград: Наука, 1984. С.129-149.
18. Евгений Онегин / Ред. текста, ст. и коммент. Б. Томашевского. Ленинград: Гослитиздат, 1937. С. 255-298.
19. Котельников В. А. Духовный труженик / В. А. Котельников. Ред. Э. С. Лебедева. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 550 с.
20. Лазаревич К. С. Положить «Онегина» на карту / К. С. Лазаревич // Литература. 2008. № 11. С. 20-26.
21. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. С. 391-762.
22. Люлька В. М. Эпиграфы в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как форма интертекстуальности / В. М. Люлька // Філологічні науки. 2010. № 1. С. 76-81.
23. Макогоненко Г. П. Избранные работы. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Г. П. Макогоненко. Ленинград: Советский писатель, 1987. 398 с.
24. Мережковский Д. С. Пушкин / Д. С. Мережковский // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. С. 92-160.
25. Мицкевич А. Собрание сочинений Адама Мицкевича / А. Мицкевич. Под ред. Н. Полевого. Том 4. Москва: Товарищество М. О.Вольф, 1902. С. 1-195.
26. Непомнящий В. С. Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина» / В. С. Непомнящий // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / Российская Академия Наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Пушкинская комиссия. Москва: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 135-165.
27. Непомнящий В. С. «Евгений Онегин» как проблемный роман / В. С. Непомнящий // Собрание сочинений в 5 томах. Том 3. Москва: Московский государственный институт культуры, 1999. С. 426-468.
28. Никоненко В. С. «Евгений Онегин» философия романа / В. С. Никоненко // Труды по русской философии и литературе. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С.409-425.
29. Полевой Н. А. Московский Телеграф / Н. А. Полевой. 1833. № 6. С. 237-238.

30. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах / А. С. Пушкин. Ред. текста, примеч. и объяснит. статьи С. Бонди. Москва; Ленинград: Детиздат, 1936. 323 с.
31. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937-1959. Т. 6. Евгений Онегин. Ред. Б. В. Томашевский. 700 с.
32. Пушкин А. С. Критика и публицистика: Статьи и заметки / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937-1959. Т. 11. Критика и публицистика. С. 7-278.
33. Рубцова С. П. Герменевтический анализ романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / С. П. Рубцова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. Воронеж, 2014. № 3. С. 71-84.
34. Сидяков Л. С. Из истории комментирования «Евгения Онегина» / Л. С. Сидяков // Ученые записки Тартуского государственного университета. Сборник статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 175-182.
35. Старк В. П. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. П. Старк // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2013. 688 с.
36. Терц А. (Синявский А. Д.) Прогулки с Пушкиным / А. Терц (А. Д. Синявский). Санкт-Петербург: Всемирное слово, 1993. С. 50-65.
37. Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: Поэзия и история / И. М. Тойбин // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1979. Т. 9. С. 83-99.
38. Франк С. Л. Этюды о Пушкине / С. Л. Франк. Москва: Согласие, 1999. 177 с.
39. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Сочинения. Москва, 1995. С. 89-105.
40. Чудаков А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» / А. П. Чудаков // Пушкинский сборник. Москва: Три квадрата, 2005. С. 210-237.
41. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. В мире стихотворного романа. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / Ю. Н. Чумаков. Москва: Издательство МГУ, 1999. 128 с.
42. Чумаков Ю. Н. Евгений Онегин / Ю. Н. Чумаков, М. Н. Виролайнен, Е. О. Ларионова // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 600 с.
43. Cravens C. Lyric and narrative consciousness in Eugene Onegin / C. Cravens // The Slavic and East European Journal. 2002. Vol. 46, no. 4, pp. 683-709.
44. Molnár A. Bakhtin and Lotman: Pushkin's Eugene Onegin as space for dialogue / A. Molnár // The Dostoevsky Journal. 2016. Vol. 17 (1), pp. 65-75.
45. Nabokov V. Eugene Onegin: a novel in verse: commentary / V. Nabokov, A. Pushkin. Princeton University Press, 1990. Vol. 2.
46. Nabokov V. Eugene Onegin: a novel in verse: introduction and translation / V. Nabokov, A. Pushkin. Princeton University Press, 1990. Vol. 1.

Vladimir D. SHILTSEV¹

UDC 821.161.1

ON THE POLYPHONY OF MEANINGS IN “EUGENE ONEGIN”

¹ Dr. Sci. (Phys.-Math.),
Foreign Corresponding Member of Academy of Sciences,
Institute of Bologna (Bologna, Italy)
vladimir.shiltsev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3282-4701

Abstract

The questions of the higher hermeneutics of “Eugene Onegin” have been repeatedly considered by literary critics and philosophers, leaving a wide range of mostly subjective opinions about the meaning of the novel. We propose a new approach to isolating the main semantic series and an analysis of their development and interweaving in the text. We single out a number of main categories of meanings, and for each stanza of the novel, one or more of the most appropriate categories have been marked. The resulting graphic structures made it possible to trace the development and interweaving of meanings in the text. It was found that three-quarters of the stanzas of “Eugene Onegin” are polyphonic, in which, in addition to one semantic dominant, there is clearly another, and often a third and even a fourth one. The most frequently occurring bundles of meanings in individual stanzas or in the transition from one stanza to the next stanza are also analyzed. Our approach also make it possible to suggest a possible semantic load of the missing stanzas, marked in the text with dots, and to trace the numerous episodes of the novel when what is happening goes beyond the literary work and enters the real world, for example, through the involvement of the reader. Comparison of “Eugene Onegin” with the works of other contemporary writers and with other masterpieces of Pushkin himself shows a fundamental difference in breadth and excellent perfection of Pushkin’s creation in terms of semantic polyphony. Although the mere presence or absence of semantic polyphony, of course, is not a sufficient condition for literary piece to become a work of genius — it depends more on the realization: a combination of polished style, purity and clarity of language, the ability to evoke a reader’s emotional response etc., but the polyphony meanings of “Eugene Onegin” which we reveal does help to understand

Citation: Shiltsev V. D. 2022. “On the polyphony of meanings in ‘Eugene Onegin’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 76-107.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

the highest meaning and extraordinary, “vital” harmony of the work, making it a unique phenomenon in world literature.

Keywords

Pushkin, Eugene Onegin, hermeneutics, categories of meaning, polyphony, pushkinology, Bakhtin.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

REFERENCES

1. Avanesov S. M. 2017. “Bakhtin’s event as the origin of being”. *Ideas and Ideals*, vol. 1, no. 1 (31), pp. 23-30. [In Russian]
2. Arans O. R. 2005. “Secret myth of Onegin”. *Slavic Almanac: 2004*. Moscow: Indrik Publishing House. Pp. 381-404. [In Russian]
3. Artamonov M. D. 1995. “Once again about the 10th chapter of ‘Eugene Onegin’”. *Moscow Pushkinist: Annual Collection*. Russian Academy of Sciences, Institute of World Literature Named after A. M. Gorky. Pushkin Commission. Moscow: Nasledie. Vol. 2, pp. 292-304. [In Russian]
4. Akhmatova A. A. 2002. “Pushkin Studios”. *Collected Works*, vol. 6. Moscow: Ellis Lak 2000. Pp. 56-157. [In Russian]
5. Barsky O. V. 2013. “Subject polyphony ‘Eugene Onegin’: Lensky and Tatiana”. *Omsk Scientific Bulletin*, no. 4 (121), pp. 113-117. [In Russian]
6. Bakhtin M. M. 1975. “Word in the novel”. Bakhtin M. M. *Questions of Literature and Aesthetics*. Studies of Various Years. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. Pp. 72-233. [In Russian]
7. Bakhtin M. M. 1986. “To the philosophy of an act”. *Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook, 1984-1985*. Edited by S. G. Bocharov, S. S. Averintsev. Moscow: Nauka. Pp. 80-160. [In Russian]
8. Bakhtin M. M. 1929. *Problems of Dostoevsky’s Creativity*. Leningrad: Priboy. 103 p. [In Russian]
9. Belinsky V. G. 1955. “The works of Alexander Pushkin ... Articles 8th and 9th”. *Complete Set of Works: In 13 Volumes*. Moscow. Vol. 7. Pp. 431-504. [In Russian]
10. Bocharov S. G. 1967. “‘The form of the plan’: Some questions of Pushkin’s poetics”. *Questions of Literature*, no. 12, p.119. [In Russian]
11. Bocharov, S. G. 1991. “French epigraph to Eugene Onegin”. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. 32, no. 2, pp. 173-188. [In Russian]
12. Brodsky N. L. 1932. *Commentary on the Novel by A. S. Pushkin “Eugene Onegin”*. Moscow: Mir. 246 p. [In Russian]
13. Gershenson M. O. 1990. “The wisdom of Pushkin”. *Pushkin in Russian Philosophical Criticism: The End of the 19th — the first half of the 20th Century*. Moscow: Kniga. Pp. 207-243. [In Russian]
14. Goethe I. V. 1960. *Faust*. Translated by B. L. Pasternak. Moscow: Fiction State Publishing House. 619 p. [In Russian]
15. Grinbaum O. N. 2008. “Primordial Onegin: rhythm, meaning, interpretation”. *Saint-Petersburg State University Herald. Series 9, no. 3 (part 1)*, pp. 3-12. [In Russian]

16. Dobritsyn A. A. 2005. "Epigrammatic quotes in 'Eugene Onegin'". *Philologica*, vol. 8, no. 19-20, pp. 175-186. [In Russian]
17. Dostoevsky F. M. 1984. *Complete Works*, vol. 26. Leningrad: Nauka. Pp. 129-149. [In Russian]
18. Tomashevsky B. (ed.). 1937. *Eugene Onegin*. Leningrad: Goslitizdat. Pp. 255-298. [In Russian]
19. Kotelnikov V. A. 1999. *Spiritual Worker*. Edited by E. S. Lebedeva. Saint-Petersburg: Nauka. 550 p. [In Russian]
20. Lazarevich K. S. 2008. "Place 'Onegin' on the map". *Literature*, no. 11, pp. 20-26. [In Russian]
21. Lotman Yu. M. 1995. A. S. "Pushkin's novel 'Eugene Onegin'". Lotman Yu. M. *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960-1990; "Eugene Onegin": Commentary*. Saint-Petersburg: Art-SPB. Pp. 391-762. [In Russian]
22. Lyulka V. M. 2010. "Epigraphs in the A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin as a form of intertextuality". *Philological Sciences*, no. 1, pp. 76-81. [In Russian]
23. Makogonenko G. P. 1987. *Selected Works. A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"*. Leningrad: Soviet writer. 398 p. [In Russian]
24. Merzhkovsky D. S. 1990. "Pushkin". *Pushkin in Russian Philosophical Criticism: The End of the 19th — The First Half of the 20th Century*. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 92-160. [In Russian]
25. Mitskevich A. 1902. *Collected Works of Adam Mitskevich*. Edited by N. Polevoy. Vol. 4. Moscow: Tovarischestvo M. O. Wolf. Pp. 1-195. [In Russian]
26. Nepomniaschii V. S. 1995. "From observations of the text of 'Eugene Onegin'". *Moscow Pushkinist: Annual Collection. Russian Academy of Sciences, Institute of World Literature named after A. M. Gorky. Pushkin Commission. Moscow: Nasledie. Iss. 2*, pp. 135-165. [In Russian]
27. Nepomnyashchii V. S. 1999. "'Eugene Onegin' as a problem novel". *Collected Works in 5 Volumes. Vol. 3*. Moscow: Moscow State Institute of Culture. Pp. 426-468. [In Russian]
28. Nikonenko V. S. 2014. "'Eugene Onegin' philosophy of the novel". *Proceedings of Russian Philosophy and Literature*. Saint-Petersburg: Russian State Civil Aviation Academy Publishing House. Pp. 409-425. [In Russian]
29. Polevoy N. A. 1833. *Moscow Telegraph*. No. 6, pp. 237-238. [In Russian]
30. Pushkin A. S. 1936. *Eugene Onegin: A Novel in Verse*. Edited by S. Bondi. Moscow; Leningrad: Detizdat. 323 p. [In Russian]
31. Pushkin A. S. 1937-1959. *Complete Works: In 16 Volumes*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. Vol. 6. *Eugene Onegin*. Edited by B. V. Tomashevsky. 700 p. [In Russian]
32. Pushkin A. S. 1937-1959. "Criticism and journalism: articles and notes". *A. S. Pushkin Complete Works: In 16 Volumes*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. Vol. 11. *Criticism and journalism*. Pp. 7-278. [In Russian]
33. Rubtsova S. P. 2014. "A hermeneutic analysis of the novel in verses by A. S. Pushkin 'Eugene Onegin'". *Voronezh State University Herald. Series Philosophy*, no. 3, pp. 71-84. [In Russian]
34. Sidiyakov L. S. 1992. "From the history of commenting on 'Eugene Onegin'". *Scientific Notes of the Tartu State University. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Professor Yu. M. Lotman*. Tartu. Pp. 175-182. [In Russian]

35. Stark V. P. 2013. “Commentary on the novel by A. S. Pushkin ‘Eugene Onegin’”. A. S. Pushkin “Eugene Onegin”. Saint-Petersburg: Vita Nova. 688 p. [In Russian]
36. Terz A. (Sinyavsky A. D.) 1993. Walks with Pushkin. Saint-Petersburg: World Word. Pp. 50-65. [In Russian]
37. Toybin I. M. 1979. ““Eugene Onegin’: Poetry and history”. Pushkin: Research and Materials. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. Vol. 9, pp. 83-99. [In Russian]
38. Frank S. L. 1999. Etudes on Pushkin. Moscow: Consent. 177 p. [In Russian]
39. Frank S. L. 1995. “Meaning of life”. Compositions. Moscow. Pp. 89-105. [In Russian]
40. Chudakov A. P. 2005. “On the problem of the total commentary of ‘Eugene Onegin’”. Pushkin Collection. Moscow: Three squares. Pp. 210-237. [In Russian]
41. Chumakov Yu. N. 1999. ““Eugene Onegin’ of A. S. Pushkin”. In the World of a Poetic Novel. To Help Teachers, High School Students and Applicants. Moscow: Moscow State University Publishing House. 128 p. [In Russian]
42. Chumakov Yu. N., Virolainen M. N., Larionova E. O. 2012. “Eugene Onegin”. Pushkin Encyclopedia: Works. Iss. 2. Saint-Petersburg: Nestor-History. 600 p. [In Russian]
43. Cravens C. 2002. “Lyric and narrative consciousness in Eugene Onegin”. The Slavic and East European Journal, vol. 46, no. 4, pp. 683-709.
44. Molnar A. 2016. “Bakhtin and Lotman: Pushkin’s Eugene Onegin as space for dialogue”. The Dostoevsky Journal, vol. 17 (1), pp. 65-75.
45. Nabokov V., Pushkin A. 1990. Eugene Onegin: a novel in verse: commentary. Princeton University Press. Vol. 2.
46. Nabokov V., Pushkin A. 1990. Eugene Onegin: a novel in verse: introduction and translation. Princeton University Press. Vol. 1.

Ирина Анатольевна ЕДОШИНА¹
Елена Александровна ОСИПОВА²

УДК 821.161.11

СБОРНИК КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

¹ доктор культурологии, профессор кафедры истории,
Костромской государственной университет
tettixgreek@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4265-3611

² аспирантка кафедры истории,
Костромской государственной университет
elena-decide@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1046-0719

Аннотация

В статье рассматривается проблема понятийного статуса сборника. Обозначенная проблема исследуется с помощью целого ряда методов, из которых наиболее значимыми являются аналитический, историко-литературный при общем культурологическом подходе к пониманию сущности и смыслового поля творческих функций сборника. Специальное внимание уделяется актуальности формирования сборника как особой художественной формы в культуре Серебряного века. Обозначаются причины появления сборника, его специфика как формы представления сугубо личностной позиции автора. Наиболее значимые характеристики сборника выявляются на примере анализа сборника Д. С. Мережковского «Вечные спутники». Специальное внимание уделяется формированию сборника критических статей как отражению авторской мысли и самой эпохи. С этой целью анализируются статьи, составившие содержание сборника. Указывается на специфический субъективизм авторского осмысления литературных произведений, что в целом вполне соответствует духу времени — Серебряному веку. Подчеркивается, что собранные в сборнике статьи отражают динамику размышлений Мережковского. Одновременно собранные в сборнике и подчиненные общему разви-

Цитирование: Едошина И. А. Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века / И. А. Едошина, Е. А. Осипова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 108-122.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

тию авторской мысли статьи могут пониматься как единое целое, а сам сборник — как форма представления творческой личности в художественной культуре Серебряного века. Специальное внимание уделяется личности издателя и хорошего знакомого Мережковского — П. П. Перцова. В итоге проведенных аналитических процедур над текстами в сборнике Мережковского «Вечные спутники» выявляются характерные черты представления автора не столько как литературного критика, сколько как мыслителя. В итоге делаются выводы общего характера: сборник является формой представления личности автора, указываются принципы организации сборника, отмечается значимость авторского прочтения явлений литературы и культуры в целом.

Ключевые слова

Культура Серебряного века, сборник как понятие, издатель как соавтор сборника, сборник как форма представления творческой личности, зарубежные писатели, русские писатели, субъективная критика, сборник Д. С. Мережковского «Вечные спутники».

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

Введение

В данной статье исследуется работа Д. С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (далее — «Вечные спутники») с целью установления ее принадлежности к «сборнику» как форме представления творческой личности, а не как собрание литературно-критических статей одного автора. Указываются и обосновываются причины зарождения «сборника» как специальной формы, отвечающей художественному дискурсу Серебряного века. Актуальность обозначенной цели определяется постановкой самой проблемы, которая в современном гуманитарном знании скорее только намечена, нежели исследована.

Методы

Методологической базой в статье является герменевтический подход. Авторами используются аналитический, историко-литературный методы в понимании сущности и описании смыслового поля сборника как феномена в литературе Серебряного века. Данные методы позволяют структурировать и обобщить полученные результаты, а также сформировать целостную картину проблемных вопросов в понимании сущности сборника как формы отражения творческой личности в исследуемый период.

Результаты исследования и их обсуждение

Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века

Серебряный век в русской культуре был временем ее бурного развития. Кажется, что все, копившееся в течение века Золотого, вдруг подверглось переосмыслению, послужив мощным импульсом к рождению новых форм в художественном творчестве. Одни из этих форм заявляли о себе ярко, образуя художествен-

ные направления. Но были и другие, «негромкие» формы, которые даже и не осознавались как таковые, а уж тем более — новые. Должно было пройти немалое количество времени, чтобы обнаружить эти самые «негромкие» формы, в которые, между тем, облекались весьма известные тексты. Такой «негромкой» формой, словно в унисон своему названию, оказался «сборник». Одним из первых на эту форму обратил внимание В. Н. Крылов в работе «Русская символистская критика: генезис, традиции, жанр» (2005), где, в частности, указал на главную особенность сборников Серебряного века: «не механические собрания статей, а сборники, пронизанные внутренней логикой» [10, с. 268]. Эта логика определяется, по В. В. Полонскому, тем, что «художественный мир объекта критического осмысления служил Мережковскому лишь одним из ключей к пониманию «тайны его существования», средством к построению законченной концепции *Личности*, притворенной в некий знак, за которым закреплено строго определенное значение» [15, с. 170].

1. Субъективная критика в понимании Мережковского и современников

Осенью 1896 г. в Петербурге выходят «Вечные спутники» уже известного, но не получившего еще признания автора — Д. С. Мережковского, который явился перед читателем не столько критиком, сколько писателем и мыслителем, как заметит позднее Ю. Терапиано [19, с. 440]. Этот синтез писателя и мыслителя заявлен уже в предисловии, где Мережковский сразу, буквально во втором предложении, сообщает о своей цели, которая «заключается не в том, чтобы дать более или менее объективную, полную картину какой-либо стороны, течения, момента во всемирной литературе; цель его — откровенно *субъективная*» [11, с. 5]. Причем субъективизм этот имел двойственную природу и заключался в отборе имен (субъективизм автора), в отборе свидетельств из их жизни и творчества отобранных (намеренно субъективных, о чем сообщалось уже в предисловии).

Но был еще один аспект в субъективизме Мережковского, который чутко уловили современники: «Он верит в объективную истину, но думает, что раскрыть ее можно, именно „не выходя из своего я“» [4, с. 602]; «г. Мережковский не только не скрывает своих мнений эстетических или этических, религиозных или социальных, но даже открыто исповедует их, негодует или восторгается и волнуется» [18, с. 644]; очерки, «несмотря на видимое разнообразие, посвящены одному великому предмету — самому г-ну Мережковскому, чего он нисколько и не скрывает» [2, с. 689].

Сам Мережковский из всех прочитанных рецензий наиболее высоко оценил рецензию Б. В. Никольского, который в письме к П. П. Перцову указал на главную особенность «Вечных спутников»: «... самосознание всякого „скитальчества“, т. е. отречение от своей жизни ради чужой жизни» [14, с. 172173]. Как видим, Никольский расширяет содержание субъективного в «Вечных спутниках» за счет указания на скитальчество как феномен русского бытия. Но скитальчество предстает сквозь призму самосознания, то есть восприятия и описания Мережковского.

Культурфилософский аспект субъективной критики

Действительно, поразивший современников нескрываемый многослойный субъективизм автора отличает сборник «Вечные спутники», оказываясь сущностной характеристикой издания в целом. Как отмечает В. Я. Сарычев, мысль Мережковского (как субъективного критика) стремилась к «беспокровному», «оголенному» виду, исповедуя одновременно «гностицистский рационализм» [17, с. 76]. Гностицизм представляет сложный культурный феномен, изначально апеллировавший к христианским или к иудейским традициям. Но постепенно гностицизм стал ассоциироваться с сокровенным знанием, доступным ограниченному кругу людей. В этом контексте «гностицистский рационализм» может прочитываться как стремление Мережковского представить тайные коды культуры (по аналогии с популярной в его время книгой Э. Эннекена «La critique scientifique», 1888) в виде суммы художественного, личностного и общественного аспектов, где художественное — это литературное произведение, личностное — восприятие литературного произведения в прошлом и настоящем, общественное — взаимоотношения писателя с современниками. Мережковский убежден, что «каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения» [11, с. 6].

2. Понятийный статус сборника*Антология, альманах, книга*

В рецензиях на «Вечных спутников» Мережковского рядом с нейтральным определением «книга» несколько раз появляется слово «сборник», причем не только в связи с «Вечными спутниками», но и «Философскими течениями в русской поэзии». Оба издания — детище П. П. Перцова. Публикатор писем Мережковского именуется издания самого Перцова («Молодая поэзия», 1895; «Философские течения русской поэзии», 1896) антологиями (Перцов в воспоминаниях обозначает те же издания сборниками), а «Вечных спутников» — книгой [114, с. 156]. Хотя в комментариях «Философские течения» именуется как сборник [14, с. 160]. Попробуем разобраться и понять, что же такое «Вечные спутники» как издание, обратившись сначала к сходным по способу создания книгам.

Начнем с *антологий* как исторически наиболее древнего понятия. В переводе с греческого это слово обозначает «собрание цветов». Изначально в антологиях собирались лирические стихотворения, позднее — избранные литературные, философские, музыкальные произведения разных авторов. Примером классической антологии могут быть названы, например, «Палатинская антология» (X в.) Константина Кефалы или первая отечественная антология «Собрание русских стихотворений» (1811) В. А. Жуковского.

Далее — *альманах*. Это слово арабского происхождения. Изначально альманахи составлялись из новых произведений разных авторов. В основе могли быть тематический или идейный принципы. Альманах был переходным изданием: противопоставлялся газете и одновременно воспринимался как альтер-

натива журналу. В России образцами альманаха стали издания «Аглая» (1794-1795) Н. М. Карамзина и «Северные цветы» (1824-1830) А. А. Дельвига.

Как видим, и альманах, и антология предполагают собирание под одной обложкой *разных* авторов, чьи произведения должны представить лучшие образцы современного или исторического литературного процесса.

В приводимых цитатах используется и слово «книга», но если, конечно, не иметь в виду ее написания с большой буквы, отсылающего к главной Книге христиан, то под «книгой» понимается «произведение печати в виде переплетенных листов с каких-нибудь текстом» [13, с. 285]. Таким образом, книгой является любое печатное издание.

«Сборник» как феномен

Ну, а теперь обратимся к слову *сборник*. Это слово славянского происхождения, является отглагольным (от «собирать») существительным: в древнерусском изводе — «сбор», а в церковно-славянском — и вообще «собор» («съборъ»), то есть «епископия» [20, с. 568] как собрание многих, объединенных в веру в Бога. Следовательно, этимологически слово «сборник» в нашем случае указывает на собрание текстов, объединенных общей идеологией или идеей. Поскольку любой сборник составляется (собирается), то значительную роль в сборнике играют не только автор статей, но и тот, кто их собирает под одной обложкой, даже если это сам автор.

Если с обозначенных позиций подходить к «Вечным спутникам», то это издание идеально соответствует понятию *сборник*, каким он сформировался в русской культуре конца XIX века. В сборник собирались статьи, написанные одним автором в разные годы, отражая его представления о мире, месте человека в мире, наконец, свидетельствуя о самом авторе. Кроме того, соединенные в сборнике разрозненные статьи одного или нескольких авторов отражали смыслы времени [6, с. 241]. Вбирая все указанные значения, сборник становится формой представления творческой личностью не только себя как индивидуума, но и «вечный» своего времени.

Одним из первых составителей и издателей такого рода сборников выступил Петр Перцов (1868-1947) — писатель, искусствовед, литературный критик, журналист, автор мемуаров. Готовя и издавая сборник, посвященный русской поэзии, он писал: «Основная цель сборника — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии... Сообразно с этой целью, руководящие критические очерки, посвященные каждому поэту, имеют в виду главным образом его мирозерцание; рассматривают его, как мыслителя, как философа» [21, с. 10]. Тщательное изучение новой и классической поэзии сформировало в Перцове человека, могущего безошибочно определить степень талантливости писателя (начинающего в том числе), собрать его разновременные работы в единое целое под названием «сборник» и представить читающей публике творческую личность не статично, а в движении мысли. Ярким примером такого рода сборника стали «Вечные спутники» Мережковского.

3. Сборник «Вечные Спутники» как форма представления личности автора

Ко времени издания «Вечных спутников» Перцов был уже хорошо знаком с Мережковским. Они активно переписывались, искренне поверяя друг другу свои мысли. Как издателю Перцову было важно через «облик» творческого человека представить самое время как своеобразную «встречу» прошлого с настоящим. Причем, не в абстрактной форме, а именно в субъективном восприятии творческого человека, живущего на рубеже двух эпох. Потому в сборник не вошли статьи, которые отличались подчеркнутой объективностью [12].

Составившие сборник статьи были написаны Мережковским в течение 1888-1896 годов, посвящены зарубежным — Плинию Младшему, Марку Аврелию, Кальдерону, Сервантесу, Гёте, Монтеню, Флоберу, Ибсену — и русским — Достоевскому, Гончарову, Майкову, Пушкину — писателям. На самом деле, «вечных спутников», к биографии и творчеству которых обращается Мережковский, намного больше, но в заглавие вынесены те, что, по его мнению, сыграли наиболее значительную роль в развитии литературы, оказав влияние и на общественную жизнь.

Мережковский как субъективный критик

Субъективная критика Мережковского в сборнике «Вечные спутники» наглядно проявляет себя в нескольких аспектах.

Прежде всего, в оценке имен писателей, выбранных для сопоставлений и параллелей. В основу такой оценки кладется воздействие произведений писателя на читателя. Ярким примером такого воздействия является сопоставление Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Мережковский находит в писателях то, что их объединяет, не забывая при этом о присущей каждому специфике: «Оба писателя глядят на жизнь со стороны: один из тихой артистической мастерской, другой — с высоты отвлеченной морали» [11, с. 175]. Следом в Достоевском подчеркивается почти родственная близость писателя своим читателям («он любил нас просто, как друг, как равный»), в Л. Толстом — высокомерие проповедника («мы все-таки грешные люди, а Толстой слишком презирает наше „гнилое“ интеллигентное общество, чувствует слишком глубокое отращение к слабостям грешных людей») [11, с. 175].

Другим основанием для сопоставления служит отношение писателей и героев их произведений к прошлому и настоящему. По мысли Мережковского, Достоевский, М. Ю. Лермонтов и Дж. Байрон напряженно вглядываются в будущее и ожидают перемен, а Вальтер Скотт и И. А. Гончаров ищут в настоящем времени параллели из прошлого. Так, в романе Гончарова «Обломов» внимание Мережковского привлекает авторская мысль о том, что «люди прошлого, совсем или почти совсем не тронутые современностью» [11, с. 208], а потому являют собой цельные натуры, не утратившие способности раскаиваться в грехах. В Райском Мережковский обнаруживает переходный тип. С одной стороны, Райский устремлен в будущее, но с другой — прошлое (воспитание, детские воспоминания, привязанность к родным деревенским местам) не покидает его

сознания, воплощая идеальный мир: «Здесь не было ни в ком претензии казаться чем-нибудь другим, лучше, выше, умнее, нравственнее, а между тем на самом деле оно было выше, нравственнее, нежели казалось, и едва ли не умнее» [11, с. 208]. Однако, по мысли Мережковского, есть в романе Гончарова особый сорт героев, которые не принадлежит ни к прошлому, ни к настоящему, они словно рождаются с верой «в божественное начало человеческой совести» [11, с. 212]. Такова Вера, в которой воплощен вечный идеал любви, рожденный союзом библейской мудрости с чистотой сердечных помыслов. По своей склонности искать противоположности Мережковский обнаруживает ее полный антипод. Это — Марк Волохов с его беспощадным и бесплодным отрицанием. Своеобразная встреча веры и ее отрицания завершается для Мережковского вопросом «а что же дальше?» Ответ на этот вопрос Мережковский ищет не только в художественных текстах, но и в биографиях выбранных им писателей, для чего он обращается к их письмам, дневникам, воспоминаниям — свидетельствам столь же субъективным, как и его прочтение художественных произведений.

Субъективизм Мережковского сказался в том, что он (вопреки всем хронологиям) помещает Пушкина в самый финал своего сборника, к нему стягиваются все нити его размышлений, потому что, по мысли автора «Вечных спутников», Пушкин — та финальная точка, с которой все начинается. Мережковский видит в Пушкине не только поэта, но и мыслителя, что делает его равным Гёте и Байрону. В Пушкине Мережковский обнаруживает великого мыслителя и мудреца, в его поэзии — «стройное мирозерцание» [11, с. 230]. Однако обнаружить это мирозерцание сложно, поскольку Пушкин не оставил ничего сопоставимого по своей стройности и завершенности с «Фаустом» Гёте или «Божественной Комедией» Данте. Пушкинские мысли разбросаны по его произведениям, но при этом он «ясен, как древние эллины, оставаясь сыном своего века» [11, с. 238].

Субъективизм как способность мыслить и чувствовать

В итоге своих размышлений Мережковский обнаруживает в теме «Пушкин» то, с чего он начал свой сборник — греческую античность. Сквозь призму пушкинского наследия и его усвоения Мережковский ясно видит свою задачу как мыслителя: субъективность — не самоцель, но то основание, которое сохраняет тепло человеческой жизни, ее уникальность в протяженности времени. «Это — не аскетическое самоистязание, жажда мученичества во что бы то ни стало, как у Достоевского; не покаянный плач о грехах перед вечностью, как у Льва Толстого; не художественный нигилизм и нирвана в красоте, как у Тургенева; это — заздравная песня Вакху во славу жизни, вечное солнце, золотая мера вещей — красота» [11, с. 240].

В финальной части под названием «Пушкин» на самом деле, как уже отмечалось, речь идет не об одном только Пушкине. Со свойственной Мережковскому методичностью он вновь обращается ко всем тем именам, о которых он уже писал, словно поверяя их гением Пушкина, между делом обращая внимание

на существо искусства: «Необходимым условием всякого творчества, которому суждено иметь всемирно-историческое значение, является присутствие и в различных степенях гармонии взаимодействие двух начал – нового мистицизма как отречения от своего „Я“ в Боге и язычества как обожествления своего „Я“ в героизме» [11, с. 284]. Собственно, здесь и заключается смысл «субъективизма» Мережковского, по существу своему апеллирующему не только к личности самого автора, но и к его способности видеть в разнородных явлениях общее, не утрачивая при этом живого дыхания жизни. Потому вполне закономерно он соотносит сборник «Вечные спутники» с дневниковыми записями читателя конца XIX века.

Галерея «вечных спутников» в контексте субъективизма

Авторский «субъективизм» в сборнике «Вечные спутники» имеет еще одну чрезвычайно важную характеристику, которую можно обозначить как просвещенческую, казалось бы, мало совместимую с личностью Мережковского. Эстет до мозга костей, полиглот, яркий представитель русского европеизма, кабинетный деятель, Мережковский, по его собственному признанию, задается целью создать своеобразную общедоступную галерею «миниатюрных портретов великих писателей разных веков и народов — для русской публики в значительной мере великих незнакомцев, ибо кроме их имени русский читатель до сих пор знает о них разве по отрывкам неудовлетворительных переводов или по безличным выдержкам из курсов литературы и справочных книг» [11, с. 6]. Стремясь исправить сложившуюся ситуацию, Мережковский помещает в своей общедоступной галерее условную семью известных деятелей художественной культуры и их читателей, образующих столь же условную «русскую семью», которой он предлагает совершить вместе с ним экскурсию, подобную той, что чуть позднее обрисует И. М. Гревс: «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив!» [5, с. 27].

Думается, именно по причине условно семейного посещения галереи «вечных спутников» сборник открываются статьями об Акрополе и романе Лонга (у Мережковского — Лонгуса) «Дафнис и Хлоя», в которых греческая культура предстает в ее классических (предельно отвлеченных от бытия) и эллинистических (предельно насыщенных миром человеческих чувств) формах. Мережковский ведет (в прямом смысле этого слова, давая возможность увидеть, услышать, почувствовать) своего читателя «от начала начал» к тем временам, когда все подверглось коренной перестройке. Осматривая Акрополь и восхищаясь им, Мережковский искренне грустит об утрате классического умения «творить согласно с природою» и задается вопросами: «Чего мы ищем? Куда идем? Что поселило в нашем сердце смятение, недоверие к природе, страх перед жизнью и перед смертью?» [11, с. 14]. Но не дает ответа. В окружающей его и читателей жизни Мережковский обнаруживает духовную одичалость, варварскую нелепость роскоши, а в современных городах, построенных из железа и камня, — вызов природе. Современной Мережковскому и его читателям архитектуре

противостоит мир человеческих чувств, не утративший притягательности даже в их эллинистическом изводе. Искренность чувств Дафниса и Хлои приводит Мережковского к мысли о том, что «возвращение к природе от лицемерия, лжи и условностей культуры. В сущности это и есть главная философская тема всех великих поэм любви, начиная от „Песни песней“ Соломона и „Сакунталы“ Калидасы: любовь возвращает человека к природе, и это дает случай поэту изобразить прелесть сельской, наивной и здоровой жизни в ее противоположности с болезненной культурой больших городов» [11, с. 27]. Дав нерадостные характеристики современной городской культуре, Мережковский обращается к художественной литературе разных времен, стремясь вместе с читателями найти ответы на вопросы о смысле бытия. Отсюда использование местоимения «мы», которое способствует, с одной стороны, усилению эмоциональной окраски авторских мыслей, а с другой — акцентирует сближение читателя и автора.

Глубинный смысл произведений некоторых авторов, например, Сервантеса, может открыться читателям только много позднее. Мережковский пишет: «В органическом, непроизвольном процессе творчества гений, помимо воли, помимо сознания, неожиданно для самого себя, приходит иногда к таким комбинациям чувств, образов и идей, глубину и значительность которых дано оценить только отдаленным поколениям читателей. В этом смысле поэт носит в своей груди не только прошлое, но и неизвестное будущее всего человечества» [11, с. 340]. Но есть в условной галерее Мережковского писатель, старческая внешность которого словно преодолевается горящим взглядом восемнадцатилетнего юноши. Это — Гёте, лучший представитель человечества, почти сверхчеловек, чья душа раскрывается благодаря знаменитым записям его секретаря И.-П. Эккермана, известным как «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни, 1823-1832. Ч. 13» (1836-1848). В этих записях внимание Мережковского привлекает синтез веры и знания как источник простоты сотворенного мира. Вслед за Гёте Мережковский убежден, что «простота мира и есть его чудесность, таинственность, божественность» [11, с. 320]. Эта мысль Гёте становится путеводной для той задачи, которую решает Мережковский: приобщить любого своего читателя, независимо от его социального положения или образования, к вершинам художественного творчества. Если вся тайна бытия в его простоте, как утверждает Гёте (а Гёте, по Мережковскому, не может ошибаться, совмещая в себе одновременно и мудрость старости, и чувственность юности), то в движении с читателями по галерее блистательных умов необходимо всякий раз находить великое в обыденном, в привычном. В этом ряду ярким примером является роман Оноре де Бальзака «Крестьяне», где в простом мужике обнаруживается страстный мечтатель и увлекающийся поэт.

Ведя своего читателя по («общедоступной») галерее великих памятников человеческой мысли, Мережковский создает запоминающиеся портреты, раскрывает наиболее значимые проблемы в творчестве писателей, указывает на источники их творчества, не скрывая при этом своего личного отношения. Он органично и убедительно отмечает сходство между далекими событиями и

теми, в которых живут и он, и его читатели. В результате прежние писатели-незнакомцы обретают иной статус — спутников.

Прежде всего, следует заметить, что «Вечные спутники» Мережковского в обозначенном в статье аспекте не исследовались. Потому обратим внимание на работы, в которых уделяется специальное внимание «Вечным спутникам» и критике Мережковского 1880-х — 1890-х гг. Так, А. А. Журавлева подробно анализирует «зарубежных» спутников в сборнике Мережковского, стремясь обрисовать параметры субъективной критики автора. Включенные в сборник статьи именуется очерками, а все издание, соответственно — книгой очерков, которые напоминают художественное произведение [8, с. 107]. Подобный подход представляется малопродуктивным. В диссертации Е. Г. Кабаковой утверждается, что в критике Мережковского интересующего нас времени концепция личности, как и интерес к ней отсутствует, что Мережковский просто использует утвердившийся взгляд на личность [9, с. 9]. В отличие от Журавлевой и Кабаковой Е. А. Андрущенко, наоборот, подчеркивает значимость «Вечных спутников» в творчестве Мережковского. Исследовательницей также отмечается дилемма в определении специфики собранных в сборнике текстов. Но указанная проблема не входила в задачи статьи, потому было использовано нейтральное определение — литературно-критические статьи [1, с. 704]. В. В. Полонский определяет сборник Мережковского как пратекст [15, с. 159] и вслед за И. С. Приходько [16, с. 199] считает, что избранный Мережковским «ограниченный круг крупнейших русских и зарубежных литературных деятелей подвергался сознательной символизации и мифологизации» [15, с. 160]. Н. К. Бонцакая указывает на философский аспект в критике Мережковского, подробно исследует специфику его размышлений, обращаясь к разным произведениям, усматривая в такого рода критике отражение самосознания эпохи [3, с. 110]. Актуализация связи самосознания эпохи и критики Мережковского представляется наиболее плодотворной для нашей статьи.

Заключение

Таким образом, сборник «Вечные спутники», будучи собранием статей, которые объединяет не только общий предмет для размышлений — писатели и их произведения, но и разновременность написания самих статей, что разворачивает мысли Мережковского во времени. Динамике времени написания статей вторит динамизм самой мысли, легко преодолевающей временное, языковое, культурное пространство, задерживающейся лишь на том, что рождает отклик в самом Мережковском.

В сборнике автор является перед читателем как человек, размышляющий вместе с читателем, будящий мысль своего читателя, не скрывающий своей заинтересованности в нем. Мысль Мережковского менее всего носит абстрактный характер. Он стремится «согреть» ее как за счет собственных непосредственных реакций на прочитанные произведения литературы, так и специально отобранных событий из жизни писателей.

Но есть у сборника «Вечные спутники» еще один нюанс, составляющий значимую характеристику сборника как феномена культуры Серебряного века. И этот нюанс связан с личностью издателя — Петра Перцова. Он не просто знакомый Мережковского или человек, живший в то же самое время. Он издал сборник Мережковского на собственные деньги, потому что чутко уловил в «Вечных спутниках» дух времени, нашедший воплощение в жизнотворчестве, понимаемом как «стремление претворить в жизнь идею, придать идее кровь и плоть ... чтобы в результате самое бытие получило новый смысл» [7, с. 158]. В этом контексте сборник «Вечные спутники» Мережковского-Перцова может пониматься как акт представления самого времени, чье настоящее густо замешано на осмыслении прошлого. Причем самое осмысление носит сугубо индивидуальный характер, резко порывающий связь с традиционными представлениями о литературной критике. Главный герой сборника «Вечные спутники» — мыслящая творческая личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрущенко Е. А. Спутники Д. С. Мережковского / Е. А. Андрущенко // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 703-757.
2. Из русских изданий. Два крайних места о Пушкине // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 688-692.
3. Бонецкая Н. К. В поисках Неведомого Бога. Мережковский — мыслитель / Н. К. Бонецкая. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 384 с.
4. Горнфельд Ар. Критика и лирика (Д. С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург, 1897) / Ар. Горнфельд // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 602-640.
5. Гревс И. М. Научные прогулки по историческим центрам Италии: Очерки флорентийской культуры / И. М. Гревс. Москва: Тип-я Тов-ва Кушнерев и К, 1903. 62 с.
6. Едошина И. А. Культурфилософия понятия «эпоха»: к характеристике *fin de siècle* / И. А. Едошина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 5. С. 240-245.
7. Едошина И. А. Культурфилософский аспект в жизнотворчестве Максимилиана Волошина / И. А. Едошина // Соловьевские исследования. 2014. Вып. 4 (44). С. 156-181.
8. Журавлева А. А. «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 11. Журналистика. 2005. № 1 (2). С. 99-108.
9. Кабакова Е. Г. Динамика текстопорождения в критике Д. С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Кабакова. Екатеринбург, 2001. 24 с.

10. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры / В. Н. Крылов. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. 268 с.
11. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Д. С. Мережковский. Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Серия: Литературные памятники. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 903 с.
12. Муртузалиева Е. А. Литературно-критические работы Д. С. Мережковского 1893-1894 годов: жанр, типология, своеобразие / Е. А. Муртузалиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 3 (81). Ч. 2. С. 235-240.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва: Азъ LTD, 1992. 960 с.
14. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156-181.
15. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века / В. В. Полонский. Москва: Наука, 2008. 285 с.
16. Приходько И. С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) / И. С. Приходько // Д. С. Мережковский. Мысль и слово / Редкол.: В. А. Келдыш, И. В. Корецкая, М. А. Никитина. Москва: Наследие, 1999. С. 198-206.
17. Сарычев Я. В. «Субъективная критика» в системе теоретических и художественных исканий Д. С. Мережковского / Я. В. Сарычев // Русская литературная критика Серебряного века / отв. ред. С. Г. Исаев. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 1996. С. 73-77.
18. Спасович В. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники» / В. Д. Спасович // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 641-681.
19. Терапиано Ю. Дмитрий Мережковский: взгляд в прошлое / Ю. Терапиано // Д. С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. С. 437-447.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. Санкт-Петербург: Терра-Азбука, 1996. 832 с.
21. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Перцова, В. С. Соловьева / Изд. П. Перцов. Санкт-Петербург: Типография Ф. Меркушева, 1896. 389 с.

Irina A. EDOSHINA¹

Elena A. OSIPOVA²

UDC 821.161.11

**COLLECTION OF ESSAYS AS A FORM
OF CREATIVE REPRESENTATION
IN THE CULTURE OF THE SILVER AGE**

¹ Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor,
Department of History, Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4265-3611

² Postgraduate student,
Department of History, Kostroma State University
elena-decide@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1046-0719

Abstract

The article looks into the conceptual status of a collection of essays. This subject is investigated by using a number of different methods, of which the most significant ones are analytical, historical and cultural, with a general cultural and philosophical approach to understanding the essence and the semantic scope of the creative functions of a collection of essays. Particular attention is given to the relevance of the creation of a collection of essays as a special art form in the culture of the Silver Age. The article defines the reasons for a collection of essays and its specificity as a form of the presentation of the solely personal thoughts. The most significant characteristics of a collection of essays are identified in the example of the analysis of the collected volume of essays by D. S. Merezhkovsky "Eternal Companions". Special attention is paid to the creation of the collection of critical essays as a reflection of the author's thoughts and the era itself. For this purpose, the articles included in the content of the collection are analyzed. The specific subjectivity of the author's comprehension of the literary works is noted, and in general it is fully consistent with the spirit of the times of the Silver Age. It is emphasized that the essays included in the collection reflect the dynamics of Merezhkovsky's thoughts. The essays collected in the volume conform with the general mainstream of the

Citation: Edoshina I. A., Osipova E. A. 2022. "Collection of essays as a form of creative representation in the culture of the Silver Age". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 108-122.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

author's thoughts, they can be understood as a single whole, and the collection itself can be regarded as a form of the representation of a creative personality in the artistic culture of the Silver Age. Special attention is given to the personality of the publisher who was a good acquaintance of Merezhkovsky P. P. Pertzov. Following the analytical procedures carried out on the texts in Merezhkovsky's collection "Eternal Companions", it is noted that the characteristic features of the author's ideas present him not only as a literary critic, but mostly as a thinker. Eventually, the general conclusions are made: the collection of essays goes beyond the limits of only one author, the principles of its organization are indicated, and the importance of the author's interpretation of the literary and cultural events as a whole is noted.

Keywords

Culture of the Silver Age, collection as a concept, publisher as a co-author of the collection, collection of essays as a form of representation of a creative personality, foreign writers, Russian writers, subjective criticism, collection by D. S. Merezhkovsky "Eternal Companions".

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

REFERENCES

1. Andrushchenko E. A. 2007. "Satellites of D. S. Merezhkovsky". Merezhkovsky D. S. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 703-757. [In Russian]
2. Andrushchenko E. A. (ed.). 2007. "From Russian editions. Two extreme places about Pushkin". Merezhkovsky D. S. *Eternal Companions. Portraits from World Literature*. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 688-692. [In Russian]
3. Bonetskaya N. K. 2017. *In Search of the Unknown God. Merezhkovsky is a Thinker*. Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 384 p. [In Russian]
4. Gornfeld Ar. 2007. "Criticism and lyrics (D. S. Merezhkovsky. *Eternal companions. Portraits from world literature. St. Petersburg, 1897*)". Merezhkovsky D. S. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 602-640. [In Russian]
5. Grevs I. M. 1903. *Scientific Walks in the Historical Centers of Italy: Essays on Florentine Culture*. Moscow: Partnership Kushnerev and K Printing House. 62 p. [In Russian]
6. Edoshina I. A. 2014. "Cultural philosophy of the concept of 'epoch': to the characteristics of fin de siècle". *Kostroma State University Publishing House*, no. 5, pp. 240-245. [In Russian]
7. Edoshina I. A. 2014. "Cultural and philosophical aspect in the life of Maskimilian Voloshin". *Solovyov Research*, iss. 4 (44), pp. 156-181. [In Russian]
8. Zhuravleva A. A. 2005. "'Eternal Companions' by Merezhkovsky as an example of subjective criticism". *Chelyabinsk State University Publishing House. Series 11. Journalism*. No. 1 (2), pp. 99-108. [In Russian]
9. Kabakova E. G. 2001. "The dynamics of text generation in the criticism of D. S. Merezhkovsky". *Cand. Sci. (Philol.) diss. Ekaterinburg*. 24 p. [In Russian]
10. Krylov V. N. 2005. *Russian Symbolist Criticism: Genesis, Traditions, Genres*. Kazan: Kazan University Press. 268 p. [In Russian]

11. Merezhkovsky D. S. 2007. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Series: *Literary monuments*. Saint-Petersburg: Nauka. 903 p. [In Russian]
12. Murtuzalieva E. A. 2018. "Literary and critical works of D. S. Merezhkovsky in 1893-1894: genre, typology, originality". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. Tambov: Diploma. No. 3 (81), part 2, pp. 235-240. [In Russian]
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. 1992. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Az LTD. 960 p. [In Russian]
14. Koreneva M. Yu. (ed.). 1991. "Letters from D. S. Merezhkovsky to P. P. Pertsov". *Russian Literature*, no. 2, pp. 156-181. [In Russian]
15. Polonsky V. V. 2008. *Mythopoetics and Dynamics of the Genre in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Century*. Moscow: Nauka. 285 p. [In Russian]
16. Prikhodko I. S. 1999. "'Eternal Companions' by Merezhkovsky (On the Problem of the Mythologization of Culture)". *D. S. Merezhkovsky. Thought and Word*. Edited by V. A. Keldysh, I. V. Koretskaya, M. A. Nikitina. Moscow: Nasledie. Pp. 198-206. [In Russian]
17. Sarychev Ya. V. 1996. "'Subjective criticism' in the system of theoretical and artistic searches of D. S. Merezhkovsky". *Russian Literary Criticism of the Silver Age*. Edited by S. G. Isaev. Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Pp. 73-77. [In Russian]
18. Spasovich V. 2007. "D. S. Merezhkovsky and his 'Eternal Companions'". *Merezhkovsky D. S. Eternal Companions. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 641-681. [In Russian]
19. Terapiano Y. 2001. "Dmitry Merezhkovsky: a look into the past". *D. S. Merezhkovsky: Pro et Contra*. Edited by A. N. Nikolyukina. Saint-Petersburg: RKHGI. Pp. 437-447. [In Russian]
20. Fasmer M. 1996. *Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. Volume 3*. Translated and edited by O. N. Trubacheva. 3^d edition. Saint-Petersburg: Terra-Azbuka. 832 p. [In Russian]
21. Pertsov P. (ed.). 1896. *Philosophical Currents of Russian Poetry. Selected Poems and Critical Articles by S. A. Andreevsky, D. S. Merezhkovsky, B. V. Nikolsky, P. P. Pertsov, V. S. Solovyov*. Saint-Petersburg: F. Merkushev Printing House. 389 p. [In Russian]

Николай Сергеевич ЧИЖОВ¹

УДК 821.161.1

ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЯ В ЛИРИКЕ ИВАНА ЖДАНОВА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

¹ кандидат филологических наук, старший преподаватель,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
n.s.chizhov@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-7636-0780

Аннотация

Цель статьи — показать через комментарий к четырем стихотворным текстам, входящим в книгу «Воздух и ветер», особенности художественного моделирования И. Ждановым метафизической реальности сновидения, основной ее философский и литературный контекст, связанные с ней особенности мироощущения поэта и соответствующую им поэтику. Устанавливается, что ситуация сновидения в рассматриваемых текстах отсылает к фольклорной и мифологической традиции (понимание сна как смерти, миф о сыне Громовержца, серьезно-смеховая культура и др.), религиозно-философскому наследию П. Флоренского, психоаналитической традиции (З. Фрейд, К.-Г. Юнг и др.), художественному опыту классических и неклассических поэтов и писателей (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, А. Данте, поэты-символисты, К. Кедров и др.). Обосновывается, что событийное развитие сновидения в текстах И. Жданова происходит в логике мистериального археосюжета смерти и возрождения. Например, в стихотворении «Душа проснется и тогда...» сновидение как погружение фольклорного персонажа Аленушки в «шепот»-смерть проецируется на путешествие Данта и Вергилия в «Божественной комедии» по воронкообразному аду, исследованное П. Флоренским в аспекте законов «обращенного» времени, теории вероятности и неевклидовой геометрии. Межсубъектная организация и неосинкретическая образность текстов поэта со сновидческой направленностью интерпретируются в статье с точки зрения неклассических процессов в русской лирике и учения К.-Г. Юнга о сновидении. В частности, определяется, что

Цитирование: Чижов Н. С. Поэтика сновидения в лирике Ивана Жданова. Статья первая / Н. С. Чижов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 123-144.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-123-144

образ сновидения в тексте «До слова» («Ты — сцена и актер в пустующем театре») восходит к пониманию австрийским психоаналитиком сна как театра, где сновидец одновременно выступает в качестве драматурга, актера, зрителей и сцены. Делается вывод, что поэтика сновидения в стихотворениях И. Жданова является модернистской по генезису и обуславливается мистериальной направленностью художественного мышления поэта.

Ключевые слова

Иван Жданов, поэтика сновидения, археосюжет смерти и возрождения, «обращенное» время, мистериальность, поэзия метареализма, метафизическая реальность сновидения.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-123-144

Введение

Иван Жданов — одна из ключевых фигур русской поэзии последней трети XX века. Творчество поэта за последние два десятилетия неоднократно становилось предметом диссертационного и монографического исследования [23, 31], были освещены с системных позиций важнейшие проблемы его поэтики и философии. Несмотря на это, многие аспекты поэзии И. Жданова еще ждут научного изучения.

Одной из таких проблем, ранее отдельно не рассматривающихся, посвящена данная статья. Речь идет о феномене сновидения в стихотворных текстах И. Жданова. Внимательный читатель книги «Воздух и ветер» (2006 г.), наиболее полно представляющей корпус текстов этого автора, обнаружит в ней свыше двадцати пяти стихотворений с онейрической мотивной, тематической и сюжетной составляющей. Отметим, что учитывались только те случаи, где речь шла исключительно о сновидениях. Образы других близких им состояний (галлюцинации, видения и др.) в книге также наличествуют, однако они предмет отдельного исследования. Тема сна в более чем половине стихотворений вводится одним или несколькими мотивами и не получает сюжетного развития.

Методы

Понятия «сон» и «сновидение» мы будем использовать в одном значении, а именно как феномен визуализации сновидцем онейрического переживания в форме пространственно-временного развертывания особой реальности, хотя, как известно, психофизиологическое состояние сна (особенно в глубокой фазе), в отличие от сновидения, может не сопровождаться зрительной работой [26, с. 279].

В рамках статьи остановимся на четырех стихотворениях, где сновидение представляет собой метафизическую реальность и выступает в качестве сюжеттообразующей ситуации, включенной в широкий культурный контекст. Для ее исследования были использованы элементы мифопоэтического, структурно-семиотического, мотивного, культурологического и сравнительно-исторического подходов к анализу литературных явлений.

Результаты исследования и их обсуждение

Перед тем как перейти к результатам анализа, рассмотрим проблему художественной границы сновидения в текстах поэта. Обычно граница между «условно-объективной» [35, с. 40] и онейрической реальностью подчеркивается личными формами глагола «спать» и производными от него, например: «Я не лунатик, я ногами *сплю*. / Вокруг меня помпезные колонны — / я их корней не чувствую, они — / застывшие глотки незримых горл» [11, с. 143]; «Там речка *спит* на согнутом локте, / Ей сон такой неустойчивый *снится* / из наших отражений, а над ним / там сельский быт в тесовых рукавицах / не застыть дня видением пустым» [11, с. 147]. Однако в некоторых случаях сон является «необъявленным» [5, с. 44], если (вслед за О. В. Федуниной) воспользоваться определением С. Г. Бочарова, то есть граница между ним и условной реальностью в высказывании лирического субъекта становится трудно уловимой [35, с. 36]. На ее стирание также работает сложная метаболическая образность стихов поэта, в ассоциативное поле которой, в частности, включаются характерные для сновидческой практики архетипы коллективного бессознательного. В этом случае предметом исследования будут нераздельно связанные друг с другом обе реальности, образующие внутренний мир стихотворения.

Случай первый: «Душа проснется и тогда...»

Мифопоэтика многих стихотворений И. Жданова имеет отчетливую связь с русским фольклором. Например, эпиграф текста «Зима» (детская считалка «Каравай, каравай») является рефреном заклинания в древнем славянском обряде приготовления хлеба, во время которого происходит схождение бога с неба для помощи вопрошающим [14, с. 622]. Событие приобщения к сакральному через коллективный выбор разворачивается во внутреннем мире стихотворения с учетом семантики сна: «В крови *ярится* белизна. / Мы лишены и *тени сна*. / Трещит *костер морозной стужи*» [11, с. 62]. Восстановленная в поэтическом контексте фольклорная цепочка тождественных словесных образов («ярится» — «белый» — «костер» — «мороз»¹) противопоставлена сну как метонимии мира ночного, коррелирующего со смертью: ср. такими устойчивыми словесными конструкциями, как «уснуть вечным сном», «спит как убитый».

В данном ключе прочитываются сон и пробуждение героини в стихотворении «Душа проснется и тогда...», написанном по мотивам сказки «Аленушка и братец Иванушка». Текст имеет кольцевую композицию: в первой и последней строфах повторяется сказочная концовка, знаменующая освобождение из плена сна аленушкиной души: «Душа проснется, и тогда/заплачет полая вода:/найдет сестрица братца,/а нам пора прощаться» [11, с. 33]. В логике «кольцевого движения», предполагающей, как показал В. М. Жирмунский, обычно последова-

¹ ср.: «Как белый, так и первообраз слова яркий, от света и огня (Ярило, солнечный праздник) переходит к белому (ярый воск), желанию и любви (ярошь, млр.Яровитый, страстный)» [25, с. 34]

тельную смену восходящей и нисходящей линии тематического развития [13, с. 504], формируется событийный горизонт стихотворения. Восходящая линия, обусловленная все большим погружением Аленушки в сон-небытие, начинается со второй строфы и вплоть до восемнадцатого стиха (четвертая строфа) постоянно усиливается. Так, в начале стихотворения сестрица, согласно сказочному первоисточнику, переговаривается со дна реки с превращенным в козленочка братцем (перекликается), но уже в третьей строфе о ней повествуется как о мертвой / заснувшей: «И вздрогнет на воде кольцо, / с козлиным профилем лицо / мелькнет и улыбнется. / Сестрица отзовется. // Вот в шепот сыплется листва, / она *мертва*, она права. / Что ей теперь *приснится*? / И нет нигде копытца» [11, с. 33].

При этом ритмический рисунок каждой строфы формируется по одной и той же модели: четырехстопный ямб первого и второго стиха всегда сменяет трехстопный ямб третьего и четвертого. В результате возникает прерывисто-нисходящее структурное упорядочивание «словесного материала» [13, с. 503] в стихотворении И. Жданова, которое становится внешним выражением сюжета погружения Аленушки в сон / смерть.

Дальнейшее сюжетное развитие сновидения Аленушки связано с образом шепота, что повторяется в тексте три раза: бормотание, или тихое проговаривание слов, синкретически соотносится с шелестом, шевелением осенней листвы (период увядания природы) под действием ветра. Нужно отметить, что данный мотив является частотным в лирике И. Жданова и обычно используется поэтом в контексте мортальных переживаний лирического героя, ср.: «И этот угол отсыревший, / и *шум листвы* полуистлевший / не в темноте, а в нас живут <...> / Мы *умираем* понемногу, / мы вышли не на ту дорогу, / не тех от мира ждем вестей» [11, с. 34].

Учитывая неоднократно отмеченное исследователями влияние на творчество поэта психоаналитической традиции [15, с. 150; 29, с. 208], можно предложить прочтение рассматриваемого мотива с точки зрения знаменитого определения К.-Г. Юнгом сна как шепота бессознательного, ср.: «Но я не знал, каким языком пользовалось мое бессознательное, и у меня не было выбора: я записывал то, что слышал. Создавалось впечатление, будто мои уши слышат его, мой язык произносит; наконец, я слышал *собственный шепот* — я повторял *вслед за бессознательным*» [42, с. 178].

Именно в шепот сходит, судя по смене формы лирического высказывания, не только героиня, но и субъект речи вместе с сестрицей и козленочком: «Один стакан, и тот разбит, / со дна Аленушка глядит, / и ветер шепот шевелит, / *мы-молча* в шепот сходим / и там себя находим» [11, с. 33]. С этими качественными изменениями в судьбе героини народной сказки происходит завершение восходящей линии тематического развития, подчеркнутое на композиционном уровне текста особым строением четвертой строфы: пятистишие с закрытыми глагольными рифмами.

Сюжет схождения сестрицы в шепот, имеющий мистериальную природу (смерть и воскресение), можно рассматривать в широком культурном контексте,

в частности, продолжая психоаналитическую линию, интерпретировать как погружение героя-сновидца, нераздельного и неслиянного с автором, в стихию бессознательного для обретения Самости, восстановления цельности. Как показал В. Руднев, опираясь на теорию психоанализа и исследования околосмертных переживаний Р. Моуди, пространство сновидения представляет собой «пространство любви и смерти», материализованное в виде узкого «коридора», куда «проталкивается умерший». В данной логике «материально-телесный низ, vulva и anus, символизируют землю и языческую преисподнюю, функция которой — сперва умерщвление, а потом воскресение» [30, с. 207-208].

Однако, с нашей точки зрения, важнейшим литературным источником ситуации сна в ждановском тексте является «Божественная комедия» Данте. П. А. Ковалев обосновал интертекстуальную связь с ней многих стихотворений И. Жданова [16, с. 222-226]. Напомним, что герой поэмы Данте начинает путешествие в загробный мир с таинственного погружения в сон: «Не помню сам, как я вошел туда, / Настолько сон меня опутал ложью, / Когда я сбился с верного следа, // Так и мой дух, бегущий и смятенный, / Вспять обернулся, озирая путь, / Всех уводящий к смерти предреченной» [9, с. 9]. Но не только ситуация сна и протосюжетная схема смерти и возрождения указывают на связь двух произведений, а прежде всего структура пути героя, воплощенная на уровне композиции текста, и особая его пространственно-временная организация.

Здесь нужно обозначить один принципиальный момент. Мы предполагаем, что топология пути Данте и Вергилия в «Божественной комедии» как архетипическая модель реализована в стихотворении И. Жданова в свете учения П. Флоренского о «мнимостях». Неклассические исследования виднейшего представителя философско-религиозной мысли Серебряного века были хорошо известны поэтам-метареалистам, многие духовно-нравственные и метафизические проблемы, поднятые философом-богословом, оказались актуальными для духовных исканий художников слова последней трети XX в. Например, программная прозаическая миниатюра И. Жданова «Мнимые пространства» напрямую отсылает к учению П. Флоренского. А К. Кедров с учетом мысленного эксперимента «со скоростью, близкой к световой», представленного в «Мнимостях геометрии», разрабатывал теорию инсайдаута и метаметафоры как художественного воплощения «космической антропной инверсии». При этом для К. Кедрова программное значение имел также метафизический опыт А. Блока, А. Белого, К. Петрова-Водкина, в творчестве которых «сферическая искривленность обычного пространства стала символом еще неизведанных возможностей человека, выворачивающегося, прорывающегося к невидимой ранее реальности мироздания» [15].

В девятом параграфе трактата «Мнимости в геометрии» П. Флоренский реконструирует «путь Данте с Вергилием» с точки зрения теоретических построений, развернутых в предыдущих восьми параграфах, и специального и общего принципа относительности. По наблюдению философа, оба поэта спу-

скаются по «кручам воронкообразного Ада» строго ногами вперед, в направлении центра Земли. Но в районе «поясницы Люцифера» они «внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности», откуда «вошли в подземное царство, а головою — в обратную сторону». В таком положении герой «восходит на гору Чистилище и возносится через небесные сферы» на Эмпирий, после чего оказывается во Флоренции без особых признаков возвращения. П. Флоренский описывает пространство, по которому движется герой «Божественной комедии», как двойное, то есть составленное из «действительных и из совпадающих с ними мнимых гаусовских координатных поверхностей». При этом переход от действительной поверхности к мнимой возможен, по расчетам ученого, «только через излом пространства и выворачивание тела через самого себя». Другими словами, для того чтобы герой в произведении Данте смог вернуться в том же положении обратно на землю, он должен был перейти на противоположную сторону (в минус-пространство) одной и той же поверхности. Условием последнего, как видится П. Флоренскому, вопреки специальному принципу относительности, является увеличение скорости физических тел выше предельно допустимой скорости света ($3 \cdot 10^{10}$ см/сек).

Для нас важно, что ученый обосновывает зависимость течения времени как физической величины от изменения объектом скорости относительно установленной в науке предельной константы. В результате, следуя его логике, за пределом скорости света время движется в обратном направлении, «так что следствие предшествует причине» [36, с. 44-51]. К такому же заключению П. Флоренский приходит в работе «Иконостас», но уже при исследовании феномена сновидения как символа мира ноуменального: «в сновидении время бежит и ускоренно бежит, навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания. Оно вывернуто через себя, и, значит, вместе с ним вывернуты и все его конкретные образы. А это значит, что мы перешли в область мнимого пространства <...> Таково вообще внутреннее время органической жизни, направляемое в своем течении от следствий к причинам-целям. Но это время обычно тускло доходит до сознания» [37, с. 14-15].

По принципу обращенного времени П. Флоренского строится композиция и сюжет рассматриваемого стихотворения И. Жданова, поскольку, во-первых, в нем также следствие предшествует причине, когда в начале текста повествуется о том, что завершает в логике линейного сюжета сказочную историю об Аленушке и братце Иванушке: «Душа проснется, и тогда / заплачет поляя вода: / найдет сестрица братца, / а нам пора прощаться» [11, с. 33]. Во-вторых, кольцевой повтор композиции текста воспроизводит логику возвращения героя «Божественной комедии» к исходному состоянию. В результате сновидение и его композиционное выражение в тексте «Душа проснется, и тогда...» становятся моделью загробного мира, куда спускается Аленушка, чтобы в мистериальном возвращении преодолеть смерть и возродиться в новом духовном качестве. В соответствии с дантовским подтекстом напрашивается интерпретация смены формы лирического высказывания в четвертой строфе стихотворения:

субъект речи, нераздельный и неслиянный с автором, становится проводником сестрицы, подобно поэту Вергилию, по загробному миру.

Особое течение времени сновидения, описанное в работах П. Флоренского, которое может быть обращенным и длящимся с «бесконечной быстротой, выворачиваясь через себя самого» [37, с. 3], характеризует «онейросферу» [24, с. 2] многих стихотворений И. Жданова.

Случай второй: «Портрет отца»

Образ младенца в «Портрете отца» И. Жданова неоднократно привлекал внимание исследователей. Наиболее авторитетную его интерпретацию предложила С. М. Козлова: применяя архетипический подход К.-Г. Юнга, ученый рассматривал данный образ в качестве художественной реализации архетипа божественного младенца. В рамках предмета исследования нас интересует «тронный младенец» как носитель онейрической семантики, актуализированной в образе «макового грома» [11, с. 86]. Отметим, что исследователи преимущественно останавливались на семантике грома как божественной атрибутики, в частности М. Н. Эпштейн проводил параллели с Зевсом [40, с.133], а С. М. Козлова обнаружила связь маковой погремушки с систрумом, громом, применяющимся древними богами для восстановления движения костной материи [17, с. 154].

Основываясь на анализе Т. М. Судник и Т. В. Цивьян сюжета наказания / испытания «младшего и самого маленького сына Громовержца», попытаемся внести некоторые уточнения в интерпретацию образов божественного младенца и его метафизического атрибута. В реконструкции Т. М. Судник и Т. В. Цивьян именно младший сын «опален небесным огнем», «превращен в камень, растение, хтоническое животное и т.п., уничтожен (растерзан, разбит, растерт), низвержен под землю / воду» [33, с. 301]. Отсюда можно предположить, что через каналы культурной памяти поэт восстанавливает растительный код исходного мифа в образном языке стихотворения, построенном на синкретическом перечислении тождественных образов. Так, «сгорающие крылья», отсылающие к мифу об Икаре, «желтая равнина зажженных свечей», «скошенные травы прямого наследства» [11, с. 86], желтое поле, по которому идет отец, по мысли поэта, являются «разными названиями одного и того же» [12, с. 57].

На мифотектоническом уровне эти образы выражают символическую смерть младенца и начало мистериального обновления Космоса, поскольку, как показали Т. М. Судник и Т. В. Цивьян, завершается архетипический сюжет воскрешением в новой ипостаси сына Громовержца, чтобы принести «человеку богатство и плодородие». Ритуальная природа «исходного текста» связана с сакральным растением. Им может, наряду с перцем, коноплей и петрушкой, быть мак [33, с. 301]. Ритуал же, как известно, «работает в двух направлениях, организуя макрокосм и микрокосм», и предполагает структурирование сознания по одинаковым принципам с космосом [10, с. 191-192].

Сакральная функция мака в космогонической миссии божественного младенца обуславливается галлюциногенным или снотворным действием растения, стирающим «границы между жизнью и смертью», сном и реальностью. Это «создает возможность перехода из одного мира в другой» [33, с. 301] как необходимого условия ритуальной практики. В стихотворении И. Жданова ритуальная работа макового грома приводит к разрушению привычной рамы старого мира, сжиганию мостов, соединяющих прошлое и будущее, вспашке зеркала в виде уже знакомого обращенного движения времени к миру до дней творения, прадревнему океану, где глубина, тяжесть как свойства предметов еще не выделились из текучей пластичности первоматерии: «Прояснится зеркало, зная, что где-то / плывет глубина по осенней воде, / и тяжесть течет, омывая предметы, / и свет не куется на дальней звезде» [11, с. 87].

В то же время предвечный океан является первичной «стихией материнской утробы», куда возвращается младенец после ритуальной гибели-сна: «вместо влечения к смерти, понимаемой в конечном итоге как стремление к покою неорганического, мертвой природе и развивающегося *страха перед ножом отца-кастратора* — влечение более органичное, от живого к живому, не от живого к смерти, а к особому первичному состоянию живого, — стихии материнской утробы; вместо великой суши и обледенения Земли — влажность туманов и теплота вод древнего мирового океана Талассы» [26, с. 296]. Показательно, что в исходном мифе испытание младенца утверждается как наказание отцом Громовержцем своего младшего сына в виде расчленения, разрывания, растирания и т. д. [33, с. 301].

Таким образом, ситуацию сновидения в «Портрете отца» нужно рассматривать в свете мистериального события смерти и воскресения как структурной основы индивидуально-авторского мифа поэта, в рамках которого его личные переживания и воспоминания об отце встраиваются в мифоритуальный контекст, где сын в образе божественного младенца, убиваемого Громовержцем-отцом, символизирует возможности духовного обновления/возрождения Космоса-мироздания.

Случай третий: «Неон»

Во внутреннем мире стихотворения «Неон», образующего циклическое единство с «Портретом отца», лирический герой в космогонической игре предвечного младенца становится проводником-мессией для «плачущих деньгами толп». По сюжету в магазине с неоновой рекламной вывеской, по которой слово проходит «сквозь двумерную смерть», то есть окончательно утрачивает одухотворенность, многомерную объемность животворящего Логоса, маковый гром в игре «бумажных оберток» (метафоры современной цивилизации) приводит не к мистериальному возвращению бытия без рам, когда «будет даровано каждому право / себя выбирать» [11, с. 87], как в стихотворении «Портрет отца», а только к безысходному повторению эпох-цивилизаций в исторической перспективе.

Все, кто обращался к исследованию «Неона», однозначно интерпретируют образ магазина как мироздание, находящееся либо в стадии распада [22, с. 118],

либо в состоянии «новой технической революции, спровоцировавшей радикальную смену ценностей» [39, с. 91]. На это указывает, по наблюдению С. М. Козловой, и первое название текста «Нео-новый калейдоскоп», «то есть сверхновый» [17, с. 160]. Однако, на наш взгляд, причины кризисного состояния мироздания, непосредственно определяющие позицию автора, имеют более глубокие онтологические основания и раскрываются при обращении к оней-росфере стихотворения.

«Снотворная» [11, с. 146] реальность вводится в текст образами «материально-телесного низа» (по М. М. Бахтину), выступающими, как обосновал В. Руднев, в качестве типологической характеристики сновидения наравне с узким коридором, куда проталкивается сновидец (умерший) [30, с. 207-208]: «О, ночной магазин, в неподвижные двери экстаза / ты впускаешь и едва замечаешь вполглаза, / что отвесный прибор из замочных разодранных скважин / еле виден тебе — он как будто неровен и влажен» [11, с. 87]. Образ «отвесного прибора» — метонимия мистериальной (очищающей, обновляющей) стихии предвечного океана, которая практически является незаметной для мироздания-магазина, то есть выходит за рамки системы приоритетных ценностей. Но ждановское сновидение строится в соответствии с моделью «кризисных снов», что открывают возможность «совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо как „мир наизнанку“)» [3, с. 359], где осуществляется перерождение и обновление человека.

Маркерами реализации мистериального сюжета обновления мира и человека выступают образы размытой фотографии, развалившегося поля, перепаханного двумерного слова, зеркала современности, и муравейника, лежащего на «горбу» лирического героя [11, с. 88]. Муравейник как метафора человечества, учитывая ситуацию сна, отсылает к трагедии А. Пушкина «Борис Годунов», а именно пророческому сну Григория в келье Чудова монастыря: «Мне снилось, что лестница крутая / Меня вела на башню; с высоты / Мне виделась Москва, что муравейник; / Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом, / И стыдно мне и страшно становилось — / И, падая стремглав, я пробуждался...» [28, с. 359]. Осмеяние Отрепьева на народной площади и низвержение его вниз головой с высокой лестницы является, с одной стороны, пророческим предзнаменованием бесславной кончины Самозванца: Лжедмитрий, преследуемый заговорщиками, спускаясь из окна по строительным лесам, оступился и упал с высоты пятнадцати саженей. Но, с другой стороны, отрепьевский сон, по наблюдениям М. М. Бахтина, восходит к карнавально-смеховой культуре, ведущим обрядовым действием которой «является шутовское увенчание и последующее развенчание карнавального короля» [3, с. 332]. Очевидно, что в карнавально-площадном мире сновидения Григория взаимоотношения народа и власти строятся на совершенно иных основаниях, чем в общественно-политической жизни России XVI века, показанной сквозь призму художественного видения А. Пушкина. Речь идет о преодолении диалектики зависимости и противостояния власти и народа «вольным фамильярным контактом» в празд-

нике «всеуничтожающего и всеобновляющего времени» [3, с. 332-334], проникнутым карнавальным мироощущением. В результате «инертная и неразумная» народная масса, хотя и обладающая «безошибочным нравственным чутьем» [20, с. 240], превращается в динамичную карнавальную стихию, где ничего не абсолютизируется, а все находится в стадии становления, перехода, незавершенности, обновления [3, с. 334].

В ждановском муравейнике карнавальная семантика, во-первых, выражена в логике «мира наоборот» [3, с. 343]: муравейник находится не внизу, на площади, как во сне Григория, а на горбу лирического героя, то есть как бы в перевернутом и в некотором роде доминирующем положении по отношению к нему. Во-вторых, некоторая фантазмагоричность, если не сказать, карикатурность образа муравейника, несмотря на символизацию им мироздания, находящегося в преддверии эсхатологической катастрофы, указывает на связь с серьезно-смеховой традицией: карнавальным образ охватывает и объединяет «в себе оба полюса становления или оба члена антитезы»: рождение и смерть, верх и низ, хвала и брань, утверждение и отрицание, трагическое и комическое и т. д. [3, с. 392]. В-третьих, такие детали, как озноб лирического героя, горб на его спине, акцентируют материально-телесную специфику рассматриваемого образа.

Кроме того, основные события в «Неоне» разворачиваются в пустом магазине как аналоге площади, важнейшего топоса карнавального хронотопа, где только и возможно, по М. М. Бахтину, «кризисное время, в котором миг приравнивается к годам, десятилетиям, даже „биллиону лет“» [3, с. 362]. Наконец, в мистериальной вспашке слова также наблюдается карнавальное выворачивание «мира наоборот», когда «нижние пласты» поднимаются наверх и происходит, как заметил М. Шатуновский, возвращение из «двухмерности в многомерность» предвечного мира [12, с. 61].

Второй важнейший контекст, связанный с мотивом муравейника в свете темы власти и народа, — творчество Ф. М. Достоевского, а точнее разговор Раскольникова с Соней, когда он раскрывает смысл властвующей над ним идеи, и «Легенда о Великом Инквизиторе», ср.: «Свободу и власть, а главное власть! Над всей дрожащею тварью и над *всею муравейником!*... Вот цель! Помни это!» [7, с. 311] и «Приняв этот третий совет могучего духа, ты выполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем приклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и *согласный муравейник*, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» [8, с. 290-292]. При всей различности мотивировок идеи Раскольникова и Великого Инквизитора имеют одно основание, которое можно выразить как принятие возможности и даже необходимости насилия избранных, «взявших на себя проклятие познания добра и зла», над другими несогласными, непокорными, случайными, ничтожными людьми с целью овладения свободой миллионов тысяч «слабосильных существ», в том числе и в виде «оправдывающего» преступления благодетельного смиренного счастья. Только в инквизиторской модели земного счастья, счастья людей под знаменем «хлеба земного»,

бессознательно или сознательно покорившихся духу «самоуничтожения и небытия» [8, с. 283], не остается места ни Божьему промыслу, ни духовному подвигу, ни свободному волеизъявлению отдельно взятого человека и народа в целом.

Именно неспособность реализации духовного потенциала человечества в виде активного житнетворчества, возвращения к всеобщему единству, приводит к бесконечному блужданию мира по замкнутому кругу катастрофической событийности, воплощенной в композиции «Неона». Один из вариантов этой модели представлен в архитектонике трагедии «Борис Годунов» в форме «порочного круга российской истории», когда «самодержавие порождает Смуту, а Смута порождает Самодержавие, и ничего другого быть не может» [20, с. 235].

Важно отметить, что не только мистериальная, но и эсхатологическая модель воплощается во внутреннем мире «Неона» в сновидческой перспективе, на что указывает, помимо ночного «статуса» магазина как метафоры мироздания, эпитет «беспробудные» в предпоследней строфе, относящийся к толпам людей. То есть сон в стихотворении И. Жданова — это, с одной стороны, метафизическая реальность, где возможно мистериальное обновление мира, с другой стороны, метафора человечества, погрузившегося в беспробудный мрак «снотворной круговерти» [11, с. 146]. Все это ведет к размыванию границы между сном и условной реальностью в тексте, в результате архетипические образы как бы врываются в повседневность человеческого существования и наделяют обыденные предметы и явления (ночной магазин, конфетные бумажки, быки и т. д.) сакральными смыслами.

Единственное, что можно сделать для пробуждения, предотвращения окончательного разрушения мира, по мысли И. Жданова, — это выйти из эсхатологической предопределенности развития истории, то есть остановиться, прекратить движение: «И, неоновой кровью и деньгами в прах истекая, / беспробудные толпы замрут, как тоска городская» и «И засохнет, как кровь посреди шевелящихся денег / так похожий на твердь и на черный пейзаж муравейник». Такие изменения, как утверждает поэт в пророческом пафосе последней строфы, невозможны без открытия себя навстречу возрождению (возвращению), противоположному подчинению как насилию над собственной духовной природой: «Но нельзя подчиниться, чему еще можно открыться. / На оттаявший голос поднимутся скорбные лица» [11, с. 88]. Однако остановка сама по себе не гарантирует, что движение не будет возобновлено, поэтому муравейник только «похож на твердь» небесную как прообраз древней картины мира, в которой, по мысли поэта, окружающее человека природное пространство было домом, а люди «могли сосуществовать с ним как единое целое» [12, с. 31].

В завершении анализа хотелось бы еще раз остановиться на принципиальной антиномичности образной системы «Неона», когда в одном образе происходит совмещение двух противоположных семантических рядов: например, «бумажные обертки» принадлежат одновременно сакральному и профанному мирам, а люди в ритуальной практике божественного младенца обретают право одновременно «себя выбирать» и «травиться двумерной отравой» [11, с. 87]. Структура подобных образов интерпретируется А. Е. Масаловым [22, с. 113-119] в

свете учения М. Н. Эпштейна о «третьем тропе» [40, с. 177] (метаболе). С точки зрения О. Р. Темиршиной, образный строй «Неона» определяется «вертикально-горизонтальной» пространственной организацией текста, восходящей к символистской традиции, что предполагает структурирование по биполярному принципу: равно присутствуют в тексте «небесные образы и их земные субституты». Важным является наблюдение исследователя об усложнении, по сравнению с достаточно четким разделением у А. Белого, семантики разноприродных образов в стихотворении И. Жданова: не совпадая на уровне прагматики, они взаимодействуют на уровне синтагматического единства текста, что раскрывает его абсурдность и фантазмагоричность [34, с. 245-247].

Фантазмагоричность образной ткани «Неона» вследствие совмещения антистетических элементов в одном образе или группе образов можно также объяснить обозначенным выше подключением поэта к серьезно-смеховой традиции, поскольку в структуре карнавального образа, в отличие от символа, возможно «охватить и объединить в себе оба полюса становления» [3, с. 392]. Противоположности, сходясь друг с другом и отражаясь друг в друге, запечатлевают мир в состоянии «смены и перерождения» и выражают в абсурдно-фантазмагорических формах «незавершенного перехода» [3, с. 382] процесс духовного обновления человека. Не случайно на вопрос М. Шатуновского в диалоге-комментарии «Неона» о том, что «наша повседневность — бесконечная катастрофа», поэт уточняет: «или начало, может быть, сотворения», или «нас всех корчит, может быть, от болезни сотворения» [12, с. 61]. Важно, что события в стихотворении разворачиваются именно во сне. И сам сон принципиально амбивалентен как духовная смерть, забвение, беспробудное состояние человечества и в то же время пространство мистериального его преображения.

Случай четвертый: «До слова»

Все основные элементы поэтики сна, рассмотренные нами в предыдущих текстах, представлены в еще одном программном стихотворении поэта «До слова». Не будем останавливаться подробно на анализе метаболической образности текста, поскольку ее системное описание можно найти в следующих работах: [1; 32, с. 94-102; 38, с. 223-231]. Здесь только укажем на ключевые моменты, относящиеся к предмету нашей статьи: во-первых, как и в «Неоне», сон является метафорой беспробудной жизни, косности существования людей, отпадения их от божественного Логоса. Правда, нужно оговориться, что метабола сна в тексте «До слова» имеет иную семантическую структуру и требует отдельного комментария: «Как будто кто-то спит и видит этот сон, / где ты живешь один, не ведая при этом, / что день за днем ты ждешь, когда проснется он». Во-вторых, по уже знакомой модели в стихотворении разворачивается мистериальный сюжет преображения лирического героя как ритуального возвращения в мир до дней творения, до Слова: «Но где-то в стороне от взгляда ледяного, / свивая в смерч твою горчичную тюрьму, / рождается впотьмах само собою слово / и тянется к тебе, и ты идешь к нему». В-третьих, в таких образах, как свивание в

смерч тюрьмы существования человека, «пространство раздвижное», «соловьиный свист, летящий рикошетом» [11, с. 78], узнается обращенное время сновидения с характерным для него обратным направлением движения и выворачиванием через самое себя.

Наконец, в субъектной структуре «До слова» наблюдаются типологические сближения с рассмотренными выше стихотворениями, обусловленные, с нашей точки зрения, онейрической проблематикой. Напомним, что в стихотворении «Душа проснется, и тогда» погружение в сновидение сопровождается смещением позиции повествователя и объектных героев Аленушки и Иванушки: «мы молча в шепот сходим и там себя находим» [11, с. 33]. Событие сновидения в «Неоне» также сопровождается сменой грамматической формы субъекта высказывания: повествователь из стороннего наблюдателя превращается в активного участника мистериального обновления мира: «Перепахано слово. И твой зачарованный пленник — / не озноб и не страх — я держу на горбу муравейник».

Такой же принцип лежит в основе субъектной организации «До слова»: повествователь описывает жизнь лирического «ты» (одновременно «сцены и актера») в театре как чужом сне; по ходу развития события (театрального представления?) от героя отделяется тень, обретающая самостоятельное бытие в сновидческой реальности, и появляется блудный сын как один из его двойников: «И тень твоя пошла по городу нагая / цветочниц ублажать, размешивать гульбу / <...> И птица, и полет в ней слиты воедино, / там свадьбами гудят и лед, и холода, / там ждут отец и мать к себе немного сына, / а он глядит в окно и смотрит в никуда». Следующий шаг в развитии темы — освобождение в мистериальном преобразении героя от марева сна и немоты существования и обретение им способности к Слову, композиционным выражением которой является высказывание субъекта от первого лица: «О, дайте только крест! И я вздохну от боли / и, продолжая дно, и берега крени, / я брошу балаган — и там, в открытом поле... / Но кто-то видит сон, и сон длинней меня» [11, с. 78].

Межсубъектное взаимодействие внутри одного стихотворного текста, как обосновал С. Н. Бройтман, — отличительная черта неклассической поэзии, в которой происходит актуализация двуединой природы лирического высказывания (синкретической нераздельности и неслиянности «я» и Другого). Лирические субъекты, а также их субституты, представленные личными местоимениями, создают в тексте пространство диалогической сопричастности различных интенций, голосов и точек зрения [6, с. 32]. Неклассические эксперименты в субъектной структуре художественного текста стали следствием открытия, по словам поэта И. Анненского, «реальности совместительства, бессознательности жизней, кем-то помещенных бок о бок в одном *призрачно цельном я*» [2, с. 110].

Сновидение как пограничное состояние, где происходит ослабление сознательных установок, оцеляющих личность, в науке и искусстве XX-XXI вв. также рассматривается в качестве межсубъектного феномена. Применительно к творчеству И. Жданова на корреляцию поэзии и сна указывала И. И. Плеханова: «это ситуации, в которых возможен взгляд на себя со стороны. По Жда-

нову, это состояния узнавания, но без устойчивой идентификации, и ряд вопросов открывает ее эвристический «потенциал» [27, с. 32]. В случае «До слова» одним из источников образа сна, в частности первого стиха («Ты — сцена и актер в пустующем театре»), является следующая метафора К.-Г. Юнга: «Целостное творение сновидения по существу субъективно, и сновидение есть *тот же театр*, в котором сновидец является *и сценой, и актером*, и суфлером, и режиссером, и автором, и публикой, и критиком» [41, с. 99].

Получается, что в ждановских текстах различные субъекты высказывания, сменяющие друг друга, и персонажи (Аленушка, Тень, Блудный сын и т. д.) становятся синкретически единораздельными участниками события сновидения. Некто же в стихотворении «До слова», что видит сон, где живет «ты», является никем иным, как сновидцем, переживающим во сне множественность воплощений собственного «я». А мистериальный сюжет в тексте-сне представляет собой программу действий, которую должен воплотить в жизни, проснувшись, человек. В то же время, учитывая юнгианский контекст, преобразование героя внутри сна считается как компенсирующее воздействие животворной стихии бессознательного на сознание сновидца.

Таким образом, чтобы реализовать программу духовного обновления, «кто-то» должен проснуться и как бы вывернуться через самое себя, то есть сделать внешним, объективированным в форме поступка мистериальный потенциал собственной личности, воплощенный в виде обретшего Слово лирического «я»: «О, дайте только крест! И я вздохну от боли / и, продолжая дно, и берега крена, / я брошу балаган — и там, в открытом поле.... / Но кто-то видит сон, и сон длинней меня» [11, с. 78]. Причем этим кто-то может быть любой читатель ждановского текста, способный через освоение сложной художественной образности, изоморфной синкретическому языку сновидения [21, с. 224], пройти вслед за лирическим героем путь мистериального преобразования и разрушить в житнетворческой активности границу между эстетической и реальной действительностями.

Заключение

Если рассматривать вслед за Н. А. Нагорной функционирование онеройсферы русской литературы XX века в «соответствии с моделью мистериальной инициации в модернизме и игровым, подчас пародийным, осмыслением этой модели» в постмодернизме [24, с. 4], то проведенное исследование позволяет сделать вывод, что поэтика сновидения в рассмотренных стихотворениях И. Жданова является модернистской в своей основе и определяется мистериальной направленностью художественного мышления поэта. Воспроизведение автором книги «Воздух и ветер» сновидения как пространства мифопоэтического взаимодействия жизни и смерти, яви и наваждения, метафизической реальности и объективной действительности, в том числе разворачивающейся в контексте исторической судьбы России, указывает на подключение поэта к модернистской поэтической традиции XX в., восходящей к творчеству В. Со-

ловьева, А. Белого и А. Блока (о диалоге И. Жданова с А. Блоком в контексте «До слова» [38, с. 365]). Именно у этих поэтов сон является символом, с одной стороны, «житейского сознания», социальной картины страшного мира, простирающегося сквозь «сумерки времен», но, с другой стороны, мистериального преобразования бытия путем актуализации в человеке духовного и жизнотворческого потенциала: «Идут часы, и дни, и годы. / Хочу стряхнуть какой-то сон, / Взглянуть в лицо людей, природы, / Рассеять сумерки времен...» [4, с. 4]. В культурно-историческом плане онейросфера творчества поэтов-символистов имеет генетическую связь с «кризисными снами» в романах Ф. М. Достоевского, где часто в «момент катастрофы» героя и «неизбежного при ней надрыва» происходит размывание границы между сном и явью [18, с. 266]. И в то же время такого рода сны становятся важнейшим событием в судьбе героя, за которым следует либо преодоление кризиса и перерождение, либо духовно-нравственная смерть.

В рамках модернистской традиции изучением метафизической реальности сновидения как прообраза мира ноуменального и ее мистериального потенциала занимался П. Флоренский, исследовательский опыт которого, как было показано в основной части статьи, получил художественное осмысление в творчестве И. Жданова и других поэтов-метареалистов. Наконец, психоаналитическая традиция, оказавшая влияние на художественное мышление поэта, также интерпретировала феномен сновидения с точки зрения мистериального обновления сознания человека путем приобщения к животворной энергии коллективного бессознательного, воплощенного в архетипических образах божественного младенца, тени и др.

Обозначим структурные компоненты поэтики сновидения в проанализированных стихотворениях:

- 1) мистериальный сюжет смерти и возрождения;
- 2) мифопоэтика сновидческой реальности на стыке взаимодействия разновременных культурных и мифологических контекстов (например, миф о сыне Громовержца, серьезно-смеховая традиция и др.);
- 3) метафизическое «обращенное» время, направленное к абсолютному началу, от следствия к причинам, типологическая характеристика которого представлена в работах П. Флоренского «Мнимости геометрии», «Иконостас»;
- 4) межсубъектные формы лирического высказывания и синкретическая образность, воссоздающие язык сновидения в проекции на психоаналитическое учение З. Фрейд, К.-Г. Юнга и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н. Оправдание серьезности. Иван Жданов — непонятный или непонятый? / Н. Александров.
URL: <http://magazines.russ.ru/druzba/1997/12/alexan.html> (дата обращения: 10.09.2020).

2. Анненский И. Ф. Книги отражений / И. Ф. Анненский. Москва: Наука, 1979. 679 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. Киев: NEXТ, 1994. 510 с.
4. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3 / А. А. Блок. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1960.
5. Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» / С. Г. Бочаров // Бочаров С. Г. О художественных мирах. Москва: Современная Россия, 1985. С. 35-68.
6. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура / С. Н. Бройтман. Москва: Издательство РГГУ, 1997. 307 с.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5 / Ф. М. Достоевский. Ленинград: Наука, 1989.
8. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9 / Ф. М. Достоевский. Ленинград: Наука, 1991.
9. Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. Москва: Наука, 1967. 627 с.
10. Евзлин М. М. Космогония и ритуал / М. М. Евзлин. Москва: Радикс, 1993. 344 с.
11. Жданов И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии / И. Ф. Жданов. Москва: Наука, 2006. 176 с.
12. Жданов И. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова / И. Жданов, М. Шатуновский. Москва: Издательство университета истории культур, 1997. 88 с.
13. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. Ленинград: Советский писатель, 1975. 664 с.
14. Иванов В. В. Каравай / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2. т. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 622.
15. Кедров К. А. Поэтический космос / К. А. Кедров. Москва: Советский писатель, 1989. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Поэтический_космос_\(Кедров\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Поэтический_космос_(Кедров)) (дата обращения: 10.09.2021).
16. Ковалев П. А. Поэтический дискурс русского постмодернизма: дис. ... док. филол. наук / П. А. Ковалев. Орел, 2010. 520 с.
17. Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Жданова / С. М. Козлова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. Томск: Издательство Томского университета, 2002. С. 149-166.
18. Кондратьев Б. С. Мифопоэтика снов в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. док. филол. наук / Б. С. Кондратьев. Арзамас, 2002. 302 с.
19. Лейдерман Н. Л. Поэзия необарокко (И. Жданов, Е. Шварц, А. Еременко, А. Парщиков) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Современная русская литература: 1950-1990-е годы. Учебное пособие для студенческих высших учебных заведений: в 2 т. Москва: Издательский центр Академия, 2003. Т. 2. 1968-1990. С. 451-467.
20. Лескис Г. А. Пушкинский путь в русской литературе / Г. А. Лескис. Москва: Художественная литература, 1993. 524 с.

21. Лотман Ю. М. Сон — семиотическое окно / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис; Издательская группа Прогресс, 1992. С. 212-226.
22. Масалов А. Е. Эсхатология Ивана Жданова (на примере стихотворения «Неон») / А. Е. Масалов // Орловский текст в российской словесности. Материалы Всероссийской научной конференции. Орел: Издательство Орловского университета, 2018. С.113-120.
23. Меркулова О. Н. Поэтическая версия всеединства в творчестве Ивана Жданова / О. Н. Меркулова. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2017. 163 с.
24. Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дис.....док.филол. наук / Н. А. Нагорная. Москва, 2004. 414 с.
25. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О связи некоторых представлений в языке. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. О доле и сродных с нею существах / А. А. Потебня. Харьков: Издательство М. В. Потебня, 1914. 243 с.
26. Подорога В. А. Кодекс сновидца / В. А. Подорога // Грани познания: наука, философия, культура в XXI в.: в 2 кн. Кн. 2. Москва: Наука, 2007. С. 275-309.
27. Плеханова И. И. Вопросы и вопрошания в творчестве Ивана Жданова / И. И. Плеханова // Творчество Ивана Жданова: философия, эстетика, поэтика: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Под ред. С. А. Манскова, Н. В. Холиной. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2018. С. 23-43.
28. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / А. С. Пушкин. Москва: Гослитиздат, 1960.
29. Рыбальченко Т. Л. Поэзия второй половины XX века: Хрестоматия-практикум к курсу «История русской литературы XX века» / Т. Л. Рыбальченко. Томск: Издательство Томского университета, 2004. 378 с.
30. Руднев В. П. Морфология сновидения / В. П. Руднев // Руднев В. П. Прочь от реальности. Москва: Аграф, 2000. С. 205-218.
31. Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3) / Отв. ред. С. А. Комаров. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2017. 392 с.
32. Северская О. А. «Елизаветинский Шекспир на античный лад» сквозь призму Евангелия: поэтический театр Ивана Жданова / О. А. Северская // Северская О. А. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. Москва: Словари.ру, 2007. 126 с.
33. Судник Т. М. Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica) / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Балто-славянские исследования. Москва: Наука, 1980. С. 300-317.
34. Темиршина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия / О. Р. Темиршина. Москва: Издательство института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, 2012. 290 с.
35. Федунина О. В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции) / О. В. Федунина. Москва: Intrada, 2013. 196 с.
36. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии / П. А. Флоренский. Москва: Лазурь, 1991. 96 с.
37. Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. Санкт-Петербург: МИФРИЛ; Русская книга, 1993. 365 с.

38. Чижов Н. С. Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики / Н. С. Чижов // Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов: монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3) / Отв. ред. С. А. Комаров. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2017. С.158-343.
39. Шестакова И. В. Фотообразы в поэзии И. Жданова / И. В. Шестакова // Культура и текст. 2019. № 2. С. 88-96.
40. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе / М. Н. Эпштейн. Москва: Высшая школа, 2005. 495 с.
41. Юнг К.-Г. Аналитическая психология и психотерапия: Хрестоматия / Сост. В. М. Лейбин. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 512 с.
42. Юнг К.-Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.-Г. Юнг. Минск: Харвест, 2003. 496 с.

Nikolay S. CHIZHOV¹

UDC 821.161.1

**DREAM POETICS IN THE LYRICS
OF IVAN ZHDANOV. ARTICLE ONE**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Senior Lecturer,
Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen
n.s.chizhov@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-7636-0780.

Abstract

The purpose of the article is to show, through a commentary on four poetic texts in the book “Air and Wind”, the features of I. Zhdanov’s artistic modeling of the metaphysical reality of a dream, its main philosophical and literary context, the associated features of the poet’s worldview and the poetics corresponding to them. We conclude that when the poet shapes metaphysical reality he appeals to folklore and mythological sources (dreams perceived as death as reflected by Russian proverbs, myth about the son of the Thunder-God, tradition of serious laughter etc.), to the religious and philosophical heritage of P. Florensky, psychoanalytic tradition (Z. Freud, K.-G. Jung, and others), and the artistic experience of classical and non-classical authors (A. S. Pushkin, F. M. Dostoevsky, A. Dante, symbolist poets, the inside-out theory by K. Kedrov). We argue that the event-driven development of the dream in the texts under consideration follows the logic of the mysteriarchaeoplot of death and rebirth. For instance, in the poem “The Soul Will Wake Up And Then...”, the folklore character of Alionushka falls asleep as if immersing into whisper-death, and her dream is projected onto the journey of Dante and Virgil in the “Divine Comedy” through the funnel-shaped hell. P. Florensky analyzed this dream within the laws of probability theory, non-Euclidean geometry, and “reversed” time, which is directed to the absolute beginning, going from consequences back to causes. The intersubjective organization and neosyncretic images of the dream-oriented poet’s texts are interpreted in the article from the point of view of historical poetics and Jungian dream theory. In particular, the first verse in the text “Before the Word” (“You are a stage and an actor in an empty theater”) refers to a dream as

Citation: Chizhov N. S. 2022. “Dream poetics in the lyrics of Ivan Zhdanov. Article one”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 123-144.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-123-144

a theater, where the dreamer is simultaneously a play-writer, an actor, and a stage, as it was understood by the Austrian psychoanalyst. In conclusion, the article states that the poetics of the dream in Zhdanov's works have modernist origins and are contingent on the author's creative way of thinking.

Keywords

Ivan Zhdanov, dream poetics, archaeo-plot of death and rebirth, "reversed" time, mysterialism, poetry of metarealism, metaphysical reality of a dream.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-123-144

REFERENCES

1. Aleksandrov N. 1997. "Justification for seriousness. Ivan Zhdanov — incomprehensible or incomprehensible". Accessed on 10 September 2021. <http://magazines.russ.ru/druzba/1997/12/alexan.html/> [In Russian]
2. Annensky I. F. 1979. Books of Reflections. Moscow: Science. 679 p. [In Russian]
3. Bakhtin M. M. 1994. Problems of Dostoevsky's Creativity. Kiev: NEXT. 510 p. [In Russian]
4. Blok A. A. 1960. Collected Works in 8 vol. Volume 3. Moscow; Leningrad: Art. literature. [In Russian]
5. Bocharov S. G. 1985. "About the meaning of the 'Undertaker'". Bocharov S. G. About Art Worlds. Moscow: Soviet Russia. Pp. 35-68. [In Russian]
6. Broytman S. N. 1997. Russian Lyrics of the 19th — Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: Subject-Shaped Structure. Moscow: RGGU. 307 p. [In Russian]
7. Dostoevsky F. M. 1989. Collected Works in 15 vol. Volume 5. Leningrad: Science. [In Russian]
8. Dostoevsky F. M. 1991. Collected Works in 15 vol. Volume 5. Leningrad: Science. [In Russian]
9. Dante Alighieri. 1967. Divine Comedy. Translated by M. Lozinsky. Moscow: Science. 627 p. [In Russian]
10. Evzlin M. M. 1993. Cosmogony and Ritual. Moscow: Radiks. 344 p. [In Russian]
11. Zhdanov I. F. 2006. Air and Wind. Works and Photographs. Moscow: Science. 176 p. [In Russian]
12. Zhdanov I., Shatunovskiy M. 1997. Dialog-Commentary of Fifteen Poems by Ivan Zhdanova. Moscow: University of Cultural History Publishing House. 88 p. [In Russian]
13. Zhirmunskiy V. M. 1975. Theory of Verse. Leningrad: Soviet writer. 664 p. [In Russian]
14. Ivanov V. V., Toporov V. N. 1980. Loaf. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia (Vol. 1-2). Volume 1. Moscow: Soviet encyclopedia. P. 622. [In Russian]
15. Kedrov K. A. 1989. Poetic Cosmos. Moscow: Soviet writer. Accessed on 10 September 2021. [https://ru.wikisource.org/wiki/Поэтический_космос_\(Кедров\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Поэтический_космос_(Кедров)) [In Russian]
16. Kovalev P. A. 2010. "Poetic discourse of Russian postmodernism". Dr. Sci. (Philol.) diss. Orel. 520 p. [In Russian]

17. Kozlova S. M. 2002. “‘Divine Infant’ in the poetry of I. Zhdanov”. *Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue*. Vol. 4: *The Fate of Culture and Images of Culture in the Poetry of the 20th Century*. Tomsk: Tomsk State University. Pp. 149-166. [In Russian]
18. Kondratyev B. S. 2002. “Mythopoetics of dreams in the works of F. M. Dostoevsky”. *Dr. Sci. (Philol.) diss. Arzamas*. 302 p. [In Russian]
19. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. 2003. “Neo-baroque poetry (I. Zhdanov, E. Schwartz, A. Eremenko, A. Parshchikov)”. *Modern Russian Literature: 1950-1990. Textbook for Student Higher Educational Institutions: in 2 vol. Volume 2: 1968-1990*. Moscow: Academy Publishing Center. Pp. 451-467.
20. Lesskis G. A. 1993. *The Pushkin Way in Russian Literature*. Moscow: Fiction. 524 p. [In Russian]
21. Lotman Yu. M. 1992. “Sleep — a semiotic window”. *Lotman Yu. M. Culture and Explosion*. Moscow: Gnozis; Progress. Pp. 212-226. [In Russian]
22. Masalov A. E. 2018. “Eschatology of Ivan Zhdanov (on the example of the poem ‘Neon’)”. *Orlovsky Text in Russian Literature. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Orel: Orel State University. Pp. 113-120. [In Russian]
23. Merkulova O. N. 2017. *The Poetic Version of Unity in the Work of Ivan Zhdanov*. Irkutsk: Irkutsk State University. 163 p. [In Russian]
24. Nagornaya N. A. 2004. “Oneiosphere in Russian prose of the 20th century: modernism, postmodernism”. *Dr. Sci. (Philol.) diss. Moscow*. 414 p. [In Russian]
25. Potebnya A. A. 1914. *About Some Symbols in Slavic Folk Poetry. On the Connection of Some Representations in the Language. On the Lights of Kupala and Their Views Akin to Them. On the Share and Creatures Akin to it*. Kharkov: M. V. Potebnya Publishing House. 243 p. [In Russian]
26. Podoroga V. A. 2007. “Dreamer’s code”. *Facets of Knowledge: Science, Philosophy, Culture in the 21st Century: in 2 books. Book 2*. Moscow: Nauka. Pp. 175-187. [In Russian]
27. Plekhanova I. I. 2018. “Questions and questions in the work of Ivan Zhdanov”. *Ivan Zhdanov’s Work: Philosophy, Aesthetics, Poetics: Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (With International Participation)*. Edited by S. A. Manskova, N. V. Kholina. Barnaul: Altay University Publishing House. Pp. 23-43.
28. Pushkin A. S. 1960. *Collected Works in 10 vol. Volume 4*. Moscow: Goslitizdat. [In Russian]
29. Rybalchenko T. L. 2004. *Poetry of the Second Half of the 20th Century: Anthology Workshop for the Course “History of Russian Literature of the 20th Century”*. Tomsk: Tomsk State University. 378 p. [In Russian]
30. Rudnev V. P. 2000. “Dream morphology”. *Rudnev V. P. Get Away from Reality*. Moscow: Agraf. Pp. 205-218. [In Russian]
31. Komarov S. A. (ed.). 2017. *Russian Poetry of Siberia of the 20th Century: Ivan Zhdanov: Monograph (Literary Stars of Siberia; Vol. 3)*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 392 p. [In Russian]
32. Severskaya O. A. 2007. “‘Elizabethan Shakespeare in the Antique Way’ through the prism of the Gospel: poetic theater of Ivan Zhdanov”. *Severskaya O. A. The Language of the Poetic School: Idiolect, Idiostyle, Sociolect*. Moscow: Slovari.ru. 126 p. [In Russian]

33. Sudnik T. M., Tsivyann T. V. 1980. "Poppy in the plant code of the main myth (Balto-Balkanica)". *Balto-Slavic Studies*. Moscow: Science. Pp. 300-317. [In Russian]
34. Temirshina O. R. 2012. *Typology of Symbolism: Andrei Bely and Modern Poetry*. Moscow: Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedova Publishing House. 290 p. [In Russian]
35. Fedunina O. V. 2013. *The Poetics of Sleep (Russian Novel of the First Third of the 20th Century in the Context of Tradition)*. Moscow: Intrada. 196 p. [In Russian]
36. Florenskiy P. A. 1991. *Imaginary Geometry*. Moscow: Azure. 96 p. [In Russian]
37. Florenskiy P. A. 1993. *Iconostasis. Selected Works of Art*. Saint-Petersburg: MIFRIL; Russian book. 365 p. [In Russian]
38. Chizhov N. S. 2017. "Poetry of Ivan Zhdanov: problems of poetics". *Russian Poetry of Siberia of the 20th Century: Ivan Zhdanov: Monograph (Literary Stars of Siberia; Vol. 3)*. Edited by S. A. Komarov. Tyumen: Tyumen State University. Pp. 300-317. [In Russian]
39. Shestakova I. V. 2019. "Photographic images in the poetry of I. Zhdanov". *Culture and Text*, no. 3, pp. 88-96. [In Russian]
40. Epshtein M. N. 2005. *Postmodern in Russian Literature*. Moscow: Higher school. 495 p. [In Russian]
41. Yung K.-G. 2001. *Analytical Psychology and Psychotherapy: A Reading Book*. Saint-Petersburg: Piter. 679 p. [In Russian]
42. Yung K.-G. 2003. *Memories, Dreams, Thoughts*. Minsk: Kharvest. 496 p. [In Russian]

Александр Викторович МАРКОВ¹
Юлия Николаевна МЫСЛИНА²

УДК 821.161.1

**РАЗВИТИЕ ДЖОЙСОВСКОГО ПРИНЦИПА
КОЛЛАЖНО-МОНТАЖНОЙ ТЕХНИКИ В РОМАНЕ
М. ШИШКИНА «ВЕНЕРИН ВОЛОС»**

¹ доктор филологических наук,
профессор кафедры кино и современного искусства,
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);
профессор кафедры русской и зарубежной филологии,
Владимирский государственный университет им. А. Г и Н. Г. Столетовых
markovius@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6874-1073

² аспирант кафедры русской и зарубежной филологии,
Владимирский государственный университет им. А. Г и Н. Г. Столетовых
yulia_mislina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5561-1859

Аннотация

В статье исследуется разработка джойсовской коллажно-монтажной техники сборника «Дублинцы» в романе М. Шишкина «Венерин волос». Цель работы — исследовать правила перехода сюрреалистического коллажа Дж. Джойса в коллажно-монтажный принцип М. Шишкина, где коллаж нового типа, как наполненное авторскими аллюзиями интеллектуальное предприятие, позволяет осмыслить монтаж, авангард и судьбы культуры в ситуации межкультурной коммуникации. Предметом исследования является специфика коллажно-монтажной техники Шишкина в ее динамическом развитии. Исследование потребовало не только сравнительно-сопоставительного метода, но и постоянного учета общего контекста эволюции терминов «коллаж» и «монтаж» в XX-XXI вв. и утверждения их нормативного литературоведческого значения. Проведенный анализ позволил выявить, что близкая сюрреалистическому коллажу техника Джойса

Цитирование: Марков А. В. Развитие джойсовского принципа коллажно-монтажной техники в романе М. Шишкина «Венерин волос» / А. В. Марков, Ю. Н. Мыслина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 145-161.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-145-161

в описании всеобщего паралича Дублина начала XX в. переосмысливается Шишкиным как постмодернистский коллаж, где российская действительность представлена изначально не-цельной, находящейся уже долгое время в состоянии парализованного сознания. Только любовь, по мнению обоих авторов, может стать единственной возможностью спасения от этой разобщенности. Сам способ описания событий у обоих авторов позволяет выявить, что истинная любовь на земле недостижима. Поэтому для создания общей атмосферы ее утраты Джойс обращается к монтажной технике, позволяющей сталкивать между собой различные любовные истории, усиливая эффект отчужденности на границах их касаний. А Шишкин, переосмысливая джойсовский тип монтажа в постмодернистский монтажный принцип, высказывает надежду на обретение вечной любви на земле, равной витальной энергии. В сборнике «Дублинцы» и романе «Венерин волос» тема смерти репрезентирует одновременное сочетание коллажной и монтажной техники. У Джойса тоска по ушедшему идеалу дополняется значимостью рождения нового (организации, идеи и т. д.), но в джойсовском мире смерть завершает жизненный цикл человека; а у Шишкина уже принципиально стерты границы между жизнью и смертью, что и позволяет героям, точнее историям, в которые они превращаются после своей кончины, продолжать свое существование.

Ключевые слова

Джеймс Джойс, Михаил Шишкин, сравнительно-историческое литературоведение, коллаж, монтаж, постмодернизм, аллюзия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-145-161

Введение

Сами понятия «коллаж» и «монтаж» пришли в литературу из других сфер искусств: живописи, кинематографа и т.д. Определений коллажа множество, мы же в своей статье возьмем учитывающее литературоведческий план, данное в словаре «Мэтры сюрреализма» А. и О. Вирмо: «коллаж — композиция, исходные материалы которой могут принадлежать к разным художественным сферам (например, текст и фотография)» [1, с. 271]. Это определение коллажа специфицирует границы термина для литературоведения, указывая, что соединение разнородных пластов искусств, свойственное как литературе начала XX в., так и современной, помогает выявить основные типы внутритекстовых связей в произведении.

Техника коллажа применялась с древних времен (даже в мифах и ритуалах это известно как «бриколаж», пользуясь термином К. Леви-Стросса), в позднеантичной литературе существовало такое понятие, как центон — литературная игра, в которой новое стихотворение рождается из строк других стихотворений. Поэтому наложение нескольких читательских ожиданий создавало эффект неожиданности высказывания. Буквально слово «центон» означает «склейку», что указывает на редакторские техники работы с текстом, близкие кинематографическому монтажу.

Но «коллаж» как отдельный принцип искусства утверждается только в начале XX века благодаря влиянию авангардистов и развитию кинематографа. Родоначальником «бумажного коллажа» (коллаж был изготовлен на бумаге и из различных по фактуре, цвету, сфере использования и т. д. бумажных фрагментов) является один из основателей кубизма Ж. Брак. «Бумажные коллажи» кубистов оказали влияние на другие сферы искусств, в первую очередь, на живопись. Основоположником коллажа в живописи можно считать П. Пикассо и его работу «Натюрморт с плетеным стулом» 1912 г., для создания которой художник использовал куски клеенки, веревку из пеньки, афиши и бумажные буквы, что расширяло границы картины, отсылая далеко за ее пределы. Термин «коллаж» связан с развитием фотографии и кинематографа, новым ощущением пространства и эстетическим признанием техники «реди-мейд», при употреблении которой искусство можно создавать не только из традиционных материалов, но и из готовых вещей, если им дается новое название и предназначение.

В 1924 г. Андре Бретон опубликовал первый «Манифест сюрреализма», в котором установил основные парадигмы нового направления в искусстве, отвергающие рациональное мышление в пользу бессознательного (в частности, сновидений), психический автоматизм письма, идею контингентности (случайности). Коллажному принципу как самостоятельной эстетике прежде всего свойственна именно идея контингентности (К. Мейясу «Число и сирена: Чтение „Броска костей“ Малларме»), то есть принципиальной непредрежденности вариантов, оспаривающей оптимистическую идею линейного прогресса, также идея контингентности лежит в основе сюрреалистических игр (игра в «дефиниции», в «условные предложения», «изысканный труп» и т. д. [1, с. 270]). Каждая из этих игр строилась по принципу отказа от традиционных условий, что совпадало с представлением сюрреалистов о стихийности и хаотичности творческого процесса и принципиальной непредсказуемости и промежуточных, и конечных результатов.

Постмодернизм продолжил критику прогрессизма и других оптимистических идеологий, начатую еще модернизмом, но с учетом «отрицания утверждения», отказа не только от спора как источника происхождения истины, но и от самого понятия «истины». Таким образом, если сюрреалисты применяли метод разложения материального пространства для формирования новой реальности (в модернизме коллаж был художественным приемом), то в постмодернизме это уже один из творческих и критических принципов. Поэтому, если модернистский коллаж передавал читателю ощущение одномоментности — одно и то же явление представлялось с различных точек зрения, то «в постмодернистском коллаже, <...>, различные фрагменты предметов, собранные на полотне, остаются неизменными, нетрансформированными в единое целое. Каждый из них, <...>, сохраняет свою обособленность, что с особой отчетливостью проявилось в литературном коллаже постмодернизма» [3, с. 221].

Хотя коллаж и монтаж внешне могут приводить к схожим эстетическим результатам, но за ними стоят разные концепции реальности. Коллаж сначала

разъединяет объективную или художественную реальность, после собирая отдельные куски в новую (стирая границы между разнородными частями) и проблематизируя саму идею вещественного мира как объективного и предсказуемого. Монтаж не дробит целую реальность на фрагменты, реальность уже изначально раздроблена, он лишь соединяет ее отдельные части, стыки между которыми сохраняются заметными, элементы не входят один в другой, а остаются проблемными друг для друга.

Новые формы существования в динамичной городской жизни, возникшие в середине XIX века (общественный транспорт, электрическое освещение и т. д. — строй эклектичных, но в то же время одномоментных явлений) потребовали новой формы мировосприятия, что определило начало развития монтажа как самостоятельного эстетического метода. Мы в своем исследовании возьмем за основу определение монтажа, данное в статье Сергея Эйзенштейна «Монтаж аттракционов. К постановке „На всякого мудреца довольно простоты“ А. Н. Островского в Московском Пролеткульте» (1923): <...> выдвигается новый прием — свободный монтаж произвольно выбранных, самостоятельных (также и вне данной композиции и сюжетной сценки действующих) воздействий (аттракционов), но с точной установкой на определенный конечный тематический эффект — монтаж аттракционов» [12, с. 271]. Важно отметить, что данная статья была опубликована в журнале «ЛЕФ», поэтому оказала влияние не только на профессиональных кинематографистов, но на всю культурную среду России начала XX в., особенно на писательские и литературоведческие сообщества.

Ведущие исследователи русского литературного постмодернизма М. Липовецкий и И. Кукулин показали, что развитый русским авангардом монтаж после свертывания авангардного проекта стал признаком нонконформистского искусства и был воспринят русской постмодернистской литературой как основной метод, альтернативный соцреализму. По выводам этих исследователей монтаж всегда имел и личное, и общественное измерение, переходившее друг в друга, становящееся не просто методом кинематографического и/или литературоведческого исследования, а новым способом человеческого мышления и мировосприятия.

По выводам М. Липовецкого, эксперименты с монтажной техникой в советской литературе 1920-х годов были в большей мере посттравматичными: «Именно ощущение невозможности отделить письмо от травмы и вызывает свойственное литературе как 1920-1930-х, так и 1960-1980-х годов неприятие традиционных („дотравменных“) форм письма — „нормального“ романа, рассказа, повести» [7, с. 749]. Отметим, что С. Эйзенштейн также приписывал монтажу свойства исцеления от травм, но не исторических, а внутренних психологических, уходящих корнями в детство.

В начале XX в. литературный монтаж представлял собой новую форму трансценденции: «„я“ художника словно бы выпрыгивало за свои пределы — туда, где оно не может предугадать, какой смысл приобретут элементы монтажного образа, но брало на себя определение направления, в котором будет разворачиваться это означивание» [5]. Согласно утверждению И. Кукулина, в России

1920-х годов монтажный метод репрезентации истории как насилия становится главным «стилем эпохи», но видение мировой истории кровавым хаосом свойственно не только советским, но и западным писателям. Джойс в романе «Улисс» в главе «Цирцея» аллегорично описывает Пасхальное восстание 1916 г. в виде «пародийной черной мессы и апокалипсиса» [5], хотя действие романа происходит задолго до этого события. Здесь важно отметить, что монтажный метод начала XX века был методом людей «включенных» в мировую историю, поэтому Джойс перцепирует Пасхальное восстание как личную травму. К середине XX века происходит «растождествление субъекта с историей» [5], и уже для Шишкина использование монтажа становится дополнительным методом выражения примет современности, а не историзации, явлением общеискусствоведческого порядка, обращенного сразу ко всем видам искусства. Поэтому в конце концов монтажность художественного текста становится когерентна монтажности человеческого мышления (в 70-е годы XX в. нейрофизиолог К. Прибрам открывает «монтажное» мышление человека (К. Прибрам «Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии»)).

В конце XX в. — начале XXI в. усиливается влияние на жизнь современного человека «не-цельных нарративов», воспринимающихся как само собой разумеющееся: реклама, клипы, сообщения в социальных сетях и т. д. В конце 70-х г. XX в. французский философ-постструктуралист Ж-Ф. Лиотар представляет критику «больших нарративов» как критику идеологий, где клиповость и монтаж тогда понимаются как освобождение от идеологического давления (Ж-Ф. Лиотар «Состояние постмодерна»). Такие нарративы не отсылают нас к утерянному целому и тоске по нему — как было еще в начале 1910-х г., когда монтаж основывался на идее «антимимесиса», разъединения некогда единого целого на фрагменты, где отторгнутые части продолжали дальнейшую жизнь в романтическом ключе невосполнимой потери (И. Кукулин «Машины зашумевшего времени»). Здесь монтаж начинает работать с новым дискретным опытом, не отправляющий нас к потерянному целому, как в авангарде, что дает монтажу возможность детально представлять современность, в которой объектом исследования выступает уже не реальность, а текст. Поэтому в эпоху постмодернизма у монтажа появляется новая функция — функция критического (в смысле критики идеологии) анализа дискурсов человеческого сознания, при которой монтаж уже не связан с идеей трансценденции, он утверждает «цитатность человеческого „я“» [5], где стерты границы между «своим „я“» и «чужим».

В нашей статье поднимается проблема развития коллажно-монтажной структуры текстов Джойса «Дублинцы» и Шишкина «Венерин волос». Цель работы — не просто исследовать схожие коллажно-монтажные техники обоих авторов, но и обозначить позицию Шишкина как сознательное взаимодействие с чужой мощной поэтикой, позволяющей переосмыслить джойсовские коллажные и монтажные приемы в межкультурном пространстве. Исследование актуально ввиду достигнутой современной компаративистикой позиции, согласно которой влияние одного писателя на другого рассматривается не просто как факт уче-

ничества или заимствования, а как часть анализа в широком социокультурном контексте, позволяющего проследить, как меняется само понимание жанра или приемов поэтики произведения-образца в сознании современного писателя. Предмет исследования — развитие и видоизменение джойсовского коллажно-монтажного метода в романе Шишкина «Венерин волос».

Методы

Современное компаративистское изучение русской литературы в мировом контексте в последнее время выходит на новый уровень в связи с развитием целого ряда социогуманитарных наук, благодаря чему оно не просто сравнивает, а постигает механизмы, которые объясняют, почему иногда бывают неожиданные параллели между жившими в разные времена и в разных странах писателями, а иногда сознательное следование образцу из другой литературы дает неожиданные результаты. Наша статья опирается на работы по теории и практике компаративного анализа Н. В. Забабуровой (взаимовлияние русской и европейской литератур), исследование джойсовской традиции в прозе М. Шишкина Л. В. Комуцци, изучению монтажных техник в литературе XX в. М. Липовецким и И. Кукулиным, а также на анализ творчества Шишкина С. Оробием: «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы». Исходя из задач исследования был применен сравнительно-сопоставительный метод с учетом спецификации общих терминов «коллаж» и «монтаж» как нормативных литературоведческих.

Ключевым методологическим трудом для нашей темы стала недавняя книга Хосе Вергары [15], в которой обосновывается, что работа Шишкина с материалом Джойса принадлежит большой культурной традиции насыщенного интертекстуального автобиографического повествования, от Андрея Белого до Саши Соколова. У всех этих авторов по-новому переизобретается сам субъект художественной речи, внимательный к технике письма, соотносящий принципы письма с принципами работы над собой. Новация Шишкина тогда состоит в последовательной экспликации этого изобретения субъекта, уже в контексте постмодернистской постановки под вопрос любых форм готовой субъективности. Статья проясняет параметры изучения сознательного заимствования Шишкиным у Джойса не только отдельных приемов, но и самих принципов повествования, для подчинения их новым целям, стоящим уже перед литературой наших дней.

Результаты исследования и их обсуждение

«Паралич сознания» родины, представленный с помощью коллажного принципа у Джойса и Шишкина

В нашей статье исследуется проблема разработки джойсовской коллажно-монтажной техники в романе М. Шишкина «Венерин волос», где смешение коллажа, монтажа, сюрреализма и авангардизма уже не просто способ организации материала, а новое осмысление реальности в процессе межкультурной коммуникации. Сборник Джойса «Дублинцы» вышел первым тиражом в 1914 году.

Сам автор его замыслил как серию «эпиклезов», чтобы разгадать причину душевной «гемиплегии» (паралича) дублинского общества. Американский литературный критик и биограф ирландских писателей Ричард Эллманн в своей книге «Four Dubliners: Oscar Wilde, William Butler Yeats, James Joyce, Samuel Beckett» представляет писателей Уайльда, Йейтса, Джойса и Беккета — эмигрантами, уехавшими от дублинского паралича сознания, которые впоследствии неохотно признавали какие-либо творческие связи между собой (хотя такие, несомненно, были [13]).

Рассказы в сборнике «Дублинцы» стоят в определенном порядке, сам автор их разделил на тематические группы (рассказы о детстве, юности, зрелом возрасте и общественной жизни). Первый рассказ «Сестры» определяет лейтмотив всего сборника — тотальный паралич дублинского общества, лишаящий его будущего, ведь он распространился даже на сознание детей: «Каждый вечер, оглядывая окно, я тихо повторял про себя слово паралич. <...> Оно вызывало у меня страх, но вопреки страху меня тянуло приблизиться к нему и увидеть его смертоносную работу» [2, с. 5]. В рассказе «Сестры» представлен не только духовный паралич ирландской нации, но и духовная смерть всей католической церкви: «<...> старый священник лежит безмолвно в своем гробу, <...>, и на его груди — праздная чаша» [2, с. 15], — пустая дароносица как символ всеобщего душевного опустошения священников и прихожан. Тотальный паралич сознания мы встречаем и в рассказе «Эвелин»: «Глаза были направлены на него, но в них не было никакого знака любви, или прощания, или узнавания» [2, с. 40] — также в этом рассказе Джойс не случайно обращает читательское внимание на стену дома главной героини, на которой находится цветная репродукция Блаженной Маргариты Марии Алакок: «<...> Джойс учитывал следующую деталь ее жития: в детстве она четыре года пролежала в параличе» [2, с. 262].

Сам Джойс, пытаясь преодолеть духовный паралич своей страны, не нашел другого выхода, как покинуть ее. Поэтому, в книге Эллманна «Four Dubliners: Oscar Wilde, William Butler Yeats, James Joyce, Samuel Beckett» мы видим, как писатель, находясь в Триесте, и следя оттуда за происходившим в своей стране, утверждал: «<...> if Dublin were destroyed, the city could be reconstructed from his books» («<...> если Дублин будет разрушен, город можно будет реконструировать из его книг») [13]. Здесь у Джойса применена техника, близкая сюрреалистическому коллажу, т. к. ощущение всеобщего парализованности достигается путем разъятия изначально целой дублинской атмосферы на части, которые в итоге собираются в случайном порядке, передавая ощущение simultaneity событий, утверждая паралич не только городских нравов, но и сознания всех дублинцев, включая детей.

У Шишкина в романе «Венерин волос» духовный паралич родины представлен с помощью постмодернистских техник интертекстуальности, интердискурсивности, смешению времен и событий, фикшн и нон-фикшн, а также применению коллажного метода. Первое воспоминание Толмача о школе и своей учительнице «Гальпетре» полностью лишено ностальгической окраски:

«Ее никто не любил. Ни дети, ни учителя. <...> Она <...> все время повторяла: „Растения — живые, а называются на мертвом языке. Вот видите, в южном климате это сорняки, растут где попало, а у нас это комнатные растения. Без человеческой любви и тепла они в нашей зиме не выживут“» [9, с. 195-196]. Для создания общей атмосферы безысходности Шишкин применяет коллажную технику наложения друг на друга первых впечатлений и ощущений, благодаря которой детство главного героя предстает в образе нелюбимой учительницы, говорящей на «мертвом языке».

В романе «Венерин волос» контрастом российской действительности показан Рим, где желанная «травка-муравка» растет везде: «У нас — комнатное растение, иначе не выживет, без человеческого тепла, а здесь сорняк. Так вот, это на мертвом языке, обозначающем живое, — *Adiantum capillus veneris*. Травка-муравка из рода адиантум. Венерин волос. Бог жизни. <...> Росла здесь до вашего Вечного города и буду расти после» [9, с. 565] — в Риме Бог повсюду, поэтому, повсюду жизнь, а шишкинская Россия, как и джойсовский Дублин, окована всеобщим параличом. Таким образом, система бинарных оппозиций поддерживается коллажным отношением к языку и природе, как тем, что можно называть и включать в композицию переживаний.

В шишкинском романе некоторые зачатки живой жизни еще встречаются в ранних воспоминаниях Изабеллы Юрьевой (в ее псевдодокументальном дневнике), но и они, сталкиваясь со взрослой реальностью, полностью растворяются в ней: «По кухне бегают поросята со смешным хвостиком. Я играю с ним, мы подружались. <...> Потом его же с таким же смешным и живым хвостиком вижу в столовой на блюде» [9, с. 114-115], позже превращаясь в «дневники в разноцветных допотопных переплетах», которые «<...> пахли старыми окурками из кадки, и сквозь эту затхлую вонь пробивался запах слежавшегося в исписанных страницах времени» [9, 110]. Здесь Шишкин, вслед за Джойсом, применяет коллажную технику, но уже не сюрреалистическую, а постмодернистскую, при которой ощущение божественной «травы-муравы» и отрезанного поросячьего хвостика не соединяется в новую целостную реальность, в картину происходящего, допускающую отрешенное рассмотрение, а играет как система аллюзий, не до конца понятных и потому не допускающих режима чистой отрешенности. Поэтому читателю открывается, с одной стороны, некогда утраченное единое общее начало — детство, где сам Толмач-рассказчик вместе с отцом-подводником слушал пластинки Изабеллы Юрьевой, а, с другой — божественная трава-муравка как символ вечной жизни, но названная мертвым именем и не растущая в парализованной детскими страхами холодной стране.

Не-цельная любовь как результат модернистских и постмодернистских монтажных техник Джойса и Шишкина

Но все же основной темой произведений обоих авторов остается любовь. При этом любовь оказывается вовсе не предметом простых переживаний, а определенным способом монтировать предельные вопросы, такие как любовь, жизнь,

смерть, бытие и инобытие, и тем самым ставить под вопрос привычные метафизические нарративы. Поэтому обращения Шишкина к тому, как Джойс обыгрывает тему любви в своей поэтике, оказывается своеобразным герменевтическим истолкованием этой игры, прямым изложением того, как именно эти вопросы смонтированы. Как мы увидим, эта герменевтика приводит к новому определению и субъектов любви, и границ между субъектами.

Джойса интересуют любовные коллизии своих героев, а именно экзистенциальный аспект их как изображаемых процессов. По мнению Р. Эллманна, одним из источников рассказа «Мертвые» была пьеса Ибсена «Кукольный дом», хотя Джойс и выражал к ней пренебрежительное отношение, противопоставляя ее великим пьесам «Гедда Габлер» и «Дикая утка», тем не менее это реализовалось в отношениях героев Габриэля и Греты, особенно в тот момент, когда Габриэль обнаруживает, что у его «куклы» разум и сердце отличаются от его собственных. “Yet it affects his story, ‘The Dead’, where Gabriel also discovers his doll has a mind and heart distinct from his own” [14]. Герой Габриэль пытается использовать любовь как возможность расширить пределы своего сознания, как выход за границы своего «я»: «У него никогда не было такого чувства ни к одной женщине, но он точно знал, что это чувство — любовь. <...> Душа его приблизилась к тем краям, где обитают обширные сонмы мертвых» [2, с. 250]. Таким образом любовь рассматривается как то частное состояние, которое только и противостоит трагизму всеобщей смертности, «гибели хора», если воспользоваться выражением И. Бродского.

В рассказе «Эвелин» главная героиня также избывает трагизм любовью: «Она вздрогнула, когда в ней снова прозвучал голос матери, без конца повторявший с полоумным упорством: „В конце одни черви! В конце одни черви!“ Охваченная порывом ужаса, она вскочила. Бежать! Надо бежать! Фрэнк спасет ее. Он даст ей жизнь, а может быть, и любовь» [2, с. 39]. Тем самым частная судьба, частное чувство и частное происшествие также противостоят всеобщим законам смертности.

В рассказе «Печальное происшествие» мистер Даффи, встречая свою единственную любовь, в итоге обрекает ее на смерть, а истинная привязанность представляется ему лживой: «Вид этой скрывающейся, продажной любви наполнил его отчаянием. Он усомнился в правильности своей жизни; он ощутил себя изгоем на жизненном празднике. Одно-единственное человеческое существо, казалось, полюбило его — и он отказал ей в жизни и счастье, приговорил ее к позору, к постыдной смерти» [2, с.124-125] — невозможность любить, отчужденность от мира и людей, психологическое насилие над объектом своего обожания — все эти качества как приметы времени определяют главного героя рассказа. Поэтому в мире Джойса истинная любовь уже невозможна — она трагична, разрознена и болезненна. Монтажная техника, примененная автором в цикле «Дублинцы», предопределяет «перлокутивный эффект модернистского монтажа» [4, с. 189], позволяющий читателю достичь ощущения тотального одиночества героев, где не связанные между собой

любовные истории лишь усиливают эффект отчужденности на «стыках» своих соприкосновений.

В мире Шишкина, как и ранее у Джойса, любовь уже также изначально не целая, с трагическими разрывами (хотя в тексте упомянуты образы Дафниса и Хлои, Тристана и Изольды, к которым автор обращается, с одной стороны, как к архетипическим образам идеальной любви, а с другой — для ее нарочитого снижения, невозможности в реальном мире). Сами героини романа «Венерин волос» также утверждают ее не-цельность: «<...> что любовь такая большая, что она не может существовать сама по себе, что она, как апельсин — цельная, но состоит из отдельных долек» [9, с. 311], или «Любовь — это такая особая сороконожка размером с Бога, усталая, как путник, ищущий приюта, и вездесущая, как пыльца. <...> Она состоит из нас, как из клеток, каждая клетка — сама по себе, но может жить только одним общим дыханием» [9, с. 448].

Вопреки причудливости такого гротескного тела образов любви, Шишкин показывает отдельным героям путь к ее достижению, это может осуществиться только при условии полного слияния своего «я» и «я» объекта обожания, уничтожению всех границ между ними: «Есть такая притча: <...> „Кто ты?“. Путник отвечает: „Я“. И слышит в ответ: „Здесь нет места для двоих“. <...> И все повторяется. И так до тех пор, пока павлиний глаз не улетает, и на вопрос „Кто ты?“ путник отвечает: „Ты“. Тогда дверь открывается» [7, с. 429-430]. Учитывая тот факт, что Шишкин считает А. Тарковского одним из своих учителей, а, по убеждению кинорежиссера, монтаж — это «ваяние из времени» [6, с. 112], то любовь в романе «Венерин волос» также принимает вид философских суждений и притч с помощью монтажной техники «склейки» различных событий и временных промежутков.

Но в реальной жизни такое слияние двух субъектов любви невозможно ввиду утраты общей связывающей всех людей нити: «Смотрю на твой розовый перепончатый лоскуток под ключицей, и тут замечаю, <...> что у тебя нет пупка» [9, с. 452] — нет больше пуповины от человека к человеку, она не разорвана, ее изначально нет. Но все же Шишкин оставляет своим героям единственную возможность приблизиться к перволюбви на земле, любви равной Богу, поэтому, если человек уже без пупка, то он обозначен у прародительницы Евы: «„Почему у нее пупок?“ Я не понимаю: „Какой пупок? У кого?“ <...> там Адам и Ева, и у Евы, действительно, пупок» [9, с. 437]. Таким образом, любовь в романе «Венерин волос» представлена в виде витальной энергии, которая еще способна к зачатию новой жизни как посредством своей повторяемости (архетипические образы любви), так и путем феноменальности (экзистенциальные ситуации) любовных отношений.

Синхронизм коллажно-монтажной техники Джойса и Шишкина на примере темы смерти

Тема смерти у Джойса и Шишкина позволяет исследовать синхронизм коллажной и монтажной техники ввиду ее особого статуса. Для Джойса эта тема сопряжена с вечным чувством вины: мать умирая, просила его исповедаться и

причаститься, но он остался непреклонен, позже это решение объяснит герой романа «Улисс» Стивен Дедал: боязнь «химического воздействия», которое установится в его душе «из-за ложного поклонения символу, за которым скрываются двадцать веков авторитета и почитания» (“Joyce, however, was inflexible; he feared, as he had Stephen Dedalus say later, ‘the chemical action’, which would be set up in his soul ‘hy a false homage to a symbol behind which are massed twenty centuries of authority and veneration’” [14].

В мире Джойса жизнь заканчивается смертью, поэтому в рассказе «День плюща в зале заседаний» смерть Парнелла практически полностью прекращает реальную борьбу ирландцев за независимость, превращая ее в жалкое подобие бывшего сопротивления: «Ирландцев светлые мечты / С собой унес в могилу он» [2, с. 144]. Некогда единое целое объединение людей в борьбе за гомруль Ирландии распадается на множество мелких собраний, где для каждого участника непреложным приоритетом становится личная (зачастую, пошлая) выгода: участники кампании за избрание Тирни преследуют лишь корыстные цели, а многие преданные делу националисты вообще «<...> на жалованье в Замке» [2, с. 133]. Поэтому, коллажно-монтажная техника, примененная Джойсом в этом рассказе, определяет не только травматическую включенность автора в исторические события своей родины, но и его негативное отношение к опошливанию народной идеи. Если коллажный принцип позволяет собрать эти разрозненные дуальные оппозиции в некое новое образование, усиленное тоской по ушедшему идеалу (Парнеллу), то монтажный — нивелирует романтическую тоску части по целому, утверждая значимость именно столкновений этих организаций, важность их взаимодействия, рождающую новые идеи, их не-слияния, а коллабораций.

Герои рассказа «Мертвые» в потоке духовных и реальных мертвецов «Дублинцев» занимают особое место. Здесь смерть не является логическим исходом скованной параличом жизни, как, например, в «Сестрах», здесь жизнь обусловлена любовью, поэтому способна к пробуждению сознания, а, следовательно, и к возрождению: «Он подумал о том, как она, лежащая рядом с ним, столько лет хранила в тайниках сердца этот образ: глаза своего любимого, когда он сказал ей, что больше не хочет жить» [2, с. 250]. Поэтому, рассказ заканчивается описанием природы и тихого плавного падения снега «на всех живущих и мертвых» [2, с. 251] — как выходом за пределы душевной комнаты отеля, в стремлении души к бесконечности, возможностью эпифании.

Для Шишкина, по его собственному выражению, роман «„Венерин волос“ — о преодолении смерти любовью и словом, о воскрешении любовью и словом» [11], в его мире — «смерть — это дар» [10], «смерть — это воздух» [9, с. 165]. Поэтому, смерть Тристана (первого возлюбленного жены Толмача), не прекращает их отношений с Изольдой, которая по-прежнему не просто продолжает любить его, но и находится в постоянной связи с ним: «<...> этот дневник она писала Тристану. Умершему на тех страницах доставалась любовь <...>» [9, с. 208]. Здесь смерть Тристана, благодаря обращенному к нему слову, позволя-

ет Изольде приблизиться к состоянию «эпифании», в отличие от обрывающей все связи с Гретой смерти Майкла Фьюри в рассказе Джойса «Мертвые». Поэтому шишкинский коллажно-монтажный принцип позволяет героям открыть/пробудить самосознание путем соприкосновений осколков реального и ирреального миров, рождая у героев новое мироощущение.

История любви Анатолия и Татьяны в действительном мире также заканчивается разлукой, невозможностью быть вместе, поэтому они просыпаются посреди зимы в образах Дафниса и Хлои — здесь уже нет изначально ни цельной реальности, ни цельной любви, есть только текст, который Шишкин с помощью коллажно-монтажной техники превращает в систему аллюзий, способную воспроизвести подлинный опыт в слове. Таким образом смерть Дафниса оборачивается его воскрешением: «Убитый ожил. <...> Мертвец поднялся <...> Он идет домой к Хлое» [9, с. 166]. Постмодернистский монтаж не только стирает границы между своим и чужим «я», он уничтожает их между жизнью и смертью, — благодаря чему умерший ребенок Татьяны снова оживает на подводной лодке капитана Немо.

Шишкин, следуя постмодернистской апологии текстуальности, создает иллюзию новой текстовой действительности, в которой объективность повествования достигается путем коллажа/монтажа реальной жизни и бумажных записей (например, дневник Изабеллы Юрьевой). В одном из интервью Шишкин сказал: «Если бы вы заинтересовались судьбой Изабеллы Юрьевой и прочитали ее интервью, которые она давала уже в преклонном возрасте, то увидели бы, что в одном она говорила: „Да, да, я помню, у меня во Франции родился ребенок, который потом умер. Это был мальчик“. В другом: „Да, да, я помню, у меня во Франции родился ребенок, который потом умер. Это была девочка“. От нее ничего не осталось, и я даю ей жизнь, я ей говорю, как Лазарю: „Иди вон“. Я показываю, что Бог может воскресить нас, используя слово, потому что этот мир был создан словом и словом воскреснем — это эпиграф к моему тексту» [11]. По удачному наблюдению С. Оробия: «<...> монотонное перечисление повторяющихся подробностей обнажает саму фактуру жизни, жуткой и зловещей в своей обыденности» [8, с. 107-108]. Поэтому, дневники рисуют образ прекрасной женщины и певицы, а в реальности ее последние годы, особенно смерть, описанные автором чересчур натуралистично, вызывают лишь жалость и отвращение. Таким образом, частный мир поддерживается частными же чувствами и всеобщее спасение явлений невозможно во всяком случае в земном мире.

Заключение

Исследование развития коллажной техники Джойса в романе Шишкина на основе анализа сознания героев произведений «Дублинцы» и «Венерин волос» позволяет сделать выводы, что коллаж Джойса близок сюрреалистическому: изначально целая дублинская среда представлена единичными, разрозненными, случайными, на первый взгляд, не связанными между собой историями горожан. У Шишкина же коллажный принцип Джойса развивается до постмодернистско-

го, где события и лица находятся не в едином хронотопе, а разбросаны по всем временам и пространствам, они не образуют новую реальность, соприкасаясь друг с другом, а действуют как аллюзии, поэтому открывают читателю бесконечное множество новых смыслов и трактовок. Если у Джойса магистральная идея «паралича сознания» достигается только взаимным наложением историй, одновременным взглядом на все происходящее, то у Шишкина — личным отношением к культурным аллюзиям и их носителям в прошлом и настоящем.

Монтажная техника обоих авторов позволяет переосмыслить тему любви. В мире Джойса истинная любовь уже недостижима, поэтому в сборнике «Дублинцы» каждая отдельно взятая любовная история лишь усиливает ощущение тотального одиночества, не позволяя душе достигнуть эффекта эпифании. Шишкин оставляет своим героям возможность обрести любовь, но только с помощью божественного вмешательства, способного превратить человеческие чувства в витальную энергию рождения новой жизни.

Таким образом, восприятие и развитие коллажно-монтажной техники Джойса в романе Шишкина «Венерин волос» позволяет ввести тему трансцендентного опыта. Стыковка различных времен, героев, событий, а, главное, в мире Шишкина их историй — дает возможность по-новому трактовать даже событие смерти, утверждая возможность продолжения жизни на записанных дневниковых страницах. Такому появлению трансцендентного опыта новой жизни способствует конструкция произведений: как сборник Джойса «Дублинцы», так и роман Шишкина «Венерин волос» представляют собой множественное скопление рассказов, с одной стороны, совершенно не связанных, а, с другой — создающих новую общую атмосферу на «стыках» своих соприкосновений.

Трансцендентность предельного опыта поддерживается у Шишкина введением коллажно-монтажной техники, делающей его из простого предмета представления вероятным событием. Реальность привычного нам мира тогда переосмысливается в постмодернистском коллаже, проблематизируя само разделение объективного и предсказуемого мира вещей и гипотетического и невероятного мира представлений. В таком случае «цитатность человеческого „я“» становится новым способом человеческого мышления и миропонимания. Но кризис прежнего мировосприятия не означает, что любовь и жизнь утрачивают онтологический статус: наоборот, в новой онтологии Шишкина они только и могут связывать как реальности разрозненных текстов, так и реальности разрозненных опытов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вирмо А. Мэтры сюрреализма / А. Вирмо, О. Вирмо. Перевод с французского. Санкт-Петербург: Академический проект, 1996. 278 с.
2. Джойс Дж. Дублинцы / Дж. Джойс. Перевод с английского С. Хоружего. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.

3. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. Москва: Интрада, 1996. 253 с.
4. Капитонова Н. С. Речевые кластеры как элементы монтажа модернистского текста Дж. Джойса / Н. С. Капитонова // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 188-193.
5. Кукулин И. Машины зашумевшего времени / И. Кукулин. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. URL: file:///C:/Users/Comp-PC1/Desktop/Kukulin_Iya_Mashiny_zashumevshego_vremeni_Readli.Net_279915_original_4c3a6.fb2 (дата обращения: 20.09.2021).
6. Куряев И. Р. Специфика монтажа в романе М. Шишкина «Письмовник» / И. Р. Куряев // XLVI Огарёвские чтения: в 3-х ч. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. С. 109-114.
7. Липовецкий М. «И пустое место для остальных»: Травма и поэтика метапрозы в «Египетской марке» О. Манделъштама / М. Липовецкий // Травма: Пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
8. Оробий С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы / С. П. Оробий. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2011. 161 с.
9. Шишкин М. Венерин волос / М. Шишкин. Москва: АСТ, 2020. 572 с.
10. Шишкин М. Письмовник / М. Шишкин. URL: [file:///C:/Users/Comp-PC1/AppData/Local/Temp/Rar\\$Dla0.995/Shishkin_M._Pismovnik.fb2](file:///C:/Users/Comp-PC1/AppData/Local/Temp/Rar$Dla0.995/Shishkin_M._Pismovnik.fb2) (дата обращения: 15.10.2021).
11. Шишкин М. У Бога на Страшном суде не будет времени читать все книги / М. Шишкин // Известия. 2005. URL: <https://iz.ru/news/303564> (дата обращения: 25.10.2021).
12. Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов / Эйзенштейн С. // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Москва: Искусство, 1964. С. 269-273.
13. Ellmann R. Four Dubliners: Oscar Wilde, William Butler Yeats, James Joyce, Samuel Beckett / R. Ellman. URL: <http://library.lol/main/988C0B7D2639FC5C6BAA770E3F80DE85> (дата обращения: 22.10.2021)
14. Ellmann R. James Joyce / R. Ellman. URL: <http://library.lol/main/4A121AD2F145C474AAB02ADC15AD11B2> (дата обращения: 22.10.2021)

Alexander V. MARKOV¹
Julia N. MYSLINA²

UDC 821.161.1

**DEVELOPMENT OF THE JOYCE'S PRINCIPLE
OF COLLAGE-EDITING TECHNIQUE
IN M. SHISHKIN'S NOVEL "MAIDENHAIR"**

¹ Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Department of Cinema and Contemporary Art,
Russian State University of the Humanities (Moscow);
Professor, Department of Russian and Foreign Philology,
Vladimir State University named after A. G. Stoletov and N. G. Stoletov
markovius@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6874-1073

² Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Philology,
Vladimir State University named after A. G. Stoletov and N. G. Stoletov
yulia_mislina@mail.ru; ORCID:0000-0002-5561-1859

Abstract

The article examines the development of Joyce's collage-editing technique of the collection "Dubliners" in M. Shishkin's novel "Maidenhair". The aim of the work is to investigate the rules of the transition of Joyce's surrealist collage into Shishkin's collage-editing principle, where a new type of collage, as an intellectual concernment, made it possible to comprehend editing, avant-garde and the destinies of culture in a situation of intercultural communication. The subject of this research is the specificity of Shishkin's collage-editing technique in its dynamic development. The study required not only a comparatively-comparable method, but also a constant consideration of the general context of the evolution of the terms "collage" and "editing" in the 20th-21st centuries. And the approval of their standard literary significance. The analysis made it possible to reveal Joyce's technique, that was close to surrealist collage, in describing the general paralysis of Dublin at the beginning of the 20th century, is reinterpreted

Citation: Markov A. V., Myslina J. N. 2022. "Development of the Joyce's principle of collage-editing technique in M. Shishkin's novel 'Maidenhair'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 145-161.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-145-161

by Shishkin into a postmodern collage, where Russian reality was presented as initially non-integral, which had been in a state of paralyzed consciousness for a long time. And only love, according to both authors, serves to overcome such disunity. It turns out that true love on earth is unattainable, therefore, to form a general impression of its loss, Joyce turns to the editing technique that allows various love stories to collide each other, increasing the effect of alienation at the boundaries of their touch. Shishkin, rethinking Joyce's type of editing into a postmodern editing principle, declares the hope of finding eternal love on earth, equal to vital energy. In the collection "Dubliners" and the novel "Maidenhair", the theme of death represents a combination of collage and editing techniques at the same time. Where Joyce's longing for a departed ideal is supplemented by the significance of the birth of something new (organization, idea etc.), but in Joyce's world, death completes the life cycle of a person; and in Shishkin's work, the boundaries between life and death have already been fundamentally erased, which allows the heroes, more precisely the stories as their embodiments after their death, to continue their existence.

Keywords

James Joyce, Mikhail Shishkin, comparative historical literary criticism, collage, editing, postmodernism, allusion.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-145-161

REFERENCES

1. Virmo A., Virmo O. 1996. The Masters of Surrealism. Saint-Petersburg: Academic project. 278 p. [In Russian]
2. Joyce J. 2018. Dubliners. Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus. 288 p. [In Russian]
3. Ilyin I. P. 1996. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada. 253 p. [In Russian]
4. Kapitonova N. S. 2010. "Speech clusters as elements of the installation of the modernist text of J. Joyce". Scientific Thought of the Caucasus, no. 3, pp. 188-193. [In Russian]
5. Kukulin I. 2015. Machines of noisy time. Moscow: New Literary Review. Accessed on 20 September 2021. file:///C:/Users/Comp-PC1/Desktop/Kukulin_Ilya_Mashiny_zashumevshego_vremeni_Readli.Net_279915_original_4c3a6.fb2. [In Russian]
6. Kuryaev I. R. 2018. "The specifics of editing in M. Shishkin's novel 'Letterer'". XLVI Ogarevsky readings: In 3 parts. Part 3, pp. 109-114. Saransk: Mordovsk State University Publishing House. [In Russian]
7. Lipovetsky M. 2009. "'And an empty space for the rest': Trauma and the poetics of metafiction in the 'Egyptian Stamp' by O. Mandelstam". Injury: Points. Edited by S. Ushakin and E. Trubin. Moscow: New Literary Review. 903 p. [In Russian]
8. Oroby S. P. 2011. "The tower of Babel" by Mikhail Shishkin: Experience in Modernizing Russian Prose. Blagoveshchensk: BGPU. 161 p. [In Russian]
9. Shishkin M. 2020. Maidenhair. Moscow: AST. 572 p. [In Russian]
10. Shishkin M. Letterer. Accessed on 15 October 2021. file:///C:/Users/Comp-PC1/AppData/Local/Temp/Rar\$DIa0.995/Shishkin_M._Pismovnik.fb2. [In Russian]

11. Shishkin M. 2005. "God will not have time to read all books at the last judgment". Newspaper "Izvestiya". Accessed on 25 October 2021. <https://iz.ru/news/303564>. [In Russian]
12. Eisenstein S. 1964. "Montage of attractions". Collected Works in 6 vol. Volume 2. Moscow: Art. Pp. 269-273. [In Russian]
13. Ellmann R. Four Dubliners: Oscar Wilde, William Butler Yeats, James Joyce, Samuel Beckett. Accessed on 22 October 2021. <http://library.lol/main/988C0B7D2639FC5C6BAA770E3F80DE85>.
14. Ellmann R. James Joyce. Accessed on 22 October 2021. <http://library.lol/main/4A121AD2F145C474AAB02ADC15AD11B2>.

Сергей Олегович ШИПОВ¹
Сергей Анатольевич КОМАРОВ²

УДК 821.161.1:82-191

И. А. КРЫЛОВ-БАСНОПИСЕЦ В АСПЕКТЕ САМОСОЗНАНИЯ

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
s.o.shipov@yandex.ru

² доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

Аннотация

В статье целенаправленно рассматривается вопрос о самосознании И. А. Крылова-баснописца. В ней обозначаются факторы, способствовавшие сосредоточенности уже зрелого поэта, драматурга и прозаика на работе в определенном жанре, а также импульсы его вхождения в специфику басни и мировую жанровую традицию в условиях формирования внутреннего запроса на статус национального поэта и авторитета выражения народной мудрости.

Кристаллизация макрозамысла басенного девятикнижия Крылова, выявление стратегии его книготорчества понимается как эксплицирование динамики и структурирование самосознания автора, его эстетического и поэтологического оцельнения и ценностного успеха в русской культуре на переходе от традиционалистской к индивидуально-творческой парадигме развития художественной словесности. Содержательная компонентность басни видится как система требований к устройству миротворческого аппарата мастера слова и возможностей отечественной речевой традиции органично ответить на общий вызов.

Субъектность Крылова рассматривается как целенаправленный процесс достраивания себя в качестве общенациональной и конкурентной общемировой фигуры в ряд выс-

Цитирование: Шипов С. О. И. А. Крылов-баснописец в аспекте самосознания / С. О. Шипов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 162-178.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-162-178

ших представителей и выразителей мудрости человечества. Авторы статьи исходят из того, что тип самосознания баснописца предугадывает синтез природы, социума и индивида, устремленный к разумному, упорядоченному и оптимистическому сосуществованию с учетом генетического опыта универсальной метафоричности и афористичности, жанровых включений сентиментализма и романтизма. Фиксируются также звенья продвижения индивидуальной художественной системы Крылова, в частности его комедийная практика, в качестве предпосылки перехода к решающему выбору формы эстетического высказывания. Методология исследования ориентирована на сочетание элементов культурологического, историко-генетического, семиотического, типологического подходов к анализу литературных явлений при общей раме достижений отечественной исторической поэтики.

Ключевые слова

И. А. Крылов, басня, самосознание, девятикнижие, метафора, афористическая культура, поэтический размер, динамика литературного процесса.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-162-178

Введение

Кристаллизация жанра басни связана с динамикой форм в системе животного эпоса. В укрупненных классификациях развития мировой словесности басню относили к доромантическим, то есть классическим жанрам. Мастера художественного слова, например А. С. Пушкин, четко и подробно описывали жанровую двуфазность и репертуар своего времени: «К сему роду (то есть классическому — С. Ш., С. К.) должны отнестись те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; следовательно, сюда принадлежат эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь. Какие же роды стихотворения должны отнестись к поэзии романтической? Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими» [16, с. 33]. Современными специалистами зафиксировано: «Распад жанровой системы русской лирики завершился в годы творчества Пушкина при его энергичном участии» [1, с. 186]. К составляющим этой системы отнесены «жанры оды, сатиры, басни, элегии, песни, эпистолы, идиллии, надписи, эпиграммы и эпитафии» [1, с. 189].

Появление басни в русском литературном процессе закономерно, оно связано с возрождением жанра в Западной Европе. Крупнейшими представителями, оказавшими значительное влияние на становление этого жанра в национальных литературах, стали Лафонтен и Лессинг. Их творческая практика обозначила две противоборствующие художественные формы: поэтическую и прозаическую басню. Возникновение и активность этого диалога форм, несомненно, инициируется Лессингом и отображает одну из граней его критического восприятия эстетики классицизма.

Трактат «Рассуждения о басне», подготовленный автором к изданию басен в трех книгах в 1759 году, характеризует самосознание Лессинга, отрицающего отвлеченную описательность, изящность, индивидуальность персонажей и лирический характер текстов Лафонтена. Рассматривая басню как строго дидактический жанр с единственно необходимой установкой на прямое морализирование, которому подчиняется вся композиция текста, Лессинг закрепляет исключительно воспитательную функцию басенного высказывания. Сама природа жанра, с его точки зрения, предполагает фокусировку читателя на нравственной идее автора.

Появление стихотворной басни в жанровой системе русской литературы XVII века обозначается творчеством Симеона Полоцкого [18, с. 126]. Продуктивность жанра в русском барокко и классицизме связана с общими типологическими характеристиками этих направлений: рационализм и дидактизм. Закономерность продолжительного бытования басни и ее успех Л. И. Сазонова объясняет тем, что «рационалистический характер эстетики барокко и классицизма отразился в представлении о разуме как конструктивном, организующем принципе творчества и как первооснове, необходимой для нравственного возрождения человека» [18, с. 118]. В этом смысле усиленный дидактизм басни удобен для трансляции логики автора.

Становление оригинальной русской басни проходило в несколько этапов. Динамика жанра обусловлена как внутренними изменениями в самосознании авторов, так и внешними причинами — сменой доминирующих литературных направлений и эволюцией социально-ценностных интересов национальной элиты. В первой половине XVIII века появляются отдельные басни А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова. Ни один из этих авторов еще не мыслит себя в качестве собственно баснописца.

С середины XVIII века басня становится одним из самых популярных жанров в русской литературе. Ее успех обеспечен, в первую очередь, А. П. Сумароковым и его учениками — М. М. Херасковым и В. И. Майковым. Притчи (в данном контексте синонимичны басням) Сумарокова, изданные в шести книгах, определили дальнейший путь развития отечественной поэтической басни. Сатирическая направленность, социально-бытовая детализация (один из эффективных инструментов русской сатиры), включение фольклорных компонентов и народный характер басен характеризуют не только жанр, но и художественную систему Сумарокова в целом. Переход жанра в фазу постклассицизма связан с творчеством И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, А. Е. Измайлова. Творческая практика И. А. Крылова-баснописца проходила в условиях динамичного литературного процесса и смены доминирующих литературных направлений, зреющего конфликта в российском обществе, крупных внешнеполитических событий и усиления цензуры, что, несомненно, вынуждало Крылова корректировать свои тексты и книготворческую стратегию для поддержания договора согласия с отечественным читателем.

Цель данной статьи — выявить ключевые «точки» самосознания баснописца, влияющие на динамику жанра и его продолжительное функционирование в мировой культуре. Методологическим ориентиром исследования является подход томской филологической школы к связке «автор-жанр» и в частности его реализация в жанровой линейке отечественной комедии [7, 11].

Результаты исследования и их обсуждение

Признанность басни в качестве одного из главных способов высказывания в русской литературе конца XVIII — первой трети XIX века (наиболее продуктивные в количественном аспекте годы басенного творчества Дмитриева и Крылова), рассмотренная через самосознание автора, позволяет с новых позиций взглянуть на сопряженность жизнетворчества баснописца и структуры жанра. Фиксация ментального процесса, обращенного в активный диалог с национальной культурой, во-первых, дает возможность определить духовный контекст этого диалога, а во-вторых, обнаружить следы авторской рефлексии философии жанра.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на творчество Крылова и общий успех басни как жанра, оказался общий духовный разворот русской литературы к античной культуре. Ориентация на лучшие образцы античной литературы и формирование, а затем и манифестация концепции наследственности, где русская литература оказывается правопреемницей античной, задает тот духовный контекст, в котором создавалось басенное девятикнижие Крылова. Характерно, что западноевропейская литература в этом процессе воспринимается как «лучший интерпретатор» наследия античности. В России появляются переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. В частности, хорошо известны переводы П. Е. Екимова, Е. И. Кострова, И. И. Мартынова, Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского.

Интерес Крылова к переводам Гомера фиксируется многочисленными свидетельствами его современников. Так, на пятидесятом году жизни Крылов выучивает древнегреческий язык и в оригинале читает Эзопа, Гомера, Пиндара, Геродота, Плутарха [4, с. 26]. Также в рукописях сохранился крыловский отрывок перевода «Одиссеи». Интерес к языкам и чтение первоисточника в оригинале становятся одним из базовых элементов самосознания баснописца. М. Е. Лобанов, говоря о Крылове, отмечает, что «он любил сам извлекать правила из самых источников и потому-то иногда заглядывал в первообразы этого рода поэзии, и потому-то иногда находили его с Эзопом в руке, скромно отвечающего на вопросы: «Учусь у него»» [13, с. 73].

О способностях Крылова к изучению иностранных языков общеизвестно. Он владел французским, немецким, итальянским, английским и древнегреческим языками. То, что Крылов работал в Императорской Публичной библиотеке, имел неограниченный доступ к лучшим образцам мировой литературы, открывает широкое поле для выстраивания незримых диалогов баснописца с различными культурными адресатами.

Одним из таких контекстов творческой практики Крылова становится его рефлексия наследия Данте. Еще в конце XVIII века он читал Данте в оригинале.

«В 1798 году в Москве была представлена комическая опера «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка», музыка Бьянки, либретто Феррари. Текст оперы Крылов, вероятно, перевел еще в середине 1790-х годов, когда много занимался итальянским языком и читал в подлинниках Данте, Ариосто и знаменитого оперного драматурга Метастазии» [5, с. 100]. Крылов — значимый и активный субъект допушкинской рефлексии.

Возможность для сопоставления «Божественной комедии» Данте с басенным девятикнижием знаково произрастает из архаичной схемы хождений по страстям, порокам и мукам человеческим. Порок иррационален, а его осуществление в свершившемся акте греха материализует внутреннюю свободу человека. Таким образом, ад как пространство торжества греха так же иррационален и не может быть объяснен исключительно как результат наказания грешника (басня «Вельможа», кн. 9). Универсализм, понимание культурно-знаковой природы порока, стремление к духовному преображению, обостренное восприятие проблемы идеала и перспективы жизни двух авторов позволяют говорить о существовании диалогического сюжета: Крылов — Данте. Сама жанровая структура, в центре которой органика изображения и эстетического преодоления порока, а также необходимость баснописца убедительно обосновывать свою логику на основе иерархии страстей и добродетелей, продуцирует диалогические связи Крылова с итальянским поэтом, причем в створе католицизм/православие. Девять книг басен Крылова могут рассматриваться исследователями как хождение по страстям человеческим, а также как самостоятельный проект крыловского ада, диалогичного дантовскому.

В последнем тексте девятой книги басен моделируется ситуация высшего суда в аду над вельможей. В тексте убедительно обосновывается логика Эака, отправившего вельможу, который только «Пил, ел и спал, / Да все подписывал, что он (секретарь) ни подавал» [9, с. 204], из ада в рай вопреки возражениям Меркурия, руководствовавшегося рациональным мышлением, где ад всегда становится наказанием за грехи. Характерно, что высший суд проходит уже в аду. Так, в тексте в сверхмалом объеме схематично изображается движение персонажа из ада в рай. Написан текст в 1834 году, а опубликован в 1836 [9, с. 520]. В это время печатается первая русская монография о Данте («Дант и его век») С. П. Шевырева, совершаются попытки переводов первой кантики комедии. А. С. Пушкин прямо подражает Данте, создает поэму «Медный всадник», пишет пятистопно-ямбические терцины «В начале жизни школу помню я...», чуть позже терцинами пишет стихотворение «И дале мы пошли — и страх обнял меня», насыщенное многочисленными реминисценциями из Данте, Н. В. Гоголь приступает к работе над «Мертвыми душами». Тем самым рефлексия Данте в русской литературе к 1830-м годам получает вполне ясные очертания и становится одним из новых культурных адресатов эпохи.

В условиях кризиса традиционалистской парадигмы, обозначенного переходными литературными направлениями (сентиментализм и романтизм), для баснописца и читателя его поколения реальностью и необходимостью стано-

вится понимание и рефлексия ограниченности концепций мира и человека определенной эпохи для продолжительного функционирования жанра в национальной и мировой культуре. Баснописец, используя универсальные сюжетные схемы, должен уметь работать с различными ценностными кругозорами. Успех как каждой из книг басен на протяжении всего творчества, так и итогового свода басен Крылова, подготовленного автором в 1843 году, свидетельствует о том, что он оставался в договоре согласия с читателем на протяжении всего книготворчества и в каждом из периодов, характеризующимся сменой ценностных доминант в русской литературе.

Признание Крылова сначала национальным, а затем и мировым по значимости баснописцем наряду с Эзопом, Лафонтеном и Лессингом, говорит об умелом синтезировании им национального и общечеловеческого опыта с учетом сознания адресата послания. Этот элемент самосознания баснописца раскрывается, в том числе в обработке «чужих» или «вечных» сюжетов и в создании «национальных», связанных с фольклорной традицией или учитывающих стадии ментального развития отечественной словесности. Логично предположить, что «чужие» сюжеты в определенной степени пересоздаются автором, произрастая на фольклорной традиции и вновь обращаясь к общим для мировой культуры «точкам» в сознании адресата.

Эти «точки» чувствительны к условным знакам, через которые автор изображает мир, а также раскрывает воззрения героя, реагирующего на условия басенного испытания. Генерализация национального и общечеловеческого опыта обеспечивает объемность миромоделирования, что существенно для воздействия на сознание демократического читателя. Объемность создается за счет использования мифов, библейских и бестиарных источников.

Осмысление и использование автором условных знаков в художественном мире выражается, например, в ситуации прямого или условного жертвоприношения. Так, в тексте «Мор зверей» жертва должна искупить вину зверей и спасти их от гнева богов, в басне «Лев на ловле» добыча лисы имеет сакральное значение для скрепления договора между хищниками. В текстах «Госпожа и две служанки», «Скупой и Курица» принесенная жертва не дает ожидаемых результатов героям, хотя и мыслилась ими как путь для решения проблем.

Ситуация охоты, несомненно, является естественной для хищника и не может осуждаться. В ней также заложены семантические признаки метафор еды, суда, власти в коллективном сознании. В последнем аспекте хищник условно становится царем в отношении жертвы. Для него охота связана с жизнью, продолжением существования, а для жертвы — закономерным завершением жизни для нового рождения. Роль жертвы определена ее низким статусом и схематично упрощает модель взаимодействия до оппозиции «раб – царь», где раб заранее приговорен к смерти, являясь узником для царя. Жертва не имеет пространства для спасения в басенном мире, так как позиционирована узником по отношению к власти. Спасти ее может порочное увлечение процессом со стороны хищника, как в тексте «Лев, Серна и Лиса». В нем лев не смог пере-

шагнуть через смерть (сюжетно оказавшись в инфернальном пространстве) и, соответственно, сам стал жертвой. Распределение ролей в художественном мире предопределяется природными характеристиками и связанной с ними эмблематикой в сознании человека.

С учетом специфики жанра еда становится для баснописца одной из ключевых метафор [21], семантически связанной также с победой и продолжением жизни, с одной стороны, смертью и воскресением, началом новой жизни — с другой. В баснях это выражается в завершении естественного жизненного цикла, где голод является символом смерти, а охота и добыча еды, соответственно, необходимы для ее преодоления. Смерть в данном случае семантически разрывается с убийством — нарушением природного цикла. Басня как жанр выделяется из коллективного сознания, в котором сильна роль лидера, вожака, бога. Поэтому преодоление смерти зачастую демонстрируется через эмблематичные образы, в сознании читателя любой эпохи символизирующие силу, авторитет, власть. Вертикаль власти, выстроенная в басенном мире, неразрывно связана, в свою очередь, с метафорой суда.

Поясним этот аспект на примере метасюжета льва в басенном девятикнижии Крылова [22]. Лев проходит путь от утверждения в роли сильного и крупного хищника, царя зверей до ослабевшего и погибающего от собственных страстей грешника. Преодолевая смерть через свою природные характеристики, лев сохранял авторитет и власть в басенном мире. Пока власть остается авторитетной для персонажей мира басен, она является носителем истины, поэтому суд — это одна из функций власти («Воспитание Льва»). В широком смысле речь идет о «бытовом» повседневном суде, который рассматривает споры, присуждает победу и наказывает персонажей, если того требует художественная задача повествователя («Лев на ловле», «Лев и Волк», «Рыбья пляска», «Пестрые овцы» и др). Завершение естественного жизненного цикла символизирует невозможность дальнейшего преодоления смерти и ясно обозначает перспективу ада после высшего суда. Еще при жизни лев ставится в наиболее уязвимое для свободолюбивого, властного и гордого хищника положение (в пещере, от бессилия терпящий издевательства осла в тексте «Лев состаревшийся»; в клетке, увезенный на потеху людям в тексте «Лев и Мышь»). Это результат своего рода коллективного суда, который совершается при жизни и предваряет высший суд после смерти.

Семантика высшего суда после смерти мотивно наличествует в книгах басен как осязаемая перспектива грешников. В последнем тексте девятикнижия «Вельможа» правосудие вершится Эаком и Меркурием в ходе диалога. Важно отметить, что высший суд не связан с правом, в нем нет категорий победы и поражения, а только решение о вечной жизни в раю или вечном страдании подсудимого в аду. Иррациональный и рациональный подходы к этому решению переплетаются и образуют диалог, в ходе которого в сильной позиции представлена точка зрения Эака: «Не видишь разве ты? Покойник — был дурак! / Что, если бы с такой властью / Взятся он за дела, к несчастью? / Ведь погубил бы целый край!.. /

И ты б там слез не обобрался! Затем-то и попал он в рай, / Что за дела не принимался» [9, с. 204].

Суд в басенном девятикнижии Крылова не обозначает обязательное сюжетное наказание для виновного, но как эстетическое событие в широком смысле достигается посредством моральной победы над пороком. Эта победа должна объединять всех участников референтного и коммуникативного событий. Соединение лирического и эпического компонентов в моралистическом послании обеспечивает эстетическую целостность, масштабность и убедительность воздействия на сознание подготовленного читателя. Внутри басенного мира же присуждение победы или абсолютного поражения выражается как сюжетно, так и композиционно — размещением одной из точек зрения в сильной позиции (морали). Переход данных образов (еды, жертвоприношения, смеха, суда) в потенциальные универсальные сюжеты обусловлен опять же выделением жанра из коллективного сознания.

Это свидетельствует о рефлексии Крыловым культурно-знаковой природы порока, этапов его возникновения, имплицитирования в акт греха и наказания.

Смешение смехового компонента и суда в баснях восходит к античной и средневековой традициям, но имеет свою специфику. Целью этого синтеза становится прямое морализирование персонажа, максимально объективно разоблачающее новоявленного судью за счет абсурдности, смехотворности и трагичности его суждений. Баснописцем нивелируется компонент жертвенности и обрядовости в соединении смеха и суда, но усиливается сатирическое начало, фокусирующее внимание читателя не на героя, а именно на пороке в специфичной отвлеченной форме. В текстах «Осел и Соловей», «Кошка и Соловей» морализация достигается через коллективную смеховую эмоцию и разрушает не сам суд или судью, а условие возникновения этого суда — порок. Ситуация суда — это уже действие, конкретная форма проявления порока, в которой читателю он наиболее доступен и понятен. Смех здесь является коллективным судом и может быть спроецирован читателем на себя («Осел и Соловей») или на конкретные события общественной жизни («Кошка и Соловей»). Здесь стоит отметить важное свойство обличающего смеха — возбуждение усилия для победы над пороком. К метафоре обличения семантически близка метафора правды. Возможности баснописца для обличения неограничены с учетом цензуры и необходимости оставаться в договоре согласия с читателем. Единственно возможный путь для правды в этих условиях — это сознательное подражание юродству и шутовству, традиционно близких в русской культуре богу, власти и людям [23].

Общеизвестный факт свидетельствует о понимании баснописцем возможностей смеховой культуры. Крылов, приглашенный в императорский дворец на торжества по случаю десятилетия правления Николая I, прочел стихотворение, а затем и запрещенную цензурой басню «Вельможа», переодевшись в кравчего. Маскарад был задуман в виде праздника «бобового короля», где выбирался король вечера, а Крылову выпала роль кравчего. В стихотворной форме баснописец обратился к «королю» праздника, иронично отметив, что каждый день

молится, «чтобы тебе, отец, пилось бы лишь да елось, / А дело бы на ум не шло» [6, с. 356-357]. Обращение тематически развивает основную мысль басни и, конечно, написано Крыловым не случайно. Сатирическая острота обращения только усиливает смысл басни, которую современники интерпретировали как вариант популярной в общественных кругах сатиры на деятельность и вовлеченность Николая I во все мельчайшие детали и процессы.

Именуя этот неожиданный и смелый поступок баснописца смеховой игрой, сознательным элементом юродства, имеем в виду осознанность выбора Крылова и понимание им специфики смехового мира в русской культуре. Он не случайно избрал маскарад для прочтения басни, так как лицедейство и переодевание, а также многолюдность являются условиями возникновения смеховой игры. Смеховой мир аксиологично противопоставлен сакральному, духовному. Д. С. Лихачев, анализируя смех как мировоззрение, отмечает двойственность его: «Смех открывает в одном другое, не соответствующее: в высоком — низкое, в духовном — материальное, в торжественном — будничное, в обнадеживающем — разочаровывающее» [12, с. 35]. Ценностные ориентиры смехового мира сугубо материальны, ему свойственны суетливость, глупость, порочность. М. А. Гордин, описывая события в императорском дворце [5, с. 162-163], отметил, что Крылов разрушил грань между театром и действительностью, превратив жизнь в игру. Баснописец, соединяя сакральный и смеховой миры, находится на границе трагического и комического. Чтение басни после обращения становится элементом игры, завершающей частью творческого акта, конечная цель которого дидактическое воздействие на читателя/зрителя.

Метафоры еды (семантически связана со всеми), спасения, смерти, рождения, суда, а также обличения/порицания становятся конститутивными элементами коллективного сознания, его представления о мире и человеке в басне Нового времени. Они определяют основные сюжетные линии, через которые читатель должен убедиться в моралистическом послании баснописца. С одной стороны, через эти условные знаки автором подвергается осмыслению и интерпретации окружающий мир и осязаемая человеком природа, а с другой стороны, семантическое поле условных знаков связано с пороком и событием его актуализации в мире — переходе из потенциального состояния в реальное [18, с. 147].

При этом выстраивание семантических связей носителей коллективного сознания и современников Крылова существенно отличается, так как очевидно, что с течением времени непрерывно увеличивается объем познания окружающего мира, возрастает количество культурных связей, расширяется кругозор и ракурс восприятия действительности. Поэтому баснописцем эти знаки используются не для изображения окружающего мира, который в сознании человека эпохи Крылова начинает приобретать жизнеподобные очертания, все больше как бы соответствуя действительности. Ключевой задачей баснописца в этом направлении становится рефлексия культурно-знаковой природы порока и создание универсальных моделей для его разоблачения. Внимание к этой стороне вопроса отличает самосознание баснописца от автора, однократно или периодически обращающегося к жанру басни.

Понимание мира живого как единого (человек/растительный мир/животный мир) также характеризует жанровое мышление баснописца. Соединение этих составляющих в единый организм побуждает его создавать концепцию абсолютной гармонии между ними. Зооморфный персонаж, растение или даже вещь в баснях являются не только носителями условных качеств, но и двойником человека, материализацией его духа. А в природе, в свою очередь, субстанцируется «мировая душа» (Шеллинг). Утверждается тождественность человеческого духа и природы. В природе все обращено к чему-либо, имеет антагониста и протагониста, согласно классической европейской философии, и движется к синтезу, примирению даже противоборствующих начал для непрерывного развития или к высшей надперсональной разумности. Мир басен — это классический мир природы, изображенный через призму человеческих пороков. В ней все элементы, в том числе метафоры, сюжеты, персонажи, подчинены главной задаче баснописца — выявлению порочности отпадения от всеобщих связей, содержащих высшую истину.

Применительно к Крылову установление границы между элементами комедии и басни значимо с точки зрения динамики сознания автора от преимущественно драматургической практики к басенному творчеству. Известны комические оперы и комедии Крылова, среди них «Кофейница» (1783-1784 гг.), «Сочинитель в прихожей» (1786 г.), «Бешеная семья» (1793 г.), «Проказники» (1793 г.), «Пирог» (1799-1801 гг.), «Урок дочкам» и «Модная лавка» (написаны до 1807 г.), а также шутотрагедия «Подщипа». В театре Крылов видел «зеркало страстей» [5, с. 76], задача дискредитации которых с успехом решалась при коллективной смеховой эмоции зрителей/читателей.

Классицистический канон в России утвердил за комедией и басней единый стихотворный размер [3, с. 152]. Следование Крыловым этой традиции создает удобную и прочную речевую взаимосвязь его комедийной и басенной практики, базисность углубления сочетаемости лирического и драматического компонентов. Разностопный ямб в баснях придает живость и объемность точке зрения персонажа, позволяет стилистически разнообразить речь изображенную и изображающую. Речевая характеристика становится более разговорной, живой, произносительной. Акцентируется именно устная речевая традиция. Динамичность в речи создается за счет гибкости и подвижности различных по длине интонационных фрагментов. Возможности разностопного ямба проявляются, прежде всего, в диалогически организованной структуре.

О способности Крылова к афористической культуре свидетельствуют и современные работы по афористике. В их числе словарь афоризмов, крылатых выражений, литературных образов и цитат из басенного девятикнижия Крылова, подготовленный В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко в 2017 году и насчитывающий свыше 500 словарных статей [15].

Афоризм амбициозен, поэтому злоупотребление им способно поглощать индивидуальность человека, скрывать субъекта речи за маской. Обязательность употребления его в обществе предполагает потерю эмоционально-эстетическо-

го пафоса и творческого напряжения, что неизбежно приводит к кризису афористической культуры. В России конца XVIII — начала XIX вв. развиваются именно кризисные формы культуры SENTENTIA. Поиск путей преодоления кризиса может осуществляться через возможности басни, где сама жанровая структура предполагает сентенциозность и афористичность мышления автора.

Значение афоризма может также раскрываться через семантику преодоления негативного опыта, что становится материалом для возникновения афористической культуры. Включенность негативного опыта в структуру афоризма как бы оправдывает право конкретной сентенции на жизнь. В ней фиксируется динамика для преодоления этого опыта и дается ценностная характеристика, помогающая сформировать к нему правильное отношение. Применительно к басне Крылова ситуация преодоления рефлексирована через эстетику комического и созвучна с самим течением жизни. Поэтому, несмотря на жанровую задачу разоблачения, то есть перевода из верха в низ, обличения, то есть лишения маски, маскировки пороков, необходимость классифицировать пороки и соотносить с ними сюжетные наказания, баснописец ориентируется на оптимистическую философию жизни.

Преображение и преодоление мыслится автором как результат свободного выбора героя, в котором противостоят два начала: природа (принятие естественного порядка в мире) и страсть (революционное неприятие мира и своих характеристик в нем). В крыловской басне победа над пороком теперь не является собственно риторико-дидактической целью, а достигается в результате согласия с демократическим читателем. Соединение элегического и комического начал в саморазоблачении персонажей и изображении точек зрения как бы уравнивает ценностные позиции всех участников события и устанавливает относительно доверительные отношения между автором, героем и читателем. При этом позиция автора становится также отчасти уязвимой в этой открытости «другому», что существенно обновляет жанровую форму с учетом ее повышенной нормативности и важности поддержания авторитетности повествователя и его права на дискредитацию.

Заключение

Трансформация художественного мышления Крылова-драматурга в опыт Крылова-баснописца в значительной степени определила успех крыловской басни, обеспечила ее расцвет в отечественной словесной культуре первой половины XIX века. По оценке И. З. Сермана, Крылов модернизировал жанр басни, включив в него все элементы, присущие роману и драме. Он считает: «Уравнив басню с драмой и романом, Крылов убил ее как жанр» [19, с. 278].

Такая оценка, на наш взгляд, связана не только с масштабом личности баснописца, его популярностью и совершенством басен, но и с исчерпанностью Крыловым потенциала басенного слова, его внутреннего ресурса для дальнейшей модернизации в соответствии с динамикой литературного процесса. Включением драматургических компонентов в басню Крылов окончательно утвердил многовекторность басенного текста.

Большинство «точек» в самосознании баснописца концентрируются вокруг трех основных тематических узлов: сентенциозность, диалогичность, рефлексивность сущности порока, его культурно-знаковой природы.

Басенное девятикнижие как один из крупнейших национальных проектов осуществлялся Крыловым в рамках смены художественных парадигм, где сентенциозность мышления вышла далеко за пределы текста, определяя «семиотику самого бытия человека, причастного к высокоцивилизованному поведению» [8, с. 87]. Распространение ораторской и афористической культур в России конца XVIII — первой половины XIX века отразилось на качественном и количественном соотношении жанров в литературном процессе. Романное социальное разноязычие только намечалось и потому не разваливало жанровую нормативность басни в ее риторической традиции. Крыловская мораль, очевидно, содержательно и эстетически преодолела негативные тенденции дискредитированной афористики, принимаемой теперь обществом как обязательность. Характер такого высказывания монологичен и содержит претензию субъекта речи на истину. Сентенциозность в баснях наличествует как в диалогах персонажей, через которые может дискредитироваться порок, так и в композиционно выделенной морали, ориентированной на диалог со всеми участниками коммуникативного и референтного событий.

Диалог обнажает порок, раскрывает предпосылки для его появления, обосновывает логику персонажа. Эстетика комического охватывает все пространство логики персонажа для его дискредитации. Ориентация баснописца на оптимистическую философию бытия, в процессе которого и достигается победа над пороком, становится очевидной в широкой применимости диалогов, их потенциала в обнажении внутреннего мира героя, изъятии, разоблачении и высмеивании порока для торжества жизни. Эффективное воздействие на читателя было бы невозможно без укрупнения порока, что срастался бы с персонажем и ограничивал возможность для проецирования, восприятия читателем «самого себя» в тексте. Басенный мир Крылова — это условное иррациональное пространство, диалогически сталкивающее несколько точек зрения. В самом процессе жизнетворчества они появляются, обосновываются и сталкиваются между собой. В конечном итоге мы называем это подлинным свидетельством жизни, ее безграничного потенциала в постоянстве борьбы жизни и смерти, природы и цивилизации, человека и общества, порока и добродетели. Схематичное изображение этого беспорядка в баснях организуется через условные знаки и метафоры, их обработку в устойчивых сюжетных схемах и интерпретацию с учетом национальной специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баевский В. С. Исследование бытия и распада жанровой системы русской поэзии XVIII — начала XIX века / В. С. Баевский // Баевский В. С. Лингвистические,

- математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 185-191.
2. Гаврилов Д. А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре / Д. А. Гаврилов. Москва: Издательство Ганга при участии ИЦ «Слава!», 2009. 288 с.
 3. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. Москва: Наука, 1989. 304 с.
 4. Гордин А. М. Крылов: реальность и легенда / А. М. Гордин, М. А. Гордин // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1982. С. 5-38.
 5. Гордин М. А. Театр Ивана Крылова / М. А. Гордин, Я. А. Гордин. Ленинград: Искусство, 1983. 174 с.
 6. Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / В. Ф. Кеневич. Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2019. 472 с.
 7. Комаров С. А. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века / С. А. Комаров. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. 248 с.
 8. Костин В. М. Культура SENTENTIA в начале XIX века и ее судьба в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина / В. М. Костин. // Проблемы метода и жанра. Выпуск 17. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1991. С. 86-97.
 9. Крылов И. А. Полн. собр. соч. в 3 т. Том 3. Басни. Стихотворения. Письма / И. А. Крылов. Под ред. Д. Д. Благого. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1946. 620 с.
 10. Крылов И. А. Полное собрание сочинений в 3 т. Том 2. Драматургия / И. А. Крылов. Под ред. Н. Л. Бродского. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1946. 763 с.
 11. Лебедева О. Б. Русская высокая поэзия XVIII века: Генезис и поэтика жанра / О. Б. Лебедева. Томск: Издательство Томского университета, 1996. 356 с.
 12. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Ленинград: Наука, 1984. С. 7-71.
 13. Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова / М. Е. Лобанов // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1982. С. 50-90.
 14. Маймин Е. А. Русский вольный ямб и стих «Горя от ума» / Е. А. Маймин // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С. А. Фомичев. Ленинград: Наука, 1977. С. 73-84.
 15. Мокиенко В. М. Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. Москва: Центрполиграф, 2017. 348 с.
 16. Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. Том 7. Москва: Издательство АН СССР, 1958. С. 32-36.
 17. Русская сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Ю. В. Стенник. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 448 с.

18. Сазонова Л. И. От басни барокко к басне классицизма / Л. И. Сазонова // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. / Отв. ред. А. Н. Робинсон. Москва: Наука, 1989. С. 118-148.
19. Серман И. З. Крылов-баснописец / И. З. Серман // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Ленинград: Наука, 1975. С. 221-279.
20. Томашевский Б. В. Стих «Горе от ума» / Б. В. Томашевский // Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1959. С. 132-201.
21. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. Подгот. текста, общ. ред. Н. В. Брагинской. Москва: Лабиринт, 1997. 445 с.
22. Шипов С. О. Образ льва в басенном девятикнижии И. А. Крылова / С. О. Шипов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 48-62.
23. Юродство / сост. М. Ю. Бакулин. Тюмень: Русская неделя, 2014. 448 с.

Sergey O. SHIPOV¹
Sergey A. KOMAROV²

UDC 821.161.1:82-191

I. A. KRYLOV — THE FABULIST IN THE ASPECT OF SELF-CONSCIOUSNESS

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
s.o.shipov@yandex.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru

Abstract

The article deliberately addresses the issue of self-consciousness of I. A. Krylov the fabulist. It identifies the factors that contributed to the concentration of an already mature poet, playwright and prose writer on work in a particular genre, as well as the impulses of his entry into the specifics of the fable and the world genre tradition in the conditions of the formation of an internal request for the status of a national poet and the authority of expressing folk wisdom.

The crystallization of the macro-intention of Krylov's nine books of fables, the identification of the strategy of his book-making is understood as the explication of the dynamics and structuring of the author's self-awareness, his aesthetic and poetological purposefulness and value success in Russian culture on the transition from the traditionalist to the individual creative paradigm of the development of artistic literature. The meaningful component of the fable is seen as a system of requirements for the arrangement of the peacekeeping apparatus of the master of the word and the possibilities of the national speech tradition to respond organically to the common challenge.

Citation: Shipov S. O., Komarov S. A. 2022. "I. A. Krylov — the fabulist in the aspect of self-consciousness". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 162-178.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-162-178

Krylov's subjectivity is seen as a purposeful process of building oneself as a national and competitive global figure into a number of the highest representatives and exponents of the wisdom of mankind. The authors of the article proceed from the fact that the type of self-consciousness of the fabulist pre-establishes the synthesis of nature, society and the individual, striving for a reasonable, orderly and optimistic coexistence, taking into account the genetic experience of universal metaphor and aphorism, genre inclusions of sentimentalism and romanticism. The links in the promotion of Krylov's individual artistic system are also fixed, in particular his comedic practice, as a prerequisite for the transition to the decisive choice of the form of aesthetic expression. The research methodology is focused on combining elements of cultural, historical-genetic, semiotic, typological approaches to the analysis of literary phenomena with a common frame of achievements of Russian historical poetics.

Keywords

I. A. Krylov, fable, self-awareness, nine books, metaphor, aphoristic culture, poetic meter, dynamics of the literary process.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-162-178

REFERENCES

1. Baevsky V. S. 2001. "Study of the existence and decay of the genre system of Russian poetry of the 18th — early 19th century". Baevsky V. S. Linguistic, Mathematical, Semiotic and Computer Models in the History and Theory of Literature. Moscow: Languages of Slavic culture. Pp. 185-191. [In Russian]
2. Gavrilov D. A. 2009. Tryukach. Actor. Player. The Image of a Trickster in Eurasian Folklore. Moscow: Ganga Publishing House with the participation of IC "Glory!". 288 p. [In Russian]
3. Gasparov M. L. 1989. Essay on the History of European Verse. Moscow: Nauka. 304 p. [In Russian]
4. Gordin A. M., Gordin M. A. 1982. "Krylov: reality and legend". I. A. Krylov in the Memoirs of Contemporaries. Moscow: Fiction. Pp. 5-38. [In Russian]
5. Gordin M. A. 1983. Ivan Krylov Theater. Leningrad: Iskustvo. 174 p. [In Russian]
6. Kenevich V. F. 2019. Bibliographic and Historical Notes to Krylov's Fables. Tobolsk: Tyumen Regional Public Charitable Foundation "Revival of Tobolsk". 472 p. [In Russian]
7. Komarov S. A. 2002. A. Chekhov — V. Mayakovsky: A Comedian in Dialogue with Russian Culture of the Late 19th — First Third of the 20th Century. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 248 p. [In Russian]
8. Kostin V. M. 1991. "SENTENTIA culture at the beginning of the 19th century and its fate in 'Eugene Onegin' by A. S. Pushkin". Problems of Method and Genre. Issue 17. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. Pp. 86-97. [In Russian]
9. Krylov I. A. 1946. Full Collection of Compositions in 3 vol. Volume. 3. Fables. Poems. Letters. Edited by D. D. Blagogo. Moscow: State publishing house of fiction. 620 p. [In Russian]
10. Krylov I. A. 1946. Full Collection of Compositions in 3 vol. Volume 2. Dramaturgy. Edited by N. L. Brodsky. Moscow: State publishing house of fiction. 763 p. [In Russian]

11. Lebedeva O. B. 1996. Russian High Poetry of the 18th Century: Genesis and Poetics of the Genre. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 356 p. [In Russian]
12. Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. 1984. "Laughter as a worldview". Laughter in Ancient Russia. Leningrad: Nauka. Pp. 7-71. [In Russian]
13. Lobanov M. E. 1982. "Life and writings of Ivan Andreevich Krylov". I. A. Krylov in the Memoirs of Contemporaries. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Pp. 50-90. [In Russian]
14. Maymin E. A. 1977. "Russian free iambic and verse 'Woe from Wit'". A. S. Griboyedov. Creation. Biography. Traditions. Edited by S. A. Fomichev. Leningrad: Nauka. Pp. 73-84. [In Russian]
15. Mokienko V. M., Sidorenko K. P. 2017. Winged Expressions, Literary Images and Quotes from the Fables of Ivan Andreevich Krylov. Moscow: Tsentrpoligraf. 348 p. [In Russian]
16. Pushkin A. S. 1958. "On classical and romantic poetry". Complete Works in 10 vol. Volume 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. Pp. 32-36. [In Russian]
17. Stennik Yu. V. (ed.). 1986. Russian Satirical Prose of the 18th Century: Collection of Works. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 448 p. [In Russian]
18. Sazonova L. I. 1989. "From the fable of the Baroque to the fable of classicism". Development of the Baroque and the Birth of Classicism in Russia in the 17th — Early 18th Centuries. Edited by A. N. Robinson. Moscow: Nauka. Pp. 118-148. [In Russian]
19. Serman I. Z. 1975. "Krylov — the fabulist". Ivan Andreevich Krylov. Problems of Creativity. Leningrad: Nauka. Pp. 221-279. [In Russian]
20. Tomashevsky B. V. 1959. "Poem 'Woe from Wit'". Tomashevsky B. V. Verse and Language. Philological Essays. Moscow; Leningrad: GIHL. Pp. 132-201. [In Russian]
21. Freidenberg O. M. 1997. Poetics of Plot and Genre. Edited by N. V. Braginskaya. Moscow: Labyrinth. 445 p. [In Russian]
22. Shipov S. O., Komarov S. A. 2020. "The image of a lion in the nine books of fables by I. A. Krylova". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 4 (24), pp. 48-62. [In Russian]
23. Bakulin M. Yu. (ed.). 2014. Foolishness. Tyumen: Russian Week. 448 p. [In Russian]

ИСТОРИЯ

Александр Георгиевич ЕМАНОВ¹

УДК 94(4)

МЕНЯЛЬНЫЕ ЛАВКИ КАФЫ XIII-XIV ВЕКА

¹ доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
a.g.emanov@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2352-4363

Аннотация

На основе широкого круга источников — публично-правовых документов, нотариальных актов, публичных финансовых регистров, частных финансовых записей, торговых книг, нумизматических и археологических коллекций — рассмотрено возникновение меняльных лавок в мультязычной деловой среде Кафы XIII-XIV вв., реконструирована деятельность греческих трапез и трапезитов, специализировавшихся на размене и обмене монет с грекоязычными легендами, левантийских сарраф янсеке и саррафов, ведавших обменом восточных денег, и итальянских кампс и кампсоров, в ведении которых находились монеты латинского Запада. Уже с конца XIII в. меняльные лавки занимались не только обменом денег, но и кредитованием торговых дел, превращаясь в ранние банки. Одним из первых банкиров Кафы стал Манфред, чье имя не итальянского, но германского происхождения, означавшее «человек мира», что отражало космополитичный характер города.

Ключевые слова

Крым, Кафа, XIII-XIV вв., трапеза, трапезиты, сарраф янсеке, саррафы, кампса, кампсоры, камбиторы, иперпиры, аспры, фоллисы, милиарисии, дирхемы, фельсы, данги, динары, барикаты, акче, цехины, дукаты, флорины, геновины, денарии.

Цитирование: Еманов А. Г. Меняльные лавки Кафы XIII-XIV века / А. Г. Еманов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 179-205.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-179-205

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-179-205

Введение

Зарождение практики обмена одного типа монет на другой по обменному курсу базируется на таком исключительном открытии позднесредневекового мира, как вексель, то есть ценной бумаги, выдававшейся менялой в обмен на определенную сумму денег того города или государства, где он находился; эта ценная бумага обладала юридической силой и должна была приниматься менялой другого города или государства в обмен на эквивалентную сумму денег другой страны. Вексель впервые избавил купцов от необходимости транспортировать с собой огромные суммы наличных металлических денег, и его изобретение, по праву, признается «торговой революцией» XIII в., одной из немногих, которая свершилась бескровно и обеспечила многократное возрастание пространственной и социальной мобильности людей, предопределив ускоренную динамику социума, особенно западного. В выявлении и исследовании механизмов, запускавших процессы социальной динамики, и состоит актуальность представленной статьи.

Действительно, практики обмена на пересечении западной и восточных цивилизаций, где находилась позднесредневековая Кафа (современная Феодосия), несправедливо остаются в тени исследовательских поисков. К тому же, в изучении истории Кафы XIII-XV вв. до сих пор продолжает доминировать колониальный дискурс, когда этот космополитичный по природе центр воспринимается колонией Генуи [47], хотя термин “*colonia*” не засвидетельствован ни одним источником конца XIII-XV вв. Соответственно и появление меняльных лавок и на их основе банков в Кафе представляется естественным результатом транзита передового финансового праксиса метрополии [38, с. 103-104; 49, с. 48-49; 52, с. 292-302; 57, с. 8-13; 67, с. 200-201].

Рассмотреть зарождение ранних институций денежного обмена в Кафе, где, действительно, взаимодействовали греческая, арабская, еврейская и латинская традиции делового общения, и составляет цель данной статьи. В круг ближайших задач входит определение монетного репертуара меняльных лавок Кафы XIII-XIV вв., выявление инструментария кафских менял, установление генетических связей меняльных контор с первыми банками города.

Методы

В качестве основного метода исследования привлекается философия денег Георга Зиммеля (1858-1918) [68], профессора Страсбургского университета. Согласно его подходу, деньги выступали и выступают мощным фактором рационализации, предопределившим становление новой культуры “*homo calculatus*”, «человека считающего». Причем если золотые и серебряные монеты выражали важнейшие жизненные ценности человека, обуславливали исключительные приобретения, радикально менявшие жизнь, всегда символически соотносились с особо ценными значимыми благами, то появление мелкой медной монеты совершенно изменяло смысл накоплений и всего обмена. Определенное коли-

чество медных монет менялось на серебряные и золотые номиналы. Сами медные монеты опосредовали повседневный обмен в городе, их ценовая эквивалентность делала доступными самые массовые жизненные блага — продукты питания, одежду, предметы домашнего обихода, многочисленные и разнообразные услуги, которые мог предложить город.

Результаты исследования и их обсуждение

Местным жителям Кафы золотые монеты были известны задолго до того, как генуэзцы появились в Крыму, и сама Генуя приступила к эмиссии собственного золотого геновина в 1252 г.

В ходе археологических раскопок в районе Феодосийского порта и Карантинной горки неоднократно выявлялись находки солидов Юстиниана I (527-565) (рис. 1), Маврикия и Тиберия (582-602) (рис. 2), номисм гистаменонов Иоанна I Цимисхия (969-976) (рис. 3) и иперпиров Алексея I Комнина (1081-1118) [1, л. 1-13; 5, № 222, 269].

Рис. 1. Солид Юстиниана I (527-565)

Fig. 1. Justinian I (527-565) Solidus

Рис. 2. Солид Маврикия и Тиберия (582-602)

Fig. 2. Maurice and Tiberius (582-602) Solidus

Рис. 3. Номисма гистаменон Иоанна Цимисхия (969-976)

Fig. 3. John I Tzimisces (969-976)
Histamenon Nomisma

И сегодня в Феодосии встречаются единичные находки тремиссиса Никифора и Артавазда (742-743) (рис. 4) и тетартерона Феодоры (1055-1056) (рис. 5) [31, N 6, 7]. Несмотря на крайнюю ограниченность эмиссий и кратковременность обращения эти номиналы доходили до Кафы.

Рис. 4. Тремиссис Никифора и Артавазда (742-743)

Fig. 4. Nicephorus and Artavasdus
(742-743) Tremissis

Там были известны серебряные милиарисии, медные и бронзовые фоллисы [1, л. 1-13; 39, N 23176600; 23176664; 23176825; 23177435; 23177702; 23177847; 23178100; 23179203; 23314804], на которые разменивалось византийское золото.

Стало быть, должны были существовать меняльные лавки. Греки, составлявшие большинство населения Кафы, называли их «трапеза» (τραπέζα), а ее держателей, менял, — «трапезитами» (τραπεζίτης) [63, с. 981].

Рис. 5. Тетартерон Феодоры (1055-1056)

Fig. 5. Theodora (1055-1056) Tetarteron Nomisma

Кипчаки и татары, а также караимы и евреи, общавшиеся в повседневной городской жизни на тюркском языке, называли это заведение «сарраф янсеке» (sarraf yanseke), а его владельцев — «сарраф» (sarraf) [34, fol. 41r].

Появившиеся позже генуэзцы обозначали это явление «кампса» (campsa), то есть денежный ящик, а его обладателя — «кампсор» (campsor), или еще «камбитор» (cambitor) [35, vol. 2, col. 67b], то есть тот, кто занимался обменом денег.

Трапезиты, по праву, здесь названы первыми. С конца XII в. в денежном обращении Кафы появились византийские монеты почти всех типов: золотые иперпиры (ὑπέρπυρον) (рис. 6), узнаваемые по изображениям восседавшего на троне Христа и стоявшего императора, электровые трахи (τραχύ), биллоновые гистамефоны (ἱστάμενον), серебряные милиарисии (μλιαρήσιον), медные или бронзовые фоллисы (φολλῖς) и нуммии (νομμία) [1, л. 1-13; 5, с. 224; 10, с. 70-71; 13, с. 180; 15, л. 2-9; 42, с. 11-12, 15-16, 21-22].

Рис. 6. Иперпир Алексея I Комнина (1081-1118)

Fig. 6. Alexius I Comnenus (1081-1118) Hyperpyron

Даже когда через столетие в Кафе обосновались геновцы, византийский золотой иперпир (*hyperpír*) оставался самой активной монетой, использовавшейся в каждой пятой сделке [21, N 1, 6, 14, 21-24 etc.].

С начала XIII в. к византийскому монетному золоту, серебру, электру (сплаву золота с серебром), биллону (сплаву серебра и меди), меди и бронзе (сплаву меди и олова) на кафском рынке добавились трапезундские деньги — серебряные аспры, определяемые по изображению Св. Евгения, святого патрона Трапезунда (рис. 7), и медные фоллисы [31, N 6].

Рис. 7. Аспр Мануила I Великого Комнина (1238-1263)

Fig. 7. Manuel I Megas Comnenus (1238-1263) Asper

Трапезундское серебро достаточно часто упоминалось в нотариальных актах Кафы 1289-1290 гг. как «комниновские аспры» (*asperí cominianati*) [21, N 2, 5, 13, 38 etc.; 27].

С конца XIII в. денежное обращение города обогатилось новыми номиналами Византийской империи — серебряными василиконами, угадываемыми по стоявшим фигурам василевсов-соправителей, ставратонами, турнозами, биллоновыми политиконами и медными ассариями [21, N 270, 596; 42, с. 16, 22].

Почти двадцать номиналов из более чем двух десятков монетных дворов Византийской и Трапезундской империй давали четыреста типов монет. Во всем этом многообразии лучше всех ориентировались именно трапезиты. Они обладали навыками быстрой и правильной идентификации монет, чтения греческих легенд, определения ромейских монетных дворов. Будучи по происхождению ювелирами, они знали, как классифицировать драгоценные и цветные металлы, использовавшиеся в монетном деле, их сплавы, как определять пробу золота и серебра. Для этих целей трапезиты располагали специальным пробирным камнем из черной яшмы и набором металлических стержней с припаями эталона золота разных, самых распространенных проб, а также аналогичным набором стержней с припаями эталона серебра основных проб. На пробирном камне

оставлялся штрих ребром проверяемой монеты. Затем рядом проводилась черта эталонным стержнем. Если цветовая насыщенность совпадала, то монете присваивалась проба эталона. После испытания камень очищался, смазывался ореховым маслом и был готов для новых экспертиз.

Таблица 1

Византийские и трапезундские монеты на рынке Кафы XIII-XIV вв.

Table 1

Byzantine and Trebizond coins on the market of Kafa 13th-14th centuries

№	Номинал	Металл	Вес (г)	Диаметр (мм)	Период обращения
1	2	3	4	5	6
Золото					
1	Иперпир / иперпирон / перпер / византин / безант / νόμισμα ὑπέρπυρον / νόμισμα ὑπέρπυρον / besantius / byzantius	Au	4,45 / 2,95	27 / 22	1092-1353
2	Семис / семиссис / σεμισ / semis	Au	2,22 / 1,47	13,5 / 11	1092-1353
3	Тремис / тремиссис / τρεμισ / tremis	Au	1,48 / 0,98	9 / 7	1092-1353
Серебро					
4	Трахи / аспрон трахи / νόμισμα ἄσπρον τραχὺ / trahi	Ar	4,17 / 1,69	27 / 21	1200-1282
5	Василикон / νόμισμα βασιλικόν / basilicon	Ar	2,10 / 0,8	20 / 10	1302-1353
6	Турноз / торнез / турнесий / τουρνησιον / tornese / tournois	Ar	0,8 / 0,5	17 / 16	1282-1350
7	Ставратон / σταυράτον / stavraton / stauraton	Ar	8,5 / 6	25	1367-1453
8	Полу-ставратон / μισός σταυράτον	Ar	4,25 / 3	12,5	1367-1453
9	1/8 ставратона / δουκατόπουλον / ducatello / aspron	Ar	1,06 / 0,75	3,12	1367-1453
10	Аспр / ἄσπρον / asper cominianatus	Ar	2,93 / 1,84	23 / 21	1238-1446
Биллон					
11	Трахи / аспрон трахи / νόμισμα ἄσπρον τραχὺ / trahi	Bl	4,27 / 2,62	32 / 25	1208-1254
12	Политикон / πολιτικον / politikon	Bl	1,4 / 0,6	17 / 8	1328-1391

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

1	2	3	4	5	9
Медь					
13	Гистаменон / стаменон / стамена / νόμισμα ιστάμενον / στάμενον / νόμισμα histámenon	Ae	3,84 / 1,49		1341-1391
14	Трахи / аспрон трахи / νόμισμα ἄσπρον τραχύ / trahi	Ae	3,57 / 1,53	33 / 14	1208-1328
15	Тетартерон / νόμισμα τεταρτηρόν / tetarteron	Ae	2,28	20 / 16	1222-1320
16	Ассарион / ἄσσάριον / assarius / assarion	Ae	4 / 2,21	29 / 15	1282-1328
17	Турноз / торнез / турнесий / τουρνησιον / tornese / tournois	Ae	2,38 / 0,78		1341-1391
18	Фоллис / φολλις / follis / follaro	Ae	0,5		1393-1448
Бронза					
19	Трахи / аспрон трахи / νόμισμα ἄσπρον τραχύ / trahi	Aef	1,9		1282-1328

Таблица составлена на основе обобщения сведений о находках византийских и трапезундских монет в Феодосии и ЭБД Византийской нумизматики [1, л. 1-13; 5, № 224, 269; 10, с. 70-71; 13, с. 180; 15, л. 2-9; 31б № 6, 7; 39, № 1; 54, № 1].

The table was compiled on the basis of a generalization of information about the finds of Byzantine and Trebizond coins in Feodosia and the EDB of Byzantine numismatics [1, l. 1-13; 5, no. 224, 269; 10, pp. 70-71; 13, p. 180; 15, l. 2-9; 31b no. 6, 7; 39, no. 1; 54, no. 1].

Трапезиты знали, как точно исчислять вес монет. Для этой цели они применяли особые весы для взвешивания драгоценностей, набор стеклянных экзагиев, гирек, разновесов, пользовались стандартной византийской весовой шкалой: 1 литра = 12 унций = 72 солида = 288 скрипул = 1728 кератиев (каратов) [64, с. 165-168]. Если константинопольскую литру XIII-XIV вв. принять за 319 г., то 1 унция = 26,58 г, 1 солид = 4,4 г, 1 скрипула = 1,10 г, а наименьшая единица измерения веса драгоценных металлов, 1 кератия (карата) = 0,18 г.

Золотой иперпир как раз весил 1 солид, разменивался в середине XIV в. на 2 серебряных ставратона, 96 биллоновых политиконов, 192 медных турноза, 576 фоллисов [42, с. 44]. В иперпирах уплачивался в Кафе коммеркий, взыскивались штрафы за нарушения запретов на торговлю в Солдае и округе, в Солхате [62, col. 370, 380-381] и т. п.

Для быстрых расчетов до тысячной доли, суммирования, умножения, деления, вычитания трапезиты умели пользоваться еще одним важным инструмен-

том — абакой, специальной счетной доской. Она была разграфлена на 9 групп. В каждой группе выделялись по 3 столбца: первый столбец предназначался для фиксации сотен, второй столбец — для десятков, третий столбец — для единиц. Числа проставлялись с помощью псифосов, счетных жетонов [61, N 14772].

Но это не все, чем располагал трапезит. В его меняльной лавке хранилось какое-то количество монет разных стран, которые использовались как для размена крупных монет на мелкие фракции, так и для обмена номиналов одной страны на эквивалентное количество монет другого государства. И вот здесь-то трапезит и вообще меняла любой другой языковой принадлежности оказывался лицом, устанавливавшим обменный курс в зависимости от покупательной способности золотой или серебряной монеты на кафском рынке. И коль скоро покупательная способность колебалась, чаще всего имела тенденцию к спаду, то и обменный курс колебался. Но курс зависел еще от множества других факторов — стихийных катаклизмов, пандемий, каковой стала «Черная смерть» середины XIV в. [53], политических конфликтов и войн, дефицита или избытка денежной массы разных номиналов, перепадов социальной психологии, страхов. Меняла оказывался особой фигурой, которая словно устанавливала стрелку барометра социальных ожиданий.

Скорее всего, трапезиту принадлежала грекоязычная книга счетов конца XIV в. из Кафы, фрагмент которой был выявлен профессором Кёльнского университета Петером Шрайнером на палимпсесте из Ватиканской библиотеки [65, с. 290-291]. Книга отразила использование соммо, счетно-денежной единицы Кафы (*sommo peso di Caffa*) [37, с. 223], тесные деловые отношения с медником (*χαλκεύς*) и золотых дел мастером (*χρυσόλοος*) [65, с. 290-291].

Рядом с трапезитами действовали саррафы. И это — понятно. С середины XIII в. на кафском денежном рынке появились самые разнообразные восточные номиналы. В первую очередь, это были серебряные дирхемы Сельджукидов Румского султаната с легендами в арабской графике и персидской лексике, отождествляемые по изображению льва на фоне поднимавшегося солнца (рис. 8), а также бронзовые фельсы сельджукских султанов и эмиров, идентифицируемые по изображению всадника [46; 61, N 1687].

Дирхемы с именами султанов в нотариальных актах Кафы 1289-1290 гг. назывались «султанскими аспрами» (*asperi soldanini*), которые академик Румынской академии наук Георгэ Брэтиану склонен был связывать с никогда не существовавшими «солдайскими аспрами» [30, N2, 4, 13]. Дирхемы сельджукских эмиров Синопа в латиноязычных документах Кафы также обозначались «аспрами» [21, N 213, 257, 278, 339, 416, 480, 501, 516, 541, 619, 624].

Затем это были серебряные данги ханов Золотой Орды, распознаваемые по родовой стремявидной тамге Джучидов [12, с. 36-37; 15, л. 100-102об.; 55, № 198], ярмаки крымских наместников (рис. 9) [6, с. 12-34; 55, N 198], ярмаки монгольских каанов, динары и дирхемы различных монгольских династов с легендами в арабской, кипчакской и уйгурской графике [8, 9]. Весьма значительный массив составляли медные пулы ближайшего к Кафе соседа — Солха-

та, определяемые по лепестковым, пятиугольным и иным геометризованным фигурам [6, с. 20-21; 55, N 198].

Рис. 8. Дирхем Гийяса ад-Дин Кей-Хосрова II (633-643 / 1236-1246)

Fig. 8. Ghiyāth ad-Dīn Kaykhusraw II (633-643 / 1236-1246) Dirham

Рис. 9. Ярмек Тука-Тимура (654-674 / 1257-1276)

Fig. 9. Tuka-Timur (654-674 / 1257-1276) Yarmak

В латиноязычных нотариальных актах Кафы данги обозначались как «аспры-барикаты» (asperi barichati) [21]. Последняя номинация вызвала разные интерпретации историков. Один из основателей Лигурийского общества отечественной истории Корнелио Дезимони, академик и профессор Бухарестского университета Георгэ Брэтиану, а вслед за ними профессор Сорбонны Мишель Баляр объясняли слово «барикат» как определение, производное от имени Берке хана, который первым начал чеканить монету [22, с. 118; 29; 33, с. 1-25]. Правда имя этого хана никогда не обозначалось на дангах, и саррафы не могли его считывать

с монетных легенд, дабы в социальной памяти могла отложиться подобная связь. Ведущий научный сотрудник лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века Московского университета Андрей Пономарев нашел иное, более убедительное объяснение латинизированной форме “barichatus” из монгольского слова “bariku”, как обозначались выдачи из ханской казны и поступления в нее [11, с. 74-80].

Барикаты были паритетны византийским милиарисиям. 12 барикатов равнялись 1 алтуну, то есть не монгольской золотой монете, она не доходила до Кафы, а византийскому иперпиру. 1 барикат разменивался на 16 пулов. В середине XIII в. барикат весил 2,1 г, как и ярмак. За столетие его вес снизился до 1 г [11, с. 74-80].

Что касается термина «аспр», то он — греческого происхождения и имел значения — «белый, чистый», но одновременно и «шероховатый» (ἄστρον) (35, vol. 1, col. 143-144), рельефный, покрытый изображениями и надписями, указывая на цвет серебра, из которого чеканились эти небольшие монеты, и на высеченные символы и легенды. Пользовавшиеся латинским языком в официальном документообороте генуэзцы могли называть такую монету «альбус», персоязычные турки-сельджуки — «абаз», турки-османы — «акче», кипчаки и татары — «ярмак», от тюркского “ijar”, чистое серебро, проба [7, с. 205].

Татарское серебро дополняли золотые динары Жулагуидов, угадываемые по хилалу, горизонтальному полумесяцу с точкой в середине, символу ильханов (рис. 10), серебряные дирхемы и медные фельсы [14, с. 93-138; 20; 21, N 213, 257, 278, 339, 416, 480, 501, 516, 541, 619, 624]. Они чеканились почти в двухстах монетных дворах, и монеты одного номинала весьма сильно различались по пробе драгоценного металла и весу.

Дирхемы после денежной реформы Газан-хана (1271-1304), стали называться «танга», поскольку они взвешивались в одноименных весовых единицах, равных 0,6 г [14, с. 101, 120]. В торговых книгах итальянцев такие дирхемы фигурировали как «аспры-данка» (asperi d'anca) [28, с. 156].

Все монеты ильханов содержали легенды на арабском, персидском, уйгурском языках. Они взвешивались саррафом с помощью набора стеклянных гирек, с использованием различных весовых шкал для взвешивания золота и серебра: 1 золотой мискаль = 20 кират = 60 хабб; 1 серебряный весовой дирхем = 12 кират = 48 хабб. 1 золотая хабба соответствовала 0,07 г, а 1 серебряная хабба — 0,06 г [44, с. 10; 59, с. 2261].

Монетное богатство Кафы было непредставимо без номиналов Мамлюкского султаната. То были золотые динары, серебряные дирхемы и медные фельсы, явно выделявшиеся цветочными и витыми орнаментами, арабесками и геральдическими фигурами — львами (рис. 11), орлами, даже двуглавыми, дельфинами, лилиями и др. [25, с. 41-73]. В итальянских нотариальных актах Кафы дирхемы Мамлюков, чеканенные в Александрии, назывались «александрийскими аспрами» (asperi de Alexandria) [21, N 37].

Рис. 10. Динар Гийяса ад-Дунйа ва-д-Дин Мухаммед Худабанда Олджейту (703-715 / 1304-1316)

Fig. 10. Ghiyath ad-Dunya va-d-Din Muhammad Khodabandeh Uljaytu (703-715 / 1304-1316) Dinar

Рис. 11. Динар Каирского халифа Абу аль-Касима Ахмада аль-Мустансира II Биллаха (659 / 1261) и Мамлюкского султана Аль-Малика аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарса I аль-Бундукдари (658-676 / 1260-1277)

Fig. 11. Abu al-Qasim Ahmad Caliph of Cairo (659 / 1261) and Al-Malik al-Zahir Rukn al-Din Baybars I al-Bunduqdari (658-676 / 1260-1277) Dinar

При взвешивании египетских монет сарраф вынужден был пользоваться другой весовой шкалой: 1 мискаль = 16 дирхемов = 24 кирата. Динар весил 4,25 г золота, а дирхем — 2,97 г серебра [59, с. 2261].

С первой трети XIV в. на кафском денежном рынке появились серебряные акче и медные мангиры османских султанов [15, л. 100-102об.], узнаваемые по картушам различной формы. В латиноязычных частноправовых актах Кафы они обозначались «османскими аспрами» (*asperî ottomani*) [19, с. 820].

Акче были чуть ли не вдвое меньше татарских данг, весили всего 1,15 — 1,18 г [56, с. 16, 32], зато, в отличие от прочих серебряных номиналов, почти не меняли вес на протяжении полторы сотни лет. В силу этих особенностей турецкие акче отличались большей демократичностью, ими пользовались не только горожане, но и селяне.

К чекану золотой монеты — «османи», или «султани» — турецкие султаны перешли только после завоевания Константинополя и даже после захвата Кафы [56].

Однако в кафских документах первой половины XV в. назывались еще «турецкие дукаты» [70, с. 620, 623-624]. На самом деле, это были мамлюкские золотые «ашрафи», выпускаемые с 1425 г. по тому же стандарту, что и венецианские дукаты [56, с. 59-61]. В сознании генуэзских чиновников они воспринимались как «турецкие дукаты». Ими уплачивался налог с публичных домов Кафы [70, с. 620, 623-624].

Таблица 2

Восточные монеты на рынке Кафы XIII-XIV вв.

Table 2

Oriental coins on the Kafa market 13th-14th centuries

№	Номинал	Металл	Вес (г)	Диаметр (мм)	Период обращения
1	2	3	4	5	6
Золото					
1	Динар Хулагуидов / динар Ильханов / دينار / δηάριον / denarius gazanus	Au	10,14 / 4,62	24	1296-1335
2	Динар Мамлюков / халифати / магриби / мисри / دينار / δηάριον / denarius de Cairo	Au	7 / 3,2	25	1250-1382
Серебро					
3	Дирхем Сельджукидов / дирхам / диргем / танга / درهم / δραχμή / άσπρος / asper soldaninus	Ag	3 / 2,9	24	XIII в.
4	Дирхем Хулагуидов / дирхам / диргем / танга / درهم / δραχμή / άσπρος / asper gazanus / asper d'ancha	Ag	3 / 1,15	26 / 13	1296-1335
5	Данга Джучидов / данг / ярмак / йармак / дирхем / дирхам / диргем / درهم / δραχμή / άσπρος / asper barichatus / danga	Ag	2,1 / 0,97	17 / 16	1260-1400
6	Дирхем Мамлюков / дирхам / диргем / درهم / δραχμή / άσπρος / asper de Cairo / asper de Alexandria	Ag	3,5 / 1,73	22 / 19	1257-1377

Окончание таблицы 2

Table 2 (end)

1	2	3	4	5	6
7	Акче Османидов / акча / آچقا / άσπρος / akçe / asper ottomanus	Ag	2,2 / 0,9	15 / 12	1327-1400
Медь					
8	Фельс Сельджукидов / пул / فېلف / φολλις / follis / follaro	Ae	3,33 / 2,49		XIII в.
9	Фельс Хулагуидов / пул / فېلف / φολλις / follis / follaro	Ae	7,92 / 1,25	26 / 19	1296-1388
10	Фельс Джучидов / пул / فېلف / φολλις / follis / follaro	Ae	1,7 / 1,15	22 / 14	1260-е — 1400
11	Фельс Мамлюков / пул / فېلف / φολλις / follis / follaro	Ae	4,5 / 0,95	23 / 15	1257-1377
12	Фюльс Османидов / пул / мангир / فېلف / φολλις / follis / follaro / mangir	Ae	2,8 / 0,88	15 / 11,5	1327-1400

Таблица составлена на основе обобщения сведений о находках восточных монет в Феодосии и ЭБД Восточной нумизматики [6, с. 12-34; 12; 14, с. 93-138; 15, л. 100-102а; 20; 25; 46; 55; 56; 61].

The table is compiled on the basis of a generalization of information about the finds of oriental coins in Feodosia and the EDB of Eastern numismatics [6, pp. 12-34; 12; 14, pp. 93-138; 15, l. 100-102a; 20; 25; 46; 55; 56; 61].

Рядом с трапезитами и саррафами в Кафе работали кампсоры, знавшие особенности монетного дела латинского Запада. С конца XIII в. на кафском рынке появились недавно введенные в денежное обращение золотые флорины Республики Флоренции [18, N 22; 23, N 74; 26, N 1, 2), опознаваемые по геральдической лилии и образу Св. Иоанна Крестителя (рис. 12). Они стали своего рода эталоном не только для других государств Италии, но и для Ближнего Востока. Вес флорина составил 3,5 г золота высокой 986 пробы. Были даже золотые римские флорины [17, л. 8].

Особенно широкое распространение получили золотые цехины, или дукаты, Венеции [17, л. 1-8, 12-14], определяемые по стоящей фигуре Св. Марка, святого покровителя Венецианской республики, с гонфалоном и коленопреклоненным дожем перед ним (рис. 13).

Разумеется, были известны и золотые геновины Генуи [16, с. 25, 28; 21, N 162, 342, 886], отличающиеся по изображению врат — “Janua” — говорящего символа Генуэзской республики (рис. 14).

Помимо золота в Кафе циркулировали серебряные денарии генуэзского чекана [21, N 67, 82, 83, 115 etc.].

Рис. 12. Флорин Республики
Флоренции (1303)

Fig. 12. The Florin of Florence Republic
(1303)

Рис. 13. Дукал дожа Венеции
Франческо Дандоло (1329-1339)

Fig. 13. Ducat of Venice Doge Francesco
Dandolo (1329-1339)

Илл. 14. Геновин дожа Генуи Симоне
Бокканегра (1339-1344)

Fig. 14. Genovino of Genoa's Doge
Simone Boccanegra (1339-1344)

Для взвешивания монетной массы с латинскими легендами кампсор пользовался комплектом специальных гирек и особой весовой шкалой: 1 либбра = 12 унций = 72 саджо, где либбра соответствовала 318 г, унция составляла 26,5 г, а саджо — 4,41 г [37, с. 215; 41].

Особый колорит денежному обращению в Кафе придавали монеты государств крестоносцев. В частности, там были известны безанты Триполитанского графства [21, N 270; 50] и Кипрского королевства [21, N 269; 50]. Они следовали образцу византийского иперпира, имели латинские, иногда арабские легенды.

Уже кампсоры сталкивались в своей повседневной деятельности с двуязычными монетами, арабская сторона которых им была непонятна. В условиях бурного развития обмена кафским менялам независимо от их языковой компетенции приходилось иметь дело с монетами самого различного происхождения. В этом им оказывали языковую поддержку сансеры [21, N 244, 473, 679, 723], посредники, владевшие несколькими западными и восточными языками.

Менялы нередко работали не в помещениях, а прямо на центральной площади, где находились дворец консула, позднее дворец коммуны и другие публичные учреждения. Для этого менялы устанавливали стол, или скамью, клали на нее абака, расставляли счетные жетоны, устанавливали весы, размещали ящички с весовыми гирьками, шкатулку с пробирным камнем и пробирными стержнями. Вот эта скамья и получила название у итальянцев “banca” [35, vol. 1, col. 543c; 38].

Меняльные лавки, действительно, послужили предпосылкой к возникновению банков. Но чтобы они в таковые превратились, нужно было появление ряда новых функций. Вслед за экспертной оценкой, обменом монеты одного сюзерена на монету другого правителя по определенному курсу появилась функция депозитария. Первые банкиры стали принимать от клиентов денежные вклады на хранение на определенный срок под обещание процента, выдавая соответствующие денежные обязательства. Поскольку церковью, как христианской, так и мусульманской, и иудейской, всякий процент осуждался, то в обязательствах банка никогда не указывалась полученная сумма, а обозначалась только подлежащая возвращению ставка, которая уже включала в себя процент.

По мере увеличения денежных ресурсов банкиры получили возможность выдавать ссуды, кредиты, тоже на определенный срок и под проценты. Ссуда в латиноязычной среде Кафы обозначалась термином «узура» (*usura*) [35, vol. 8, col. 389c; 40, с. 67], производным от слова «узус», то есть польза, выгода. Соответственно, этот термин обозначал не только ссуду как таковую, заем, кредит, но и проценты, доход кредитора. Среди греческого населения города ссуда называлась «данейон» (*δάνειον*) [63, с. 341]. В кафской умме, где сакральным языком признавался арабский, ссуда именовалась «кард» (*qard*) [66, с. 546].

Проценты, причитавшиеся с ссуд, назывались генуэзцами по-латински «фенус» (*fenus*) [40, с. 69], то есть прибыль, барыш, прирост. Греки пользовались для их обозначения термином «коллибос» (*κόλλυβος*) [63, с. 783], изломанная пополам монета. Мусульмане обозначали это явление «риба» (*riba*) [66, с. 192].

Проценты считались в религиозном сознании средневековья проявлением ростовщичества и резко осуждались как смертный грех всеми конфессиями. Осуждение «роста» денег основывалось на авторитете «Священного Писания». В «Законах» Моисея прямо запрещалось получать доходы с займа, предоставленного соотечественникам и единоверцам (*cui debetur aliquid ab amico vel proximo ac fratre suo repetere non poterit quia annus remissionis est Domini*) [36, col. 434]. И ниже делалось только одно исключение: «Взимай с иностранца и чужого, но с согражданина и ближнего не имеешь власти получать» (*a peregrine et advena exiges civem et propinquum repetendi non habes potestatem*) [36, col. 434]. Отцы церкви считали ростовщиком всякого, кто брал больше, чем давал [40, с. 97-105]. По мнению схоластов, ростовщичество противно естеству, поскольку оно претендовало на извлечение денег с помощью самих же денег, тогда как сами по себе они — бесплодны [40, с. 97-105].

Только Св. Фома Аквинский в середине XIII в. дал обоснование законности и дозволенности процентов [51, с. 91-95]: они необходимы для покрытия многочисленных издержек банка, оплаты труда банкиров, для возмещения возможного ущерба, для защиты от рисков убытков, банкротства, наконец, для создания резерва, необходимого для кредитования последующих предпринимательских инициатив. Единственное, чему должен был следовать благочестивый кредитор — установлению умеренного, среднего процента.

Как бы там ни было, именно в предоставлении займов зарождалась кредитная функция банков. Самая простая форма ссуды — “*mutuum*” [35, vol. 5, col. 562]. Согласно толкованию одного из канонистов, это слово образовано от местоимений «мой» (*meum*) и «твой» (*tuum*), когда «мое» становилось «твоим» [60]. Суть простой ссуды в следующем: кредитор выдавал сумму денег на определенный срок дебитору, который обязывался возратить ее в том же месте и в той же монете с процентами. Стандартный процент простой ссуды составлял 12% годовых [38, с. 82-83]. Составлялся соответствующий контракт в двух экземплярах, один экземпляр оставался у кредитора, другой выдавался на руки дебитору. Дабы избежать церковных санкций, в этом контракте также не указывалась выданная сумма, а только та, которую должник обещал возратить.

Вслед за простой формой появилась «морская ссуда» (*mutuum maritimum*). В данном случае дебитором выступал купец, который получал ссуду с целью ее использования в морской торговле. Он обязывался возратить долг после завершения плавания в том же месте и в той же монете с процентами. Поскольку морская ссуда была сопряжена с гораздо большими рисками, процент существенно увеличивался, достигая 36% годовых [38, с. 83-84]. В случае не зависших от дебитора обстоятельств непреодолимой силы — стихийных бедствий, шторма, военных действий, нападений мусульманских или иных пиратов, приведших к гибели, или потере корабля, ссуда считалась погашенной, и дебитор освобождался от долга. Контракт о предоставлении морской ссуды (*foenus nauticum*) также не указывал величины выданной суммы, а обозначал только итоговую ставку вместе с процентами. В договоре этого типа появлялась са-

кральная фраза: должник возвратит означенную сумму, если на то будет «милость и благоволение Божии» (*gratis et amore*) [38, с. 84]. Несмотря на подобные благочестивые клаузулы, морские ссуды вызвали негодование католической церкви и осуждение на поместных соборах и в буллах римских понтификов.

Высокие риски морских займов повлекли за собой включение в условия контракта особых пунктов об имущественных гарантиях со стороны дебитора, о передаче должником банкам в ипотеку корабля, или доли груза.

По мере роста активов банки открывали свои отделения, филиалы, в других местах, формировали определенную финансовую сеть. Это стало основой для перехода к более сложным формам кредита с изменением мест платежа и лиц, их осуществлявших. Так возник камбий по письменному распоряжению (*cambium per litteris*) [35, vol. 2, col. 41a; 38, с. 85-86]. Кредитор предоставлял определенную сумму денег заёмщику, который обязывался вернуть долг с процентами через своего агента в другом месте, где кредитор имел свое представительство, в местной монете по обменному курсу.

Вслед за этим сложился морской камбий (*cambium maritimum*) [38, с. 86-87]. По нему кредитор выделял ссуду в местной монете заёмщику, каковым выступал судовладелец, или собственник груза на корабле, а дебитор обязывался возвратить долг с процентами в порту назначения, где кредитор располагал своим представительством, в локальной валюте. Морской камбий также обеспечивался со стороны заёмщика предоставлением в залог своего корабля, или груза. Ну и также в случае гибели судна по не зависевшим от заемщика причинам долг кассировался. По морскому камбию проценты могли достигать 50% годовых.

В самом начале такие кредиты оформлялись как контракт между двумя сторонами с указанием третьих лиц, представителей, факторов, агентов, действовавших в местах погашения долговых обязательств. Но вскоре они стали оформляться как вексель, как долговая бумага, фиксировавшая либо отсрочку платежа, либо его безусловное исполнение в установленный срок.

Вексель в латиноязычной среде Кафы назывался «тракта» (*tracta*), письменное распоряжение о возвращении долга [24, с. 181-192; 35, vol. 8, col. 141c]. У греков он обозначался «коллибистика симбола» (*κολλιβιστικα συμβολα*) [63, с. 784], письмо о необходимости погашения долговых обязательств. У мусульман вексель именовался «суфтаджа» [2, с. 265], письменное уведомление третьему лицу об уплате указанного долга.

Существовал простой вексель [38, с. 94-95]. Он представлял собой долговое обязательство дебитора возвратить установленную сумму денег кредитору в четко оговоренный срок. Здесь заёмщик, дебитор, выступал в роли векселедателя, а кредитор, банк, становился векселедержателем.

И выделялся переводной вексель [38, с. 95-96]. Он представлял собой письменное распоряжение кредитора (трактанта, банка) заемщику (трактатору, дебитору) об уплате долга с процентами в строго установленный срок в том месте, или тех местах, где заемщик осуществлял предпринимательскую деятельность и где кредитор имел своих представителей (ремитентов). Здесь кредитор оказывал-

ся в функции векселедателя, который передавал вексель своему представителю (ремитенту) в другом месте, становившемуся векселедержателем. Именно он предъявлял вексель дебитору, или его доверенным лицам, с требованием погасить долг. Векселя как ценные бумаги могли продаваться, уступаться другим лицам. В этом качестве они становились предпосылкой безналичных расчетов.

Гораздо чаще банк выдавал векселя, получая вклады от клиентов. В данном случае векселедержатель получал возможность не возить с собой крупные суммы наличных денег, а предъявить вексель в любом, самом отдаленном банке и получить по обменному курсу эквивалентную сумму в местной валюте.

Функцию транспортировки денег брал на себя банк. Для этой цели нанимался специальный транспорт, отвечавший требованиям повышенной безопасности, принималась охрана.

Уже при выпуске векселей как ценных бумаг, получавших известное обращение, банк начинал закреплять за собой функцию эмитента. Следующим шагом стало право банка удостоверять законность обращавшейся на городском рынке монеты своей особой надчеканкой. Это право предоставлялось городскими властями по согласованию с наместником Солхата. Уже с конца XIII в. известна форма надчеканки в виде равноконечного креста на татарских дангах, которую румынский нумизмат Октавиан Ильеску считал знаком генуэзской общины Кафы [45, с. 156-170]. Подобная фигура креста воспроизводила один из символов Генуи на генуэзских денариях.

С 1330-х гг. появилась еще более выразительная форма надчеканки в виде изображения врат — Janua, символа Генуи (*portallo dei genovesi*) [4, с. 155-159; 48, с. 44], хотя иной раз их называют «замком», или «башней» [58, с. 307-308]. Эта геральдическая фигура соотносилась с республиканским устройством Генуи, властью генуэзского народа. В Кафе же этот знак трансформировался из символа генуэзской общины крымского города в символ всей объединенной *civitas* (*signum communis*).

Конечно же, банк выступал только заказчиком контрамаркирования необходимого объема монет, а исполнителем выступал монетный двор, ближайший из которых находился в ту пору в Солхате. От этого права контрамаркирования оставался только один шаг до получения монетной регалии, когда на монетах кафского чекана будут отпечатываться инициалы не консулов, но банкиров Кафы.

Возвращаясь к контрамаркам, или надчеканкам, нужно отметить, что надчеканиванию подвергались только те монеты, которые соответствовали определенному весу, пробе серебра и величине, устанавливаемой по диаметру. Норматив задавался уже весовыми стандартами города Кафы, применявшимися для измерения монетной массы. Это были «малая либра веса Кафы» (*libbre al peso di Caffa*) [37, с. 223], соответствовавшая 316,75 г, «соммо веса Кафы» (*sommo peso di Caffa*) [37, с. 223], равнявшийся 224,36 г [3, с. 63-67], и «саджо веса Кафы» (*saggi al peso di Caffa*) [37, с. 23], составлявший 4,39 г. Из соммо, представлявшего собой слиток серебра ладьевидной формы, стандартно изготавливались на рубеже XIII-XIV вв. 120 барикатов [22, с. 659]. Стало быть, каждая такая монета весила 1,869 г, имела 650 пробу, диаметр 15 мм. Именно

на барикатах, иногда на ярмаках, дангах и дирхемах, имевших такие же параметры, и ставились надчеканки коммуну Кафы.

Предшествующие историки, исследовавшие историю банковской деятельности в генуэзских колониях, отмечали существование банков в Кафе не ранее XV в., связывали их становление с Банком Сан Джорджо в Генуе, главным банком Италии и, пожалуй, Европы того времени, основанным в 1407 г. [49, с. 48-49; 52, с. 292-302; 57, с. 8-13; 67, с. 200-211].

Однако уже с конца XIII в. морская международная торговля в Кафе обслуживалась банками. Согласно нотариальным записям Ламберто ди Самбучето 1289-1290 гг., в городе действовали четыре таких кредитных учреждения [21, N 202, 256, 424, 704]. Известны имена их владельцев, первых банкиров Кафы. Одно из имен — Манфред [21, N 704] — не свойственно генуэзцам. Оно — германского происхождения, имеет смысл «человек мира» (69, р. 419), примечательный для социальной психологии космополита.

Снижать статус этих ранних банков, якобы ничем не отличавшихся от меняльных лавок, нельзя. Кафские банкиры осуществляли не только обмен монет одного типа на другой, но и занимались транспортировкой денег [21, N 202, 424], открытием счетов клиентов, переводами с одного счета на другой, выпуском векселей, кредитованием торговых предприятий [21, N 124, 202, 211, 214, 424, 704], ну и, наконец, легализацией неопределенной монетной массы Дешт-и Кипчака, необходимой для обеспечения экономики города.

Заключение

В целом, активность и ритм деловой жизни Кафы определяли меняльные лавки — трапезы, сарраф янсеке и кампсы. Их владельцы, трапезиты, саррафы и кампсоры адаптировали к нуждам и потребностям горожан богатейший денежный фонд Средиземноморья и Дешт-и Кипчака. Это — порядка полусотни номиналов, а если учесть очень существенные дифференцы между эмиссиями разных монетных дворов одного суверена, то это — более шести сотен монетных разновидностей. Самые креативные из менял достаточно быстро трансформировались в банкиров, становились основателями первых банков Кафы. Для них были свойственны новые функции — получение вкладов, выдача ссуд (данейон, кард и узура), выплата процентов вкладчикам и получение таковых с заемщиков (коллибос, риба и фенус), выпуск векселей (коллибистика симбола, суфтаджа и тракта) и, наконец, надчеканивание серебряной и медной монеты, соответствовавшей весовым и пробирным стандартам Кафы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертъе-Делагард А. Л. [О раскопках в Феодосийском порту: рук.] / А. Л. Бертъе-Делагард // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 1894. Ф. 1. Оп. 1. Императорская археологическая комиссия. Д. № 157.

2. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII вв. Социально-экономические отношения / О. Г. Большаков. Москва: Восточная литература, 2001.
3. Еманов А. Г. Заметки по метрологии Кафы XIV-XV вв. / А. Г. Еманов // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва: Гос. ист. музей, 1999.
4. Козубовский Г. А. О времени появления кафинских надчеканок на джучидских монетах / Г. А. Козубовский // Сугдейский сборник. Судак; Киев, 2005. Вып. II.
5. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин. Москва: Изд-во АН СССР, 1962.
6. Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — начало XIV вв.) / В. П. Лебедев // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. № 2.
7. Надеяев В. М. Древнетюркский словарь / В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969.
8. Петров П. Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII-XIV вв. / П. Н. Петров. Нижний Новгород: Всерос. науч.-исслед. ин-т Информэлектро, 2003.
9. Петров П. Н. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государстве Чагатаидов и Джучидов / П. Н. Петров, К. М. Байпаков, Д. Н. Воякин. Алматы, 2014.
10. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: история и культура / Э. Б. Петрова. Симферополь: Сонат, 2000.
11. Пономарев А. Л. Барикат и ярмак: зарождение денежной системы в Северном Причерноморье / А. Л. Пономарев // Наследие Золотой Орды. 2012. № 2.
12. Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики / А. Л. Пономарев. Москва: URSS, 2002.
13. Сазанов А. В. Исследования средневековой Каффы в 1991-1992 гг. / А. В. Сазанов, Ю. Ф. Иващенко // Боспорский сборник. 1994. Вып. IV.
14. Сейфеддини М. А. Монеты ильханов XIV в. / М. А. Сейфеддини. Баку: Изд-во АН Азербайдж. ССР, 1968.
15. Скржинская Е. Ч. [О раскопках в Феодосии: рук.] / Е. Ч. Скржинская // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 1924. Ф. 2. Оп. 1. Государственная академия истории материальной культуры. Д. № 23.
16. Слепова Т. И. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII-XV вв. / Т. И. Слепова // Труды государственного Эрмитажа. Вып. XXVI. Ленинград: Изд-во гос. Эрмитажа, 1986.
17. Шкорпил В. В. [Работы в генуэзской крепости Феодосии: рук.] / В. В. Шкорпил // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 1908. Ф. 1. Оп. 1. Императорская археологическая комиссия. Д. № 192.
18. Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l' Oltremare / G. Airaldi. Bordighera : Istituto internazionale di studi Ligure, 1974.
19. Argenti Ph. The Occupation of Chios by the Genoese and their Administration of the Island, 1346-1566 / Ph. Argenti. Cambridge : Cambridge University Press, 1958. Vol. 3.
20. Badarch N. How to read ilkhanid coins / N. Badarch. Ulaanbaator, 2006.
21. Balard M. Gènes et l' Outre-Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290 / M. Balard. Paris ; La Haye : Mouton and Co, 1973.

22. Balard M. La Romanie génoise (XIIe — début du XVe siècle) / M. Balard. Rome : Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, 1978. Vol. 1.
23. Balbi G. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (secolo XIV) / G. Balbi, S. Raiteri. Bordighera : Istituto internazionale di studi Ligure, 1973.
24. Balletto L. Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secoli XIII-XV) / L. Balletto. Genova, 1976.
25. Balog P. Coinage of the Mamluk Sultans of Egypt and Syria / P. Balog. New York: American numismatic Society, 1964.
26. Bautier R.-H. Points de vue sur les relations économiques des occidentaux avec les pays d' Orient au Moyen Âge / R.-H. Bautier // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien / Actes du VIIIème Colloque international d' histoire maritime. Paris, 1970.
27. Bendall S. An introduction to the coinage of the Empire of Trebizond / S. Bendall. London: Spink Books, 2015.
28. Borlandi F. El libro di mercatantie et usanze de' paesi / F. Borlandi. Torino, 1936.
29. Bratianu G. J. Actes des notaires Génois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siècle (1281-1290) / G. J. Bratianu. Bucarest : Cultura Natională, 1927.
30. Brătiani G. L. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au treizième siècle / G. J. Bratianu. Paris, 1929.
31. Byzantine coins in Theodosia. [Electronic resource].
URL: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=40&start=6>.
32. Corpus nummorum Italicorum. Roma : Tipografia ditta L. Crechini, 1912-1930. Vol. 3-12.
33. Desimoni C. Observations sur le monnaie, les poids et les mesures cités dans les actes du notaire génois Lamberto di Sambuceto / C. Desimoni // Revue de l'Orient Latin. 1895. Vol. 3.
34. Drimba V. Codex Cumanicus: édition diplomatique avec fac-similés / V. Drimba. Bucarest : Editura enciclopedica, 2000.
35. Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis / Ch. Du Cange. Niort: L. Favre, 1883-1887. Vol. 1-7.
36. Eusebii Hieronymi Stridonensis. Divinae Bibliothecae. Liber Deuteronomici / Eusebii Hieronimi Stridonensis // Patrologia cursus completus, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum. Series Latina. Parisiis, 1845. Vol. 28.
37. Evans A. Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura / A. Evans. Cambridge Massachusetts : Harvard University Press, 1936.
38. Felloni G. Moneta, credito e banchi in Europa: un millennio di storia / G. Felloni. Genova : Università degli studi di Genova, 2000.
39. Feodosijskij muzej drevnostej [numismatic collections]. [Electronic resource]. Available to: gосkatalog.ru/portal/#/collections?id.
40. Gaitte J. Tractatus de usura et foenore / J. Gaitte. Parisiis, 1688.
41. Giagnacovo M. Appunti di metrologia mercantile Genovese. Un contributo della documentazione aziendale Datini / M. Giagnacovo. Firenze : Università di Firenze, 2014.
42. Grierson Ph. Byzantine coinage / Ph. Grierson. Cambridge Massachusetts : Harvard University Press, 1999.
43. Grierson Ph. Byzantine coins / Ph. Grierson. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
44. Hinz W. Islamische Masse und Gewichte: umgerechnet ins Metris / W. Hinz. Leiden : Brill, 1970.

45. Iliescu O. La monnaie génoise dans les pays roumains aux 13ème–15ème siècles / O. Iliescu // Colloquio romeno-italiano “I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII-XIV”. Bucarest, 1977.
46. Izmirlier Y. The coins of Anatolian Seljuks / Y. Izmir. Istanbul, 2010.
47. Khvalkov E. The colonies of Genoa in the Black Sea region: evolution and transformation / E. Khvalkov. New York; London: Routledge, 2018.
48. Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi / G. Lunardi // Atti della società Ligure di storia Patria. Nuova serie. Genova, 1980. Vol. 20. Fasc. 1.
49. Marengo E. Il Banco di S. Giorgio / E. Marengo. Genova : A. Donath ed., 1911.
50. Metcalf D. M. Coinage of the Crusades and the Latin East / D. M. Metcalf. Oxford: Oxford University Press, 1995.
51. Mortensen J. Thomas Aquinas. Summa theologiae / J. Mortenson. Rochester, 2018. Vol. 2. P. 1.
52. Musso G. G. Note d'Archivio sul Banco di San Giorgio / G. G. Musso // Atti della società Ligure di storia Patria. Nuova serie. Genova, 1964. Vol. 2.
53. Nigel F. Medieval Caffa and the Black Death / F. Nigel. 2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.cointalk.com/threads/medieval-caffa-and-the-black-death.282461>.
54. Online Catalogue of Byzantine Coins. [Electronic resource]. URL: doaks.org/resources/coins.
55. Online Catalogue of Golden Horde Coins. [Electronic resource]. URL: <http://www.museum-of-money.org/vipushennie-v-krymu/198-dengi-krym/monety-zolotoy-ordy>.
56. Pamuk Ş. A monetary history of the Ottoman Empire / Ş. Pamuk. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
57. Pistarino G. Banche e banchieri del Trecento nei centri del Mar Nero / G. Pistarino // *Cronache Finmare*. 1974. Vol. 4. N 5/6.
58. Pistarino G. Les symboles de Gênes dans les établissements d'Outre-mer / G. Pistarino // *Coloniser au Moyen Âge*. Paris, 1995.
59. Rebstock U. Weights and measures in Islam / U. Rebstock. Berlin: Springer, 2008.
60. Reuter T. Decretum magistri Gratiani / T. Reuter, G. Silagi. München, 2009.
61. Rum Seljuk coins in Theodosia. [Electronic resource]. URL: <http://evpatorg.com/forum/viewtopic.php?id=1687>.
62. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae / L. Sauli // *Historiae patriae monumenta. Augustae Taurinorum : Regio typographio*, 1838. Vol. 2. P. 1.
63. Scapulae J. Lexicon græco-latinum / J. Scapulae. Londini : Typis excudit J. F. Dove, 1820.
64. Schilbach E. Byzantinische Metrologie / E. Schilbach. München: C. H. Beck, 1970.
65. Schreiner P. Texte zur spätbyzantinischen Finanz-Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana / P. Schreiner. Città del Vaticano, 1991.
66. Seybold C. F. Glossarium latino-arabicum / C. F. Seybold. Berolini : In aedibus Aemilii Felber, 1900.
67. Sieveking H. J. Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa di S. Giorgio / H. J. Sieveking. Freiburg; Berlin; Leipzig; Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr, 1898. Bd. 1-2.
68. Simmel G. The philosophy of money / G. Simmel. Abingdon: Routledge, 2011.
69. Tanet Ch. Dictionnaire des prénoms / Ch. Tanet, T. Hordé. Paris : Larousse, 2009.
70. Vigna A. Statutum Caphe / A. Vigna // Atti della società Ligure di storia patria. Genova, 1879. Vol. 7. P. 2.

Alexander G. EMANOV¹

UDC 94(4)

KAFA'S MONEY-CHANGING HOLE IN THE 13TH — 14TH CENTURIES

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of History and Mundial Politic,
University of Tyumen
a.g.emanov@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2352-4363

Abstract

This Article addresses Origin of the Money-Changing Hole in Kafa in the 13th — 14th Centuries based on a wide Variety of Sources, public-legal Documents, notarial Deeds, public financial Registers, private financial Records, Trade Books, numismatic and archaeological Collections. In the Article reconstructed Activity of the Greek Trapeza and Trapezites, who specialized in the Exchange of Coins with Greek Writing, of the Levant Sarraf Yanseke and Sarrafs, in Charge of which has been Oriental Money Exchange, of the Italian Campsa and Campsors, who were responsible for Occident Coins. The Money-Changing Hole in Kafa was doing since the End of the 13th Century not only Exchange Money, but also Credit of the commercial Matters, torn into early Banks. One of the first Bankers in Kafa was Manfred, whose Name was not Italian, but German Origins, which meant “Man of World”, which reflected the cosmopolitan Character of the City.

Keywords

Crimea, Kafa, 13th — 14th Centuries, Trapeza, Trapezites, Sarraf Yanseke, Sarrafs, Campsa, Campsor, Cambitor, Hyperpers, Aspers, Follis, Miliarsiens, Dirhams, Fels, Danga, Baricats, Akcha, Zechins, Ducats, Florins, Genovino, Denarius.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-179-205

Citation: Emanov A. G. 2022. “Kafa’s money-changing hole in the 13th — 14th centuries”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 179-205.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-179-205

REFERENCES

1. Bertje-Delagard A. L. 1894. "About the excavations in the port of Feodosia: the manuscript". Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. F. 1. Op. 1. The Imperial archaeological Commission. D. No. 157 [In Russian]
2. Bolshakov O. G. 2001. The Medieval City of the Middle East. 7th — Middle 13th Centuries. The Socio-Economic Relations. Moscow: Oriental Literature. [In Russian]
3. Emanov A. G. 1999. "The notes on Kafa's metrology in 14th — 15th centuries". The Seventh All-Russian Numismatic Conference. Moscow: State historical Museum Publishing. [In Russian]
4. Kosubovskij G. A. 2005. "About the time of appearance of supercharges on juchid coins". Sougdaia Miscellaneous. Sudak; Kiev. Vol. 2. [In Russian]
5. Kropotkin V. V. 1962. The Treasures of Byzantine Coins on the Territory of the Soviet Union. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publishing. [In Russian]
6. Lebedev V. P. 2000. "The corpus of Crimea's coins as a part of the golden horde". Bulletin of the Odessa Numismatic Museum. No. 2. [In Russian]
7. Nadeljaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Tcherbak A. M. 1969. The Old Turkic Dictionary. Leningrad: Science. [In Russian]
8. Petrov P. N. 2003. The Essays on Numismatics of the Mongolian State in the 13th — 14th Centuries. Nizhny Novgorod. [In Russian]
9. Petrov P. N., Paipakov K. M., Vojakin D. N. 2014. The Minting and Money Circulation in Eke Mongol Ulus, in Chagatai and Jochi States. Almaty. [In Russian]
10. Petrova E. B. 2000. The Ancient Feodosia: the History and Culture. Simferopol: Sonat. [In Russian]
11. Ponomarev A. L. 2012. "The origin of the monetary system in the northern Black Sea region". The Heritage of Golden Horde. No. 2. [In Russian]
12. Ponomarev A. L. 2002. The Money of the Golden Horde and the Empire of Trebizond: Quantitative Numismatic and the Processes of the Medieval Economy. Moscow: URSS. [In Russian]
13. Sasanov A. V., Ivaschenko Y. F. 1994. "The studies of the medieval Caffa". Bosphorean Miscellaneous. Vol. 4. [In Russian]
14. Sejfeddini M. A. 1968. The Coins of Ilkhans in the 14th Century. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan Republic Publishing. [In Russian]
15. Skrzhinskaja E. C. 1924. "[About the excavations in Feodosia: the manuscript]". Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. F. 2. Op. 1. The Imperial archaeological Commission. D. No. 23. [In Russian]
16. Slepova T. I. 1986. "Some aspects of the distribution of venetian and genoese coins and their imitations in the eastern Mediterranean and in the north Black Sea region in 12th — 15th Centuries". The Works of the State Hermitage. Vol. 26. Leningrad: State Hermitage Publishing. [In Russian]
17. Shkorpil V. V. 1908. "[The work in Feodosia's genoese fortress: the manuscript]". Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg. F. 1. Op. 1. The Imperial archaeological Commission. D. No. 192. [In Russian]

18. Airaldi G. 1974. Studi e documenti su Genova e l' Oltremare. Bordighera: Istituto internazionale di studi Ligure.
19. Argenti Ph. 1958. The Occupation of Chios by the Genoese and their Administration of the Island, 1346-1566. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 3.
20. Badarch N. 2006. How to Reed Ilkhanid Coins. Ulaanbaator.
21. Balard M. 1973. Gênes et l' Outre-Mer. Vol. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris; La Haye: Mouton and Co.
22. Balard M. 1978. La Romanie génoise (12ème — début du 15ème siècle). Rome: Bibliothèque des Écoles françaises d' Athènes et de Rome. Vol. 1.
23. Balbi G., Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (secolo XIV). Bordighera: Istituto internazionale di studi Ligure.
24. Balletto L. 1976. Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secoli XIII-XV). Genova.
25. Balog P. 1964. Coinage of the Mamluk Sultans of Egypt and Syria. New York: American numismatic Society.
26. Bautier R.-H. 1970. "Points de vue sur les relations économiques des occidentaux avec les pays d' Orient au Moyen Âge". Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l' Océan Indien. Actes du 8ème Colloque international d' histoire maritime. Paris.
27. Bendall S. 2015. An Introduction to the Coinage of the Empire of Trebizond. London: Spink Books.
28. Borlandi F. 1936. El libro di mercatantie et usanze de' paesi. Torino.
29. Bratianu G. J. 1927. Actes des notaires Génois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siècle (1281-1290). Bucarest: Cultura Natională.
30. Brătiami G. L. 1929. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au treizième siècle. Paris.
31. Byzantine coins in Theodosia. [Electronic resource].
<http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=40&start=6>.
32. Corpus nummorum Italicorum. 1912-1930. Roma: Tipografia ditta L. Crechini. Vol. 3-12.
33. Desimoni C. 1895. "Observations sur le monnaie, les poids et les mesures cités dans les actes du notaire génois Lamberto di Sambuceto". Revue de l' Orient Latin. Vol. 3.
34. Drimba V. 2000. Codex Cumanicus: édition diplomatique avec fac-similés. Bucarest: Editura enciclopedica.
35. Du Cange Ch. 1883-1887. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Niort: L. Favre. Vol. 1-7.
36. Eusebii Hieronymi Stridonensis. 1845. "Divinae Bibliothecae. Liber Deuteronomici". Patrologia cursus completus, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum. Series Latina. Parisiis. Vol. 28.
37. Evans A. 1936. Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura. Cambridge Massachusetts: Harvard University Press.
38. Felloni G. 2000. Moneta, credito e banche in Europa: un millennio di storia. Genova: Università degli studi di Genova.
39. Feodosijskij muzej drevnostej [numismatic collections]. [Electronic resource].
goskatalog.ru/portal/#/collections?id.
40. Gaitte J. 1688. Tractatus de usura et foenore. Parisiis.
41. Giagnacovo M. 2014. Appunti di metrologia mercantile Genovese. Un contributo della documentazione aziendale Datini. Firenze: Università di Firenze.

42. Grierson Ph. 1999. *Byzantine Coinage*. Cambridge Massachusetts: Harvard University Press.
43. Grierson Ph. 1982. *Byzantine Coins*. Cambridge: Cambridge University Press.
44. Hinz W. 1970. *Islamische Masse und Gewichte: umgerechnet ins Metris*. Leiden: Brill.
45. Iliescu O. 1977. *La monnaie génoise dans les pays roumains aux 13ème — 15ème siècles*. Colloquio romeno-italiano “I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII-XIV”. Bucarest.
46. Izmirliler Y. 2010. *The Coins of Anatolian Seljuks*. Istanbul.
47. Khvalkov E. 2018. *The Colonies of Genoa in the Black Sea region: Evolution and Transformation*. New York; London: Routledge.
48. Lunardi G. 1980. “Le monete delle colonie genovesi”. *Atti della società Ligure di storia Patria*. Nuova serie. Genova. Vol. 20. Fasc. 1.
49. Marengo E. 1911. *Il Banco di S. Giorgio*. Genova: A. Donath ed.
50. Metcalf D. M. 1995. *Coinage of the Crusades and the Latin East*. Oxford: Oxford University Press.
51. Mortensen J. 2018. *Thomas Aquinas. Summa theologiae*. Rochester. Vol. 2, p. 1.
52. Musso G. G. 1964. “Note d’Archivio sul Banco di San Giorgio”. *Atti della società Ligure di storia Patria*. Nuova serie. Genova. Vol. 2.
53. Nigel F. 2016. *Medieval Caffa and the Black Death*. 2016. [Electronic resource]. <https://www.cointalk.com/threads/medieval-caffa-and-the-black-death.282461>.
54. *Online Catalogue of Byzantine Coins*. [Electronic resource]. doaks.org/resources/coins.
55. *Online Catalogue of Golden Horde Coins*. [Electronic resource]. <http://www.museum-of-money.org/vipushennie-v-krymu/198-dengi-krym/monety-zolotoy-ordy>.
56. Pamuk Ş. 2000. *A Monetary History of the Ottoman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
57. Pistarino G. 1974. “Banche e banchieri del Trecento nei centri del Mar Nero”. *Cronache Finmare*, vol. 4, no. 5/6.
58. Pistarino G. 1995. “Les symboles de Gênes dans les établissements d’Outre-mer”. *Coloniser au Moyen Âge*. Paris.
59. Rebstock U. 2008. *Weights and Measures in Islam*. Berlin: Springer.
60. Reuter T., Silagi G. 2009. *Decretum magistri Gratiani*. München.
61. *Rum Seljuk coins in Theodosia*. [Electronic resource]. <http://evpatorg.com/forum/viewtopic.php?id=1687>.
62. Sauli L. 1838. “Imposicio Officii Gazariae”. *Historiae patriae monumenta*. Augustae Taurinorum: Regio typographio, vol. 2, p. 1.
63. Scapulae J. 1820. *Lexicon græco-latinum*. Londini: Typis excudit J. F. Dove.
64. Schilbach E. 1970. *Byzantinische Metrologie*. München: C. H. Beck.
65. Schreiner P. 1991. *Texte zur spätbyzantinischen Finanz-Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana*. Città del Vaticano.
66. Seybold C. F. 1900. *Glossarium latino-arabicum*. Berolini: In aedibus Aemilii Felber.
67. Sieveking H. J. 1898. *Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa di S. Giorgio*. Freiburg; Berlin; Leipzig; Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr. Bd. 1-2.
68. Simmel G. 2011. *The Philosophy of Money*. Abingdon: Routledge.
69. Tanet Ch., Hordé T. 2009. *Dictionnaire des prénoms*. Paris: Larousse.
70. Vigna A. 1879. “Statutum Caphe”. *Atti della società Ligure di storia patria*. Genova. Vol. 7, p. 2.

Максим Анатольевич СИДОРЕНКО¹

УДК 94

ЛЮДОВИК XIV И БАНКИР БЕРНАР, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРОГУЛКИ

¹ кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой экономики, международных отношений и права,
Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ);
кафедра отечественной и всеобщей истории,
Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ)
masid@list.ru

Аннотация

Благодаря «Мемуарам» герцога де Сен-Симона прогулка Людовика XIV в компании с банкиром королевского двора Бернаром в садах Марли 6 мая 1708 г. стала одним из самых популярных исторических анекдотов о Великом веке и Короле-Солнце. Причем, не только для общественности, но и для многих специалистов-историков. Таким образом, это, на первый взгляд незначительное, событие времен Войны за испанское наследство откровенно ускользнуло от должного внимания ученого сообщества. Цель предлагаемого исследования в том, чтобы, реконструируя встречу монарха и финансиста, обратиться к истории домена Марли, к исключительному месту этой королевской резиденции в придворной политике Людовика XIV второй половины правления. К сожалению, главный источник такого исследования, сам замок Марли, не сохранился. Однако, до нас дошли многочисленные письменные свидетельства современников и богатая иконография домена, — на эти источники и опирается автор в своей работе. Ракурс для изучения домена Марли и его роли в управлении придворным обществом монархом, выбранный исследователем, позволяет существенно обогатить историографию королевского двора Франции Старого порядка. С какой целью король, в распоряжении которого уже были Версальский дворец и Большой Трианон, построил Марли? Кто именно из окружения монарха имел право посещать этот замок в моменты

Цитирование: Сидоренко М. А. Людовик XIV И банкир Бернар, или история одной прогулки / М. А. Сидоренко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 206-223.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-206-223

пребывания там королевской семьи? Кроме того, в статье затронута еще одна важная и актуальная тема — стратегии поведения правителя и их успешность в кризисных ситуациях, поскольку от личной дипломатии Людовика XIV в 1708 г., год серьезных испытаний для королевства, зависела судьба Франции.

Ключевые слова

Старый порядок, королевский двор, абсолютная монархия, Война за испанское наследство, Марли, Людовик XIV.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-206-223

Введение

В 1708 г. Франция Людовика XIV оказалась на краю гибели. Королевство Лилий уже второй раз за последние двадцать лет воевало против всей Европы. Испанию, ее единственного союзника, в расчет никто не брал, так как некогда могущественная империя уже более полувека не располагала ни сильной армией, ни флотом. Получалось, что с 1701 г. Людовик Великий только силами французского оружия пытался удержать своего внука Филиппа V, наследника бездетного Карла II, последнего испанского Габсбурга, на королевском троне по ту сторону Пиренеев.

В первые годы нового общеевропейского конфликта, вошедшего в историю под названием Война за испанское наследство (1701-1714), военные действия шли с переменным успехом. Ведь в начале XVIII в. сложности испытывала не только Франция, но и другие державы Европы, также не оправившиеся от предыдущего долгого и разрушительного противостояния, войны Аугсбургской лиги (1688-1697). И если еще 1 января 1707 г. Людовик говорил послу Испании, что дела Франции идут хорошо [24, с. 641], то к 1708 г. он вряд ли мог так сказать, поскольку удача отвернулась от его армии.

Хроника того года трагична. В марте в Шотландии окончилась провалом попытка якобитской высадки, субсидированная Францией; в сентябре — октябре англичане взяли Минорку; 23 октября пал Лилль (город знаковый для французов, так как он первым был завоеван Людовиком XIV в Деволюционной войне), 9 декабря — пала цитадель Лилля; 29 декабря французы потеряли Ганд.

Усугубляло кризисную ситуацию и то, что еще до начала войны два ключевых ведомства, финансовое и военное, король доверил бывшему интенданту Руана Мишелю де Шамийяру, человеку усердному и исполнительному, но не обладавшему талантами своих великих предшественников — Кольбера и Лувуа. 5 сентября 1699 г. Шамийяр наследовал Луи II де Фелипо, графу де Поншартрену на посту генерального контролера финансов. А 20 ноября 1700 г. монарх назначил его государственным секретарем по военным делам. Объединяя два ответственных поста в руках одного человека, Людовик хотел положить конец противоречиям и конфликтам, которые не раз возникали между главами министерств в предыдущие десятилетия.

Новый министр не оправдал ожиданий монарха: он не смог оздоровить экономику королевства, которое только что вышло из продолжительной общеевропейской войны, да и управление военным ведомством ему оказалось не по силам. Но надо отдать должное Шамийяру, который адекватно оценивал свои способности уже в самом начале министерской карьеры. Как писал де Сен-Симон, он пытался убедить короля в невозможности одному человеку достойно управлять двумя ведомствами, кои некогда возглавляли, каждый свое, Кольбер и Лувуа [9, с. 640].

14 февраля 1708 г. Шамийяр покинул пост генерального контролера финансов. Спустя шесть дней Людовик заменил его Никола Демаре, маркизом де Майбуа, племянником Жана-Батиста Кольбера. Военным министром Шамийяр оставался до 9 июня 1709 г. По оценке герцога де Сен-Симона, смена министров королем напоминала поведение больного, тщетно меняющего врачей [11, с. 161].

В 1708 г. положение Франции было катастрофичным. Еще два года назад, при доходах государственной казны в 50 миллионов ливров, расходы на военные нужды составили почти 200 миллионов. Солдаты месяцами воевали без жалования. Экономическая активность торговли и производства была парализована. Принудительная вербовка и созыв ополчения внесли беспорядок в жизнь некоторых провинций, влекли за собой безработицу и эмиграцию, причем, не только протестантов, но и католиков [7, с. 285]. На тот момент Корона уже задолжала 500 миллионов ливров [15, с. 410].

Демаре оказался в откровенно тяжелой ситуации. Благодаря авторитету племянника Кольбера среди деловых людей, ему все-таки удавалось находить деньги, необходимые для армии и флота. Однако на радикальные меры, направленные на оздоровление экономической ситуации в стране, министр не решился: Демаре не пошел на учреждение Государственного банка, на подобии тех, что уже существовали в Англии и Голландии. А ведь одним из убежденных сторонников этой идеи был друг министра, банкир королевского двора Самюэль Бернар [26, с. 466].

В 1708 г. имя Бернара, сына парижского миниатюриста и художника, протестанта по вероисповеданию, было хорошо известно придворным, членам монаршей семьи и королю. Маркиз де Данжо писал: «В настоящее время Самюэль Бернар — самый великий банкир Европы» [14, с. 165]. В 1670-е гг. Бернар торговал тканями, после выгодной женитьбы на дочери финансиста-протестанта Людовика XIII (ноябрь 1681 г.) и перехода в католичество (17 декабря 1685 г.) вошел в финансовые и банковские круги королевства. Затем он заручился доверием протестантских и еврейских банкирских домов Европы. Сен-Симон отмечал, что не без участия Бернара был профинансирован отъезд из Франции принца де Конти, избранного на польский престол в 1697 г. [9, с. 324]. В итоге, став банкиром двора в самом начале Войны за испанское наследство, за 1700-1714 гг. на военные расходы Бернар одолжил Короне 200 000 000 ливров [13, с. 188].

Безусловно, для историков, изучающих экономику и финансы Старого порядка, имя Бернара говорит многое. Но сегодня его помнят и люди, весьма да-

лекие от истории? Во многом благодаря рассказу Сен-Симона о встрече финансиста с Людовиком XIV в садах Марли 6 мая 1708 г.

Предыстория этой удивительной и, казалось бы, невозможной прогулки обращает нас к уже известным фактам. Демаре, озабоченный хронической нехваткой денег на военные нужды, обратился к Бернару с просьбой об очередном займе. Однако на сей раз банкир, который уже много одолжил Короне, остался непоколебимым и отказал, несмотря на уговоры друга-министра.

Тогда Людовик XIV, а этого монарха сложно упрекнуть в отсутствии дипломатического таланта, и принял столь нестандартное решение. Если на кону стоит судьба королевства, двух ветвей династии Бурбонов, то почему бы... не польстить финансисту, пригласив его на прогулку по садам? Ведь обычно прогуляться по парку с собой монарх приглашал более знатных особ. В своих «Мемуарах» мадам де Лафайет рассказала о том, как в последние дни карнавала 1689 г. король показывал свои парки и фонтаны королю Англии Якову II [5, с. 352].

Процитируем Франсуа де Кальера: «Человек приятный, с разумом чистым и просвещенным, владеющий искусством преподносить самые великие дела как нетрудные и выгодные заинтересованным сторонам и умеющий делать это легко и с осторожностью, уже, можно считать, сделал полдела, и ему не составит труда его завершить» [3, с. 106]. Автор сочинения «О способах ведения переговоров с государями» указал на одно из качеств, характеризующих талантливого дипломата. Не его ли Людовик XIV применил, «обольщая» банкира Бернара?

Таким дошел до нас рассказ современника о прогулке короля Франции и банкира. «Около пяти часов Король вышел пешком и прошел перед всеми павильонами со стороны Марли [...] У следующего павильона Король остановился. Там был Демаре вместе со знаменитым банкиром Сэмюэлем Бернаром, которого он пригласил пообедать и поработать с ним [...] Король сказал Демаре, что он очень рад видеть его с господином Бернаром, а затем обратился к последнему: «Вы хороший человек, но никогда не видевший Марли. Приглашаю вас на мою прогулку, чтобы его посмотреть. А затем я верну вас Демаре». Бернар последовал за ним. Пока длилась прогулка, Король говорил только с ним и Бергейком¹ [...] Я восхищался, и не я один, такого рода проституцией короля, обычно скупого на слова, в отношении такого человека как Бернар» [27, с. 133].

После прогулки восторженный Бернар вернулся к Демаре и заявил, что предпочтет скорее рискнуть своим состоянием, чем оставить столь восхитительного государя (о силе очарования и обаянии Людовика XIV не раз писала Вторая Мадам: «Во Франции нет человека более вежливого и приятного чем король» [23, с. 350]) в трудном положении. И как заметил Сен-Симон, генеральный контролер извлек из банкира гораздо больше, чем планировал [27, с. 133]. По версии историка Ж. Ленотра, Демаре вытянул у Бернара шесть миллионов вместо первоначально планируемых пяти [6, с. 74]. Историк Ф. Эрланже назвал

¹ Жан де Брукховен, граф де Бергейк (1644-1725) — уроженец Антверпена, дипломат на службе Испании и сюринтендант финансов Филиппа V.

более скромную сумму — 900 000 ливров. При этом подчеркнул, что в этот раз Бернар дал меньше, чем в предыдущем году [20, с. 500].

Почему же историки, публицисты и писатели, говоря об этой прогулке, непременно подчеркивают ее исключительность? Возможно, это некая историографическая традиция, которую наука так и не подвергла анализу. Ведь известно, что подобной чести удостоивались и другие представители финансовой международной олигархии. Некоторым за их услуги Людовик даже жаловал дворянские грамоты [7, с. 286]. А как иначе? В те годы, когда положение королевства, действительно, было критичным, монарх всеми способами пытался найти средства на окончание войны. Людовик XIV обращался за помощью и к иностранным банкирам, некоторые из которых принадлежали к лагерю врагов Франции. В списке кредиторов Короны оказались сосланные гугеноты, швейцарские протестанты и голландцы, которые, кстати, не боялись вкладывать в политику французской монархии [18, с. 628].

Методы

Встреча короля Франции и самого знаменитого банкира своего времени — лишь отправная точка в предлагаемом исследовании, возможность обратиться к истории замка и парка Марли, а точнее изучить именно исключительную репрезентативную значимость пространства этого королевского домена, которой его наделил создатель — Людовик XIV. Ведь строительство каждой резиденции королей Франции Старого порядка было обусловлено множеством факторов, и не последнюю роль играла политическая необходимость. Прибегая к богатому источниковому материалу, письменным и изобразительным свидетельствам, попытаемся определить место домена Марли, одного из сателлитов Версаля, в политике управления придворным обществом Людовиком XIV.

Отсюда методологической основой работы является изучение не столько конкретных исторических событий и процессов, сколько одной определенной реалии, а именно репрезентативного пространства домена Марли. Как оно создавалось Людовиком XIV, из каких слагаемых состояло, какими смыслами было наделено и как помогало королю в общении с его непосредственным окружением? Примерами и неоспоримыми эталонами подхода, примененного в работе, являются такие классические труды как «Короли-Чудотворцы» (1924) М. Блока и «Два тела короля» (1957) Э. Канторовича. Предмет этих монографий, которые несмотря на годы издания не перешли в разряд историографических памятников и не потеряли своей актуальности, один — сакральная природа королевской власти. Данное исследование также изучает власть короля, только другую грань этого сложного явления.

Результаты исследования и их обсуждение

Герцог де Сен-Симон утверждал, что королевский двор был поприщем политики деспотизма Людовика XIV: «Частые празднества, прогулки по Версалю в узком кругу, поездки давали королю средство отличить или унижить, посколь-

ку всякий раз он называл тех, кто должен в них участвовать, а также вынуждал каждого постоянно и усердно угождать ему. Он знал, что располагает не таким уж большим количеством милостей, чтобы, одаривая ими, неизменно воздействовать на придворных. Поэтому истинные идеалы он подменил воображаемыми, возбуждающими зависть, мелкими преимуществами, которые со свойственным ему величайшим искусством придумывать ежедневно и, даже можно сказать, ежеминутно. Не было никого в мире находчивей его в изобретении всего этого» [28, с. 714]. На деле мемуарист наглядно продемонстрировал, то, как эти «мелкие преимущества» Людовик превратил в способ управления благородным сословием, как они помогли ему справиться с оппозицией принцев и грандов, веками отравлявшей жизнь не только правителям Франции, но и всей стране.

Большинство историков утверждают, что король сделал двор важным направлением своей политики уже в 1661 г., с первых моментов самостоятельного правления. Вскоре после смерти кардинала Мазарини и заседания Государственного совета 10 марта Людовик надолго переехал в Фонтенбло и организовал для придворных продолжительные увеселения. Месяцы нескончаемых празднеств, балов, прогулов, балетных постановок красочно описала мадам де Лафайет [4, с. 203].

Однако юный правитель уделял много внимания своему окружению еще при жизни кардинала-министра, пока последний де-факто управлял королевством. Описывая день семнадцатилетнего Людовика XIV, его первый камердинер Мари дю Буа наглядно показал, насколько публичной была жизнь юного монарха. Пробуждение, месса, приемы пищи, прогулки, охота, репетиции балетных постановок, театральные представления, увеселения и отход ко сну — на протяжении всего дня правитель в 1655 г. был неразлучен с придворными. Таким поведением Людовик разительно отличался от своего отца и деда. Дю Буа подчеркивал, что всякий раз король говорил то с одним, то с другим так дружески, что приводил их в восхищение [17, с. 130].

С одной стороны, в этом усматривается манера поведения воспитанного и обходительного молодого человека, каким был Людовик, прошедший школу своей матери, образованной и утонченной испанской принцессы. С другой же, подобное общение с окружающими можно расценить как проявление этакой «мягкой силы» Великого века, секретом которой владел Людовик XIV. Пример того, как король умел завоевывать сердца придворных, встречаем у мадам де Севинье: «Г-жа де Лафайет была вчера в Версале; г-жа де Тианж просила ее ехать туда. Она была там хорошо принята, даже очень хорошо, то есть король посадил ее в свою коляску вместе с дамами и показывал ей все красоты Версаля, как бы это сделало частное лицо, которого посещают в деревне; он говорил только с ней и выслушивал с удовольствием и большой вежливостью все ее восторги по поводу красот, которые он ей показывал. Можно себе представить, довольна ли она таким путешествием» [8, с. 70]. Этим приемом семидесятилетний монарх «купил» и банкира Бернара.

Пригласив Бернара на прогулку по садам Марли, король сделал его одним из избранных (пускай всего на несколько часов). Ведь одной из искомым милостей для придворных Людовика XIV во второй половине правления и было приглашение в Марли, небольшую королевскую резиденцию в двух лье к северу от Версаля. «Впоследствии он весьма часто использовал [...] Марли, также Трианон, куда действительно всякий мог приехать для выражения верноподданических чувств и где дамам была дарована честь трапезовать с ним, но всякий раз он выбирал особо», — подчеркивал де Сен-Симон [28, с. 714].

Часто при упоминании Марли напрашивается следующая мысль: мол, даже такой король-труженик, как Людовик XIV, который всю жизнь провел в окружении придворных, имел право на уединение. Мадам де Лафайет писала, что король очень любил Марли, и уезжал туда ненадолго, чтобы отдохнуть от осаждавшей его толпы придворных [5, с. 349]. Однако так мы раскрываем лишь часть правды, поскольку и свое уединение Людовик превратил в... средство управления двором.

Интересно и то, что Марли, построенный во второй половине правления, стал чем-то вроде Версаля 1660-1670-х гг. Ведь изначальный Версаль Людовика XIV был очаровательным небольшим замком, окруженным сказочными садами, где боскеты, лабиринты и аллеи всякий раз преображались по приказу короля. В том Версале, куда также попадали только избранные, царило не постоянное и капризное барокко. Там монарх организовывал празднества и развлечения, которые еще долго обсуждались при дворах всех европейских владык. За вторую половину правления Версаль, где тон уже задавал классицизм, превратился в самую большую и величественную монаршую резиденцию Европы. Отныне каждая деталь архитектуры и интерьера дворца, его садов словно говорила посетителю о величии правителя Франции. Хоть солнце с Аполлоном продолжали царить в замке и парке, однако главным героем отныне являлся король. О чем наглядно свидетельствует роспись плафона Зеркальной галереи.

Первым сателлитом Версаля стал Фарфоровый Трианон¹, небольшой павильон для развлечений, построенный архитекторами Лево и д'Обре в 1670 г. в северо-западной части парка. Своим появлением он обязан страсти короля и маркизы де Монтеспан, а также увлечению французов эстетикой Китая. Отсюда выбор материала (крыши павильона облицевали бело-голубой керамической плиткой) и названия.

Впоследствии на месте барочного Фарфорового Трианона, который просуществовал семнадцать лет, король захотел построить новую, уже классицистскую резиденцию. Строительство Мраморного Трианона под руководством архитектора Ардуэна-Мансара началось в июне 1687 г. К тому времени Людовик XIV уже стал самым могущественным монархом Запада и женился на мадам де Ментенон.

Первый ужин в новом Трианоне король устроил 22 января 1688 г., а 11 июля 1691 г. провел здесь первую ночь [12, с. 168]. Однако Трианон, предназначенный

¹ Название новому замку дала одноименная деревушка в несколько хижин с маленькой приходской церковью, которая располагалась на этом месте [2, с. 93].

для семейной жизни, не позволял Людовику уединяться с компанией близких людей. Для этого и понадобился Марли.

В 1678-1679 гг. окончилась Голландская война и были подписаны Нимвегенские мирные договоры. У короля вновь появилась возможность финансировать строительные проекты, поэтому в те годы удалось закончить обустройство Больших апартаментов в Версале, создать Зеркальную галерею и... разработать проект Марли.

Для строительства новой резиденции король купил земли Марли-ле-Шастель и Марли-ле-Бург, что составило огромное владение, в которое вошел лес Крюи (2000 га) и новый парк с садами в долине Сены (98 га). Оценить масштабы домена с парком и лесом позволяет подробный план Пьера Приера, нарисованный в 1732 г. [25].

Сады Марли и Версаля нуждались в воде, поэтому в июне 1681 г. началось сооружение невиданного доселе гидравлического деревянного механизма, который с помощью системы трубопроводов позволил бы поднимать воду из Сены на 132 метра выше уровня реки. Изобретение явилось плодом совместных трудов двух уроженцев Льежа — эксперта по гидравлике Арнольда де Виля и механика Ренекена Сюалема. Последний уже прославился созданием на Сене возле селения Сен-Мор первой насосной установки (вторую установку для полива садов соорудили в Сен-Жермен-ан-Ле). Машина Марли, над которой трудились 1800 рабочих, обошлась казне королевства в 3 674 864 ливра [21, с. 985]. И хоть ее торжественный запуск состоялся 13 июня 1684 г., Людовику XIV пришлось ждать еще семь лет до окончания работ на всем комплексе, частью которого был и Лувесьенский акведук. Работы в Марли закончились в 1685 г.

Несмотря на титанические усилия, доставку воды в фонтаны короля удалось обеспечить лишь частично: производительность трубопровода, который считался чудом инженерной мысли своего времени, была, увы, ничтожна.

Сегодня в теплое время года миллионы туристов со всего мира устремляются в Версальский парк, чтобы насладиться Большими водами — грандиозным спектаклем фонтанов под музыку Великого века. Бесспорно, на современников Людовика XIV это зрелище производило не менее сильное впечатление. Тем более, что тогда парк был гораздо просторнее, а значит фонтанов, боскетов и лабиринтов в нем было больше. Однако сегодня мало, кто вспоминает, что и в Марли, который был разрушен в 1808-1816 гг., король для своих гостей организовывал Большие воды. И если новая насосная установка немногим способствовала наполнению резервуаров Версаля, то для фонтанов Марли ее мощностей хватало. Большими водами в Марли можно было насладиться с девяти часов утра до восьми вечера. Причем Людовик XIV, внимательный к мельчайшим деталям, сам проработал все эффекты — высоту и формы струй, их расположение и количество [16, с. 77].

Красотами парка Марли сегодня можно любоваться на картине Пьера-Дени Мартена. Полотно было написано в 1724 г., вскоре после переезда Людовика XV из Тюильри в Версаль. Акцент художник сделал на бассейнах и фонтанах

домена. Тогда как сам замок с симметрично расположенными по бокам павильонами изображен в глубине, утопающим в зелени лесов.

Гостей короля восхищала необычная организация дворца-сада. На картине Мартена видно, что комплекс, возведенный согласно замыслу Людовика XIV, состоял из двенадцати небольших павильонов со стороной в одиннадцать метров, соединенных галереями из зелени. Это подтверждает план домена 1753 г. аббата Жана Делагрива, географа Парижа [19]. Отец Делагрив детально отобразил расположение замка, павильонов и бассейнов, которые со смертью Людовика XIV не претерпели изменений.

Две линии из шести павильонов были расположены с двух сторон канала, над которым на холме возвышался замок. Более детально его можно рассмотреть на гравюре, относящейся к началу правления Людовика XV, после женитьбы на Марии Лещинской (1725) [22]. Подобно солнцу (не будем забывать о значимости этого символа и вообще солнечной тематики в репрезентации Людовика XIV), он доминировал над всеми остальными постройками. Павильонам, предназначенным для гостей, отводилась роль спутников Главного небесного светила, они символизировали двенадцать знаков зодиака.

В 1703 г. два из двенадцати павильонов перестроили, чтобы разместить там два гигантских глобуса (8,5 метра в диаметре) венецианского картографа и космографа отца Винченцо Мария Коронелли. Их подарил королю посол Франции при Святом Престоле кардинал Сезар д'Эстре. На глобусе небесной сферы, раскрашенном художником и гравером второй половины XVII в. Жаном-Батистом Корнелем, изображен небесный свод, каким он предстал перед астрономами 5 сентября 1638 г., в день рождения Людовика XIV.

Фасады павильонов, расписанные на итальянский манер фресками-обманками, придавали пейзажу домена сходство с театральной декорацией — распространенный прием при строительстве монарших резиденций и городской застройке в то время. Теплая полихромная гамма павильонов, переходы от красного к зеленому, от золота к ляпис-лазури великолепно вписывались в окружающую зелень садов, служивших декором задника сцены [2, с. 191].

Еще одной неожиданностью для гостей короля была и планировка Павильона солнца. Четыре двери, своя с каждой стороны фасада, вели в четыре вестибюля, предварявшие расположенный в центре просторный восьмиугольный зал с потолками высотой почти пятнадцать метров. В четырех углах павильона на двух этажах разместились жилые помещения. На первом этаже находились королевские апартаменты: в Красных комнатах селился король (их окна выходили на Сен-Жермен-ан-Ле, место его рождения), Голубые апартаменты изначально предназначались для королевы, после ее смерти там размещался Великий дофин, в Зеленых жил Месье, а апартаменты «цвета Авроры» — принцесса Пфальцская.

Из окон королевского павильона, расположенного на оси водного зеркала Большого канала, вдалеке виднелась вершина лесистого холма. В 1704 г. на нем соорудили водопад, названный Каскадом, который изображен в самом верху картины Мартена. С той стороны, где встает солнце, пролегла аллея, переходив-

шая в дорогу на Версаль. По обеим сторонам ее располагались павильоны Гвардии и Часовни. С другой стороны, той, где заходит солнце, находились павильоны Перспективы, названные так за центральный декор фасада, расписанного в технике троплей, который их соединял. Он выходил на иллюзорный зеленый пейзаж, выполненный Руссо.

В этих павильонах располагались службы (кухни и мебельный склад), поддерживавшие жизнеобеспечение монарха и его гостей. Придворные могли здесь пообедать, выпить чашечку кофе или шоколада, а в буфетной утолить жажду между прогулками. Когда приезжало слишком много гостей и вставал вопрос их размещения, в павильонах можно было получить дополнительную комнату.

Подобные затруднения, если верить Второй Мадам, случались нередко. В письме от 3 сентября 1684 г. Елизавета Шарлотта Пфальцская писала: «У нас должен быть большой праздник в Марли, на котором король хотел сделать подарки всем дамам, но об этом стало известно слишком рано и тогда все придворные дамы захотели непременно быть там. Поэтому в тот момент, когда мы должны были ехать в Марли, пришло так много людей, что мы даже не могли развернуться» [23, с. 96].

Однако сложно упрекнуть Людовика XIV в том, что он не заботился о комфорте своих домочадцев и придворных в Марли. Напротив, гостеприимный монарх предоставлял членам королевской семьи, принцам и придворным, не только помещения, но также поваров, сменную одежду и спальные принадлежности. Дозказательством трепетной заботы Людовика о своих соседях-придворных служит следующий эпизод: «Год 1700-й начался с реформ, — писал современник. — Король объявил, что отныне не станет возмещать придворным расходы на всякого рода перемены в их апартаментах, каковые, начиная с Фонтенбло, обошлись уже в шестьдесят тысяч ливров. Полагают, что причиной тому была мадам де Майи, которая в последние три или четыре года меняла облик своих апартаментов каждый год» [9, с. 548]. Редко какой европейский правитель того времени делал что-то подобное по отношению к своему окружению.

Как писал де Сен-Симон, изначально предполагалось, что в Марли король «будет проводить три ночи, со среды по субботу, два-три раза в год в сопровождении примерно дюжины придворных, без которых невозможно обойтись» [28, с. 729]. Но уже во время первого официального пребывания Людовика там в сентябре 1686 г., стало понятно, что его мечта об уединении оказалась несбыточной. Король сразу увеличил время пребывания в этой резиденции и, оценив ажиотаж, вызванный «его Марли», отказался от стремления видеть там только близких друзей. Как писала мадам де Лафайет, в 1688 г. Людовик XIV ездил в Марли каждые две недели [5, с. 350].

В историографии Великого века общим местом стало представление о тягостной повседневности обитателей двора Людовика XIV во второй половине правления, когда король уже был не молод и стал набожным. Якобы поэтому принцы и дворяне по возможности старались избегать Версаля, предпочитая ему Париж и свои частные резиденции. Это несмотря на то, что по-

добное поведение вызывало неодобрение монарха, причем, на протяжении всего правления.

Одним из примеров монаршего недовольства служит письмо мадам де Севинье от января 1674 г.: «В среду на балу почти никого не было. Король и королева надели почти все драгоценности Короны. Месье, Мадам и Мадемуазель, г-жи де Субиз, Сюлли, д'Аркур, Вантадур, Коеткен и Грансэ не могли, к сожалению, быть на балу. Король был недоволен этим отсутствием» [8, с. 214].

Согласно свидетельству современника, монарх подмечал даже периоды отсутствия при дворе своего наследника, Великого Дофина. Людовик XIV с неудовольствием смотрел на частые поездки Монсеньора и его небольшой свиты в замок Шуази, полученный им по завещанию мадемуазель де Монпансье [9, с. 185].

Если придворным было так тягостно переносить общество стареющего монарха и ее тайной жены, мадам де Ментенон, что они были готовы пойти на риск навлечь на себя немилость, почему же они всякий раз стремились поехать с ними в Марли?

Прежде подчеркнем, что привычное суждение о скучающем дворе второй половины правления Людовика XIV сильно преувеличено. Тот же де Сен-Симон не раз говорил об обратном, описывая придворные развлечения и празднества. Например, зиму 1706 г. (и это когда полным ходом шла Война за испанское наследство!) «Король заполнил празднествами и увеселениями, дабы придать мужества королевству и показать врагам, сколь мало тревожат его их успехи [...] Король объявил, что вплоть до Великого поста в каждую поездку в Марли там будут устраиваться балы, приказал назначить мужчин и женщин для участия в танцах и выразил желание, чтобы в Версале давались без всяких приготовлений балы для мадам герцогини Бургундской. Их было устроено для нее множество, а в Марли время от времени бывали и маскарады. Однажды Король пожелал, чтобы все находящиеся в Марли, в том числе самые почтенные и пожилые люди, мужчины и женщины, явились на бал, и к тому же в маскарадных костюмах; желая сгладить чувство неловкости и показать, что исключение не делается ни для кого, он сам облачился поверх костюма в газовое платье. [...] Король заставил танцевать даже тех, кому сие уже давно было не по возрасту» [11, с. 746]. В воспоминаниях за следующий год мы также читаем о том, как на протяжении всей зимы в Марли было устроено множество балов [10, с. 970].

Насколько такие сцены расходятся с устоявшимся представлением. Вернее говорить о том, что скука сковала двор Короля-Солнце лишь в последние четыре года правления, когда увеселениям мешали продолжительные трауры, поскольку королевская семья потеряла подряд трех наследников, герцогиню Бургундскую и герцога Беррийского.

Так вот одна из ценнейших привилегий для придворных, сопровождавших короля в Марли, являлась возможность не просто лицезреть своего Государя, но и ощущать свою близость к нему. На время пребывания в этой резиденции строгие правила придворного церемониала как бы забывались, уступая место простоте и непринужденности. Кстати, что-то подобное Людовик предлагал

своему окружению и в более доступном формате, во время Больших апартаментов. Ведь на эти вечера, которые король организовывал по три раза на неделе в своих апартаментах, могли прийти все обитатели двора. Тем не менее, куда ценнее попасть в круг избранных и разделять подобное времяпрепровождение с монархом на протяжении нескольких дней непрерывно.

Сама организация домена Марли, непохожая на остальные монаршие резиденции, словно взывала к отказу от принятых норм придворного общения. Получалось, что на несколько дней король, члены его семьи и немногие избранные жили и проводили свой досуг во дворце и на открытом воздухе одновременно. Марли представлял собой дворец-сад, счастливые и беззаботные обитатели которого наслаждались длительными прогулками и летними послеполуденными играми. Вечерами, когда парк освещался сотнями огней, придворные погружались в чарующую атмосферу непритязательных «сельских» увеселений. В Павильоне солнца каждый вечер устраивали балы, концерты, лотереи и королевское казино, где игра шла до самого расцвета. В письме от 6 декабря 1687 г. Вторая Мадам писала: «В Марли у нас (Членов монаршей семьи. — М.С.) нет апартаментов, только лишь для того, чтобы спать и переодеваться, в остальное время там все оборудовано для публики. В апартаментах короля играет музыка, в апартаментах дофина организуются застоля, как в полдень, так и вечером. Там же находится бильярдный стол [...] В апартаментах Месье установлены столы для игры в триктрак и карты» [23, с. 111].

Поэтому каждая поездка короля в Марли сопровождалась нешуточным ажиотажем. Если придворных выбирал король, то дам чаще всего назначала мадам де Ментенон. Правда, она все равно руководствовалась пожеланием венценосного супруга, у которого имелись свои симпатии и антипатии.

Сен-Симон рассказал о том, как чаще всего попадали в Марли: «Во время ужина, всегда проходившего за большим кувертом с участием Королевского дома, то есть только сыновей и дочерей Франции, внуков и внучек Франции, присутствовало всегда большое количество придворных и дам, как имевших право табурета, та и стоявших, а накануне поездок в Марли — и всех тех, кто хотел туда поехать. Это называлось «представиться для Марли». Мужчины и спрашивали позволения поехать в то же утро, говоря королю только: «Сир, Марли!». В последние годы жизни королю это надоело. Слуга в синей ливрее писал в галерее имена тех, кто испрашивал позволения поехать, им следовало прийти и внести себя в список. Дамы же по-прежнему представлялись королю» [28, с. 821].

Наиболее дерзкие, желающие попасть в число избранных, позволяли себе крикнуть в присутствии короля: «Сир, Марли!» (сегодня мы назвали бы эту фразу самым настоящим мемом придворного общества Великого века). Известны даже примеры того, как придворные шли на обман, ради того, чтобы поехать в Марли. Например, у Сен-Симона есть рассказ о том, как мадам д'Алегр перевозила достоинства своего зятя ради возможности бывать в Марли [10, с. 636].

Однако послам иностранных государей в Марли доступа не было, что лишний раз указывает на желание Людовика XIV отдохнуть в кругу близких людей.

Как писал современник, никто из иностранных послов и вообще иностранцев не бывал допущен в Марли. Правда, тут же он поведал об исключении, сделанном для герцога и герцогини де Альба, посла Испании и его супруги [10, с. 645].

Учитывая вышесказанное, не вызывает удивление то, что с годами время пребывания короля в Марли увеличивалось. В последние годы жизни Людовика такие визиты длились до трех месяцев. Впрочем, наверняка король это делал не только для своего окружения, но и для себя самого.

Приемники Людовика XIV хоть и не пренебрегали Марли (последний раз Людовик XVI посетил замок в июле 1789 г., в самый разгар первых месяцев Революции), однако домен потерял прежнюю значимость в вопросах управления придворным обществом.

Заключение

Денег Бернара, одолженных Короне на продолжение войны, разумеется, не хватило. В поисках дополнительных средств в следующем году Людовик XIV, как и двумя десятилетиями ранее, пожертвовал своим столовым серебром.

Первый раз он это сделал в декабре 1689 г., когда Франция воевала с Аугсбургской лигой. Тогда монарх издал указ, согласно которому все серебро богатых французов должно быть отдано на Монетный двор. Король первым подал пример: в течение пяти месяцев он смотрел на то, как из его апартаментов в Версале на Монетный двор уносили столовое серебро и знаменитую серебряную мебель [1, с. 542]. Своей обстановки лишилась Зеркальная галерея.

В 1709 г. история повторилась. В письме от 8 июня Вторая Мадам писала о том, что Людовик XIV решил продолжать войну, поэтому он отправил в Монетный двор весь свой золотой столовый сервис, тарелки, блюда, солонки, одни словом все, что у него было из золота, чтобы выпустить луидоры [23, с. 406].

В тот роковой для Франции год к неудачам на полях сражений прибавился и страшный голод. Описывая бедствия «ужасной» зимы 1709 г., де Сен-Симон не скупился на эпитеты: мор, замерзшие реки, холод, сковавший комнаты и коридоры Версальского дворца... [11, с. 288]. К довершению картины трагического положения, в котором оказалась Франция, мемуарист рассказал о затянувшемся финансовом кризисе: исчезновение денег в королевстве привело к неплатежеспособности сельского населения и истощению торговли [11, с. 297].

При этом придворный Людовика XIV подчеркнул, что хоть порча монеты и вздорожание на треть присущей ей стоимости принесли Короне выгоду, однако эти меры привели к разорению частных лиц и внесли в сумятицу в торговлю, довершившую ее гибель. Жертвой сложившейся ситуации стал и... банкир Самуэль Бернар, чье неожиданное банкротство разорило весь Лион; его падение повлекло за собой ужасные последствия; Демаре поддерживал его, пока было возможно. Причиной банкротства оказались бумажные деньги, которые обесценились. Банкир Бернар выпустил их на двадцать миллионов. Почти столько же задолжал он Лиону [11, с. 298].

Несомненно, имя банкира Бернара обессмертил рассказ герцога де Сен-Симона о прогулке Людовика XIV с ним в садах Марли. Упоминание же о

банкротстве финансиста, которое случилось через несколько месяцев, только усилило драматургию этой необычной и яркой судьбы.

Война за Испанское наследство, чуть не приведшая королевство Лилий на край гибели, продолжалась еще долгие пять лет. Франция потеряла былое могущество, но Наихристианнейшему монарху удалось сохранить целостность территории своей страны и укрепить на испанском престоле своих потомков. Свой вклад в конечный результат сделал и Самюэль Бернар, который одалживал Короне деньги, осознавая, что они не будут возвращены. Вклад же Людовика XIV, разумеется, не ограничивается прогулкой с банкиром с целью заполнения очередной суммы. Тем не менее, в тот майский день 1708 г. в садах Марли король продемонстрировал пример тончайшей, истинной дипломатии. И возможно настоящее величие Короля-Солнце как правителя не в громких победах и грандиозных строениях, а в подобных поступках, мотивами которых были чаяния королевства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюш Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш. Переведено с французского. Москва, 1998.
2. Жаке Н. Версаль: Золотой век / Н. Жаке. Переведено с французского. Москва, 2017.
3. Кальер Ф. О способах ведения переговоров с государями / Ф. Кальер. Переведено с французского. Москва, 2000.
4. Лафайет М.-М. де. История Генриетты Английской, первой жены Филиппа Французского, герцога Орлеанского / М.-М. де Лафайет // Лафайет М.-М. де. Сочинения. Переведено с французского. Москва, 2007. С. 169-214.
5. Лафайет М.-М. де. Мемуары французского двора за 1688 и 1689 годы / М.-М. де Лафайет // Лафайет М.-М. де. Сочинения. Переведено с французского. Москва, 2007. С. 322-374.
6. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях / Ж. Ленотр. Переведено с французского. Москва, 2003.
7. Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания / Ж.-К. Птифис. Переведено с французского. Санкт-Петербург: Евразия, 2008.
8. Севинье Мадам де. Письма / Мадам де Севинье. Переведено с французского. Санкт-Петербург, 2012.
9. Сен-Симон. Мемуары. 1691-1701 / Сен-Симон. Переведено с французского. Москва, 2007.
10. Сен-Симон. Мемуары. 1701-1707: В трех книгах / Сен-Симон. Переведено с французского. Москва, 2016.
11. Сен-Симон. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве / Сен-Симон. Переведено с французского. Москва, 1991.
12. Сольнон Ж.-Ф. Версаль / Ж.-Ф. Сольнон, Б. де Сессоль, Ф. Валлуар. Переведено с французского. Москва, 2007.
13. Bayard F. Bernard (Samuel) / F. Bayard // Dictionnaire du Grande Siècle. Paris, 2005. Pp. 188-189.

14. Bély L. Bernard, Samuel (1651-1739) / L. Bély // Dictionnaire de Louis XIV; sous la direction de L. Bély. Paris, 2015. Pp. 164-166.
15. Bély L. Desmarets ou Desmaretz, Nicolas (1648-1721) / L. Bély // Dictionnaire de Louis XIV; sous la direction de L. Bély. Paris, 2015. Pp. 408-410.
16. Bentz B. La machine de Marly / B. Bentz, É Soullard // Château de Versailles de l'Ancien Régime à nos jours. Château de Versailles. 2011. № 1. Pp. 72-77.
17. Boi M. du. Moi, Marie du Boi, gentilhomme vendômois, valet de chambre de Louis XIV / M. du Boi // Lebrun F. Louis XIV: Le roi de gloire. Paris, 2007. Pp. 130-131.
18. Chaline O. Le règne de Louis XIV / O. Chaline. Paris, 2005.
19. Château et jardins de Marly... / par M. l'abbé Delagrive, géographe de la ville de Paris, 1753. Accessed on 21 October 2020. URL: gallica.bnf.fr
20. Erlanger P. Louis XIV / P. Erlanger. Paris, 1978.
21. Hoog S. Marly (La machine de) / S. Hoog // Dictionnaire du Grande Siècle. Paris, 2005. 985 p.
22. Le château de Marly / [photogr. de] Bibliothèque nationale de France Accessed on 16 October 2020. URL: gallica.bnf.fr
23. Madame, duchesse d'Orléans, princesse Palatine. Lettres. Paris. 2009.
24. Petitfils J.-C. Louis XIV / J.-C. Petitfils. Paris, 2014.
25. Plan de Marly (aquarelle, vers 1732). Par P. Prieur (extrait du Recueil des Plans des châteaux et parcs de Versailles, Trianon et Marly, château de Versailles et de Trianon). Accessed on 17 October 2020.
26. Poitrineau A. Desmarets (Nicolas) / A. Poitrineau // Dictionnaire du Grande Siècle. Paris, 2005. Pp. 465-466.
27. Saint-Simon. Mémoires, ou l'Observateur véridique sur le règne de Louis XIV. Vol. III / Saint-Simon. Londre, Paris, 1983-1985.
28. Saint-Simon. Mémoires / Saint-Simon // Louis XIV tel qu'ils l'ont vu / Présenté par A. Maral. Paris, 2015. Pp. 648-828.

Maksim A. SIDORENKO¹

UDC 94

LOUIS XIV AND THE BANKER BERNARD: A STORY OF A WALK

¹ Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Department of World Economy, International Relations and Law,
Novosibirsk State University of Economics and Management;
Department of National and World History,
Novosibirsk State Pedagogical University
masid@list.ru

Abstract

Due to the Memoirs of the Duke de Saint-Simon, the walk of Louis XIV in the company of the banker of the royal court, Bernard, in the gardens of Marly on 6 May 1708, has become one of the most popular historical anecdotes about the Great Age and the Sun King. Moreover, not only for the public, but also for many historians. Thus, this seemingly insignificant event during the War of the Spanish Succession frankly escaped the due attention of the scientific community. The purpose of the proposed study is to reconstruct the meeting of the monarch and the financier, to refer to the history of the domain of Marly, to the exclusive place of this royal residence in the court policy of Louis XIV in the second half of his reign. Unfortunately, the main source of such research, Marly Castle itself, has not been preserved. However, numerous written testimonies of contemporaries and a rich iconography of the domain have come down to us — the author relies on these sources in his work. The perspective chosen by the researcher for studying the domain of Marly and its role in the management of the court society by the monarch makes it possible to significantly enrich the historiography of the French royal court of the Old Order. For what purpose did the king, who already had the Palace of Versailles and the Grand Trianon at his disposal, build Marly? Who exactly from the monarch's entourage had the right to visit this castle during the moments of the royal family's stay there? In addition, the article touches upon another important and relevant topic — the strategies of the ruler's behavior and their success in crisis situations, since the fate of France depended on the personal diplomacy of Louis XIV in 1708, a year of serious trials for the kingdom.

Citation: Sidorenko M. A. 2022. "Louis XIV and the banker Bernard: a story of a walk". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 206-223.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-206-223

Keywords

Old order, royal court, absolute monarchy, War of the Spanish Succession, Château de Marly, Louis XIV.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-206-223

REFERENCES

1. Blyush F. 1998. Louis XIV. Translated from French. Moscow. [In Russian]
2. Zhake N. 2017. Versailles: The Golden Age. Translated from French. Moscow. [In Russian]
3. Kalier F. 2000. On the Ways of Negotiating with Sovereigns. Translated from French. Moscow. [In Russian]
4. Lafajet M.-M. de. 2007. "History of Henrietta of England, first wife of Philip of France, Duke of Orleans". Lafajet M.-M. de. Works. Translated from French. Moscow. Pp. 169-214. [In Russian]
5. Lafajet M.-M. de. 2007. "Memoirs of the French court for 1688 and 1689". Lafajet M.-M. de. Works. Translated from French. Moscow. Pp. 322-374. [In Russian]
6. Lenotr Zh. 2003. Daily Life of Versailles Under the Kings. Moscow. [In Russian]
7. Ptifis Zh.-K. 2008. Louis XIV. Glory and Trials. Translated from French. Saint-Petersburg: Evraziya. [In Russian]
8. Seviniye Madam de. 2012. Letters. Saint-Petersburg. [In Russian]
9. Sen-Simon. 2007. Memoirs. 1691-1701. Moscow. [In Russian]
10. Sen-Simon. 2016. Memoirs. 1701-1707: In 3 books. Moscow. [In Russian]
11. Sen-Simon. 1991. Complete and Authentic Memoirs of the Duke de Saint-Simon on the Age of Louis XIV and the Regency. Translated from French. Moscow. [In Russian]
12. Solnon Zh.-F., Sessol B. de, Valluar F. 2007. Versal. Translated from French. Moscow. [In Russian]
13. Bayard F. 2005. "Bernard (Samuel)". Dictionnaire du Grande Siècle. Paris. Pp. 188-189.
14. Bély L. 2015. "Bernard, Samuel (1651-1739)". Dictionnaire de Louis XIV; sous la direction de L. Bély. Paris. Pp. 164-166.
15. Bély L. 2015. "Desmarets ou Desmaretz, Nicolas (1648-1721)". Dictionnaire de Louis XIV; sous la direction de L. Bély. Paris. Pp. 408-410.
16. Bentz B., Soullard É. 2011. "La machine de Marly". Château de Versailles de l'Ancien Régime à nos jours. Château de Versailles. No. 1, pp. 72-77.
17. Boi M. du. 2007. "Moi, Marie du Boi, gentilhomme vendômois, valet de chambre de Louis XIV". Lebrun F. Louis XIV: Le roi de gloire. Paris. Pp. 130-131.
18. Chaline O. 2005. Le règne de Louis XIV. Paris.
19. Château et jardins de Marly... Par M. l'abbé Delagrive, géographe de la ville de Paris, 1753. Accessed on 21 October 2020. gallica.bnf.fr
20. Erlanger P. 1978. Louis XIV. Paris.
21. Hoog S. 2005. "Marly (La machine de)". Dictionnaire du Grande Siècle. Paris. 985 p.
22. Le château de Marly. Bibliothèque nationale de France. Accessed on 16 October 2020. gallica.bnf.fr

23. Madame, duchesse d'Orléans, princesse Palatine. Lettres. Paris. 2009.
24. Petitfils J.-C. 2014. Louis XIV. Paris.
25. Plan de Marly (aquarelle, vers 1732). Par P. Prieur (extrait du Recueil des Plans des châteaux et parcs de Versailles, Trianon et Marly, château de Versailles et de Trianon). Accessed on 17 October 2020.
26. Poitrineau A. 2005. "Desmarets (Nicolas)". Dictionnaire du Grande Siècle. Paris. Pp. 465-466.
27. Saint-Simon. 1983-1985. Mémoires, ou l'Observateur véridique sur le règne de Louis XIV. Vol. 3. Londres; Paris.
28. Saint-Simon. 2015. "Mémoires". Louis XIV tel qu'ils l'ont vu. Présenté par A. Maral. Paris. Pp. 648-828.

Сергей Михайлович РЯЗАНОВ¹

УДК 94(47).08

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИЦИИ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ УРАЛА В 60-80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

¹ кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Пермский институт ФСИН России
s_gyazanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5137-3614

Аннотация

Историография полиции Урала берет начало с исследований городской полиции, начавшихся во второй половине 90-х гг. параллельно на Южном Урале и в Вятском Предуралье. В то же время какие-то обобщения развития городских полицейских учреждений в XIX в. имели место исключительно в рамках Южного Урала и Вятского Предуралья, обобщающая работа о городской полиции всего региона до сих пор не увидела свет. Объектом настоящего исследования выступают преобразования городской полиции Урала в 60-80-е гг. XIX в. Актуальность исследования для исторической науки, с одной стороны, обусловлена тем, что в урбанизированном пространстве процессы, связанные с модернизацией, шли особенно активно и своевременность преобразований полиции имела здесь особое значение.

В качестве методов исследования использовались «классические» методы исторической науки: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический.

В результирующей части рассмотрены меры, предпринятые региональными и центральными властями, для усиления полиции уездных городов во второй половине XIX в. Проведено сравнение дореформенных и новых штатов полиции.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что реформы носили противоречивый характер. Основная причина недостатков как реформы 1887 г., так и последующих, крылась в противоречии между реальной потребностью городов в полицейских силах и недостатке городских средств для удовлетворения этих потребностей.

Цитирование: Рязанов С. М. Становление и развитие полиции в уездных городах Урала в 60-80-е годы XIX века / С. М. Рязанов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 224-240. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-224-240

Таким образом, реформа 1862 г. несколько ослабила городские полицейские силы, а общий рост городского населения и отсутствие преобразований вплоть до 1887 г. еще более усиливал кризисные явления.

Ключевые слова

Вятская губерния, городской, околоточный надзиратель, Оренбургская губерния, Пермская губерния, полицейская команда, полицейский пристав, преступность, Уфимская губерния.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-224-240

Введение

«Великие реформы» Александра II, согласно концепции Б. Н. Миронова, выступили в качестве катализатора начавшихся ранее в российском обществе модернизационных явлений [20, с. 93]. Особенно активное развитие новые тенденции приобрели в урбанизированном пространстве. Это вело к нарастанию социальной нестабильности, концентрации в городах особенно в индустриально развитых, маргинализованного населения, что настоятельно требовало серьезных преобразований правоохранительных органов Российской империи.

Анализ количественных и качественных изменений штатов полиции уездных городов Урала в 60-80-е гг. XIX в. является целью настоящей публикации. С точки зрения исторической полицейстики тема настоящей статьи позволяет ответить на более чем актуальный вопрос: насколько соответствовал уровень развития органов охраны правопорядка потребностям модернизирующегося общества. Устройство полиции населенного пункта Российской империи, в большинстве случаев, определялось его формальным статусом. Уездный город, благодаря этому, как будто получал преимущество сравнительно с заводским поселением или селом, имея возможность решением органа местного самоуправления определять собственные полицейские силы. Однако, учитывая, что и содержать эти штаты город должен был за свой счет, порой, положение сельских населенных пунктов оказывалось более выгодным. Отход от подобной системы финансирования полиции наметился уже в конце XIX в. и завершился накануне Первой мировой войны, когда Правительство, с 1 января 1914 г., взяло на свой счет половину от всех расходов на содержание городской полиции [17, с. 83-84]. Однако непосредственный интерес представляет предшествующий период, когда губернская, а, порой, и центральная власть вела усиленную борьбу за усиление полиции города с органами местного самоуправления, не имеющими возможности или желания выделять средства на содержание полиции. Таким образом, хронологические рамки исследования ограничены с одной стороны «Временными правилами об устройстве полиции» от 25 декабря 1862 г., а с другой — реформой нижнего состава городской полиции 14 апреля 1887 г., которая хотя и не имела такого же значения как Временные правила, но так или иначе коснулась всех уездных городов региона. Географические границы очер-

чены четырьмя губерниями, составлявшими Урал (Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской). Предметом исследования выступает полиция городов Урала, подчиненных уездным исправникам.

Одними из первых к анализу изменений организационной структуры городской полиции в исследуемый период приступили либеральные юристы второй половины XIX в.: И. А. Андреевский [1] и И. Т. Тарасов [48, с. 39-52]. Однако ни дореволюционные [1, 48], ни, в последующем, советские авторы [11, 23] не обращались к уральским городам, даже в качестве примера устройства полиции, не говоря уже о серьезном анализе местного материала. Историография собственно уральской полиции берет начало только во второй половине 1990-х гг. Примечательно, что вероятно самая первая работа, специально посвященная истории полиции региона, краеведа В. Е. Мусихина, обращалась именно к городской полиции, правда, губернского центра — Вятки — и в начале XX в. [24]. К истории полиции уездного города во второй половине XIX в. первым обратился Е. П. Сичинский — на примере г. Челябинска [45]. Обобщающий же труд об уральской полиции, правда, в рамках одной губернии — Уфимской — увидел свет уже в 2000 г. [22]. Спустя 5 лет Е. П. Сичинским был обобщен опыт построения органов общей полиции на материалах всего Южного Урала (Оренбургская и Уфимская губернии) [44]. Городская полиция Вятской губернии, в целом, была лишь сравнительно недавно рассмотрена в статье С. Г. Егорова и С. А. Трушкова [10]. Полиция уездных городов Пермской губернии во второй половине XIX в. столь же серьезного внимания, к сожалению, до сих пор удостоена не была.

Для восполнения этой лакуны и обобщения материала по другим губерниям был использован целый блок исторических источников, прежде всего делопроизводственных документов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) и Государственном архиве Пермского края (г. Пермь). Важную роль в исследовании сыграли и опубликованные источники — нормативные правовые акты из «Полного собрания законов Российской империи».

Методы

В качестве общей методологии исследования выступает теория модернизации в варианте, предложенном Б. Н. Мироновым. Более всего в ней импонирует интеграция России, а, следовательно, и Урала в общемировые модернизационные процессы, что позволяет сравнивать полицию уральских городов не только с населенными пунктами других регионов России, но и иных стран [20, с. 93].

Исторический источник понимается в данном исследовании, прежде всего, как продукт «чужой одушевленности», а, следовательно, его исследование не сводится к внутренней и внешней критике, а основывается на методах герменевтики.

Для анализа выявленной в источниках информации (исторических фактов) применялись общенаучные методы (дедукция, индукция, системный анализ) и традиционные методы исторической науки (историко-генетический, историко-

сравнительный и историко-типологизирующий). Для исследования нормативных правовых актов применялся историко-правовой подход.

Результаты исследования и их обсуждение

Полицейская реформа 25 декабря 1862 г. разделила все уральские города на два типа: имеющие самостоятельную полицию и подчиненные уездным исправникам. К первой категории законом были отнесены первоначально города Вятка, Оренбург, Пермь и Уфа [8, с. 589; 55, с. 543], а несколько позднее — г. Екатеринбург [31]. Остальные уральские города принадлежали ко второй категории и делились на уездные, в которых располагались «квартиры» исправников, и безуездные (заштатные). До реформы каждый уездный город возглавлялся самостоятельным городничим, имеющим канцелярию, как правило, в виде единственного письмоводителя. Однако в отдельных городнических правлениях ситуация с числом чиновников была значительно лучше, чем стала после реформы. Так в г. Кунгуре, по данным на 1845 г., канцелярия городничего включала 3 канцелярских чиновника, а сам город делился на 2 части во главе с квартальными надзирателями [56-57]. По штатам 1863 г. в каждый уральский уездный город полагался единственный полицейский надзиратель 1 разряда. Полицейский надзиратель непосредственно подчинялся уездному исправнику. Исключение составляли города Кунгур, Мензелинск, Сарапул и Шадринск, которые были разделены на 2 части, в каждой из которых состоял полицейский надзиратель 2 разряда [39-42]. При этом разделении учитывалась явно не населенность городов, а дореформенный состав полиции. Так города Слободской, Стерлитамак, Троицк и Челябинка насчитывали больше жителей, чем г. Мензелинск (4910 чел. в 1863 г.) [35, с. 124], но имели только одного полицейского надзирателя. Данная «несправедливость» очень скоро была урегулирована местными властями. Уже в 1863 г. 1 мензелинский полицейский надзиратель был переведен в г. Уфу для исполнения обязанностей помощника пристава [44, с. 72]. Г. Ирбит, в силу своего торгового значения, имел полицейского пристава с двумя помощниками [38], хотя по населенности, вне периода ярмарки (3373 чел. в 1861 г.), уступал всем вышеперечисленным городам. Безуездные города, даже такие крупные как Алапаевск (5130 чел. в 1861 г.) [36, с. 103], полицейских надзирателей не получали, а подчинялись непосредственно становым приставам [8, с. 591]. 5 мая 1865 г. при выделении из Оренбургской губернии Уфимской был создан еще один уездный центр — г. Златоуст. Изначально в нем также, как и в других подобных городах, была учреждена лишь должность полицейского надзирателя 1 разряда. Однако в силу значительного числа жителей (15 тыс.) и большой протяженности города [14] уже 15 мая 1867 г. состав полиции был усилен еще 2 полицейскими надзирателями 2 разряда [26]. В дальнейшем чиновничий состав полиции принципиальных изменений не претерпел, если не считать перевода в 1886 г. одного из полицейских надзирателей г. Златоуста для «временного заведывания» 4 частью г. Уфы [44, с. 72] и введения за счет города должности околоточного надзирателя в г. Камышлове [33, л. 1 об].

Ниже чиновников в городской полицейской иерархии располагались городские полицейские команды. Их порядок формирования и численность в уездных городах Урала оставались, согласно реформе, в границах, определенных нормативным актом от 23 июня 1853 г. Пополнялись полицейские команды за счет рядовых и унтер-офицеров, неспособных к строевой службе (2 разряда). Исходя из численности населения (примерно 1 нижний чин на 500 жителей) [54, с. 58], в 1853-1854 гг. были утверждены следующие штаты: в 4 (16%) городах — по 3 рядовых, в 10 (40%) городах — по 4, в г. Верхнеуральске — 5; в 3 (12%) городах — по 6, в 2 (8%) городах — по 7; в г. Елабуге — 9, в г. Сарапуле — 10, в г. Троицке — 9 рядовых и 1 младший унтер-офицер; в 2 (8%) городах — 10 рядовых и 1 младший унтер-офицер [2, л. 59 об.; 3, л. 62; 4, л. 72; 5]. Очевидно, что на протяжении последующих 10 лет численность городского населения быстро росла, и эти штаты нуждались в увеличении. До 1864 г. местные исправники могли восполнять недостаток в городских за счет пожарных служителей, также формирующихся из военнотружущих 2 разряда. С принятием «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» пожарная часть перешла в ведение органа местного самоуправления. «С уничтожением пожарных команд... во многих городах Вятской губернии состав полицейских команд остался при трех служителях, из коих один постоянно должен быть при полиции, двое же остальных, — если, при этом, допустить еще одного слабого, или больного — ни в каком случае, не в состоянии исполнять исправно все ежедневные... полицейские труды и, кроме того, ночной надзор по городу» [6], — отмечал вятский губернатор. Помимо количественных оставляли желать лучшего и качественные характеристики нижних полицейских служителей из военнотружущих 2 разряда, что также не раз отмечалось местным начальством [21, с. 64-65].

Некоторое увеличение нижнего состава полиции произошло после подавления польского восстания и начала масштабной ссылки на Урал. В мае 1863 г. число городских было увеличено на Урале (без учета губернских центров) на 70 человек для надзора за 333 политическими ссыльными. Были усилены, в том числе, полицейские команды безуездных городов [46-47]. Хотя прилагаемая «Инструкция» призвала использовать добавочных полицейских служителей только для обозначенной выше цели [15, л. 4 об], учитывая кадровый голод, местное полицейское начальство, очевидно, пренебрегало этим правилом. В отличие от остальных нижних чинов «добавочные городские» содержались за счет казны [53, л. 7 об.].

С 1870 г. в более выгодном положении, сравнительно с другими уральскими губерниями, оказалась Пермская. В 1870 г. здесь была введена полицейская стража. Несмотря на то, что институт предназначался для сельской местности и стражники, согласно «Инструкции», должны были быть распределены по участкам, в действительности все было не так. Значительная часть стражи (39%) располагалась крупными отрядами в уездных городах, применялась для сопровождения ссыльных и почты, редких экспедиций в уезд, но, по большей части, выполняла функции городской полиции [9]. Так к апрелю 1878 г. в г. Кунгуре

находился отряд из 9 конных и 6 пеших стражников, в г. Красноуфимске — 2 конных и 8 пеших, в г. Камышлове — 9 конных, в г. Шадринске — 8 конных и 6 пеших, в г. Ирбите — 3 пеших, в г. Верхотурье — по 4 пеших и конных, в г. Чердыни — 5 пеших, в г. Соликамске — 1 конный и 5 пеших, в г. Оханске — 6 конных и 4 пеших, в г. Осе — 7 пеших [34, л. 3-5]. В некоторых городах число стражи, таким образом, не только превосходило в несколько раз утвержденный министром состав городских, но и, по сути, дополняло его «за казенный счет» всадниками, чем, разумеется, не могли похвастать городские полиции других губерний.

Новый удар по нижнему составу городской полиции региона был нанесен введением всеобщей воинской повинности. На основании именного указа от 4 июля 1873 г. военное ведомство было освобождено от поставки военнотружущих в городские полицейские команды. Вместо этого органы местного самоуправления должны были обеспечить пополнение увольняемых по тем или иным причинам военнотружущих вольнонаемными служителями [44, с. 109]. В 1880 г. были отменены содержимые за счет казны «добавочные городские» для надзора за политическими ссыльными, восполнить потери городам также было предложено «за свой счет» [43, л. 7-8].

Правительство нашло выход из ситуации в осуществлении городскими обывателями ночной «караульной повинности». Так в 1879 г. местные власти уральских городов, одни за другими, стали принимать «обязательные постановления» «об отправлении ночных караулов». Например, Челябинской городской думой 7 июня 1879 г. устанавливалась круглогодичная ночная охрана города. Обязанность содержать караульных возлагалась на всех городских обывателей, имевших дома, лавки и другую недвижимую собственность, а также на квартирантов, управляющих домами [44, с. 109]. Другими словами, одну устаревшую форму исполнения полицейских функций военными, неспособными к строевой службе, сменила другая — такая же непрофессиональная. К этому стоит добавить часто упускаемую из виду отечественными исследователями полиции деталь. Как губернаторской властью [16, с. 34-35], так и органами местного самоуправления [30], под целью караульной повинности понималась исключительно пожарная безопасность в городах, а обеспечение правопорядка на улицах и другие важные функции, по-прежнему, лежали на немногочисленных служителях полиции.

Наконец, в 1887 г. правительство попыталось изменить ситуацию к лучшему. К этому времени полицейские команды городов Урала были увеличены органами местного самоуправления почти в 2 раза, сравнительно со штатами 1853-1854 гг. и выглядели следующим образом: в 9 (30%) городах 1 городской приходился на 200-500 жителей, в 15 (50%) — на 500-800 и в оставшихся 6 (20%) — более чем на 800 жителей, причем в городах Кунгуре, Златоусте и Шадринске 1 городской приходился более чем на 1000 жителей. В городах Златоусте и Верхнеуральске часть городских была конными, в г. Уржуме — 1 конный городской, в городах Троицке и Стерлитамаке старшие городские имели лошадь, а в городах Челябинске и Троицке дума нанимала ночных конных объездчиков, не входящих в штат городских, но выполняющих, по сути, по-

лицейские функции [12-13; 18-19, л. 4-5; 27; 33, л. 1 об. — 2, 4; 43, л. 10 об. — 23]. В апреле 1887 г. было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, установившее в городах штаты полиции — не более 1 городского на 500 жителей, причем на 4 младших городских должен был приходиться 1 старший. Хотя реформа, согласно букве закона, распространялась на все города независимо от их статуса [25] губернаторы, кроме вятского, не представили данных по заштатным городам. В результате в безуездном городе с населением менее 2 тыс. человек — Царевосанчурске — штат был утвержден министром внутренних дел, а в гораздо более крупных городах, как например Алапаевск или Илецкая Защита, — нет. Так как норма закона устанавливала лишь максимально возможные штаты и оклады городской полицейской команды, которыми мог «обременить» город министр внутренних дел, то городские думы, ссылаясь на текущий дефицит бюджета, недостаток доходов, значительный долг органа местного самоуправления и другие причины, поспешили предложить оставить штаты и оклады городских без каких-либо изменений, незначительно увеличить или даже, где «цифра населения» на одного городского была менее 500, — сократить. Для того, чтобы избежать значительных сокращений штатов губернаторской власти и Департаменту полиции приходилось идти на отдельные ухищрения. Например, в г. Орлове с населением 3370 человек 12 городских должны были быть сокращены до 6. На это не готов был пойти даже город, предлагавший держать помимо штатных 2 сверхштатных городских. Департамент полиции, в свою очередь, присовокупил к городскому условную 1 тыс. человек пригородного населения, чего не делал для большинства городов, а затем еще и округлил до 4500 тыс. Благодаря этим припискам полиция была сокращена, как и просил губернатор, всего на 1/3 — до 9 служащих [43, л. 10 об. — 11; 49]. В других городах штаты, как, впрочем, и оклады, предложенные органами местного самоуправления, также не устроили губернаторов, и они были скорректированы, как правило, в сторону увеличения. Разногласия не возникло лишь в безуездном Царевосанчурске, где Дума сама согласилась увеличить число городских с 2 до 3. Яркое исключение на этом фоне составил оренбургский губернатор Н. А. Маслоковец, принявший проекты всех 4 местных дум, без всяких дополнений со своей стороны [32]. В целом по Уралу, число городских было увеличено реформой всего на 22%, однако, структура нижнего состава изменилась значительно. В каждом городе, кроме 2, где население не превышало 2 тыс. человек, были учреждены должности от 1 до 5 старших городских, а немногочисленные конные городские ликвидированы. Относительное число городских по новым штатам распределилось следующим образом: в 13 (43%) городах 1 городской приходился на 300-500 жителей, в 14 (47%) — на 500-600 и только в 3 городах, пусть и в одних из самых крупных, не удалось приблизиться к предельным штатам — Верхнеуральск (667), Троицк (751) и Златоуст (769) [49-52]. Если первые 2 города находились в Оренбургской губернии, начальник которой не стал оспаривать предложения дум, то г. Златоуст (Уфимская губерния) действительно не мог нанять больше 25 городских,

т.к. даже этот штат обходился ему почти в четверть всего городского бюджета [29]. Для сравнения г. Кунгур, Дума которого весьма неохотно вводила новые штаты и оклады, превышающие златоустовские на 2 младших городских, тратил на нижних чинов полиции не более 8% от всех своих расходов [28].

Переходя к обобщениям, стоит заметить, что, если для заводских поселений Урала период 60-х — 80-х гг. XIX в. выглядел как процесс постепенного восстановления утраченных дореформенных штатов с новыми более высокими окладами, то развитие полиции в городах выглядит гораздо более противоречивым. Во-первых, не наблюдалось никакого роста полицейских чиновников, а происходило их фактическое сокращение за счет перераспределения в губернские центры. К концу исследуемого периода и в Оханске с населением в 1,5 тыс. и в 11-тысячном Орске полагался по-прежнему, 1 полицейский надзиратель. Непоследовательным было и развитие штатов нижних полицейских служащих. Так реформа 1873 г., прекратившая назначение в полицейские команды нижних воинских чинов второго разряда, хотя де юре и не уменьшала штаты, явно сократила их де факто, так как желающих служить в полицейских командах за низкое жалование добровольно не хватало. В 1880 г. отмена добавочных штатов для надзора за ссыльными уже явно сократила силы полиции. Даже реформа 1887 г., установившая верхнюю границу — 1 городского на 500 человек, привела к тому, что на фоне общего роста по Уралу, в отдельных городах, штаты полиции были, наоборот, сокращены. Проблема усложнялась ростом городского населения, который часто сводил на нет даже самые крупные увеличения штатов. Наконец, очевидно, что раз органы местного самоуправления тратили значительные средства на конных объездчиков, многие города уже нуждались в конных городских, однако Правительство не предусматривало таких должностей даже в законе 1906 г., не говоря уже о 1887 г.

Помимо несовершенства законодательной базы причины противоречий реформы 1887 г. отчасти кроются в субъективных факторах. Так вятский губернатор представил сведения о безуездном городе, тогда как оренбургский и пермский не последовали его примеру. Два из трех городов, где штаты и оклады городских были утверждены в 1887 г. в явно заниженном виде — находились в Оренбургской губернии, начальник которой, в отличие от остальных губернаторов, не встал вступать в конфликт с органами местного самоуправления.

Однако главной проблемой на протяжении всего периода выступало объективное противоречие между потребностью в значительном усилении полиции и недостаточностью городских доходов для ее удовлетворения. Наиболее ярким примером был, без сомнения, «искусственный» уездный центр — г. Златоуст, который являясь, по сути, заводским поселением имел самую большую необходимость в полиции как в силу количества, так и «качества» местных жителей. И ровно по той же самой причине имел недостаточные для этого доходы, так как, по сути, ничего не мог с населявших его тысяч рабочих взять в свою пользу. Безусловно, г. Златоуст был уникальным случаем, но проблема «обременительности» расходов на полицию, в большей или меньшей степени, касалась

почти всех уездных городов Урала. Правительство же, в интересах экономии, оставалось непреклонно, четко следуя устаревшему правилу о содержании нижних чинов полиции на городские средства.

Заключение

Таким образом, рассматривая изменения полицейских команд уральских городов на протяжении первого послереформенного тридцатилетия, можно отметить, что периоды усиления чередовались с периодами ослабления. Наиболее важным актом явилась реформа 1887 г., которая как видно из представленных выше количественных данных, не смотря на все свои недостатки, сумела уровнять полиции подавляющего большинства уральских городов относительно численности населения. Последующий неравномерный рост городского населения, тем не менее, нивелировал эти усилия властей. Однако изучение уральской городской полиции конца XIX — начала XX в. задача дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции в России / И. Е. Андреевский. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Ко, 1878. 16 с.
2. Ведомость городам, в коих, взамен вольнонаемных служителей, назначены м[и]н[истр]ом внутр[енних] дел 10 июня 1853 г. в полицейскую и пожарную команды нижние воинские чины 2 разряда. 22 июня 1853 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 565а. Л. 59 об. – 60.
3. Ведомость городам, в коих, взамен вольнонаемных служителей, назначены м[и]н[истр]ом в[нутренних] дел 18 июня 1853 г. в полицейскую и пожарную команды нижние воинские чины 2 разряда. 23 июня 1853 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 565а. Л. 61 об. – 62.
4. Ведомость городам Вятской губ[ернии], в коих, взамен вольнонаемных служителей, назначены м[и]н[истр]ом в[нутренних] дел 13 августа 1854 г. в полиц[ейские] и пожар[ные] команды нижние воинские чины 2 разряда. 18 авг. 1854 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 565а. Л. 150.
5. Ведомость утвержденным г[осподином] министром внутр[енних] дел 23 июля 1853 г. штатам полицейских и пожарных для городов команд. 31 июля 1853 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 565а. Л. 71 об. – 72.
6. Выписка из отношения начальника Вятской губернии от 25 июня 1865 г. за № 8932. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 95. Л. 50.
7. Высочайше утвержденное Городовое положение: Именной указ от 16 июня 1870 г. № 48498 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 45. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1874. С. 821-839.
8. Высочайше утвержденные Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых: Именной указ от 25 дек. 1862 г. № 39087 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 37. Ч. 2. Санкт-Петербург: Типография 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1865. С. 588-597.

9. Донесение чиновника особых поручений коллежского советника барона фон Гейкинга министру внутренних дел. 4 нояб. 1879 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 282. Л. 17-29.
10. Егоров С. Г. Состав и деятельность полиции Вятской губернии в пореформенную эпоху / С. Г. Егоров, С. А. Трушков // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 129-140.
11. Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка: лекция / Т. И. Желудкова. Москва: Академия МВД СССР, 1977. 39 с.
12. Журнал заседания Верхнеуральской городской думы от 24 авг. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 8-9.
13. Журнал заседания Троицкой городской думы. 17 сент. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 10-17.
14. Изложение дела. 18 фев. 1867 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 574. Л. 21-21 об.
15. Инструкция полиции. Государственный архив Пермского края. Ф. 297. Оп. 3. Д. 247. Л. 4-4 об.
16. Кантимирова Р. И. Борьба с пожарами в имперской России (на материалах Уфимской губернии второй половины 1870-х гг.) / Р. И. Кантимирова // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 32-38.
17. Касьянов А. В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Касьянов. Москва, 2015. 177 с.
18. Копия с журнального определения Челябинской городской думы на 13 октября 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 18-19.
19. Копия с постановления Уфимского губернского правления состоявшегося 5 октября 1887 года. 13 окт. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 33. Л. 2-11 об.
20. Миронов Б. Н. Модернизация России в XIX–XX вв. как конвергенционный проект / Б. Н. Миронов // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 91-103.
21. Масалимов А. С. Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование): моногр. / А. С. Масалимов. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2016. 103 с.
22. Масалимов А. С. Реформы суда и полиции России 60-90-х годов XIX века (на материалах Уфимской губернии): дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Масалимов. Уфа, 2000. 238 с.
23. Мулукаев Р. С. Система органов внутренних дел дореволюционной России: лекция / Р. С. Мулукаев. Москва: б. и., 1978. 31 с.
24. Мусихин В. Е. Деятельность вятской полиции в начале XX века / В. Е. Мусихин // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX — первая половина XX вв.): материалы докладов и документы научно-практич. конф., Киров, 25 мая 1996 г. Киров: Триада-С, 1997. С. 42-52.
25. О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции: Высочайше утв. мнение Гос. совета от 14 апр. 1887 г. № 4351 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 7. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1889. С. 171.

26. Об усилении штата Златоустовского уездного полицейского управления: Высочайше утв. мнение Гос. совета от 15 мая 1867 г. № 44581 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 42. Ч. 1. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собств. его император. величества канцелярии, 1871. С. 746.
27. Объяснительная ведомость к проекту штата городских полицейских команд Оренбургской губернии. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 24.
28. Объяснительная ведомость к проекту штата городских полицейских команд Пермской губернии. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 34. Л. 56.
29. Объяснительная ведомость к проекту штата городских полицейских команд Уфимской губернии. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 33. Л. 41.
30. Обязательное для жителей г. Уржума постановление, изданное Уржумской городской думой, о мерах предосторожности против пожаров // Вятские губернские ведомости. 1879. 18 авг. С. 2.
31. Отношение министра финансов министру внутренних дел. 3 июня 1863 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 25-26.
32. Отношение начальника оренбургской губернии в Департамент полиции. 31 окт. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 2.
33. Отношение пермского губернатора министру внутренних дел. 12 окт. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 34. Л. 1-6 об.
34. Отношение пермского губернатора министру внутренних дел. 7 фев. 1879 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 282. Л. 2-14 об.
35. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа: Оренбург. губ. тип., б. г. 132 с.
36. Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. / С. С. Пенн. Пермь: Губ. тип., 1862. 402 с.
37. Распределение учрежденных по Высочайшему повелению 1-го февраля 1899 г. полицейских должностей по фабрикам и заводам, расположенных в пределах Пермской губернии. 25 июня 1899 г. Государственный архив Пермского края. Ф. 36. Оп. 10. Д. 3. Л. 98-99 об.
38. Расписание содержания Ирбитского уездного полицейского управления в Пермской губернии, составленное на основании нормальных штатов, высочайше утвержденных в 25 день декабря 1862 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 14.
39. Расписание содержания Кунгурского уездного полицейского управления в Пермской губернии, составленное на основании нормальных штатов, высочайше утвержденных в 25 день декабря 1862 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 13.
40. Расписание содержания Мензелинского уездного полицейского управления в Оренбургской губернии, составленное на основании нормальных штатов, высочайше утвержденных в 25 день декабря 1862 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 112. Л. 13.

41. Расписание содержания Сарапульского уездного полицейского управления в Вятской губернии, составленное на основании нормальных штатов, высочайше утвержденных в 25 день декабря 1862 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 95. Л. 11.
42. Расписание содержания Шадринского уездного полицейского управления в Пермской губернии, составленное на основании нормальных штатов, высочайше утвержденных в 25 день декабря 1862 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 13.
43. Сведение о составе и устройстве полицейских команд в городах Вятской губернии, согласно Высочайше утвержденного 14 апреля 1887 г. мнения Государственного совета. 11 сент. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 20. Л. 4-25.
44. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия / Е. П. Сичинский. Москва: Майор, 2005. 266 с.
45. Сичинский Е. П. Страницы истории полиции дореволюционного Челябинска / Е. П. Сичинский. Челябинск: Челябин. юрид. ин-т МВД России, 1999. 88 с.
46. Список местностей, куда отсылаются под полицейский надзор уроженцы Великороссийских и других губерний. Государственный архив Пермского края. Ф. 297. Оп. 3. Д. 247. Л. 6-6 об.
47. Список местностей, куда отсылаются под полицейский надзор уроженцы западных губерний. Государственный архив Пермского края. Ф. 297. Оп. 3. Д. 247. Л. 5-5 об.
48. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1885. 160 с.
49. Штат городских полицейских команд Вятской губ[ернии]. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 20. Л. 32.
50. Штат городских полицейских команд Оренбургской губернии. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 35. Л. 23.
51. Штат городских полицейских команд Пермской губернии. 15 дек. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 34. Л. 55.
52. Штат городских полицейских команд Уфимской губернии. 31 окт. 1887 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32 ч. 33. Л. 40.
53. Штат полицейских служителей, назначенным в местности, определенные для высылки лиц, под надзор полиции, за вредные политические стремления. Государственный архив Пермского края. Ф. 297. Оп. 3. Д. 247. Л. 7-7 об.
54. Штаты и таблицы к № 27372. 23 июня 1853 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 28. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1865. С. 58-62.
55. Штаты и таблицы к № 39087. 25 дек. 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 37. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. его император. величества канцелярии, 1865. С. 543-544.
56. Формулярный список о службе кунгурских городничего, письмоводителя и квартальных надзирателей за 1845 год. 29 июня 1845 г. Государственный архив Пермского края. Ф. 36. Оп. 2. Д. 32в. Л. 22 об. – 24.
57. Формулярный список о службе письмоводителя кунгурского городничего унтер-штахтмейстера второго класса Ивана Алексея Медведева за 1845 год. Государственный архив Пермского края. Ф. 36. Оп. 2. Д. 32в. Л. 31-32.

Sergey M. RYAZANOV¹

UDC 94(47).08

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE POLICE
IN THE COUNTRY CITIES OF THE URALS
IN THE 60S AND 80S OF THE 19TH CENTURY**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Assistant Professor,
Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Perm Institute of the FPS of Russia
s_ryazanov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5137-3614

Abstract

The historiography of the Ural police originates from the studies of the city police, which began in the second half of the 1990s at the same time in the South Urals and in the Vyatka Cis-Urals. Furthermore, some generalizations of the development of urban police institutions in the 19th century took place exclusively within the South Urals and Vyatka Cis-Urals, a generalizing work on the city police of the entire region has not yet been published. The object of this study is the transformation of the city police of the Urals in the 60s — 80s of the 19th century. The relevance of the study for historical science, on the one hand, is due to the fact that in the urbanized space, the processes associated with modernization were particularly active and the timeliness of police reforms was of particular importance here.

As research methods, there were used the “classical” ones: historical-genetic, historical-comparative, historical-typological.

The resulting part examines the measures taken by regional and central authorities to strengthen the police of country cities in the second half of the 19th century. A comparison of pre-reform and new police states is carried out.

Based on the above data, it can be concluded that the reforms were controversial. The main reason for the shortcomings of both the reform of 1887 and subsequent ones lay in the contradiction between the real need of cities for police forces and the lack of city funds to meet these needs.

Citation: Ryazanov S. M. 2022. “Formation and development of the police in the country cities of the Urals in the 60s and 80s of the 19th century”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 224-240.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-224-240

Thus, the reform of 1862 somewhat weakened the city police forces, and the general growth of the urban population and the lack of reforms until 1887 further intensified the crisis phenomena.

Keywords

Vyatka province, policeman, district warden, Orenburg province, Perm province, police team, police officer, crime, Ufa province.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-224-240

REFERENCES

1. Andreevskiy I. E. 1878. Reform of the Executive Police in Russia. Saint-Petersburg: Typography of V. Bezobrazov and Ko. 16 p. [In Russian]
2. Bulletin to the Cities in Which, Instead of Civilian Servants, the Lower Military Ranks of the 2nd Grade Were Appointed by the Internal Affairs Officers on 10 June 1853 to the Police and Fire Brigade. 22 June 1853. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 14. D. 565a. L. 59 ob. – 60. [In Russian]
3. Bulletin to the Cities in Which, Instead of Civilian Servants, the Lower Military Ranks of the 2nd Grade Were Appointed by M[in]ister of In[ternal] Affairs on 18 June 1853 to the Police and Fire Brigade. 23 June 1853. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 14. D. 565a. L. 61 ob. – 62. [In Russian]
4. Bulletin to the Cities of the Vyatka Prov[ince], in Which, Instead of Civil Servants, They Were Appointed by M[in]ister of In[ternal] Af[air] on 13 August 1854 as Pol[ice] and F[ire] Teams Lower Military Ranks of the 2nd Category. 18 August 1854. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 14. D. 565a. L. 150. [In Russian]
5. Bulletin by M[in]ister of Internal Affairs Approved on 23 July, 1853, to the Staff of Police and Firefighters for the Cities Teams. 31 July 1853. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 14. D. 565a. L. 71 ob. – 72. [In Russian]
6. Extract from the Attitude of the Head of the Vyatka Province Dated 25 June 1865, no. 8932. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 95. L. 50. [In Russian]
7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, col. 2, vol. 45, part 1. Imperially Approved City Position: Personal Decree of 16 June 1870, no. 48498. Saint-Petersburg: Typography of Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1874. Pp. 821-839. [In Russian]
8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, col. 2, vol. 37, part 2. The Imperially Approved Provisional Rules for the Organization of the Police in Cities and Counties of the Provinces, Governed by the General Institution: A Decree of 25 December 1862, no. 39087. Saint-Petersburg: Typography of Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1865. Pp. 588-597. [In Russian]
9. Report of the Official of Special Assignments of the Collegiate Adviser Baron von Geiking to Minister of Internal Affairs. 4 November 1879. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 282. L. 17-29. [In Russian]
10. Egorov S. G. 2020. "Composition and activity of the police of the Vyatka province in the Post-Reform Era". Questions of History, no. 6, pp. 129-140. [In Russian]

11. Zheludkova T. I. 1977. The Main Directions of the Police in Pre-Revolutionary Russia on the Protection of the Feudal and Bourgeois Public Order: lecture. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. [In Russian]
12. Journal of the Meeting of the Verkhneuralsk Town Duma from 24 August 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 8-9. [In Russian]
13. Journal of the Meeting of the Troitzhky Town Duma. 17 September 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 10-17. [In Russian]
14. Statement of the Case. 18 February 1867. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 26. D. 574. L. 21-21 ob. [In Russian]
15. Police Instruction. State Archive of the Perm Kraj. F. 297. Op. 3. D. 247. L. 4-4 ob. [In Russian]
16. Kantimirova R. I. 2019. "Fighting fires in Imperial Russia (based on materials from the Ufa Province of the second half of the 1870s)". *Modern Scientific Thought*, no. 2, pp. 32-38. [In Russian]
17. Kasyanov A. V. 2015. "Features of organizational and legal support of the police activities of the Russian Empire during the First World War (1914-1917)". *Cand. Sci. (Jur.) diss.* Moscow. [In Russian]
18. A Copy from the Journal Definition of the Chelyabinsk Town Duma on 13 October 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 18-19. [In Russian]
19. A Copy from the Resolution of the Ufa Provincial Government Held on 5 October 1887. 13 October 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 33. L. 2-11 ob. [In Russian]
20. Mironov B. N. 2018. "Modernization of Russia in the 19th-20th centuries as a convergent project". *Sociological Studies*, no. 6, pp. 91-103. [In Russian]
21. Masalimov A. S. 2016. *Provincial Police in Pre-Revolutionary Russia (Historical and Legal Research): Monograph.* Ufa: Ufim. yurid. in-t MVD Rossii. [In Russian]
22. Masalimov A. S. 2000. "Reforms of the court and police of Russia in 60s-90s of the 19th century (on the materials of the Ufa Province)". *Cand. Sci. (Jur.)*. Ufa. [In Russian]
23. Mulukaev R. S. 1978. *The System of Internal Affairs Bodies of Pre-Revolutionary Russia: Lecture.* Moscow: b. i. 31 p. [In Russian]
24. Musikhin V. E. 1997. "Activity of the Vyatka Police at the beginning of the 20th century". *From the History of the Vyatka Special Services and Police (Second Half of the 19th — First Half of the 20th Centuries): Materials of Reports and Documents of Scientific and Practical Conferences*, Kirov 25 May 1996. Kirov: Triada-S. Pp. 42-52. [In Russian]
25. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, col. 3, vol. 7. *On the Strength and Structure of Police Teams in Cities for Which No Special Police Staff Have Been Issued: Highest Approved Opinion of the State Council from 14 April 1887*, no. 4351. Saint-Petersburg: State Typography, 1889. P. 171. [In Russian]
26. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, col. 2, vol. 42, part 1. *On Strengthening the Staff of the Zlatoust District Police Department: Highest Approved Opinion of the State Council of 15 May 1867*, no. 44581. Saint-Petersburg: Typography of Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1871. P. 746. [In Russian]

27. Explanatory Sheet to the Project of the Staff of the City Police Teams of the Orenburg Province. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 24. [In Russian]
28. Explanatory Sheet to the Project of the Staff of the City Police Teams of the Perm Province. State Archives of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 34. L. 56. [In Russian]
29. Explanatory Sheet to the Project of the Staff of the City Police Teams of the Ufa Province. State Archives of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 33. L. 41. [In Russian]
30. Vyatka Provincial Statements. 18 August 1879. Mandatory for Residents of the Town of Urzhum, a Decree Issued by the Urzhum Town Duma on Precautions Against Fires. P. 2. [In Russian]
31. The Reference of the Minister of Finance to the Minister of the Internal Affairs. 3 June 1863. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 115. L. 25-26. [In Russian]
32. The Reference of the Head of the Orenburg Province to the Police Department. 31 October 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 2. [In Russian]
33. The Reference of the Perm Governor to the Minister of Internal Affairs. 12 October 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 34. L. 1-6 ob. [In Russian]
34. The Reference of the Perm Governor to the Minister of Internal Affairs. 7 February 1879. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 282. L. 2-14 ob. [In Russian]
35. Commemorative Book of the Orenburg Province for 1865. Ufa: Orenburg provincial typography, b. g. [In Russian]
36. Commemorative Book of the Perm Province for 1863. Perm: Provincial typography, 1862. [In Russian]
37. Distribution of the Police Posts Established by the Imperial Order on 1 February 1899 Among Factories and Plants Located Within the Perm Province. 25 June 1899. State Archive of the Perm Kraj. F. 36. Op. 10. D. 3. L. 98-99 ob. [In Russian]
38. Schedule of the Maintenance of the Irbitk District Police Department in the Perm Province, Drawn Up on the Basis of Normal Staff, the Highest Approved on the 25th Day of December 1862. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 115. L. 14. [In Russian]
39. Schedule of the Maintenance of the Kungur District Police Department in the Perm Province, Drawn Up on the Basis of Normal Staff, the Highest Approved on the 25th Day of December 1862. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 115. L. 13. [In Russian]
40. Schedule of the Maintenance of the Menzelinsk District Police Department in the Orenburg Province, Drawn up on the Basis of Normal Staff, the Highest Approved on the 25th Day of December 1862. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 112. L. 13. [In Russian]
41. Schedule of the Maintenance of the Sarapul District Police Department in the Vyatka Province, Drawn Up on the Basis of Normal Staff, the Highest Approved on the 25th Day of December 1862. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 95. L. 11. [In Russian]

42. Schedule of the Maintenance of the Shadrinsk District Police Department in the Perm Province, Drawn Up on the Basis of Normal Staff, the Highest Approved on the 25th Day of December 1862. Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 53. D. 115. L. 13. [In Russian]
43. Information on the Composition and Structure of Police Teams in the Cities of the Vyatka Province, According to the Imperial Opinion of the State Council Approved on 14 April 1887. 11 September 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887. D. 32 ch. 20. L. 4-25. [In Russian]
44. Sichinskii E. P. 2005. Police of the Southern Urals During the Crisis of Autocracy. Moscow: Maior. 266 p. [In Russian]
45. Sichinskii E. P. 1999. Pages of the History of the Police in Pre-Revolutionary Chelyabinsk. Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 88 p. [In Russian]
46. List of Localities where Natives of Great Russia and Other Provinces Are Sent under Police Supervision. State Archive of the Perm Kraj. F. 297. Op. 3. D. 247. L. 6-6 ob. [In Russian]
47. List of Localities where Natives of the Western Provinces Are Sent under Police Supervision. State Archive of the Perm Kraj. F. 297. Op. 3. D. 247. L. 5-5 ob. [In Russian]
48. Tarasov I. T. 1885. Police in the Era of Reforms. Moscow: Typography of A. I. Mamontov. 160 p. [In Russian]
49. The Staff of the City Police Teams of the Vyatka Prov[ince]. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 20. L. 32. [In Russian]
50. The Staff of the City Police Teams of the Orenburg Province. State Archives of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 35. L. 23. [In Russian]
51. The Staff of the City Police Teams of the Perm Province. 15 December 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 34. L. 55. [In Russian]
52. The Staff of the City Police Teams of the Ufa Province. 31 October 1887. State Archive of the Russian Federation. F. 102. DP 2. 1887 g. D. 32 ch. 33. L. 40. [In Russian]
53. The Staff of Police Officers Appointed in the Localities, Determined for the Expulsion of Persons, Under Police Supervision, for Harmful Political Aspirations. State Archive of the Perm Kraj. F. 297. Op. 3. D. 247. L. 7-7 ob. [In Russian]
54. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, col. 2, vol. 28, part 2. Staff and Tables to no. 27372. 23 June 1853. Saint-Petersburg: Typography of Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1865. Pp. 58-62. [In Russian]
55. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, col. 2, vol. 37, part 3. Staff and Tables to no. 39087. 25 December 1862. Saint-Petersburg: Typography of Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1865. Pp. 543-544. [In Russian]
56. Official List About the Service of the Kungur Mayor, Clerk and Quarter Overseers for 1845. 29 June 1845. State Archives of the Perm Kraj. F. 36. Op. 2. D. 32v. L. 22 ob. – 24. [In Russian]
57. Official List About the Service of the Clerk of the Kungur Governor, Non-Commissioned Mine Master of the Second Class Ivan Alekseev Medvedev for 1845. State Archives of the Perm Kraj. F. 36. Op. 2. D. 32v. L. 31-32. [In Russian]

Дмитрий Яковлевич ФРИЗЕН¹

УДК 94 (574.1)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СРЕДИ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

¹ кандидат исторических наук,
независимый исследователь (г. Хов, Германия)
d.friesen@mail.ru

Аннотация

В статье проводится исследование проблемы формирования скотоводческо-земледельческой формы хозяйства на территории казахского края, в частности в Западно-Казахстанском регионе. На основе широкого круга источников, исследованы особенности развития скотоводства казахов, приспособленного к условиям местного климата, скудной растительности, наличия малого количества осадков и других факторов экологического и экономического характера. В работе отмечаются объективные и субъективные аспекты, связанные с постепенным переходом кочевого населения к оседлости. Переселенческая политика царизма приводила к кризису кочевого скотоводства, обеднению многих казахских семей, вынуждая их переходить к земледелию. При этом, как показано в статье, для большинства казахов земледелие было дополнительным источником заработка помимо скотоводства. Процесс формирования скотоводческо-земледельческой формы хозяйства был достаточно сложным и противоречивым. Казахи, жившие ближе к русским поселениям, активнее включались в процессы оседания и земледелия. Напротив, казахские хозяйства, жившие в южных районах Тургайской и Уральской областей, а также на Мангышлаке и во Внутренней Орде в основном продолжали заниматься скотоводством. Подобная тенденция делила регион на земледельческий и скотоводческий, что продолжалось и в последующие годы.

Цитирование: Фризен Д. М. К проблеме развития скотоводства и земледелия среди казахского населения Западно-Казахстанского региона на рубеже XIX-XX веков / Д. М. Фризен // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 241-252.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-241-252

Ключевые слова

Западный Казахстан, скотоводство, земледелие, переселенческая политика, казахи, оседание, степь.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-241-252

Введение

Данная тема является актуальной в казахстанской историографии. При этом историки в большей степени интересовались изучением переселенческой политики царизма и влияниям аграрной колонизации на развитие казахских хозяйств. Спорным является вопрос о последствиях аграрной колонизации и переселенческой политики царизма в казахском крае. Одни исследователи полагают, что колонизация казахских земель в той или иной степени благоприятно сказывалась на дальнейшем развитии казахских хозяйств, особенно в социально-экономическом плане [4, 6, 28, 38]. Другие придерживаются противоположных взглядов и критикуют переселенческую политику царизма в Казахстане [1, 3, 17, 18]. Однозначного мнения здесь быть не может. Процессы аграрной колонизации в казахских землях происходили неравномерно, сопровождались изменением хозяйственной конъюнктуры региона, постепенным переходом казахов к оседлости. Тот факт, что историки продолжают активно дискутировать при обсуждении данной проблемы говорит о том, что настоящая тема до сих пор не потеряла своей актуальности. В 1868 году было принято Временное положение об управлении в степных областях, в котором говорилось о том, что казахские земли были объявлены государственной собственностью. Поэтому в период переселенческой политики царизма казахи не считались собственниками своей земли. Землей распоряжалось царское правительство, инициировав широкое переселенческое движение в степной край. Это привело впоследствии к кризису кочевого хозяйства и постепенному переходу казахов к оседлости. То есть, во многом процессы оседания кочевников имели субъективные причины, поскольку сужение пастбищного пространства приводило к тому, что кочевать с каждым годом становилось труднее и начался процесс оседания. К тому же, процессу оседания казахов способствовало проникновение в степь товарно-денежных отношений, возникновение городов, промышленных районов и т.п.

Официальные документы российских властей, например, «Степное положение» 1891 года прямо говорили о том, что переход к оседлости кочевников представляет собой естественный ход социально-экономического развития страны. Да и многим казахам, веками занимавшимся скотоводством, переход к оседлости давался зачастую с трудом и был во многом вынужденной мерой. Кочевники долгое время воспринимали земледелие как не престижное занятие, как удел лишь самых бедных казахов, не имеющих скота. Тот, у кого был свой скот, как правило, продолжал заниматься животноводством. В восприятии многих казахов земледелие было только дополнительным подспорьем к скотоводству.

Методы

В статье применяются основополагающие методы научного исследования. Применение сравнительно-исторического метода способствует изучению как общей картины скотоводческо-земледельческого хозяйства, так и региональных особенностей, специфики социально-экономического развития на определенном этапе развития. Синхронный метод способствует всестороннему изучению скотоводства и земледелия на обширной степной территории, выявляя взаимосвязь между природно-климатическими условиями, техническим оснащением, распределением земельных наделов, а также темпами переселенческого движения и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение

К началу XX века основным видом хозяйственной деятельности казахов было скотоводство. Это обстоятельство было обусловлено наличием сухого, резко континентального климата и скудной растительности. На территории Западного Казахстана казахи разводили лошадей, овец, верблюдов. Проживая в огромных степных пространствах казахи приспособились к условиям сезонного кочевания, сложились традиционные маршруты кочевков. Умело используя баланс между суровым климатом и наличием обширных пастбищ, кочевники веками проживали в данной экосистеме. Климат Западного Казахстана довольно суровый, с холодной зимой и сухим летом. Как справедливо отметил А. И. Левшин, лето было благоприятным временем для кочевания, но с наступлением зимы наступали трудные времена, так как сильные бураны и морозы вынуждали кочевников почти все время сидеть в своих юртах [19, с. 296]. После долгой и холодной зимы, с наступлением весны жизнь в степи оживала. В этот период казахи переходили на летние пастбища. Растительности было много и скот быстро поправлялся после зимнего периода. Однако уже с конца мая в степи начиналась жара, что приводило к тому, что к концу лета степь почти полностью выгорала, приобретая желто-солонцеватый цвет [13, с. 12-13]. Как зимой, так и летом казахам приходилось приспособливаться, кочевать вблизи рек, чтобы дать доступ к воде скоту, в степи рыть колодцы, заготавливать сено на зиму. Временами в регионе дули сильные ветры, которые загоняли скот в лощины и овраги, где он, нередко истощался и погибал [10, с. 156].

Жизнь кочевников была нелегкой, но самое сложное для них заключалось в том, чтобы не только сохранить поголовье скота, но и приумножить его. Задача эта была не простой, ведь кочевникам зачастую приходилось испытывать природные катаклизмы. Самым тяжелым испытанием для них был «Джут», когда зимой из-за сильных и продолжительных буранов, морозов или гололедицы погибало большое количество скота и многие казахи совершенно разорялись. Например, во время джута зимой 1879-1880 годов в Тургайском и Иргизском уездах погибло 59% всего скота [5, с. 62]. Зимой 1879-1880 годов сильно пострадали хозяйства в Камыш-Самарской и Таловской частях Внутренней Орды [36, л. 18-18 об]. Во Внутренней Орде, например, в предотвращение массового падежа скота от бескормицы и гололедицы в 1906 году была выдана

ссуды из Императорского продовольственного капитала на сумму 259778 рублей, из которых 256423 рублей было предоставлено казахам [29, с. 11]. В основном ссуды выделялись на продовольственное обеспечение [23, с. 20]. Как правило, во время джута, кочевники пытались откочевать в другие регионы, чтобы спасти свой скот. При этом в степи не было больших и крытых загонов для скота. Кроме того, не всегда и не везде проводилась заготовка сена на зиму. В итоге скот зимой жил под открытым небом, что зачастую приводило к его ослабеванию или гибели, особенно в морозную и снежную погоду. Тяжелым в этом случае был и труд пастухов, которым нужно было еще и следить за тем, чтобы скот не стал добычей волков. Также скот погибал от различных болезней, например, от сибирской язвы, бешенства и др.

Скот в степях Западного Казахстана находился на круглогодичном корму. Чтобы добиться наличия достаточного количества корма и воды для животных, казахи постоянно перемещались на другие пастбища. Сложились четыре вида сезонных пастбищ: зимние, весенние, летние и осенние. К тому же наблюдался раздельный выпас скота, когда, например, лошади, овцы, верблюды выпасались отдельно и на разных участках. Животные в казахской степи были приспособлены к аридному климату, отличались выносливостью и способностью к длительным перекочёвкам. Как правило, казахи стремились кочевать вблизи рек и озер, что было вызвано отсутствием в степи развитой речной системы. Для большого количества скота требовалось много воды, что приводило к перекочёвкам вдоль рек. В Западно-Казахстанском регионе казахи кочевали вдоль Урала, Илека, Сагиза, Уила, Тургая, Ирғиза, Эмбы и других рек. Причем в условиях летней засухи, некоторые реки почти полностью высыхали. Поэтомуномадам приходилось кочевать не несколько сот или тысяч километров. Тем не менее, продукция животноводства давала кочевникам почти всё необходимое, еду, одежду, жилище, многие приспособления домашнего обихода.

Большинство казахских семей не относились к разряду зажиточных. Например, по данным А. Харузина в Букеевской Орде на каждую семью из 5 человек приходилось в среднем 13,5 голов крупного скота и 30 голов мелкого. При этом очень богатых и очень бедных хозяйств было немного [32, с. 181]. «В общем же, — резюмировал А. Харузин, — благосостояние букеевского киргиза не блестящее» [32, с. 296]. Несмотря на то, что поголовье скота в казахских хозяйствах было большим, тем не менее отрицательное влияние джутов сказывалось довольно заметно. В 1907 году на территории Тургайской и Уральской областей было 6414000 голов скота [27, с. 296]. Илецкий уездный начальник докладывал Тургайскому военному губернатору в 1892 году о том, что в итоге продолжительных джутов часть казахов начала помимо скотоводства заниматься также земледелием. К тому же, для того, чтобы избежать бескормицы для скота зимой, некоторые казахские семьи начали заготавливать сено к зиме, что помогало прокормить скот во время зимней непогоды [34, л. 34-35]. При этом, учитывая тяжелое материальное положение многих казахских хозяйств, управлению Тюз-Тюбинской волости Илекского уезда было выдано 486 рублей 50 копеек для

раздачи их нуждающимся казахам в 1892 году [33, л. 101]. Также в отчете ветеринарного врача А. И. Добросмыслова в Тургайское областное правление в 1892 году сообщается о бедственном положении казахов от неурожая трав в аулах Тюз-Тюбинской волости [33, л. 98-99]. Меньше всего страдали от джутов богатые хозяйства, но таких было немного. В Актюбинском уезде хозяйств имевших более 100 лошадей было 0,3%, а в Кустанайском уезде 1,5% [26, с. 115]. К концу XIX века в Мангышлакском уезде богатыми хозяйствами считались те, которые имели 100 лошадей, 20 верблюдов, 500 баранов. Таких байских хозяйств было всего 2%, а бедными считались 20% хозяйств [11, с. 250].

Параллельно со скотоводством начиналось развитие земледелия. Постепенно некоторые казахи начали сеять просо, пшеницу, ячмень, причем не только для собственных нужд, но и на продажу. В 1894 году в газете «Уральский листок» приводилась заметка о хлебной торговле в Уральске: «За последнюю неделю, начиная с 24 июля и по 1 августа, подвоз хлеба был ежедневно от 150 до 200 верст. Везут казаки и киргизы; преобладает зерновой товар — пшеница, просо и овес» [31, с. 296]. В XIX веке на территорию казахского края началось более активное военно-политическое и экономическое проникновение России. Все больше становилось в степи русских купцов и промышленников, появились города, хлебные рынки, ветеринарные пункты. Российский капитал более интенсивно начинал осваивать природные богатства Казахстана. Вместе с этим, в казахскую степь начали переселяться русские крестьяне, особенно после отмены крепостного права. К началу XX века на территории Западного Казахстана уже существовало несколько крупных центров поселения русских крестьян. Это были города Актюбинск, Кустанай, Уральск, Лбищенск и территория вокруг них. Постепенно русские поселения появились на Мангышлаке, возле Гурьева, Тургая, Уила, Темира и других городов. Вместе с увеличением численности русского населения, началось распространение земледелия на территории Западно-Казахстанского региона. Несмотря на то, что часть казахов начала заниматься земледелием еще в XVIII веке, более активно данный процесс начался ближе к началу XX века. Но положение казахов осложнялось тем, что царские власти начали изымать земли кочевых общин и передавать их крестьянам-переселенцам, что в итоге привело к кризису скотоводческого хозяйства. Многие земледельцы заботились лишь о получении как можно большего урожая, не применяя к земле достижений агрономической науки. В итоге доходило до того, что земля истощалась и переставала приносить урожай [9, с. 37]. Несмотря на увеличение числа земледельцев в регионе, отношение к земле далеко не всегда было бережным. Так, по мнению А. Ф. Гонтарева отношение к земле было хищническим, рассчитанным лишь на скорую прибыль [13, с. 63].

Основным сельскохозяйственным орудием у казахов был сабан, напоминающий плуг в хозяйствах русских крестьян. Сеяли поля, как правило, вблизи рек. Больше всего казахи сеяли просо, которое к степной зоне часто приносило неплохой урожай. Собирали урожай серпами. Затем производилась молотба в специально оборудованном круге, куда складывали колосья. В круг загоняли быков, привязав их к столбу, находящемуся в середине. Затем, вода животных

вокруг столба, производилась, таким образом, молотьба. Хранили зерно зачастую в специально вырытых ямах, но, также существовали и построенные для этих целей амбары.

Если говорить о постепенном развитии земледелия среди казахов, следует отметить, что хлебопашеством зачастую начинали заниматься бедные хозяйства, что иметь дополнительный заработок и еду. При этом богатые казахи, имеющие в собственности несколько тысяч голов скота стремились кочевать подальше от земледельческих районов, поскольку им было нужно было больше пространства для больших стад [7, с. 292]. По словам Э. Вульфсон: «Главным образом занимаются хлебопашеством те киргизы, которые почему-нибудь лишились скота, а поэтому бросили кочевую жизнь и осели где-нибудь на одном месте» [12, с. 62]. Сначала бедные казахи брали землю под хлебопашество, а затем к ним стали присоединяться богатые хозяйства [24, с. 53]. Земледелием занимались все социальные группы казахского населения, но бедняки в основном батрачили на полях у баев [21]. При этом качество хлебной продукции не всегда было удовлетворительным. Например, согласно архивным источникам часто на рынки поступала некачественная мука [25, л. 25]. Кроме того, северные районы Западно-Казахстанского региона поставляли гораздо больше муки. Если в северных районах Тургайской и Уральской областей казахи начали более активно заниматься земледелием, то в южных районах этот процесс был более медленным. Например, в 1898 году в Баксайской волости Иргизского уезда было засеяно 483 десятины земли. В Талдыкской волости 380 десятин. В Урдакунганской волости 3,5 десятин [35, л. 38]. В Актюбинской волости казахи, как правило, засеивали под просо, пшеницу и овес не более 300 десятин, а остальные пахотные земли были в аренде у переселенцев и у жителей города Актюбинска» [15, с. 10]. Всего земледелием занималось 18% казахов в конце XIX века [22, с. 73].

Земледелие казахов начало интенсивнее развиваться под влиянием русской земледельческой культуры, что было вызвано активизацией переселенческого движения в казахские земли в начале XX столетия. Долгое время царизм осторожно подходил к вопросу о крестьянской колонизации казахского края. До конца XIX века темпы переселенческого движения в Казахстан были весьма низкими. Российское правительство первоначально склонялось к тому, что нужно постепенно, без коренной ломки традиционного кочевого хозяйства казахов, способствовать тому, чтобы кочевники постепенно переходили к оседлости. Например в «Уставе о Сибирских киргизах» 1822 года отмечалось, что необходимо проводить мероприятия по развитию земледелия в казахских землях. Считалось, что появление в степи земледельческих центров, городов будет способствовать оседанию кочевых хозяйств. Лишь в начале XX века был взят курс на массовое изъятие земли у кочевых хозяйств и переселение в казахский край большой массы русских крестьян-земледельцев. К 1917 году около 45 млн. десятин земли было изъято у казахского населения. Сложилась такая ситуация, что казахи, ранее кочевавшие на берегах Урала, Ори, Илека, со временем, даже вынуждены были сами арендовать пастбища у оренбургских и уральских казаков. Здесь казахам прихо-

дилось платить и за сенокосы и за выпас скота [20, с. 24-25]. Но в тоже время обеднение части кочевого населения приводило к увеличению численности жатаков, то есть беднейшей части казахского населения, которые были вынуждены наниматься на работу в хозяйства зажиточных казахов и русских переселенцев. В конце XIX века в Тургайской и Уральской областях насчитывалось около 38 тысяч батраков [30, с. 87]. «Бедняк вынужденно шел в кабалу к баю, — отмечал Б. С. Сулейменов, — ибо ощущал острую нужду в тягловой силе, сельскохозяйственных орудиях и, нередко, в семенах» [30, с. 241]. Многие богатые казахи бесплатно раздавали еду своим бедным односельчанам, за что бедняки потом были вынуждены выполнять различную физическую работу в хозяйстве богачей [8, с. 344]. Большинство казахов жили в бедности, хотя голодовки не были частым явлением в степном крае [16, с. 25]. В Тургайской области в казахских аулах беднота составляла 82%, а в Уральской области 91% [2, с. 22].

Развитие скотоводства и земледелия среди казахского населения происходило весьма неравномерно на территории региона. Если, например, в 1910 году в Кустанайском уезде оседлых жителей было 134342, то в Иргизском уезде только 1181 [14, л. 12]. При этом в Кустанайском уезде кочевое население составляло 132976, а в Иргизском уезде 103780. Такая же ситуация наблюдалась и в плане развития казахского земледелия. Если в Актюбинском уезде около 90% казахских хозяйств занимались земледелием, то, например, в Гурьевском уезде таких было менее 10%. Переселенческая политика царизма в казахском крае приводила к обострению земельного вопроса и росту недовольства со стороны коренного населения. Как отметил начальник Переселенческого Управления Г. Ф. Чиркин: «Как бы то ни было, при такой постановке вопроса землеустройство является актом насильственной ломки народного быта, а такой акт не может быть безболезненным и, конечно, должен вызвать всевозможные осложнения» [37, с. 92]. Данное условие означало и постепенное изменение ментальности кочевников, когда они начинали менять свой привычный быт и переходили к оседлости. Тем не менее, продукция животноводства была основным источником пропитания и заработка для большинства казахов. В условиях формирования смешанной формы хозяйства, для казахов на первом месте было скотоводство, а затем уже земледелие.

Заключение

Процесс формирования скотоводческо-земледельческой формы хозяйства в исследуемом регионе был трудным и неравномерным. Даже несмотря на переселенческую политику царизма и увеличение численности русского оседлого населения, большинство казахов не становились полностью оседлыми, рассматривая земледелие как дополнительный заработок. Но, постоянно нарастающие темпы изъятия земель для нужд переселенческого фонда неизбежно вели к кризису кочевого хозяйства. Как видно из исследованных источников, многие казахские семьи разорались и были вынуждены искать дополнительные заработки. Однако и темпы развития земледелия были в основном экстенсивные, за

счет распашки все новых и новых земель, их эксплуатации зачастую без достаточных удобрений. Также на развитии как земледелия, так и скотоводства сказывались суровые климатические условия, холодная зима и сухое, жаркое лето. Тем не менее постепенно менялся экономический облик региона, когда в одном регионе проживали русские крестьяне и казахи-скотоводы, развивалось трудовое взаимовлияние, появлялись торговля и промышленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начале XX вв.) / М. Ж. Абдиров. Астана, 2000. 304 с.
2. Абдразаков Т. А. Экономические последствия присоединения Казахстана к России / Т. А. Абдразаков. Караганда: КарГУ, 1992. 96 с.
3. Абенов Д. Қ. XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басында қазақ жеріне орыс шаруаларының қоныстануы және оның зардаптары (Орал, Торғай облыстарының материалдары негізінде): тарих ғыл. канд. ... диссертация / Д. Қ. Абенов. Алматы, 2000. 150 б.
4. Алимбаева Б. Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII-XIX веках: автореф. дисс. . канд. ист. наук / Б. Б. Алимбаева. Оренбург, 2008. 27 с.
5. Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях / И. Аничков // Русская мысль. 1902. № 5. С. 50-73.
6. Ауэзова Л. К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия в Казахстане в 70-90-х годах XIX века / Л. Ауэзова // Известия Академии наук Казахской ССР: серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1. С. 28-41.
7. Балашев К. П. Отчет о состоянии ветеринарной части Уральской области за 1905 год / К. П. Балашев. Уральск, 1907. 317 с.
8. Бекмаханов Е. Б. Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй половине XIX и начале XX в. / Е. Б. Бекмаханов // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: сборник статей. Под. ред. В. К. Яцунского. Москва: АН СССР, 1961. С. 338-347.
9. Богданов А. Н. Баксайская волость Иргизского уезда. Естественно-исторический очерк / А. Н. Богданов. Оренбург, 1915. 52 с.
10. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание / Н. Бородин. Том. 1. Уральск: Типография Уральского казачьего войска, 1891. 524 с.
11. Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.) / В. В. Востров, М. С. Муқанов. Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
12. Вульфсон Э. С. Киргизы / Э. Вульфсон. Москва, 1901. 79 с.
13. Гонтарев А. Ф. Описание естественно-исторических условий западного района Актюбинского уезда — Первой Буртинской, Илекской, Тузтюбинской и Хобдинской волостей / А. Ф. Гонтарев // Очерки естественно-исторических условий по волостям Актюбинского уезда. Оренбург, 1915. С. 1-63.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

15. Доклад Временной комиссии по землеотводным и землеустроительным работам в Актюбинской, Алимбетовской, Карабутаковской, Тереклинской волости Актюбинского уезда Тургайской области в 1915 году. Оренбург, 1915. 22 с.
16. Зеланд Н. Киргизы / Н. Зеланд // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. № 7. Вып. 2. 1885. С 1-78.
17. Исамағұлов Ұ. Ш. XX ғасырдың бас кезіндегі Батыс Қазақстандағы жер мәселесі (1900-1917 жж.): тарих ғыл. канд. ... диссертация / Ұ. Ш. Исамағұлов. Алматы, 1995. 142 б.
18. История Западного Казахстана. В двух томах. Том 2. Под. ред. А. А. Бисембаева. Актобе: Принт-А, 2006. 524 с.
19. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А. И. Левшин. Под. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: Санат, 2009. 656 с.
20. Лобысевич В. Киргизская степь Оренбургского ведомства / В. Лобысевич. Москва, 1891. 41 с.
21. Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX — начале XX века (по материалам экспедиционных обследований 1896-1913 гг.) / И. Ф. Макаров // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР (сборник III). Москва: Наука, 1959. С. 392-445.
22. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов / Н. Э. Масанов. Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт, 1995. 320 с.
23. Памятная книжка Уральской области на 1914 год. Уральск, 1913. 109 с.
24. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906-1910 годах и Отчет по переселению и переселению и землеустройству за 1910 год. Санкт-Петербург, 1911. 501 с.
25. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1442. Оп. 1. Д. 42. Л. 25. Л. 38.
26. Румянцев П. П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем / П. П. Румянцев // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 79-137.
27. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КССР с 1880 по 1922 год. (Таблицы). Оренбург, 1925.
28. Сорока Н. Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX — начала XX вв. автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Сорока. Омск, 2009. 35 с.
29. Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год. Астрахань, 1906. 95 с.
30. Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX в. (1867-1907 гг.) / Б. С. Сулейменов. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 411 с.
31. Уральск. Хлебный рынок // Уральский листок, 1894. № 58. С. 3.
32. Харузин А. Киргизы Букеевской Орды / А. Харузин. Вып. 1. Москва, 1889. 255 с.
33. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2671.
34. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 34-35.
35. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 56. Л. 12.
36. ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 241. Л. 18-18 об.
37. Чиркин Г. Вопрос о землеустройстве киргиз на съезде чиновников переселенческих организаций Тургайско-Уральского района / Г. Чиркин // Вопросы колонизации, 1907. № 3. С. 79-99.
38. Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России / Т. Шоинбаев. Алма-Ата: Казахстан, 1973. 247 с.

Dmitrii Ya. FRIZEN¹

UDC 94 (574.1)

**ON THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT
OF CATTLE BREEDING AND AGRICULTURE
AMONG THE KAZAKHS IN THE WESTERN KAZAKHSTAN
AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

¹ Cand. Sci. (Hist.),
Independent Researcher (Hof, Germany)
d.friesen@mail.ru

Abstract

The article studies the problem of the formation of cattle-breeding and agricultural forms of economy in the territory of the Kazakh region, in particular in the Western Kazakhstan. With the assistance of various sources, we studied the features of the development of cattle breeding among the Kazakhs, which was adapted to the local climate, sparse vegetation, the low rainfall and other environmental and economic factors. In this article, we have shown the objective and subjective aspects that led to the settling of nomads. The resettlement policy of Russia led to a crisis of nomadic cattle breeding and poverty among many Kazakhs, which forced them to engage in agriculture. However, as shown in the article, the Kazakhs plowed the land only for additional income. The emergence of cattle-breeding and agricultural forms of farming was complex and contradictory. The Kazakhs, who lived near Russian settlements, quickly moved to settle. And those Kazakhs who lived in the southern regions of the Turgai and Ural regions, as well as on Mangyshlak and the Inner Horde continued to engage in cattle breeding. This situation divided the region into agricultural and cattle-breeding and this went on for many years.

Keywords

Western Kazakhstan, cattle breeding, agriculture, resettlement policy, Kazakhs, settlement, steppe.

Citation: Frizen D. Ya. 2022. “On the problem of the development of cattle breeding and agriculture among the Kazakhs in the Western Kazakhstan at the turn of the XIX-XX centuries”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 241-252.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-241-252

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-241-252

REFERENCES

1. Abdirov M. Zh. 2000. The Conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the Struggle of the Kazakh People for Independence (From the History of the Military-Cossack Colonization of the Region in the Late 16th — Early 20th Centuries). Astana. 304 p. [In Russian]
2. Abdrazakov T. A. 1992. Economic Consequences of Kazakhstan Joining Russia. Karaganda: KarSU. 96 p. [In Russian]
3. Abenov D. K. 2000. “The resettlement of Russian peasants in Kazakh lands in the late 19th — early 20th centuries and its consequences (on the example of the Turgai and Ural regions)”. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Almaty. 150 p. [In Kazakh]
4. Alimbaeva B. B. 2008. “The policy of the Russian government in relation to the Orenburg Kazakhs in the XVIII-XIX centuries”. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Orenburg. 27 p. [In Russian]
5. Anichkov I. 1902. “The decline of the national economy in the Kyrgyz steppes”. Russian Thought, no. 5, pp. 50-73. [In Russian]
6. Auezova L. 1958. “On the question of the resettlement of peasants and their role in the development of agriculture in Kazakhstan in the 70-90s of the XIX century”. News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR: A Series of History, Archeology and Ethnography, vol. 1, pp. 28-41. [In Russian]
7. Balashev K. P. 1907. Report on the State of the Veterinary Part of the Ural Region for 1905. Uralsk. 317 p. [In Russian]
8. Bekmakhonov E. B. 1961. “Bai farm in Kazakhstan and its features in the second half of the XIX and early XX centuries”. Questions of the History of Agriculture, Peasantry and the Revolutionary Movement in Russia: Collection of Articles. Edited by V. K. Yatsunsky. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Pp. 338-347. [In Russian]
9. Bogdanov A. N. 1915. Baksai Volost of the Irgiz District. Natural-Historical Essay. Orenburg. 52 p. [In Russian]
10. Borodin N. 1891. Ural Cossack Army. Statistical Description. Vol. 1. Uralsk: The Ural Cossack army Printing House. 524 p. [In Russian]
11. Vostrov V. V., Mukanov M. S. 1968. Tribal Structure and Resettlement of Kazakhs (Late 19th — early 20th Centuries). Alma-Ata: Nauka. 256 p. [In Russian]
12. Wulfson E. S. 1901. Kyrgyz. Moscow. 79 p. [In Russian]
13. Gontarev A. F. 1915. “Description of the natural-historical conditions of the western region of the Aktobe district — First Burtinsky, Ilek, Tuzyubinsk and Khobdinsky volosts”. Essays on the Natural-Historical Conditions on the Volosts of Aktobe District. Orenburg. Pp. 1-63. [In Russian]
14. The State Archive of the Orenburg Region (SAOR). F. 126. R. 1. C. 15. L. 12. [In Russian]
15. Report of the Provisional Commission on land allotment and land management works in the Aktobe, Alimbetov, Karabutak, Tereklinsky volosts of the Aktobe district of the Turgai region in 1915. Orenburg, 1915. 22 p. [In Russian]
16. Zeland N. 1885. “Kyrgyz”. Notes of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society, no. 7, iss. 2, pp. 1-78. [In Russian]

17. Ismagylov U. Sh. 1995. "The land issue in Western Kazakhstan at the beginning of the 20th century (1900-1917 years)". Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Almaty. 142 p. [In Kazakh]
18. Bisembaev A. A. (ed.). 2006. History of Western Kazakhstan. In 2 vol. Volume 2. Aktope: Print-A. 524 p. [In Russian]
19. Levshin A. I. 2009. Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz -Kaisak Hordes and Steppes. Edited by M. K. Kozybaev. Almaty: Sanat. 656 p. [In Russian]
20. Lobisevich V. 1891. Kyrgyz Steppe of the Orenburg Department. Moscow. 41 p. [In Russian]
21. Makarov I. F. 1959. "Kazakh agriculture in the late 19th — early 20th centuries (based on materials from expeditionary surveys 1896-1913)". Materials on the History of Agriculture and Peasantry of the USSR (collection 3). Moscow: Nauka. Pp. 392-445. [In Russian]
22. Masanov N. E. 1995. The Nomadic Civilization of the Kazakhs. Almaty: Sotsinvest; Moscow: Horizon. 320 p. [In Russian]
23. The Memorial Book of the Ural Region for 1914. Uralsk, 1913. 109 p. [In Russian]
24. Resettlement and Land Management Beyond the Urals in 1906-1910 and the Report on Resettlement and Resettlement and Land Management for 1910. Saint-Petersburg, 1911. 501 p. [In Russian]
25. The Russian State Military Historical Archive (RSMHA). F. 1442. R. 1. C. 25. L. 38. [In Russian]
26. Rumyantsev P. P. 1909. "The social structure of the Kyrgyz people in the past and present". Questions of Colonization, no. 5, pp. 79-137. [In Russian]
27. A Collection of Statistical Information on the Movement of the Population, Livestock and Crops in the KSSR from 1880 to 1922. (Tables). Orenburg, 1925. [In Russian]
28. Soroka N. N. 2009. "Peasant resettlement and their impact on the economy of the Kazakh nomadic village of the Steppe Territory of the second half of the 19th — early 20th centuries". Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Omsk. 35 p. [In Russian]
29. Statistical Review of the Astrakhan Region for 1905. Astrakhan, 1906. 95 p. [In Russian]
30. Suleimenov B. S. 1963. The Agrarian Question in Kazakhstan of the Last Third of the 19th — Beginning of 20th Centuries (1867-1907 years). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 411 p. [In Russian]
31. Uralsk. 1894. Bread Market. Ural Leaf, no. 58, p. 3. [In Russian]
32. Kharuzin A. 1889. Kirghizy Bukeevsky Horde, vol. 1. Moscow. 255 p. [In Russian]
33. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F. 25. R. 1. C. 2671. [In Russian]
34. CSA RK. F. 318. R. 1. C. 1. LL. 34-35. [In Russian]
35. CSA RK. F. 318. R. 1. C. 56. L. 12. [In Russian]
36. CSA RK. F. 78. R. 2. C. 241. L. 18-18 reverse. [In Russian]
37. Chirkin G. 1907. "The issue of land management of the Kyrgyz people at the congress of officials of the resettlement organizations of the Turgai-Ural region". Questions of Colonization, no. 3, pp. 79-99. [In Russian]
38. Shoinbaev T. 1973. The Progressive Significance of Kazakhstan's Accession to Russia. Alma-Ata: Kazakhstan. 247 p. [In Russian]

Одон Борисович ДАШИНАМЖИЛОВ¹

УДК 93/94

ГОРОДА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970-Е ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ

¹ кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
odon@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0938-2290

Аннотация

В послевоенный период промышленное развитие на востоке страны часто осуществлялось путем формирования территориально-производственных комплексов. Они выделялись размерами капиталовложений, темпами индустриального роста, количеством создаваемых населенных пунктов. В этой связи представляет большой интерес, как такое экономическое развитие влияло на характер демографических процессов. Динамика населения Тюменской области в период становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса уже неплохо изучена, вышло немало работ, в которых изучались кадровые проблемы предприятий, темпы роста ее городов. Однако воспроизводство населения исследовано недостаточно, не совсем ясно насколько менялись рождаемость и смертность на разных этапах формирования комплекса. Данная статья является продолжением работы, опубликованной ранее и посвященной анализу демографических тенденций в предшествующий межпереписной период (1959-1970 гг.). Главной ее целью является изучение суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни на фоне изменений, происходивших в социальной, экономической и культурно-бытовой жизни населения. Для этого были использованы в комплексе методы условного поколения, индексный, историко-генетический и историко-сравнительный.

Цитирование: Дашинамжилов О. Б. Города Тюменской области в 1970-е гг.: сравнительный анализ тенденций рождаемости и смертности / О. Б. Дашинамжилов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 253-270.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-253-270

В статье впервые выявлено, что демографические тенденции в городах Тюменской области, в общем, соответствовали процессам, происходившим в Западной Сибири. Тем не менее, характер социально-экономического развития в рассматриваемый период оказал определенное влияние на воспроизводство городского населения. Рост капиталовложений в жилищное строительство, развитие коммунального хозяйства, социально-бытовой инфраструктуры способствовали тому, что ожидаемая продолжительность жизни снизилась незначительно. Причем ситуация со смертностью в наибольшей степени улучшилась именно в северных районах. Благодаря распространению урбанистической культуры, изменениям происходившим в социально-образовательной структуре общества, в миграционных потоках и в городском расселении рождаемость сократилась. В этой связи параметры воспроизводства городского населения области в 1970-е гг. стал ближе к средним западносибирским показателям.

Ключевые слова

Историческая демография, воспроизводство городского населения, рождаемость, смертность, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Тюменская область.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-253-270

Введение

Формирование населения в Тюменской области в годы становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса представляет высокий интерес. Появление новых индустриальных отраслей и большой наплыв мигрантов меняли социально-классовую структуру общества, занятость населения, систему городского расселения. Существенно иными были социальные и культурно-бытовые условия жизни людей, особенно в первые годы хозяйственного освоения. В этой связи высокий интерес представляет, каким образом такие условия повлияли на характеристики воспроизводства населения, его рождаемость и смертность.

Изучение демографических процессов в районах нового промышленного освоения началось еще в советское время. Наиболее известны труды К. Н. Мисевича и В. И. Чудновой [18], В. В. Алексеева, Е. В. Логунова, П. П. Шабанова [1]. В постсоветский период к исследованию этапов становления ЗСНГК подключились и историки. Отдельные аспекты демографического развития Тюменской области, в том числе городского населения рассматривались в трудах Н. Ю. Гавриловой [6], В. П. Карпова [14], Г. Ю. Колевой [16], С. Л. Бабушкиной [3], И. Н. Стася [31]. Однако в вышеназванных работах в основном изучались темпы роста численности городских жителей, в том числе в отдельных городах, миграционные процессы, источники и формы пополнения трудовых коллективов. Динамика рождаемости и смертности анализировалась с привлечением общих коэффициентов, которые сильно зависят от возрастной структуры населения.

Для решения поставленных в статье задач был привлечен комплекс источников из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Тюмен-

ской области (ГАТюм.О), региональных библиотек. Он включает в себя сведения переписей о численности, возрастном составе городского населения, в том числе отдельных городов, материалы о социально-классовой и образовательной структуре городских жителей, их занятости, распределении по типам городских поселений. Для расчетов суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни была привлечена информация текущего учета о числе рождений и смертей по пятилетним возрастным когортам за примыкающие к Всесоюзным переписям годы (1969, 1970, 1978, 1979). Большой пласт источников составили данные о социальном развитии региона, которые были извлечены из различных статистических сборников, выпущенных российским и областными управлениями статистики.

Методы

Методологией исследования стала теория демографического перехода. Его суть заключается в том, что общество постепенно, посредством нескольких этапов переходит от высоких к низким показателям рождаемости и смертности. Однако в территориальном разрезе он обладает спецификой, так как на его динамику влияет комплекс условий и факторов, которые могут, как ускорить, так и затормозить его развитие.

Хорошо известно, что общие коэффициенты сильно зависят от возрастной структуры населения. В качестве инструмента анализа они подходят для оценки рождаемости и смертности населения традиционных обществ, у которых возрастные пирамиды мало отличались друг от друга, доля молодежи в них была максимальной, а старших возрастных групп — наоборот, минимальной. С началом демографического перехода, возникновением массовых миграций возникает необходимость в других методах оценки. Следы, оставляемые социальными катаклизмами прошлого, на возрастной пирамиде еще больше актуализируют эту проблему. Методы условного поколения являются более точными. Они дают возможность узнать усредненные показатели рождаемости в расчете на одну женщину и продолжительности жизни одного человека из условного поколения. Таким образом, деформации в возрастной структуре не оказывают на них влияния. Для решения задач исследования использовались также индексный метод, историко-генетический и историко-сравнительный.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ воспроизводства городского населения области необходимо начать с описания демографических тенденций в Западной Сибири в целом. Согласно А. Г. Вишневскому и его периодизации в России в 1960-е гг. наступил третий, заключительный этап демографического перехода, для которого были характерны высокий внутрисемейный контроль за рождаемостью и модель двухдетной семьи [12, с. 170]. Одновременно с этим завершился эпидемиологический переход, произошли важные сдвиги в структуре причин смертности населения. Если в традиционном обществе ведущую роль играли экзогенные

причины — инфекционные и паразитарные заболевания, несчастные случаи, то в современном индустриальном обществе люди в основном умирали уже от эндогенных причин, которые были больше связаны со старением человека и снижением его иммунитета (новообразования и болезни кровообращения) [22].

Суммарный коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири в 1969/1970 гг. составил 1,739 ребенка на одну женщину. Причем падение за предыдущий межпереписной период (1959-1970 гг.) оказалось более существенным, чем по республике в целом в основном из-за сильнее затронувших западносибирское население ограничений личных подсобных хозяйств. Если рассматривать общий коэффициент рождаемости, то он стал расти, начиная с 1968 г. вплоть до 1977 г. включительно. Однако этот подъем был вызван позитивными сдвигами в половозрастной структуре населения, когда заводить детей стало многочисленное поколение, рожденное после войны.

Согласно расчетам, произведенным с помощью индексного метода, повышение общего коэффициента на 12,4% в 1970-1979 гг. было целиком обусловлено изменениями в возрастной структуре, тогда как собственно рождаемость на одну женщину сохранилась почти на прежнем уровне. Это подтверждают данные как по РСФСР в целом, так и по Западной Сибири. Так, если суммарный коэффициент рождаемости в городских поселениях республики в 1969/1970 гг. составил 1,733 ребенка, то в 1978/1979 гг. — 1,717, в западносибирских городах соответственно — 1,739 до 1,752. Такую динамику косвенно подтверждают сведения по реальным (а не условным) поколениям, собранные по итогам Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., когда женщины 1940-1950-х гг. рождения вышли из репродуктивного возраста [11, с. 134-180].

Сохранение рождаемости на прежнем уровне выглядит, на первый взгляд, довольно необычно. Образовательный уровень повысился повсеместно, выросла доля лиц с высшим и средним образованием, и уменьшилась — с начальным. В социально-классовой структуре общества снизилась доля рабочих и увеличилась служащих с заниженными репродуктивными установками. Кроме того, в системе городских поселений повысился удельный вес крупных городов, где рождаемость являлась самой низкой. По этим причинам суммарный коэффициент должен был снизиться. Однако дальнейший анализ показывает, что этому препятствовали другие факторы, главным из которых стал рост благосостояния населения.

Большинство демографов справедливо утверждает, что рост материального достатка приводит к снижению рождаемости, а в бедных странах она выше, чем в развитых. В глобальной перспективе это действительно так, под воздействием комплекса условий повсеместно происходит снижение, а не повышение рождаемости, но на коротком промежутке времени она может временно увеличиться или перестать падать. В обществе всегда существуют крупные группы людей, которые хотели бы завести больше детей, но по разным, в основном, материальным причинам не могут этого сделать. Послевоенный опыт ведущих европейских стран и возникновение «бэби-бума» косвенно подтверждает этот вывод,

несмотря на то, что еще в 1920-е гг. рождаемость у них упала ниже уровня простого воспроизводства. При этом важно отметить, что такой подъем не может быть слишком большим и сдерживается наличием других факторов.

Итак, важнейшей причиной сохранения рождаемости на прежнем уровне стала социальная политика государства, проводимая в брежневский период. Впервые за долгие годы в обществе установилась некоторая стабильность, прекратились эксперименты в экономической сфере. По официальным данным реальные доходы населения только за 1971-1975 гг. выросли почти на четверть, а в 1976-1980 гг. еще на 18,0%, стала регулярно расти заработная плата трудящихся, осуществлялось масштабное жилищное строительство. Среднедушевые денежные доходы семей стали гарантировать известный минимум потребления. Косвенно, этому способствовало также широкое распространение пенсионного обеспечения. Население стало чаще приобретать предметы длительного пользования — автомобили, холодильники, телевизоры. При этом цены на продукты питания практически не менялись. В пищевом рационе увеличилась доля мяса, фруктов, овощей и сократилась хлеба и картофеля.

К вышесказанному необходимо добавить, что в Западной Сибири в 1972 г. был введен 15,0% районный коэффициент к заработной плате. Если в 1970 г. отличия в размерах среднемесячной заработной платы в РСФСР и в Западной Сибири были минимальными (121 и 126 руб.), то спустя десять лет к 1980 г. они стали заметно больше (174 и 201 руб.) [26, с. 513, 515]. Судя по всему, органы власти прислушались к советам экономистов, которые еще в 1960-е гг. настаивали на необходимости ускоренного развития социальной и жилищной инфраструктуры в восточных районах для сдерживания оттока населения. По данным официальной статистики, отставание Западной Сибири сократилось по многим показателям: продажам непродовольственных товаров на душу населения, обеспеченности врачами, благоустройству жилфонда, жилищному строительству и т. д. Возможно, по этим причинам суммарный коэффициент рождаемости в городах Западной Сибири даже несколько подрос. Следует отметить, что такое сближение произошло, в том числе благодаря значительному росту капиталовложений в Тюменскую область.

За внешней схожестью суммарных коэффициентов 1969/1970 и 1978/1979 гг. скрываются перемены, суть которых можно понять, проанализировав возрастные коэффициенты рождаемости и очередности рождения. Так, заметно, почти на треть, увеличилась рождаемость у женщин в возрасте до 20 лет, что стало следствием распространения среди молодежи добрых сексуальных связей и дальнейшего разделения брачного и репродуктивного поведения, в результате чего, например, выросло количество внебрачных рождений. Несколько повысилась рождаемость среди 20-24 летних, а у 25-29 летних осталась почти на прежнем уровне. Существенно упала она в средних (30-39 лет) и, особенно, в старших репродуктивных когортах (40 лет и выше). Все это косвенно подтверждает обнаруженную демографами тенденцию раннего окончания репродуктивной деятельности у женщин.

Распределение суммарного коэффициента на очередности рождения показало, что первенцев, по-прежнему, хотели завести подавляющее большинство женщин. Выросло также число тех, кто хотели родить второго ребенка. На этом фоне интенсивность третьих, четвертых и выше рождений продолжала снижаться, хотя и не так быстро как в предыдущее десятилетие. Итак, основной закономерностью 1970-х гг. стала концентрация деторождений преимущественно в пятилетних когортах до 30 лет и в первых очередностях рождений.

Несколько более высокая в сравнении с РСФСР рождаемость была связана с социальными и экономическими условиями жизнедеятельности западносибирских горожан. Этому, например, способствовали более низкий уровень образования и доля служащих в социальной структуре, хотя значение этих факторов со временем уменьшилось. Как показали исследования советских демографов, женщины с начальным образованием заводили большей детей, чем женщины со средним, а те в свою очередь больше, чем женщины с высшим. В семьях колхозников было больше детей, чем в семьях рабочих, а у последних, больше чем у служащих [4, с. 112, 155; 30, с. 126-142]. Рождаемость у женщин, занятых преимущественно физическим трудом была выше, чем у тех, кто был занят преимущественно умственным. Отраслевая структура экономики с высоким удельным весом добывающей промышленности и строительства в какой-то мере служила тормозом для быстрого роста доли лиц с низкими репродуктивными установками.

В городских поселениях Тюменской области в 1970-е гг. общий коэффициент менялся также как и в экономическом районе в целом. Благодаря молодой возрастной структуре он по своим размерам, естественно, выделялся среди остальных регионов. Средний возраст городского населения области в 1979 г. был равен 29,0 годам, тогда как в Западной Сибири — 32,0 [5, с. 62]. Если в 1970 г. в Западной Сибири общий коэффициент составлял 15,3%, то в Тюменской области — 18,1%, в 1979 г. — соответственно 17,2% и 19,6%.

Еще в 1970 г. суммарный коэффициент в области стал самым высоким среди западносибирских регионов. Это было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего, ростом доли рабочих в социально-классовой структуре населения, повышением доли занятых преимущественно физическим трудом, формированием новой системы городского расселения с большим количеством небольших населенных пунктов. Интересно, что за межпереписной период (1970-1979 гг.) суммарный коэффициент в области снизился, в результате уменьшилось быстрое преимущество над Западной Сибирью. Так, если в 1969/1970 гг. разница между ними составляла 15,0% (1,739 и 2,015), то в 1978/1979 гг. — только 6,2% (1,752 и 1,861).

Судя по данным Всесоюзной переписи 1979 г. образовательный уровень городского населения области превысил средние показатели по Западной Сибири, что подтверждают другие исследователи. Для развития промышленности в северных районах требовались высокообразованные кадры. К сожалению, у нас нет информации о распределении городских жителей по общественным

группам в 1979 г., однако данные по всему населению, особенно по автономным округам, косвенно указывают на то, что доля служащих повысилась [13, с. 20-21]. Усилилась концентрация городского населения. Если в 1970 г. в больших городах проживало только 39,0% горожан, то спустя девять лет уже половина. Кроме Тюмени в состав крупных городов вошли также Сургут и Нижневартовск. Наряду с демографическим ростом происходило социальное обустройство городских поселений, что способствовало распространению урбанистической культуры, и, следовательно, новых стандартов репродуктивного поведения.

Некоторую роль в снижении рождаемости сыграла миграция. При анализе миграционного прироста городов по месту прибытия было обнаружено, что доля горожан в нем постоянно возрастала [31, с. 76]. По нашим данным, в 1965-1969 гг. положительное сальдо миграций городских поселений области на три четверти формировалось за счет сельских поселений, в 1970-1974 гг. — уже на две трети. В 1975-1978 гг. удельный вес горожан превысил половину всего миграционного прироста городов, а доля сельских жителей снизилась до 45,7% (Подсчитано по: [8]). Как известно, репродуктивные установки горожан существенно ниже, чем у сельчан, что тоже оказало воздействие на рождаемость.

Ожидаемая продолжительность жизни в городских поселениях Западной Сибири в 1970 г. была ниже, чем в РСФСР примерно на 0,77 лет (68,20 и 68,97 лет), причем разрыв с республикой за 1960-е гг. увеличился. Главной причиной тому стало хозяйственное освоение северных районов, в результате чего продолжительность жизни снизилась не только в Тюменской области, но и, незначительно, в Томской. Недостаточная жилищная обеспеченность, неразвитые системы коммунального обслуживания и здравоохранения, суровые климатические условия, высокий травматизм среди работников отразились на здоровье населения новых промышленных районов. Увеличилось потребление алкогольной продукции, затраты семей на покупку спиртных напитков стали одними из самых высоких в Западной Сибири [25, с. 132].

За 1970-1979 гг. общий коэффициент смертности в городских поселениях РСФСР возрос с 7,9% до 9,8%, в Западной Сибири — с 7,5% до 9,4%. С использованием индексного метода установлено, что, если в 1959-1970 гг. общий коэффициент в Западной Сибири увеличился целиком из-за старения населения, то в 1970-1979 гг. повысилась непосредственно смертность. За эти годы общий коэффициент вырос на 2/3 из-за повышения доли пожилых когорт в населении, тогда как на 1/3 уже из-за увеличения смертности. И, действительно, в 1970-1979 гг. ожидаемая продолжительность жизни в западносибирских городских поселениях уменьшилась на 1,06 лет (с 68,20 до 67,14). В городах РСФСР она сократилась меньше — на 0,8 лет, если в 1969/1970 гг. она составляла 68,97, то в 1978/1979 гг. — 68,17 лет [11, с. 221].

Уже в советское время демографы поставили вопрос о причинах повышения смертности в стране, однако детально изучать эту проблему они не могли из-за очевидных социальных корней этого явления. В то время на официальном уровне декларировались успехи советского общества в борьбе с социальными про-

блемами, которые, как утверждалось, были присущи только капиталистическим странам. В самом деле, статические данные говорят о том, что улучшение питания, материальной и жилищной обеспеченности, количественных показателей здравоохранения, образования, коммунального обслуживания, повышение доли служащих в социально-классовой структуре и занятых преимущественно умственным трудом, рост доли крупных городов должны были содействовать дальнейшему повышению ожидаемой продолжительности жизни.

В этой связи довольно широкое распространение получила версия о том, что основной причиной роста смертности стало плохое здоровье лиц, рожденных в годы войны и в первые послевоенные годы. Это в последующем вызвало рост смертности в трудоспособных возрастных когортах. Несмотря на то, что это предположение имеет под собой некоторые основания, оно все же не может ответить на вопрос, почему же смертность у мужчин повысилась больше, чем у женщин. Также неясно, отчего ростом смертности в конце 1970-х гг. оказались затронуты возрастные когорты 15-19, 20-24 и 25-29 лет, в которую вошли люди, рожденные уже в относительно благополучные 1950-е — 1960-е гг.

К тому же российское общество в первой половине XX в. столкнулось и с другими военными кризисами, например, с гражданской войной, которая теоретически тоже подорвала здоровье населения, но смертность спустя годы продолжала снижаться. Часть демографов посчитала эту тенденцию следствием улучшения качества учета естественного движения населения, особенно в труднодоступных и отдаленных районах. Следует признать, что органы статистики добились больших успехов в этом направлении, но почему тогда увеличение смертности было отмечено в тех регионах, где учет был уже давно хорошо поставлен.

Здесь трудно не согласиться с мнением А. В. Немцова, который утверждал, что главной причиной повышения смертности в стране стало увеличение потребления алкогольной продукции [21]. Среди второстепенных факторов следует отметить распространение курения, ухудшение экологической обстановки. Производство водки и ликеро-водочных изделий существенно возросло, потребление спиртных напитков в республике за 1970-1980 гг. повысилось с итак значительных 8,2 до 10,5 литров на человека [19, с. 94]. Отдельно отметим, что в нашей работе специально не рассматриваются причины роста отставания от ведущих индустриальных стран («нарастание застойных явлений»), которые носят глубинный и системный характер и, на наш взгляд, являются во многом исторически обусловленными. В статье акцентировано внимание на конкретных факторах, приведших к ухудшению ситуации, которая при иных обстоятельствах могла бы оставаться стабильной или даже улучшиться.

В отличие от предыдущего десятилетия хозяйственное освоение северных районов перестало играть в повышении смертности главную роль. Тем не менее, как уже говорилось, в западносибирских городских поселениях она увеличилась больше, чем в республике. Одной из причин этого стала структура потребления алкогольных напитков в восточных районах, где люди, в отличие от европейских

и южных регионов СССР выпивали больше крепких напитков и меньше пива и вина. Еще одной возможной причиной стало ухудшение экологической обстановки. В Западной Сибири, например, введен в действие крупный металлургический комбинат в Новокузнецке, который стал одним из крупнейших загрязнителей воздушной среды в Советском Союзе [20, с. 334]. Некоторые исследователи указывают на негативные последствия ядерных испытаний в Семипалатинском полигоне в Казахстане [27].

Общий коэффициент смертности городского населения в Тюменской области стал самым низким среди западносибирских регионов. За 1970-1979 гг. он увеличился меньше всех, с 7,6% до 8,1%. Также как и в случае с общим коэффициентом рождаемости, это непосредственно связано с молодым возрастным составом населения. Ожидаемая продолжительность жизни городского населения тоже сократилась незначительно. Если в 1969/1970 г. она составляла 66,29, то в 1978/1979 гг. — 65,74 лет. Разница между областью и Западной Сибирью уменьшилась больше чем на один год — с 2,43 до 1,34 лет.

В конце 1960-х гг. хозяйственное освоение северных районов подошло к новому этапу — активному строительству учреждений здравоохранения, жилья, объектов коммунального хозяйства, торговли и быта. Были приняты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР в которых указывалось на необходимость создания нормальных жилищных условий в области [15, с. 300]. Для реализации этой цели в регионе стала развиваться собственная база строительной индустрии, были введены в строй Нижневартовский и Сургутский домостроительный комбинаты, сформированы специализированные строительные организации, увеличились капиталовложения в постройку жилья [6, с. 109-110].

Жилищное строительство усилилось во второй половине 1970-х гг., хотя вагончики и балки продолжали существовать еще длительное время. По воспоминаниям одной из жительниц Нижневартовска. «Помню первую зиму 1974 года... Нас с мужем поселили в половине вагоничка ... В конце сентября выпал снег, а в начале октября ударил мороз. Свет отключился и в нашем вагоничке стало минус восемь градусов. Хотелось плакать, все бросить и уехать... И так начинали многие» [17, с. 41]. Но уже к концу 1970-х гг. в городе с помощью московских строителей появились первые 16-этажные дома [28, с. 157]. Активно обустраивались и другие города. В 1975 г. в Сургуте насчитывалось 65 пятиэтажных жилых домов, в 1977 г. появился первый десятиэтажный дом. В книге «Сургутские были» (Сургут, 2004) упоминается об интересных социологических обследованиях, которые были проведены в Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске. Авторы обследований утверждают, что, если в 1967 г. только 37,0% горожан были удовлетворены жилищными условиями, то в 1970 г. — 45,0%, а в 1974 г. — даже 69,0% [2, с. 141].

Темпы строительства жилья превысили рост населения, за счет чего жилищная обеспеченность, если не учитывать качественной стороны процесса, все же улучшилась. В районах нефтедобычи она была выше, а газодобычи, в силу более

позднего освоения — ниже. Тем не менее, в малых городах и поселках городского типа острота жилищной проблемы сохранялась длительное время. Как правило, чем старше был город, тем выше была обеспеченность жильем [16, с. 215]. Расширилась сеть организаций торгового и бытового обслуживания, что способствовало улучшению продовольственного обеспечения северных районов.

Заметно улучшилось благоустройство жилищного фонда. В 1970-е гг. существенно увеличились капиталовложения в строительство предприятий коммунального значения. Были созданы специализированные жилищно-коммунальные службы, в том числе ведомственные, отвечающие за эксплуатацию жилфонда, водопроводов, канализаций, тепловых и электрических сетей [6, с. 130]. Например, если в 1971 г. общая протяженность водопроводов в городах и поселках нефтяников составила 82 км, то в 1976 г. — 270 км, канализационных сооружений — соответственно 64 и 261 км. [6, с. 125]. Строительство Сургутской ГРЭС и новых линий электропередач облегчило задачу энергообеспечения городов. Если в 1966 г. по всей области только 32,0% городского обобщественного жилфонда было обеспечено водопроводом и 24,0% канализацией, то в 1970 г. — 46 и 45% соответственно. Центральным отоплением в 1966 г. было оборудовано только треть всего жилья, в 1970 г. — уже 45,0%. В последующие десять лет положение в этой сфере намного улучшилось. По официальным данным в 1980 г. водопроводы были установлены в 71,0%, канализация в 63,0% городского обобщественного жилфонда, центральным отоплением были оборудованы 73,0% [29, с. 79-81].

Резко активизировалось строительство учреждений здравоохранения. По данным Г. Ю. Колевой в 1970-е гг. в области было построено больниц на 87,2 тыс. коек, в районах ЗСНГК насчитывалось 98 ведомственных больничных учреждений [16, с. 207]. Обеспеченность врачами на 10 тыс. чел. увеличилась более чем в полтора раза с 20,8 до 32,8 [29, с. 122]. Больницы и поликлиники старались оснащать современной техникой [24, с. 124]. Строились санатории, пансионаты, дома отдыха. В опубликованных воспоминаниях зачастую упоминаются трудности связанные с появлением таких учреждений. Например, в Нижневартовске первоначально функционировала обычная сельская больница, а промышленные предприятия на здравоохранение не выделяли денег. Она не справлялась с возраставшей нагрузкой, не хватало врачей, медсестер, больничных коек. Причем часть медработников перешла работать к нефтяникам. С большим трудом удалось приспособить под ее нужды недавно построенные общежития [17, с. 37-38].

Относительно небольшое сокращение продолжительности жизни было обусловлено и переменами в социально-классовой структуре. Судя по данным Всесоюзных переписей, в Тюменской области выросло количество служащих с заниженными показателями смертности. Можно предположить, что за межпереписной период удалось поправить положение со смертностью именно в северных районах. К сожалению, у нас нет данных о количестве умерших по возрасту в автономных округах. Но в 1979 г. органы статистики всех областей

представили подобные сведения по крупнейшим городам с населением более 100,0 тыс. чел. Сохранились такие материалы и в государственном архиве Тюменской области.

Так как у нас есть данные по возрастному составу Нижневартовска, Сургута и Тюмени за 1979 г., то появилась возможность рассчитать среднюю продолжительность жизни по трем указанным городам. Необходимо отметить, что отсутствие сведений текущего учета за 1978 г. снижает корректность полученных результатов. Итак, если брать за основу только 1979 г., то продолжительность жизни во всех городских поселениях области составит не 65,74, а 64,79 лет, то есть почти на целый год меньше. В Тюмени она была равна 66,20 годам, в Сургуте — 66,65, а в Нижневартовске — 64,13. Разница между Сургутом и Нижневартовском возникла, видимо, из-за того, что в социальном плане последний был хуже обустроен [24, с. 142]. Особенно высокой в городе была мужская смертность, средняя продолжительность жизни у мужчин составила всего 55,97 лет, тогда как в Сургуте — 59,25, Тюмени — 60,14 лет (Подсчитано по: [7]). В городах с меньшей численностью населения, особенно возникших недавно, положение, скорее всего, складывалось еще хуже.

Статистические сведения о структуре смертности по ее причинам за 1980 г. косвенно подтверждают наши выводы, хотя относительные данные, рассчитанные на 100,0 тыс. чел. обладают теми же недостатками, что и общий коэффициент, так как сильно зависят от возрастного состава населения. При сравнении с Западной Сибирью в городских поселениях Тюменской области в силу высокой доли молодежи была намного ниже смертность от болезней системы кровообращения и новообразований, которые в основном развиваются в старших возрастах (296,9 и 93,1 против 451,0 и 148,6 в Западной Сибири). Спустя десятилетие, как и в 1970 г., регион выделялся по количеству умерших от несчастных случаев, отравлений и травм — 243,4 и 188,0. Ниже была смертность от заболеваний органов дыхания, инфекционных и паразитарных болезней (59,0 и 18,4 против 76,5 и 25,9). Почти не отличалась смертность от заболеваний органов пищеварения — 26,6 и 25,7 [32, с. 136]. Последний показатель говорит скорее о наличии достаточно серьезных проблем.

Набор факторов, который обусловил высокую смертность в области, остался тем же, что и десятилетием ранее: интенсивное хозяйственное освоение и развитие отраслей экономики с высоким уровнем травматизма (строительство, добывающая промышленность), недостаточные темпы формирования социальной инфраструктуры, сравнительно высокая алкоголизация населения. Освоение газовых месторождений в ЯНАО шло с аналогичными трудностями, хотя мы полагаем, что полученный ранее опыт социального обустройства городов ХМАО все же был частично учтен [9, 10]. Регион являлся лидером по показателям среднедушевого потребления алкогольной продукции в Западной Сибири. Согласно официальным данным в городских поселениях Тюменской области за 1970-1975 гг. количество смертей от алкогольных отравлений увеличилось с 214 до 263 [23, с. 10]. Исследования медиков и результаты антиалкогольной кампании ясно продемонстриро-

вали, что потребление спиртных напитков оказывало серьезное негативное влияние на все, кроме новообразований, причины смертности населения.

В коллективной монографии «От Березова до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности в Западной Сибири» (Тюмень, 2011) представлены сюжеты, дающие некоторое представление о специфике потребления спиртных напитков. Они относятся к более раннему периоду, но и в рассматриваемом десятилетии в этом отношении, видимо, мало что изменилось. Приведем один из них. «Три товарища выпивают не закусывая. Когда хозяйка стола спрашивает, почему они не пробуют рыбный пирог, гости отвечают, что закусят, когда кончится водка. Иначе не опьянеть, а за добавкой бежать некуда, так как водка с «большой земли». Иначе говоря: закусывать — только водку зря переводить». Авторы подчеркивают, что речь здесь шла не об алкоголиках, а о нормальных работягах [24, с. 154].

Заключение

Исходя из изложенного, выявлено, что демографические тенденции в городах Тюменской области, в общем, соответствовали процессам, происходивших в Западной Сибири. Тем не менее, характер социально-экономического развития в 1970-е гг. оказал определенное влияние на воспроизводство городского населения. Рост капиталовложений в жилищное строительство, развитие коммунального хозяйства, социально-бытовой инфраструктуры способствовали тому, что ожидаемая продолжительность жизни снизилась незначительно. Причем ситуация со смертностью в наибольшей степени улучшилась именно в северных районах. Благодаря распространению урбанистической культуры, изменениям в социально-образовательной структуре общества, в миграционных потоках и в городском расселении рождаемость сократилась. В этой связи характер воспроизводства городского населения в 1970-е гг. стал ближе к средним западно-сибирским показателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя) / В. В. Алексеев, Е. В. Логунов, П. П. Шабанов. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 174 с.
2. Атаманенко А. Л. Сургутские были / А. Л. Атаманенко. Сургут: Сургутская типография, 2004. 352 с.
3. Бабушкина С. Л. Нефтегазовый комплекс Тюменской области: 1960-1985 гг. Проблема кадрового обеспечения / С. Л. Бабушкина. Омск: Издательство Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, 2008. 204 с.
4. Борисов В. А. Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. Москва: Статистика, 1976. 248 с.
5. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва: Госкомстат РСФСР, 1990. 373 с.

6. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2002. 283 с.
7. Государственный архив Российской Федерации. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Тюменской области. Ф. А-374, Оп. 39, Д. 6019, Л. 39-41; Государственный архив Тюменской области. Сводные годовые итоги естественного движения населения, регистрации актов гражданского состояния по округам и области за 1979 г. Ф. 1112, Оп. 11, Д. 142, Л. 1-11; Оп. 1, Д. 8944, Л. 59-61об.
8. Государственный архив Тюменской области. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения населения области. Ф. 1112, Оп. 1, Д. 4592, Л. 138-139об; Оп. 4, Д. 63, Л. 118-119об; Д. 80, Л. 103-104об; Д. 98, Л. 127-128об; Д. 117, Л. 126-127об.; Д. 143, Л. 148-149об; Оп. 1, Д. 5663, Л. 126-127об; Д. 6394, Л. 1-2об; Д. 6980, Л. 150-151об; Д. 7495, Л. 2-3об; Д. 7975, Л. 4-5об.
9. Гольд А. Г. Медвежье: имена и судьбы / А. Г. Гольд. Екатеринбург, 1996. 278 с.
10. Гольд А. Г. Надым / А. Г. Гольд. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. 208 с.
11. Дашинамжилов О. Б. Городское население Западной Сибири в 1960-1980-е годы: Историко-демографическое исследование / О. Б. Дашинамжилов. Новосибирск: СО РАН, 2018.
12. Демографическая модернизация России, 1900-2000. Москва: Новое издательство, 2006. 608 с.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам. Статистический сборник. Москва: Госкомстат СССР, 1990. 344 с.
14. Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.) / В. П. Карпов. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2005. 315 с.
15. Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2011. 392 с.
16. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.) / Г. Ю. Колева. Тюмень: Издательство Вектор Бук, 2010. 258 с.
17. Майорова О. А. Город Нижневартовск основали мы / О. А. Майорова. Нижневартовск: НПИ, 1997. 80 с.
18. Мисевич К. Н. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири / К. Н. Мисевич, В. И. Чуднова. Новосибирск: Наука, 1973. 209 с.
19. Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. Статистический ежегодник. Москва: Госкомстат РСФСР, 1989. 688 с.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1989 году. Статистический ежегодник. Москва: Госкомстат РСФСР, 1990. 692 с.
21. Немцов А. В. Алкогольная история России: Новейший период / А. В. Немцов. Москва: Либроком, 2009. 320 с.

22. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения / А. Омран // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. Сборник переводных статей. Москва: Прогресс, 1977. С. 57-91.
23. Основные показатели естественного и механического движения населения Тюменской области за девятую пятилетку (1970-1975 гг.). Статистический сборник. Тюмень: Статуправление Тюменской области, 1976.
24. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2011. 180 с.
25. Рафикова С. А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е гг. / С. А. Рафикова // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX — начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2007. 184 с. С. 115-142.
26. Российский статистический ежегодник. 1994. Статистический сборник. Москва: Госкомстат России, 1994. 799 с.
27. Савицкий И. М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е — первая половина 90-х годов) / И. М. Савицкий // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95-100.
28. Салмин В. Д. Город на заре: О тех, кто создавал Нижневартовск и прославил его / В. Д. Салмин. Тюмень: Мандрики, 2000. 216 с.
29. Сибирь и Дальний Восток: Социальное развитие. Статистический сборник. Москва: Госкомстат РСФСР, 1988. 163 с. (ДСП)
30. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р. И. Сифман. Москва: Статистика, 1974. 183 с.
31. Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.) / И. Н. Стась. Курган: Курганский Дом печати, 2018. 168 с.
32. Численность, состав и движение населения в РСФСР. Москва: ЦСУ РСФСР, 1986. 247 с. (ДСП).

Odon B. DASHINAMZHILOV¹

UDC 93/94

CITIES OF THE TYUMEN REGION IN THE 1970S: COMPARATIVE ANALYSIS OF TRENDS IN FERTILITY AND MORTALITY

¹ Cand. Sci. (Hist.), Researcher in the Sector of Agrarian and Demographic History, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk) odon@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0938-2290

Abstract

In the post-war period, industrial development in the east of the country was often carried out through the formation of territorial production complexes. They were distinguished by the size of capital investments, the pace of industrial growth, and the number of settlements being created. In this regard, it is of great interest how such economic development influenced the nature of demographic processes. The formation of the population of the Tyumen region during the formation of the West Siberian oil and gas complex has already been well studied, many works have been published in which the personnel problems of enterprises and the growth rates of its cities were studied. However, the reproduction of the population has not been studied enough, it is not entirely clear how much the birth rate and mortality changed at different stages of industrial growth. This work is a logical continuation of the article published earlier and devoted to the analysis of demographic trends in the previous inter-census period (1959-1970). The main purpose of the article is to study the total fertility rate and life expectancy, taking into account the changes that have occurred in the social, economic, cultural and everyday life of the population. To solve it, the methods of conditional generation, index, historical-genetic and historical-comparative methods were used in a complex.

The article reveals for the first time that demographic trends in the cities of the Tyumen region, in general, corresponded to the processes taking place in Western Siberia. Nevertheless, the nature of socio-economic development in the period under review had a certain impact on the reproduction of the urban population. The growth of investments in housing construction,

Citation: Dashinamzhilov O. B. 2022. "Cities of the Tyumen region in the 1970s: comparative analysis of trends in fertility and mortality". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 253-270.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-253-270

the development of public utilities, social and household infrastructure contributed to the fact that life expectancy decreased slightly. Moreover, the situation with mortality has improved to the greatest extent in the northern regions. Due to the spread of urban culture, changes in the socio-educational structure of society, migration flows and urban settlement, the birth rate has decreased. In this regard, the nature of reproduction of the urban population in the 1970s became closer to the average Western Siberian indicators.

Keywords

Historical demography, reproduction of urban population, birth rate, mortality, West Siberian oil and gas complex, Tyumen region.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-253-270

REFERENCES

1. Alekseev V. V., Logunov E. V., Shabanov P. P. 1987. Experience in Solving Personnel Problems in the Oil and Gas Construction of Siberia (Based on the Materials of Glavsibtruboprovodstroy). Sverdlovsk: Ural University Press. 174 p. [In Russian]
2. Atamanenko A. L. 2004. Surgut True Stories. Surgut: Surgut Printing House. 352 p. [In Russian]
3. Babushkina S. L. 2008. Oil and Gas Complex of the Tyumen Region: 1960-1985. The Problem of Staffing. Omsk: Omsk State agricultural university named after P. A. Stolypin Publishing House. 204 p. [In Russian]
4. Borisov V. A. 1976. Fertility Prospects. Moscow: Statistics. 248 p. [In Russian]
5. Goskomstat RSFSR. 1990. The Age Composition of the Population of the RSFSR According to the All-Union Population Census of 1989. (Data Book). Moscow: State Statistics Committee of the RSFSR. 373 p. [In Russian]
6. Gavrilova N. Yu. 2002. Social Development of Oil and Gas Producing Regions of Western Siberia. Tyumen: Tyumen Industrial University. 283 p. [In Russian]
7. Distribution of the Population by Gender, Age, Nationality, Language, Education, Marital Status and Source of Livelihood. According to the All-Union Population Census of 1979 in the Tyumen Region. State Archive of the Russian Federation. F. A.-374, Op. 39, D. 6019; Summary Annual Results of the Natural Movement of the Population, Registration of Acts of Civil Status by Districts and Region for 1979. The State Archive of the Tyumen Region. F. 1112, Op. 11, D. 142; Op. 1, D. 8944. [In Russian]
8. Annual Reports on the Results of Natural and Mechanical Movement of the Population of the Region. The State Archive of the Tyumen Region. F. 1112, Op. 1, D. 4592, L. 138-139ob; Op. 4, D. 63, L. 118-119ob; D. 80, L. 103-104ob; D. 98, L. 127-128ob; D. 117, L. 126-127ob; D. 143, L. 148-149ob; Op. 1, D. 5663, L. 126-127ob; D. 6394, L. 1-2ob; D. 6980, L. 150-151ob; D. 7495, L. 2-3ob; D. 7975, L. 4-5ob. [In Russian]
9. Gold A. G. 1996. Medvezhye: Names and Destinies. Ekaterinburg. 278 p. [In Russian]
10. Gold A. G. 1982. Nadym. Sverdlovsk: Middle Ural book Publishing House. 208 p. [In Russian]

11. Dashinamzhilov O. B. 2018. The Urban Population of Western Siberia in the 1960s-1980s: A Historical and Demographic Study. Novosibirsk: Nauka, SB RAS. [In Russian]
12. Demographic Modernization of Russia, 1900-2000. Moscow: New Publishing House. 608 p. [In Russian]
13. Results of the All-Union Population Census of 1979. Volume 7. Distribution of the Population of the USSR, Union and Autonomous Republics, Territories and Regions by Social Groups (Data Book). Moscow: Goskomstat of the USSR. 344 p. [In Russian]
14. Karpov V. P. 2005. The History of the Creation and Development of the West Siberian Oil and Gas Complex (1948-1990). Tyumen: Tyumen Industrial University. 315 p. [In Russian]
15. Karpov V. P., Koleva G. Yu., Gavrilova N. Yu., Komgort M. V. 2011. The West Siberian Oil and Gas Project: From Conception to Implementation. Tyumen: Tyumen Industrial University. 392 p. [In Russian]
16. Koleva G. Yu. 2010. West Siberian Oil and Gas Producing Region: Economic and Social Development (1960-2000s). Tyumen: Vector Book. 258 p. [In Russian]
17. Mayorova O. A. 1997. The City of Nizhnevartovsk was Founded by Us. Nizhnevartovsk: NPI. 80 p. [In Russian]
18. Misevich K. N., Chudnova V. I. 1973. The Population of the Areas of Modern Industrial Development of the North of Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 209 p. [In Russian]
19. The National Economy of the RSFSR in 1988 (Data Book). Moscow: State Statistics Committee of the RSFSR, 1989. 688 p. [In Russian]
20. The National Economy of the RSFSR in 1989 (Data Book). Moscow: State Statistics Committee of the RSFSR, 1990. 692 p. [In Russian]
21. Nemtsov A. V. 2009. Alcoholic History of Russia: The Newest Period. Moscow: Librocom. 320 p. [In Russian]
22. Omran A. 1977. "Epidemiological aspect of the theory of natural population movement". About Demographic Problems of Western Countries. Collection of Translated Articles. Moscow: Progress. Pp. 57-91. [In Russian]
23. The Main Indicators of the Natural and Mechanical Movement of the Population of the Tyumen Region for the Ninth Five-Year Plan (1970-1975) (Data Book). Tyumen: SOTR, 1976. [In Russian]
24. From Berezhovo to Yamburg: 45 Years of the Gas Industry in Western Siberia. Tyumen: Tyumen Industrial University, 2011. 180 p. [In Russian]
25. Rafikova S. A. 2007. "Everyday cultural life of a working family in Western Siberia in the 1960s". Social Sphere and Everyday Life of the Siberian City (20th — early 21st Centuries). Novosibirsk: Parallel. Pp. 115-142. [In Russian]
26. Russian Statistical Yearbook. 1994 (Data Book). Moscow: Goskomstat of Russia, 1994. 799 p. [In Russian]
27. Savitskiy I. M. 1999. "Environmental consequences of nuclear weapons and missile technology tests in Western Siberia (1950s — first half of the 90s). Humanities in Siberia, no. 2, pp. 95-100. [In Russian]
28. Salmin V. D. 2000. The City at Dawn: About Those Who Created Nizhnevartovsk and Glorified It. Tyumen: Mandriki. 216 p. [In Russian]

29. Siberia and the Far East: Social Development. Moscow: State Statistics Committee of the RSFSR, 1988. 163 p. [In Russian]
30. Sifman R. I. 1974. The Dynamics of the Birth Rate in the USSR (Based on the Materials of Sample Surveys). Moscow: Statistics. 183 p. [In Russian]
31. Stas I. N. 2018. Becoming a Citizen: Urbanization and Population in the Oil Region (1960s — Early 1990s). Kurgan: Kurgan Printing House. 168 p. [In Russian]
32. The Number, Composition and Movement of the Population in the RSFSR. Moscow: CSU of the RSFSR, 1986. 247 p. [In Russian]

РЕЦЕНЗИИ

Сергей Сергеевич МАНЬШЕВ¹

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ

¹ преподаватель русской литературы,
аспирант, поэт, переводчик французской поэзии,
исследователь лирики и переводов И. Эренбурга,
Московский городской педагогический университет
manyshevss@mgpu.ru

Рецензия на книгу

Антология русской поэзии начала XXI века. Двухязычное издание / Под ред. Т. Викторовой; предисл. Т. Викторовой и М. Саббатини; послесл. М. Финк; научный ред. и автор примеч. А. Медведев. Париж: Ymca-Press, 2020. 333 с.

Эта книга замечательна, прежде всего, тем, что она стала первой двухязычной Антологией современной русской поэзии начала XXI века, переведенной на французский язык. При этом, она продолжает традицию переводных антологий Никиты Струве — «Антология русской поэзии XIX века» (Anthologie de la Poésie Russe. XIXe siècle, Paris: Ymca-Press, 1994) и «Антология русской поэзии. Возрождение XX века» (Anthologie de la poésie russe, la renaissance du XXe siècle, Paris: Aubier-Flammariion, 1970), которые неоднократно переиздавались ИМКА-Пресс и были снова переизданы в 2020 году, образуя таким образом с новой Антологией трехтомник¹.

Конечно же, Антология адресована, прежде всего, франкоязычному читателю, а потом уже русскому, который, впрочем, найдёт в ней наверняка новое, отличное от французского, восприятие русской поэзии новейшего времени.

Нужно отдать должное коллективу составителей и переводчиков, которые открывают французскому читателю обширный пласт русскоязычной поэзии, созданной за последние два десятилетия, которая и в России сегодня, сказать по правде, не слишком исследована, о чем можно только сожалеть.

¹ Anthologie de la Poésie Russe, 2 volumes [Антология русской поэзии, 2 тома] // Alexandre de Russie. 2020. 17 ноября, <https://alexandrederussie.com/avant-depart/livre/anthologie-poesie-russe/>

Для любителя отечественной поэзии, даже не владеющего в какой-либо мере французским языком, антология интересна попыткой создания целостной картины современного поэтического процесса в России, следуя европейскому взгляду на этот феномен. И пусть выбор поэтов и произведений составителями книги может показаться несколько субъективным, но развернутое предисловие Татьяны Викторовой и Марко Саббатини (русский вариант которого можно прочесть на сайте «Русская культура»¹) дает четкое объяснение тому, по каким критериям были отобраны авторы. Лейтмотивами в антологии звучат темы преодоления силой стиха сознания эпохи тоталитаризма и благодарного наследования поэтических богатств Серебряного века. В предисловии эта интенция выражена цитатой из стихотворения московской поэтессы Ларисы Миллер: «А я, живя в неласковой стране, / стремлюсь играть на ласковой струне». Вместе с тем, несмотря на обилие аллюзий и прямых цитат из поэзии начала прошлого века, в подборке звучит не только и не столько гражданская лирика. Значительное место в книге отведено поэзии философской, рефлексивной.

Как устроена антология

Композиционно антология состоит из трех частей. В первой части представлены поэты, начавшие писать и публиковаться еще до 1989 года. Во второй части собраны поэты постперестроечной эпохи. И, наконец, третья часть посвящена русской современной поэзии, существующей за пределами России. Всего 46 имен самых разных поэтов: от тех, что постоянно на слуху, до, практически, мало известных широкой публике.

Особое внимание уделено поэтам — деятелям литературного андеграунда, политическим эмигрантам, чья внутренняя свобода не подразумевала существования в рамках навязанного соцреализма.

Вполне ожидаем выбор зрелой поэзии тех, чьи привезенные из-за границы или самиздатские книги раньше распространялись «между своими». Тех, через кого к современности протянута ариаднина ниточка из Серебряного века русской литературы. Упомянем здесь несколько самых громких имен.

Это и Виктор Кривулин, едва успевший поприветствовать своим нерегулярным стихом начало наступившего тысячелетия, и бывший «отщепенец», представитель московского поэтического вольнодумства Сергей Гандлевский, чья свежая книга стихов и эссе вышла в издательстве Corpus 2019 году.

Это и литературный секретарь Ахматовой, петербуржец Анатолий Найман. Для полной гармонии мне, как читателю, не хватило в этом разделе стихов других «аввакумовцев» (как их называла Ахматова): Александра Кушнера и Евгения Рейна. Впрочем, всем нам заметно отсутствие и других замечательных авторов, создающих поэзию сегодняшнего дня, оставшихся «за скобками» антологии? Это и В. Гендельсман, и Д. Быков, и В. Павлова... Но понятно, что

¹ Викторова Т. Из русской поэзии XXI века: на новом пороге / Т. Викторова, М. Саббатини // Русская культура. Санкт-Петербург, 2020. URL: <http://russculture.ru/2020/06/21/марко-саббатини-татьяна-викторова-из/>

нельзя объять необъятное — составители Антологии имеют право на свой угол зрения и не претендуют на исчерпывающую полноту.

Интересно было проследить логику отбора стихов тех, кто попал в раздел, посвященный поэтам постсоветской России. Составители книги прекрасно понимают, что само это определение «поэт постсоветской России» — весьма условное, поскольку под него попадают и те, кто начал свою творческую деятельность и в нулевые, и в десятые годы XXI века, и в 70-80-90-е годы века прошлого, и продолжают писать сегодня. Другое дело, что сейчас изменилась сама социально-культурная ситуация, в которой русская поэзия обрела иные смыслы, иную ценность на уровне высказывания. А именно в поисках ответов на вечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» поэты-современники либо почти не принимают участия, либо обращают свой взгляд не вовне, а внутрь себя. Вовне все зыбко и туманно. А здесь, рядом с тобой, сохранился круг любимых людей и вещей. Мир, который необходимо во что бы то ни стало сохранить.

Важно отметить, что те же люди, чьи стихи по идеологическим причинам было сложно издать и сделать известными для широкой аудитории до 1990-х годов, сегодня могут публиковаться на просторах интернета (опять же, с оглядкой на надзорные органы) и даже регулярно выпускают стихотворные сборники на бумаге. Хотя, кажется, последнее происходит всё реже.

Все-таки в России поэзия остается областью интересов для ограниченного числа эстетов, исследователей и собратьев по перу. Отчасти, причина невозможности сделать современную русскую поэзию более привлекательной для широкого круга читателей может быть сокрыта в тех процессах, на которые указали составители антологии. Она состоит в том, что многие поэты перестроечной и постсоветской поры, попавшие в поток новых для них идей и веяний, хлынувший через открытые шлюзы межкультурных коммуникаций, ушли с головой в концептуализм и экспериментаторство с поэтическим текстом. На примере истории литературного авангарда XX века мы видим, что случаи успеха новаторских поэтических текстов у широкой публики крайне редки. Требуется некоторое время для осознания, оценки и принятия новых веяний. То же можно сказать о целом пласте современной поэзии, для понимания которого до читателя необходимо донести скрытый контекст его существования.

И в этом смысле двуязычная антология делает благое дело, обращая взгляд французского и русского читателя на взаимопроникновение поэтических языков. Этот процесс подразумевает живой обмен новым в содержании поэзии и её эстетике, наличие общего культурного и исторического дискурса.

Недаром ряд представленных авторов являются также и переводчиками с различных языков (Екатерина Белавина, Валерий Кислов и другие), целое множество стихов современных русских поэтов переведены (а значит, вызывают интерес) на иностранные языки. И, поскольку франкоязычный читатель — первый, кому предназначена Антология, ее формат не предполагает перевода на русский язык (что, конечно, жаль) биографических очерков, предваряющих

стихи каждого поэта, которые, как заметили сами составители, являются сами по себе «текстом такой же ценности, как и его стихи».

Автором вдумчивого и внятного послесловия (также достойного для перевода на русский язык) является Мишель Финк — поэтесса, публицист, профессор сравнительной литературы Страсбургского университета: Не может не импонировать основная мысль, выраженная в послесловии. Это напоминание о фундаментальной цели и ценности живой, современной поэзии: менять жизнь к лучшему. Пусть даже это желанная цель кажется утопией.

Менять жизнь к лучшему! Будь то жизнь в России, или во Франции... Или в других частях света, в которых живут поэты, пишущие на русском языке, которым посвящен третий раздел антологии. А русские поэты, где бы они географически не находились, остаются русскими. Как точно сказала об этом Ольга Табачникова, живущая между Англией и Россией: «На самом деле я никуда не уехала: я продолжала жить там, где всегда жила — в русском языке».

Кто и как сегодня переводит русскую поэзию на французский язык

Для читателя, владеющего французским языком, важно сказать несколько слов о переводчиках, работавших над антологией, и особенностях сделанных ими переводов.

Переводы с русского осуществлены прекрасными французскими поэтами и переводчиками. Это и Жан-Луи Бакес (Jean-Louis Backès), ранее осуществивший перевод пушкинского «Евгения Онегина», и Элен Анри (Hélène Henry), благодаря переводческому таланту которой сложная поэтика Бродского прозвучала во французской интерпретации.

Жан-Батист Пара (Jean-Baptiste Para) известен, прежде всего, как авторитетный французский поэт и главный редактор журнала «Европа». Благодаря именно его творческим усилиям не так давно во Франции впервые был выпущен переводной сборник стихов Бориса Рыжего.

К работе над Антологией были привлечены Кристина Зейтуниан-Белоус (Christine Zeytounian-Beloüs) (на её счету переводы более 50 книг русских и советских писателей), Элен Клепинин-Аржаковски (Hélène Klépinine-Arjakovsky) — писательница и исследователь в области русской литературы, а также Вероника Лосская (Véronique Lossky) — переводчица, преподаватель русского языка и профессор кафедры славистики Сорбонны.

Несколько стихотворных переводов сделал Поль Лекен (Paul Lequesne), который ранее занимался переводами русской прозы — произведений Александра Грина и Алексея Толстого. Ряд стихов переведены Даниилом Струве (Daniel Struve), сыном Н. А. Струве, более 40 лет возглавлявшего «УМСА-Press».

Огромный опыт переводческой и литературной работы составителей антологии сам по себе предполагает высокий уровень качества переводов, который еще предстоит прокомментировать признанным специалистами по этой теме. Сам же подход к переводу может послужить темой для более пристального и занимательного литературоведческого анализа.

СОДЕРЖАНИЕ ЗА 2021 ГОД

Том 7. № 1 (25)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лыкова Н. Н.

Выражение цели в старофранцузских
правовых документах.....6

Григоришин С. В.,
Новокрещенных Е. В.

Кодекс В 19^A: стадии легитимации
древнейшего экземпляра
масоретской Библии20

Дрожащих Н. В.,
Башмакова А. Ю.

Учебный мультимодальный
словарь историко-культурологического
типа в преподавании иностранного
языка..... 43

Гэвин П. И., Пономарёва О. Б.

Лингвокогнитивный аспект
экфрастических референций
в художественном тексте
(на материале произведений
Д. Рубиной и М. Этвуд).....62

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кислова Л. С., Ветошкина М. А.

Телесериал как социальный проект
в современном массовом дискурсе:
национальная специфика.....80

Маршания К. М., Ушакова О. М.

Литературная фелинофилия
и анималистические ракурсы модерна
(Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот).... 106

Белавина Е. М.

Трансформации мотивов лирики
М. Деборд-Вальмор в творчестве
Марины Цветаевой..... 128

ИСТОРИЯ

Еманов А. Г., Евстюнин В. А.

Франческо Датини в эпистолярной
рефлексии 144

Рэйди Д., Шарп Ч., Брунова Е. Г.

Дальше ни шагу: сражение за Наро-
Фоминск 20-31 октября и 1-3 декабря
1941 года. Часть вторая..... 159

Дашинамжилов О. Б.

Воспроизводство городского населения
Тюменской области в 1959-1970 гг.:
сравнительный анализ201

ПРОЩАНИЕ С УЧИТЕЛЕМ

Памяти Владимира Ильича

Загвязинского (4 января 1930 г. —
20 марта 2021 г.).....215

Том 7. № 2 (26)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Литвинчук И. Н.

Исследование концептуального
пространства «субъекты
образовательной деятельности» в ассо-
циативном эксперименте.....6

Купчик Е. В.
Метафорические модели с субъектной зоной ЧЕЛОВЕК в поэзии
А. Мариенгофа и С. Есенина.....23

Румянцева М. В.
Метафорические сравнения с эталоном цвета (на материале русского художественного дискурса).....42

Разумкова Н. В.
Заглавие как образно-символический центр поэтического сборника Бориса Пастернака «Поверх барьеров».....60

Андреева Я. Е.
Лингвистическая репрезентация категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык.....77

Кантышева Н. Г., Соловьёва И. В.
Структурно-семантическая характеристика названий и описаний блюд в немецком ресторанном дискурсе96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марийо П.
«Три вора» Льва Толстого.....120

Горбунова Н. В., Ушакова О. М.
«Трапезы» революции: индивидуальная аскеза и коллективные жертвенные пиры («Бесы» Ф. М. Достоевского, «Тайный агент» Дж. Конрада).....144

Шипов С. О., Комаров С. А.
Дискурсивные и поэтологические элементы воссоздания ценностного порядка в басенном девятикнижии И. А. Крылова.....160

ИСТОРИЯ

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.
Характерные особенности военного искусства древних тюрков в период образования Первого Тюркского каганата173

Кононенко А. А., Кононенко А. А.
Кадровая чистка в Тюмени 1937-1938 гг.182

Шумаков А. А.
От изгоя до пророка: эволюция религиозно-политической философии Малкольма Икс.....193

ОБЗОРЫ

Разговоры о Второй мировой войне: отголоски с другой стороны Атлантического океана.....210

Шильцев В. Д., Шильцева Е. В.
Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907): Периодическая таблица и не только222

ЮБИЛЕИ, НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Филологический талант и мудрый оптимизм: к 100-летию со дня рождения Валентина Ивановича Безрукова249

Том 7. № 3 (27)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Брунова Е. Г., Бидуля Ю. В., Горбунов А. А.
Аспектно-ориентированный анализ тональности политического дискурса ...6

Кушнина Л. В., Аликина Е. В.
Социокультурное кредо
современного переводчика в цифровой
коммуникативной среде.....23

Белавина Е. М.
Просодическое ударение
в теории ритма Анри Мешонника
под лупой экспериментальной
фонетики39

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Комаров С. А., Лагунова О. К.
Проблема «цивилизационный
вызов / правильный ответ»
и художественная словесность
малочисленных народов севера
Сибири: случай А. П. Неркаги57

Барькин А. В.
Феноменологическая поэтика
лирического произведения
(методологический аспект)73

ИСТОРИЯ

Пашин С. С.
Еще раз о прозвище Ивана Калиты ...87

Варенцова Л. Ю.
Царские железные заводы
в России в XVII в.....103

Куприянова А. Н.
Французы в Санкт-Петербурге
в конце XIX — начале XX в.
Историография последних лет117

Зыкин И. В.
Пространственное размещение
лесопромышленного комплекса
Советского Союза: замысел
первой пятилетки131

Том 7. № 4 (28)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Марийо П.
Элементы семиотического
анализа картины
Рут Шранц Ратинген8

Кушнина Л. В., Гейхман Л. К.
Функциональная вариативность
перевода как фактор успешного
межкультурного взаимодействия
субъектов.....26

Чепига В. П.
О языковой субъективности. Советская
пресса и русская пресса42

Купчик Е. В., Сюнь Ма
Антропоморфные метафорические
модели концептуальной сферы
«природа» в поэзии С. Есенина
и Хай Цзы60

Трофимова О. В.
Знаки препинания в региональном
деловом тексте второй половины
XVIII века: к проблеме формирования
русской пунктуационной системы.....78

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зырянов О. В.
О драматургических принципах
Д. Н. Мамина-Сибиряка:
комедия «На золотом дне»
(«Золотопромышленники»)101

Грамагчикова Н. Б.
Историко-культурный ландшафт
малого уральского города:
образы ирбитской ярмарки
в очеркистике XIX века115

Непомнящих Н. А. Образ города в прозе С. Н. Дурылина.....	136	Чеканов Д. Д. Следственные дела как источник изучения политических репрессий 1930-х гг.: дискуссии в постсоветской историографии.....	247
Подлубнова Ю. С. «Я одно время жила на севере Урала...» Уральский период творчества Е. А. Николаевой (Рановой).....	150	ОБЗОРЫ Иванова Н. А., Огнёва Е. Я. Мария Николаевна Колокольникова: неизвестные факты биографии и родословной	262
Никулина Н. А. Прошлое, настоящее и будущее в расстрельном дневнике Андрея Аржиловского: мотивный анализ темпоральной основы эго-документа.....	163		
Мартьянова С. А. Пушкинско-Достоевский миф о «бесовстве» в творчестве Т. Ю. Кибирова	180		
Першина А. И., Эртнер Е. Н. Читаем о Сибири: проза Н. А. Лухмановой в иностранной аудитории	192		
ИСТОРИЯ			
Богданова А. А. Некоторые пенитенциальные аспекты древнеирландских «Плаваний» (Immrama).....	209		
Евстюнин В. А. Документы архива Датини как источник изучения этических представлений делового человека эпохи премодекна...	219		
Кондратьев С. В. Статья 29/39 Великой хартии вольностей в публичной полемике конца XVI века	236		

CONTENTS FOR 2021

Vol. 7. No. 1 (25)

LINGUISTICS

Lykova N. N.
**Expression of Purpose in Old French
Legal Documents**6

Grigorishin S. V.,
Novokreshchennykh E. V.
**Codex B 19^A: Stages of Legitimation
of the Masoret Bible
Ancient Example**20

Drozhashchikh N. V., Bashmakova A. Yu.
**Multimodal Learner's Dictionary
with Historical and Cultural
Components in EFL Classroom**43

Gavin P. I., Ponomareva O. B.
**The Linguo-Cognitive Aspect
of Ekphrastic References
in a Literary Text (Based on the Works
by D. Rubina and M. Atwood)**62

LITERATURE STUDIES

Kislova L. S., Vetoshkina M. A.
**TV series as a social project in modern
mass discourse: national specifics**80

Marshaniya K. M., Ushakova O. M.
**Literary Felinophilia and Animalistic
Perspectives of Modernity (T. Gautier,
J. Joyce, T. S. Eliot)**106

Belavina E. M.
**Motifs Transformation
of M. Desbordes-Valmore Lyrics
in the Works of Marina Tsvetaeva**128

HISTORY

Emanov A. G., Evstiunin V. A.
**Francesco Datini in Epistolary
Reflection**144

Radey J., Sharp Ch., Brunova E. G.
**No Further — The Battle
for Naro-Fominsk,
20-31 October and 1-3 December 1941.
Part Two**159

Dashinamzhilov O. B.
**Reproduction of the Urban Population
of the Tyumen Region in 1959-1970:
A Comparative Analysis**201

FAREWELL TO THE TEACHER

**In memory
of Vladimir I. Zagvyazinsky
(4 January 1930 — 20 March 2021)**215

Vol. 7. No. 2 (26)

LINGUISTICS

Litvinchuk I. N.
**Study of the Conceptual Space
“Subjects of Educational Activity”
in an Associative Experiment**6

Kupchik E. V.
**Metaphorical Models
with the HUMAN Subjective Zone
in the Poetry of A. Mariengoff
and S. Yesenin**23

Rumyantseva M. V. Metaphorical Comparisons with the Color Standard (Based on the Material of Russian Literary Discourse)42	
Razumkova N. V. Title as a Figurative and Symbolic Center of Boris Pasternak’s Poetry Collection “Over the Barriers”60	
Andreeva Ia. E. Linguistic Representation of the Everyday Life Category in the Novel Written by G. Sh. Yakhina “Zuleikha Opens Her Eyes” and in Its Translation into Chinese77	
Kantysheva N. G., Solovyova I. V. Structural and Semantic Characteristics of the Names and Descriptions of Dishes in German Restaurant Discourse96	
LITERATURE STUDIES	
Marillaud P. <i>Three Thieves</i> by L. Tolstoy.....120	
Gorbunova N. V., Ushakova O. M. “Repasts” of the Revolution: Personal Asceticism and Collective Sacrificial Feasts (F. M. Dostoevsky’s <i>Demons</i>, J. Conrad’s <i>The Secret Agent</i>: <i>A Simple Tale</i>)144	
Shipov S. O., Komarov S. A. Discursive and Poetological Elements of Reconstructing the Value Order in the Nine Volumes of Fables by I. A. Krylov160	

HISTORY

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu. Characteristic Features of Martial Art of the Old Turkis during the Formation Period of the First Turkic Khaganate173	
Kononenko A. A., Kononenko A. A. “Purging the Elite” in Tyumen in 1937-1938182	
Shumakov A. A. From an Outcast to the Prophet: The Evolution of Malcolm X’s Religious and Political Philosophy193	
OVERVIEWS	
Conversations about World War II: Echoes from the Other Side of the Atlantic Ocean210	
Shiltsev V. D., Shiltseva E. V. Dmitrii Ivanovich Mendeleev (1834-1907): The Periodic Table and Beyond222	

**ANNIVERSARIES, SCIENTIFIC
EVENTS, REVIEWS**

Philological Talent and Wise Optimism: 100th Anniversary of Valentin Ivanovich Bezrukov249	
--	--

Vol. 7. No. 3 (27)

LINGUISTICS

Brunova E. G., Bidulya Yu. V. , Gorbunov A. A. Aspect-Based Sentiment Analysis of Political Discourse6	
---	--

Kushnina L. V., Alikina E. V.
**Sociocultural Credo
of Modern Translator in Digital
Communication Environment**23

Belavina E. M.
**Prosodic Stress in the Theory
of Rhythm by Henri Meshonnik
under the Magnifying Glass
of Experimental Phonetics**39

LITERATURE STUDIES

Komarov S. A., Lagunova O. K.
**The “Civilizational Challenge / Correct
Response” Problem And The Artistic
Literature Of The Small-Numbered
Peoples Of The Siberian North:
The Case Of A. P. Nerkagi**.....57

Barykin A. V.
**Phenomenological Poetics of a Lyric
Work: Methodological Aspect**.....73

HISTORY

Pashin S. S.
**Once Again about the Cognomen
of Ivan Kalita**.....87

Varentsova L. Yu.
**The Tsarist Iron Works
In Russia In The 17th Century**.....103

Kupriyanova A. N.
**The French in St. Petersburg
in the Late 19th — Early 20th Centuries.
Historiography of Recent Years**.....117

Zykin I. V.
**Spatial Layout of the Soviet Union
Timber Processing Complex: the Idea
behind the First Five-Year Plan**131

Vol. 7. No. 4 (28)

LINGUISTICS

Marillaud P.
**Elements of Semiotic Analysis
of Ruth Schranz Ratingen’s Painting**.....8

Kushnina L. V., Geykhman L. K.
**Functional Variation of Translation
as a Factor in Successful
Intercultural Interaction**26

Chepiga V. P.
**About Linguistic Subjectivity.
The Soviet Press
and the Russian Press**42

Kupchik E. V., Xun Ma
**Anthropomorphic Metaphorical
Models in Conceptual Field “Nature”
in the Poetry of S. Yesenin
and of Hǎi Zi**.....60

Trofimova O. V.
**Punctuation Marks in the Regional
Business Text of the Second Half
of the 18th Century: On the Problem
of the Formation of the Russian
Punctuation System**78

LITERATURE STUDIES

Zyryanov O. V.
**About Dramaturgical Principles
of D. N. Mamin-Sibiriyak: Comedy
“The Owners of Gold Mines”**101

Gramatchikova N. B.
**Historical and Cultural Landscape
of a Small Ural Town: Images
of the Irbit Fair in the Essay
on the 19th Century**.....115

Nepomnyaschikh N. A. The Image of the City in the Prose of S. N. Durylin136	Chekanov D. D. Investigative Cases as a Source for Studying Political Repression in the 1930s: Discussions in Post-Soviet Historiography247
Podlubnova Yu. S. “I Once Lived in the North of the Urals...” Ural Period of E. A. Nikolaeva’s Creativity (E. A. Ranova’s Creativity)150	OVERVIEWS
Nikulina N. A. Past, Present and Future in the Execution Diary of Andrei Arzhilovsky: A Motivational Analysis of the Temporal Basis of the Ego-Document163	Ivanova N. A., Ogniova E. Ya. Maria Nikolaevna Kolokolnikova: Unknown Facts of the Biography and the Genealogy262
Martyanova S. A. Pushkin-Dostoevsky Myth about “Devilry” in the Works of T. Yu. Kibirov180	
Pershina A. I., Ertner E. N. Reading about Siberia: N. A. Lukhmanova’s Prose in a Foreign Audience192	
HISTORY	
Bogdanova A. A. Some Penitential Aspects of the Old Irish “Voyages” (Immrama)209	
Evstiunin V. A. Datini Archive Documents as a Source for Studying the Ethical Concepts of the Premodern Business Man219	
Kondratiev S. V. Article 29/39 of the Magna Carta in the Public Controversy of the Late 16th Century236	

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2022. Том 8. № 1 (29)

Редактор	<i>М. О. Сафонова</i>
Перевод	<i>М. О. Сафонова</i>
Компьютерная верстка	<i>Н. А. Хромова</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 31.03.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
24,9 усл. печ. л., 19,9 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 148

Центр научных периодических изданий
625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а
тел./факс: +7 (3452) 59-74-32
vestnik-humanities-r@utmn.ru

Отпечатано в Издательстве ТюмГУ
625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23